

# НА ОЛЕНЯХ, СОБАКАХ И ЛЫЖАХ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ

в 1865, 1866 и 1867 годах.

**Ричарда Дж. Буша,**

УЧАСТНИКА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ

ТЕЛЕГРАФНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Нью-Йорк

Harper & Brothers

1871

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	2	ГЛАВА XVII .....	174
ГЛАВА I .....	3	ГЛАВА XVIII .....	185
ГЛАВА II .....	20	ГЛАВА XIX .....	196
ГЛАВА III .....	32	ГЛАВА XX .....	208
ГЛАВА IV .....	45	ГЛАВА XXI .....	221
ГЛАВА V .....	55	ГЛАВА XXII .....	230
ГЛАВА VI .....	66	ГЛАВА XXIII .....	241
ГЛАВА VII .....	74	ГЛАВА XXIV .....	254
ГЛАВА VIII .....	87	ГЛАВА XXV .....	268
ГЛАВА IX .....	95	ГЛАВА XXVI .....	282
ГЛАВА X .....	104	ГЛАВА XXVII .....	295
ГЛАВА XI .....	116	ГЛАВА XXVIII .....	308
ГЛАВА XII .....	126	ГЛАВА XXIX .....	319
ГЛАВА XIII .....	139	ГЛАВА XXX .....	333
ГЛАВА XIV .....	148	ГЛАВА XXXI .....	347
ГЛАВА XV .....	158	ГЛАВА XXXII .....	360
ГЛАВА XVI .....	166	ГЛАВА XXXIII .....	372

## ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента окончания экспедиции, описанной на нижеследующих страницах, прошло уже около четырёх лет, но даже по прошествии столь долгого времени автор едва отваживается представить публике этот отчёт; не то чтобы он считает, что такой отчёт вряд ли привлечёт внимание по причине неинтересного материала, но из-за неуверенности в своей способности изложить такой материал в удобочитаемой, понятной и занимательной форме. Тем не менее, в ответ на искренние просьбы многочисленных друзей, он выпускает свой опус в бурный океан современной литературы, и там ему предстоит утонуть или выплыть — это уж как распорядится судьба.

Целью этой экспедиции были в основном предварительные изыскания для предполагаемой трассы российско-американской телеграфной линии; она не была обеспечена необходимыми приборами и средствами для точного определения местоположения многочисленных пунктов, упомянутых на этих страницах, полагая определить их с меньшей погрешностью по мере необходимости; поэтому надлежит учитывать такого рода неточности.

Внимательно прочитав эту работу, читатель поймёт, что она рассказывает лишь о том, что автор сам видел, слышал и пережил за время своего почти трёхлетнего пребывания в этих холодных, пустынных и почти неизвестных краях, которые никогда прежде не посещал белый человек. Её целью не было создание сочинения, ценного с научной точки зрения; но если оно внесёт какой-либо вклад в уже накопленный объем знаний о тех местностях, которые автор посетил, или если после прочтения этого читатель посчитает, что не зря потратил на него время, то автор будет полагать, что цель эта полностью достигнута.

На точность иллюстраций можно положиться, поскольку в основном они были сделаны на месте самим автором. Все портреты представителей разных племён нарисованы с натуры.

Сан-Франциско, апрель 1871 г.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Все даты автор приводит по Григорианскому календарю, принятому на его родине, т.е. по новому стилю. — прим. перев.

## ГЛАВА I

Неопределённость маячила перед нами, такая же непроницаемая, как туман, окутавший наш маленький бриг на второй день после выхода из пролива Золотые Ворота. Всё, что мы знали, это то, что нашим первым пунктом назначения был Петропавловский Порт<sup>1</sup>, небольшое русское поселение недалеко от южной оконечности полуострова Камчатка. Майор Абаза<sup>2</sup>, наш начальник, предполагал основывать планы наших будущих операций на той информации, которую он рассчитывал получить в этом городе и на окружающей его территории полуострова. Вне этого всё было окутано пеленой неопределённости, сквозь которую мы видели — или воображали, что видим — призраки холода, голода и всех прочих опасностей, которые обычно таятся на незнакомой арктической территории. Опыт Франклина<sup>3</sup>, Холла<sup>4</sup>, Кейна<sup>5</sup> и многих других в аналогичных условиях дал нам представление о том, чего мы можем ожидать. Мы думали, что если один человек сумел пережить что-то, то другой может пережить это ещё раз; и поскольку все мы были молоды, крепки, здоровы, честолюбивы и участвовали в предприятии, которое мы считали достойным того, чтобы рискнуть для него своей жизнью, то мы решили не пугаться воображаемых несчастий, а двигаться вперёд, испытывая свои силы в реальных условиях Арктики и принять всё, что уготовано нам судьбой — и победить! А если придётся отступить, то сделать это со всей возможной пристойностью. Таковы были мотивы, двигавшие большинством из нас, и таковы были чувства, с которыми мы приступили к этому предприятию.

---

<sup>1</sup> Такое название носил с 1849 до 1924 год Петропавловск-Камчатский. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Сергей Савич Абаза (род. 2.02.1833 г.) — титулярный советник, Секретарь двора Е.И.Выс. Вел.Кн. Елены Павловны. — *прим. перев.*

<sup>3</sup> Джон Франклин (1786-1847) — английский мореплаватель, исследователь Арктики, контр-адмирал. Его последняя экспедиция 1845 года по поиску Северо-Западного прохода пропала без вести и ко времени описываемых событий ещё не была найдена. Было предпринято несколько десятков поисковых кампаний, нашедших захоронения и останки членов экспедиции, но остатки обоих судов были найдены только в 2014 и 2016 годах. — *прим. перев.*

<sup>4</sup> Чарльз Френсис Холл (1821-1871) — исследователь Арктики, руководитель двух экспедиций по поиску пропавшей экспедиции Джона Франклина и первой американской экспедиции к Северному полюсу (1871-1873), этнограф, писатель. — *прим. перев.*

<sup>5</sup> Илайша Кент Кейн (1820-1857) — американский полярный исследователь, врач. Участник двух морских экспедиций по поиску Джона Франклина. — *прим. перев.*

«Но о каком предприятии идёт речь?» — спросит читатель. Если кратко, то мы собирались исследовать маршрут, которым пройдёт телеграфная линия между Старым и Новым Светом — и соединит Нью-Вестминстер<sup>1</sup> в устье реки Фрейзер в Британской Колумбии в Канаде через Берингов пролив с российским городом Николаевском в устье реки Амур. Чтобы проверить осуществимость этого проекта, необходимо было исследовать несколько тысяч миль неизведанной территории по обе стороны Берингова моря с их экстремальными температурами и дикими племенами. Для достижения этих целей наш отряд был одним из первых, кто приступил к работе.

Благодаря неутомимой настойчивости мистера П. Макд. Коллинза, бывшего коммерческого агента Соединённых Штатов на Амуре, были получены необходимые разрешения как от российского, так и от английского правительств, разрешающие прохождение линии по их территории. Наше правительство также многое сделало для продвижения этого предприятия. Впоследствии мистер Коллинз передал свои права телеграфной компании Western Union в Соединённых Штатах, и она немедленно приступила к осуществлению проекта.

Полковник Чарльз С. Балкли, хорошо известный и энергичный инженер, был назначен руководителем экспедиции. Он прибыл в Сан-Франциско зимой 1864-65 года для организации работ. Были куплены суда и всё необходимое снаряжение.

Сотни мужчин просились принять их в экспедиции, из них полковник отобрал необходимое число, отдавая предпочтение молодым людям; «ибо, — говорил он, — они выносливее, обладают большей настойчивостью, и, кроме того, я хочу, чтобы молодые люди моей страны получили все почести и выгоды от этого проекта».

Майор Роберт Кенникот, директор Чикагской академии естественных наук, благодаря своему опыту путешествий по Северо-Западной Америке был назначен начальником экспедиции, которая должна была высадиться на американском побережье Берингова моря, пройти через Русскую Америку на восток и соединиться с другой партией под командованием майора Фрэнка Поупа, который должен был высадиться на реке Фрейзер, чтобы оттуда проследовать на север через Британскую Колумбию.

---

<sup>1</sup> У автора ошибочно указан город Виктория, который на самом деле находится на о. Ванкувер весьма далеко от устья Фрейзера. — прим. перев.



Лейтенанта К.Л. Макрея с небольшим отрядом предполагалось оставить в устье реки Анадырь, на сибирской стороне Берингова моря. Ему следовало подняться по этой реке до места, где когда-то был небольшой русский аванпост под названием Анадырск, а затем, если возможно, проложить себе путь на юг, к туземному поселению Каменное, расположенное на северо-восточной оконечности Охотского моря. Ожидалось, что здесь с ним встретится кто-нибудь из нашего отряда.

Оставшаяся часть изысканий, протяжённостью более двух тысяч миль, была доверена отряду майора Абазы, состоявшему из самого майора — русского джентльмена высокого служебного положения и большого ума, которому было поручено руководство всеми азиатскими отрядами экспедиции, капитанов Дж.А. Махуда, Джорджа Кеннана и меня — четыре человека.

После неоднократных задержек 3 июля 1865 года бриг «Ольга», зафрахтованный для перевозки нашей партии на Камчатку, поднял якорь, и, взятые на буксир пароходом компании «Джордж С. Райт», мы быстро заскользили по заливу, глядя, возможно, в последний раз, на холмы и шпили Сан-Франциско.

Многочисленные друзья сопровождали нас до выхода из залива, где ещё раз прозвучали прощальные «до свидания!», буксир был отцеплен, флаг поднят, и «Райт», развернувшись, вскоре исчез в голубой дымке пролива; оставшись одни, мы продолжили свой путь по просторам океана.

Ещё ни одна экспедиция не отправлялась в путь лучше экипированной или в более комфортабельных каютах, чем мы. «Ольга», хотя и была небольшим судном, оказалась весьма добротно построенной и хорошо приспособленной для пассажиров; в кормовой части была устроена небольшая удобная каюта, по стенам которой располагались восемь спальных мест. Нас было всего четверо, так что места было достаточно не только для нас самих, но и для нашего багажа и дополнительных припасов; последних у нас было в избытке, чем мы отчасти были обязаны нашим доброжелательным друзьям, которые прекрасно понимали ценность всяких необязательных, но удобных вещей, помогающих сократить скуку долгого морского путешествия. Надо ли говорить, что при всех этих удобствах, помимо книг и различных игр, время проходило приятно и незаметно.

Я не буду вдаваться в подробности нашего долгого путешествия, предоставив это воображению читателя; достаточно сказать, что в течение долгих сорока семи дней мы двигались курсом на запад, то в шторм под зарифленными парусами, то едва покачиваясь в штиль; то мчались с лёгким попутным бризом, то едва пробивались вперёд против встречных ветров. Дожди, туманы и случайный, хотя и редкий, погожий день разнообразили нашу жизнь на судне. Но за всё это время мы не увидели на горизонте ни полосы суши, ни единого паруса.

Выйдя на палубу утром 19 августа, мы оказались в густом тумане, настолько плотном, что вахтенного рулевого было едва видно с юта. Свежий бриз гнал наше медленное судёнышко вперёд с небывалой для него скоростью в семь узлов, и всё говорило о скорейшем приближении к вожделенному берегу. В течение последних нескольких дней солнца не было видно, и мы не могли узнать наше точное местонахождение, но, мы рассчитывали, что находимся приблизительно в восьмидесяти милях от Петропавловского Порта.

Если бы это было так, то мы вполне надеялись ещё до захода солнца увидеть твёрдую землю. Это ожидание вызвало необычайный ажиотаж у всей компании, и едва мы раскурили трубки после завтрака, как вся команда собралась на палубе, с нетерпением ожидая, когда поднимется занавес тумана и откроется первая сцена новой драмы, в которой нам предстояло принять столь активное участие.

Прошло несколько часов, но никаких признаков, что туман рассеивается, не было. Мы уже несколько примирились с разочарованием и собирались вернуться к нашим обычным ежедневным развлечениям, как долгожданный крик «Земля!», раздавшийся с носа корабля, заставил всех вскочить на ноги. Впереди, как всегда, ничего нельзя было различить, и, как мы ни напрягали зрение, не могли обнаружить причину переполоха, пока, наконец, случайно не взглянули выше горизонта, где мы ожидали увидеть сушу; там мы увидели несколько длинных светлых полос, исходящих из одной точки и конусом расходящихся к горизонту — очертания какой-то горной вершины, покрытой вечными снегами. Вскоре ещё одна вершина появилась дальше к северу и, по-видимому, ещё выше первой. Нам едва хватило времени, чтобы сориентироваться по этим двум, как они снова скрылись из виду; но этого было достаточно чтобы зафиксировать наше местоположение. Их взаимное распо-

ложение, если сравнить с картой, показало, что первой была гора Вилучинская высотой, согласно нашим путеводителям, более 7000 футов, а другой — гора Авача высотой 11 554 фута.



Вулканы Корякский, Авача и Козельский

Это послужило сигналом к началу приготовлений к высадке на берег. Сундуки были перерыты, чтобы найти чистое белое белье взамен ковбоек, которые мы носили во время путешествия, и чистка ботинок — самая отвратительная из повседневных обязанностей — была выполнена с величайшим рвением.

Даже матросы, которые не отличались чрезмерным трудолюбием, заразились нашим энтузиазмом и принялись за чистку своих одежд с удивительной энергией. Их рвение не оставило равнодушным даже свиней, чей отвратительный визг, доносившийся до нашей каюты, заставил нас подняться на палубу, чтобы выяснить причину переполоха. Это вскоре выяснилось: мужчины посадили пару поросят в большую ванну с водой и безжалостно поливали их и тёрли, хотя в другое время готовы были подвергнуться любому наказанию, чем дать в обиду своих любимцев. «Ах ты каналья, прекрати визжать, а то джентльмены подумают, что тебя тут убивают!.. Всё нормально!.. Будешь в порядке, я тебе говорю! Тебе же лучше будет!..» Эти вопли, наряду с другими характерными выражениями, раздававшиеся во время процесса, делали сцену

купания ещё более смешной, хотя для нашего слуха было большим облегчением, когда операция, наконец, завершилась.

Во второй половине дня горизонт на несколько минут прояснился, и мне удалось разглядеть очертания возвышенностей побережья на протяжении примерно шестидесяти миль; но с приближением темноты снова опустился туман, и мы были вынуждены направиться в сторону моря и дрейфовать там в течение ночи. На следующее утро в 5 часов, ещё в темноте, мы повернули к берегу в надежде на то, что с наступлением дня погода прояснится. В этом, однако, нам пришлось разочароваться, ибо чем дальше мы продвигались, тем плотнее и темнее становился туман; но около 11 часов мы заметили, что этот эффект был вызван приближением самого берега, и вскоре после этого примерно в двух милях сквозь туман показался чёрная поверхность берегового утёса. За этим последовали ещё один и ещё, являя собой выступы неровной береговой линии, между которыми удаляющийся берег терялся в тумане.

На высоте туман был более густым, чем у самой воды, и скрывал все заметные ориентиры, по которым можно было судить о нашем местоположении. Но вскоре показался небольшой низкий остров, который мы, сверившись с картой, определили, как «Остров старичков». Мы были не более чем в четырёх милях южнее входа в бухту Авача. На северном берегу этой бухты находится Петропавловский Порт. До этого времени внешний вид побережья оправдывал наши ожидания по отношению к Камчатке, как мрачной и пустынной; но даже эти бесплодные скалы радовали глаз, и нам страстно хотелось ступить на берег. Представьте себе наше удивление и восторг впоследствии, когда внезапно туман рассеялся и открылся вид величественной дикой и необыкновенно красивой природы. Длинный ряд нависающих над берегом утёсов, освещённый потоком ярчайшего солнечного света, резко контрастировал с неровными жёлтыми и серыми выступами и ещё более тёмными затенёнными участками. Утёсы эти высотой от ста до четырёхсот футов и увенчаны красивыми зелёными склонами, среди деревьев которых к краю пропасти стекают ручьи; затем они срываются вниз серебряными нитями и разбиваются в мельчайшие брызги задолго до того, как достигнут пенящегося внизу прибоя.

Волны проделали в нижней части скал глубокие впадины, в результате чего массивные каменные глыбы нависают над головой, готовые обрушиться в море в любой момент, в то время как другие поддерживаются массивными арками или хрупкими колоннами, на толщину которых постепенно, но верно покушаются набегающие волны. Многие из

этих скал уже упали, их причудливые, фантастические очертания всевозможных форм, выступающие из воды, придают побережью очень живописный вид. Некоторые напоминают замки с массивными флигелями, бастионами и башнями, возвышающимися над водой, в то время как другие настолько высоки, изящны и хрупки на вид, что вызывает удивление, как их давным-давно не уронило порывом ветра. Один из них имел настолько идеальную форму, что на несколько мгновений все на борту были обмануты, думая, что это корабль под всеми парусами приближается к заливу.

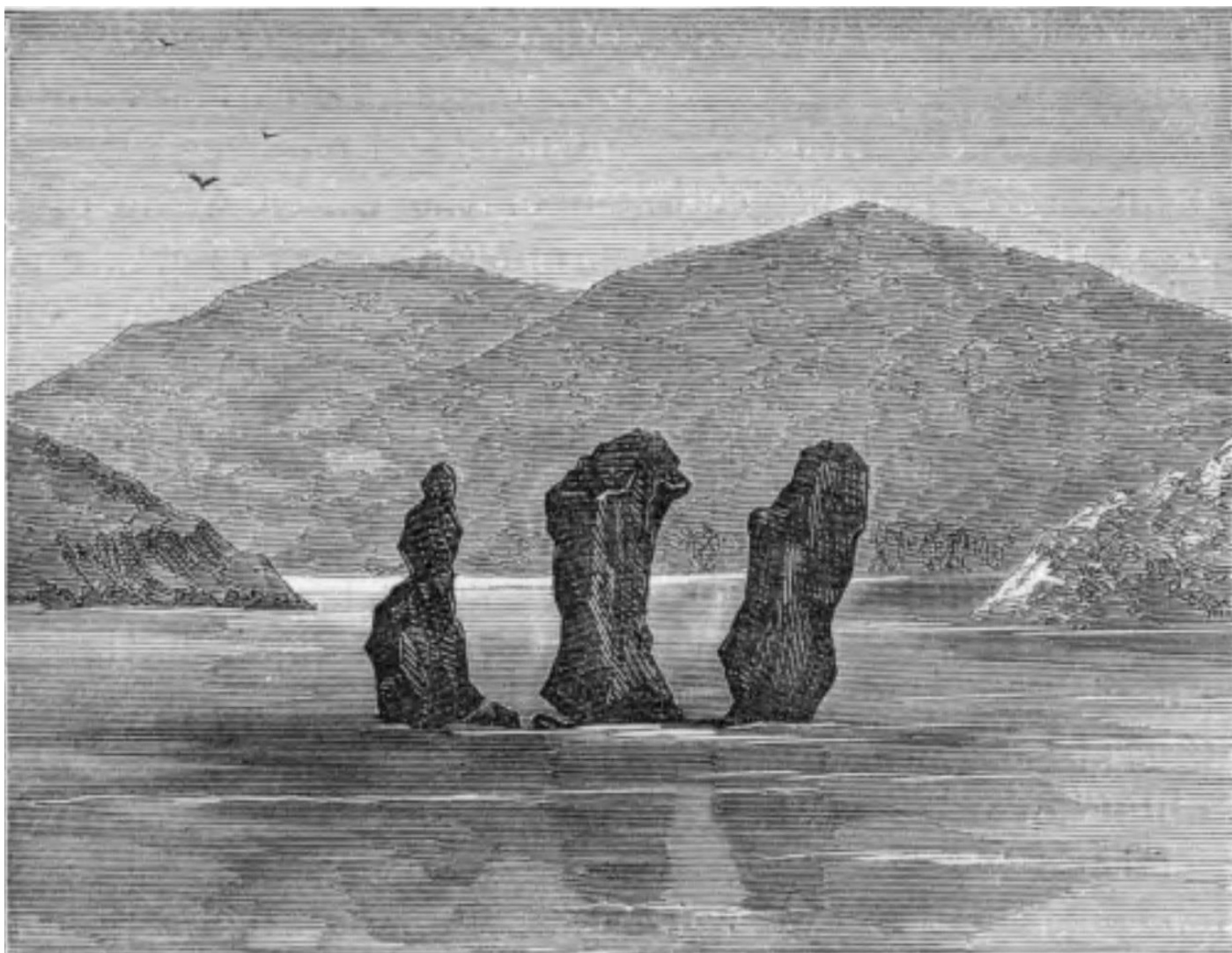
Эти скалистые вершины являются излюбленным местом для огромного количества морских птиц самых разных видов, временами скал почти не видно из-за стай, кружащих вокруг и сидящих на них, а их основания буквально чёрные от тюленей, греющихся на солнце, время от времени лениво переползающими друг через друга, или неуклюжие соскальзывающих с выступов скал в сверкающий внизу прибой.

Спокойную поверхность воды нарушали только крылья мириадом тупиков и уток, которые поднимались при нашем приближении и с криками улетали в тихие уголки и бухточки под нависающими утёсами, зеркало воды отражало эти чарующие сцены с удивительной отчётливостью.

Это неожиданное зрелище, оживлённое хлопаньем крыльев, испуганными криками птиц, хриплым немелодичным рёвом тюленей и низким рокотом прибоя, доносящимся из чёрных пещер под утёсами, вызывало у нас невероятный восторг, которое вкупе с осознанием того, что наше морское путешествие вот-вот закончится, сполна вознаградило нас за все неудобства последних сорока семи дней.

Ширина входа в Авачинскую бухту в самом узком месте составляет около полутора миль. По мере приближения к бухте, скалы с обеих сторон постепенно уменьшаются по высоте, и их сменяют зелёные склоны и небольшие бухточки. На краю высокого мыса с северной стороны стоит небольшой деревянный маяк и сигнальный знак, укрепленные в земле, чтобы их не унесло ветром, прямо под которыми из воды торчат три каменных столба, известные как «Три брата».

Двумя-тремя милями дальше, у противоположного берега, находится «Бабушкин камень» — скалистый остров необычной формы. Сразу за ним Авачинский залив открывается красивым пространством протяжённостью около двадцати миль, окаймлённым с северной стороны грядой холмов, а на юге и западе простирается, по-видимому, далеко вглубь суши.



«Три брата»

Тщательный осмотр берега в бинокль не выявил никаких признаков города, и мы были в растерянности, не зная, в каком направлении двигаться, но тут был обнаружен вельбот, приближающийся к нам со стороны утёсов справа.

Смуглая кожа, черные волосы и одежда гребцов выдавали в них полудиких аборигенов этой страны, но рулевой, судя по его внешнему виду и манерам, а также по непринуждённой позе, с которой он откинулся на сиденье из медвежьих шкур, неторопливо попыхивая ароматной сигарой, был либо иностранец, либо русский джентльмен.

Мы несколько растерялись, не зная, как к нему обратиться, но, когда он спросил на хорошем английском: «Что это за корабль?», наши сомнения тут же развеялись. Джентльменом оказался мистер Фленджер, один из местных иностранных торговцев мехами, который, увидев наш бриг, поспешил встретить его. Он и проводил нас к крутому мысу, видневшемуся на севере, за которым находится Петропавловский Порт.



Его первые вопросы касались новостей из внешнего мира, поскольку последняя почта из Санкт-Петербурга была три года назад, и единственные известия, которые они получили за это время, были от одного-двух судов, которые ежегодно заходят в гавань. Раньше было принято отправлять почту по суше из Европы раз в зиму, но этот порядок, похоже, был отменён, и прибытие судна — единственный источник новостей в настоящее время — было встречено всеми с большим интересом и занесено в летопись Петропавловского Порта.

Приближаясь к берегу, мы с нетерпением ждали каких-нибудь признаков города, но, хотя мы были от него уже на расстоянии ружейного выстрела, не было видно никаких следов какого-либо человеческого жилья, кроме нескольких коров и собак на склонах холмов. Вскоре, обогнув оконечность мыса, мы оказались перед маленькой, уютной, защищённой с всех сторон, гаванью; от залива её отделяла узкая высокая гряда, а с другой стороны пологим склоном на высоту около тысячи футов возвышался коренной берег. Вход в гавань также прикрывала длинная песчаная коса, выступающая из главного берега и оставлявшая для судов лишь узкий проход, благодаря чему поверхность воды в гавани выглядела гладкой и безмятежной, как в горном озере.

На пологом склоне, окаймляющем бухту с севера и востока, виднеются беспорядочно разбросанные низкие бревенчатые дома; среди них выделяется небольшая восьмиугольная церковь с красной крышей, увенчанная зелёной башенкой. Большинство домов крыты корой или соломой, но некоторые — те, что принадлежат чиновникам и иностранным купцам, — покрыты красной черепицей, которая резко выделяется на фоне свежих зелёных склонов холмов. За городом, сразу за невысоким холмом, между мысом и береговым хребтом, лежит небольшая долина, за ней видны другие, более отдалённые хребты, увенчанные в ясный день величественным конусом Авачи; но этот прекрасный пейзаж в день нашего прибытия скрывался за облаками.

По обе стороны гавани виднелись остатки земляных укреплений, которые помогли в успешной обороне города от флота союзников во время Крымской войны. Хотя город и находился на самой окраине цивилизации и был местом, захват которого ничего не мог добавить к окончательному успеху кампании, даже это маленькое камчатское поселение оказалось втянутым в противостояние; но оно проявило себя стойко и вынудила мощный флот своих противников отступить после интенсивной бомбардировки и ожесточённого сухопутного сражения на лесистом полуострове, отделяющим гавань от бухты. Своей победой русские были в основном обязаны естественным преимуществам своей

позиции, к которой можно было подобраться только через узкий вход в гавань, но его прикрывали не только береговые батареи, но и орудия двух военных кораблей, стоявших внутри.

В настоящее время в Петропавловском проживает не более трёхсот жителей, включая аборигенов, но тогда он был намного больше, являясь главным русским поселением на Тихом океане. На момент сражения его население составляло около тысячи душ; но в следующем году, когда был основан порт Николаевск на Амуре, по приказу из Санкт-Петербурга Петропавловский Порт был оставлен, и все войска и припасы вместе с большой частью населения перевезены на Амур. Сделано это было как раз вовремя, поскольку эскадра союзников вернулась, чтобы попытаться вернуть свои утраченные лавры. Оставленные укрепления были ими разрушены, а большинство зданий сожжено дотла, с тех пор в этом месте мало что изменилось.



Петропавловский Порт

История Петропавловского Порта восходит к 1740 году, когда здесь были основаны склады неким Елагиным<sup>1</sup>, которого Беринг отправил

---

<sup>1</sup> Иван Фомич Елагин (1708-1766) – капитан 1 ранга, участник Второй Камчатской экспедиции. – прим. перев.



исследовать Авачинский залив, готовясь к своим исследованиям на северо-западном побережье Америки. Его название происходит от судов «Святой Пётр» и «Святой Павел», построенных в Охотске в 1739 году и использовавшихся Берингом в его плаваниях. С того времени поселение постепенно увеличивалось в своём значении и размерах вплоть до начала уже упомянутых военных действий.

Наконец мы подошли к месту стоянки в гавани, паруса были убраны, и якорь с глухим звуком погрузился в мягкий ил. Лязг якорной цепи вызвал продолжительный вой и лай сотен собак; всё вместе это многократно отразилось мелодичным мягким эхом от окружающих гор.

Никто, кроме тех, кто впервые оказался в чужих краях, где каждому взгляду открываются странные и невиданные зрелища, а слух будоражит от незнакомых звуков и языков, не может осознать ту радость, которую мы испытали в это время. Каждое дерево, кустарник и скала, казалось, были окутаны ореолом особой значительности, а самые обычные предметы и явления рассматривались и обсуждались с особым пристрастием.

Не теряя времени, мы спустили лодки и поспешили в поселение. Мистер Фленджер любезно проводил нас, а затем настоял на том, чтобы мы посетили его холостяцкое жилище.

Ряд мокрых, скользких ступеней служили пристанью, рядом стоял небольшой бриг, вооружённый двумя пушками, который с командой из семнадцати казаков составляли оборону этого места. На пристани нас встретила стайка мальчишек весьма дикарского вида, каждый из которых, когда мы приблизились, самым вежливым образом приподнял фуражку, приветствуя нас. Это оказалось для нас совершенно неожиданной традицией камчатской жизни, и было приятно отвечать на их приветствия; такой обычай вполне уместно было бы ввести в странах, претендующих на гораздо большую цивилизованность. Чуть далее мы встретили камчадалов и полукровок с жёсткими чёрными волосами и маленькими глазками, с любопытством наблюдавших за нами и явно желавших узнать о цели нашего неожиданного прибытия. Среди них, как мне сказали, было несколько казаков, но они так походили на остальных внешнею и одеждой, что отличить их было совершенно невозможно.

Эти туземцы, как правило, летом носят одежду из ткани, предпочитая её своей традиционной одежде из кожи, но всегда предпочитают сапоги из тюленьей кожи, которые для них не только дешевле, но и лучше подходят для их образа жизни — рыбалки на мелководье. Зимой они,

как и все остальные жители, пользуются плотной меховой верхней одеждой.

Причудливая маленькая церковь при ближайшем рассмотрении оказалась в очень обветшалом состоянии, как, собственно, и большинство здешних жилищ. Вход находится в конце низкого длинного придела, рядом с которым, под небольшим навесом, отделённым от главного здания, подвешены семь или восемь колоколов, в которые, когда мы приблизились, энергично звонили несколько мужчин.



Церковь в Петропавловском Порту

Наконец, пропетляв среди одноэтажных бревенчатых домов, мы добрались до улицы, вероятно главной в этом городе, на одной стороне которой стоит дом мистера Фленджера — добротное строение приличных размеров, внешне не очень привлекательное, но интерьер которого намного превзошёл наши ожидания. Дом этот, один из лучших в селении, достоин хотя бы краткого описания. Все комнаты были высокими и удобными, с красивыми обоями и коврами на полах и обставлены хоть и без элегантности, но весьма удобно. Повсюду разбросаны книги и газеты (хотя последние были довольно старыми), что вкупе с диванами, мягкими креслами, сигарами, салфетками и многими другими предметами первой необходимости являло собой образцовое жилище холостяка.

На приставном столике стоял традиционный русский самовар, готовый в любой момент приготовить восхитительный сибирский напиток.

Чай, который мы пили в этой стране, был, без сомнения, великолепным. Одного его глотка достаточно, чтобы забыть все ранее приобретённые предубеждения против этого напитка — настолько он отличался от того, что обычно продаётся в Америке. Это универсальный напиток для всех случаев, и его всегда держат наготове для гостей, подавая обычно в больших чашках.

Одной из особенностей петропавловских домов является большая кирпичная печь, используемая для обогрева; она очень похожа на обычную печь для готовки пищи, но, дым, прежде чем выйти в трубу, проходит через дымоход, извивающиеся в кирпичной кладке таким образом, чтобы она вся хорошо прогрелась. Когда огонь гаснет, дымоход закрывается, сохраняя тепло в помещении. Печка обычно находится в центре дома, чтобы прогревать все комнаты. Как правило, достаточно хорошо протопить её один раз утром, чтобы обеспечить дом теплом на весь день.

Прежде чем вернуться на судно, мы нанесли визиты начальнику порта капитану Сутковому<sup>1</sup>, и исправнику<sup>2</sup>, представлявшему исполнительную власть на Камчатке. Резиденция капитана Суткового — самый большой и лучший дом, он расположен в глубине большого двора, на некотором расстоянии от главной улицы, к нему ведёт аллея серебристых тополей. На территории проложены дорожки для прогулок, высажено множество цветов, среди которых мы узнали несколько наших родных американских. Там же течёт небольшой ручей, ниспадающий искусственными каскадами. На берегу его стоит железный памятник, воздвигнутый в память о капитане Беринге. Приём, оказанный нам капитаном и его очаровательной супругой, полностью соответствовал традиционному русскому гостеприимству; едва мы сели за стол, как был подан самовар, крепкие напитки и сигары; последние мы приняли с некоторым замешательством, но мадам сама подала нам пример, закури́в папиросу, русскую разновидность сигарет, и продолжив курить её с величайшим хладнокровием. Позже мы обнаружили, что курение является почти повсеместным обычаем среди сибирских дам, и, хотя поначалу были настроены несколько против этой практики, вскоре привыкли к этому зрелищу.

Внутреннее убранство дома было во многом таким же, как описанное выше, хотя со вкусом подобранная мебель, а также различные мелкие

---

<sup>1</sup> Капитан-лейтенант Н.А. Сутковой исполнял обязанности начальника Петропавловского Порта с 1858 года. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> С 1860 по 1869 года Петропавловским окружным исправником был Фердинанд Хмелевский. — *прим. перев.*

предметы женского рукоделия свидетельствовали о присутствии представительницы прекрасного пола. В одном из углов каждой комнаты устроен небольшой домашний алтарь, украшенный изображениями святых, которым семья посвящает свои утренние и вечерние молитвы. Перед каждым из этих образов подвешены маленькие лампадки или свечи, которые зажигаются в церковные праздники — а это примерно половина дней в году.



Памятник Берингу

В одной из комнат стояло пианино, и, поскольку это была самая большая комната в городе, она служила местом проведения зимних вечерних балов и карточных игр. Эти люди, хотя и живут в очень изолированном месте и полностью зависят в своих развлечениях от местных ресурсов, ведут довольно весёлую жизнь. Все джентльмены держат собственные упряжки собак, на которых совершают экскурсии в соседние поселения, беря с собой дам, а вечером, по возвращении, устраивают «вечёрки» в капитанском зале. В течение короткого лета они также находят множество развлечений, катаясь на лодках и ловя рыбу в заливе, собирая ягоды на склонах соседних холмов или совершая конные прогулки, и время от времени устраивая пикники в живописных местах.

Это наше первое посещение берега было наполнено разными приятными вещами, но мы с большим удовольствием и даже облегчением вернулись в нашу уютную каюту на «Ольге», к которой мы уже так привязались за время долгого морского путешествия.

На мысе слева от нас, недалеко от места одной из разрушенных русских батарей, стоит памятник, воздвигнутый в память о Лаперузе; мы решили посетить его на следующий день. Утром мы поднялись по крутому склону и достигли вершины холма, когда густая трава на нём была ещё мокрой от обильной росы. Памятник, при ближайшем рассмотрении, не оправдал наших ожиданий и вряд ли был достоин увековечения славы великого мореплавателя. Однако более красивого места для него выбрать было невозможно. Конструкция его выполнена из листового железа, испещрённого пулевыми отверстиями, очевидно во время недавних боевых действий, и состоит из низкой колонны, возведённой на ступенчатой пирамиде и увенчана 32-фунтовым снарядом, в полости которого стоит небольшой деревянный крест.

Удивительное множество полевых цветов росло на склонах холмов, наиболее заметными из них были дикие розы, тигровые лилии и купены, которые росли здесь также, как и у нас на родине. В изобилии была черника и ежевика; нам также рассказывали, что в некоторых местностях растёт малина, крыжовник и клюква. Везде на холмах густые рощи мелкой берёзы и елей дают приют множеству птиц.

После монумента мы продолжили нашу прогулку на запад вдоль горного хребта к месту сухопутного сражения. С этой точки открывается великолепный вид. Слева от нас горный хребет обрывается высоким зубчатым утёсом, от подножия которого залив Авача простирается на многие мили, ограниченный длинным, изящным изгибом далёкого берега. За ним местность перемежается лесными рощами и извилистыми ручьями, сверкающими на солнце, и завершается линией голубых холмов на горизонте. Прямо перед нами, в конце хребта, лежало небольшое озеро овальной формы, отделённое от залива длинной узкой песчаной косой, а справа от нас, уютно устроившись в долине и огибая внутреннюю гавань, лежал Петропавловский Порт с прилегающим к нему склоном, расчерченным огородами местных жителей.

Вулканы, появления которых мы с нетерпением ожидали, всё ещё отказывались сбрасывать свои облачные покровы. В ясный день с этой точки отчётливо видны три величественных пика. Авача, ближайший и самый высокий из них, почти постоянно испускает клубы дыма. В 1861 году жители Петропавловского стали свидетелями её грандиозного из-

вержения. Оно продолжалось несколько дней, рассеивая пепел на многие мили вокруг. Все три вершины имеют вулканическое происхождение, о чём свидетельствуют их форма, но две из них находятся в состоянии покоя.

В этом районе нередки землетрясения, хотя и несильные. Однако в феврале 1861 года всю Южную Камчатку трясло очень сильно. По всему региону образовались большие трещины, и тихий маленький Петропавловский был, казалось, под угрозой разрушения. Однако ущерб был не более, чем разрушение многих печей и дымоходов, и поломки дверей и оконных рам.

Спускаясь с холма, мы миновали два могильных холма, увенчанных грубыми деревянными крестами с русскими надписями, под ними покоятся останки убитых во время сражения, а неподалёку был ещё один, но с низким входом, из которого, когда мы проходили мимо, вышло существо, похожее на отшельника, одетое в грязные лохмотья и являвшее собой само воплощение нищеты. Вид его вызвал у нас полное сочувствие, а вид его жилища совершенно озадачил. Однако, вернувшись в город, мы с большим облегчением узнали, что эта земляная насыпь была не чем иным, как пороховым складом, а человек — часовым казаком. Более не по-солдатски выглядящего солдата невозможно было себе представить.

Чтобы вернуться в город, мы пошли по песчаному берегу у подножия скал и, обогнув скалистый выступ, встретили компанию рыбаков, сидевшую вокруг большого костра с какими-то подозрительного вида бутылками, поющую и веселящуюся. Само по себе это вряд ли привлекло бы внимание, если бы среди них не было длинноволосого священника в рясе, пребывавшего в состоянии, весьма далёком от трезвого, которое, строго говоря, должно было быть его призванием. Он сопровождал их, чтобы благословить воду и молиться за хороший улов, но, будучи, вероятно, не в очень одухотворённом состоянии, воспользовался этим средством, чтобы обрести таковое. Судя по лицам тех членов духовенства, кого мы видели, они ни в коем случае не придерживаются трезвости, а также, по слухам, сильно увлекаются азартными играми. Этот наш первый контакт с ними вызвал настоящую неприязнь. Как их прихожане, какими бы скромными и простодушными они ни были, могут питать к ним хоть какое-то доверие, для меня остаётся загадкой. Они даже не скрывают своё беспутство, и почти в любое время дня можно видеть, как они, пошатываясь, направляются в церковь, чтобы читать там благопристойные молитвы.

Мы надеялись, что изолированность этих мест не позволит нам судить так о всех российских священнослужителях, но, к сожалению, должен признаться, что нигде в Сибири, где побывал наш отряд, мы не обнаружили лучшего положения дел. Мне говорили, что все сыновья священнослужителей считаются сынами Церкви и обязаны, хочешь или не хочешь, посвящать свою жизнь служению ей. Если это так, то нет ничего неожиданного в их ханжестве и легкомыслии. И, несмотря на всё это, они обладают большим влиянием на невежественных и суеверных туземцев. Я никогда не видел людей более строгих в соблюдении всех религиозных норм, которые, по их мнению, являются всем, что необходимо для того, чтобы стать истинными христианами.

Рядом со стоянкой рыбаков на берегу лежали их лодки, похожие на каноэ наших индейцев. Это единственные суда, используемые местными жителями, которые не очень искусные лодочники и для безопасности на бурной воде скрепляют две и более лодок вместе, бок о бок, с помощью жердей. Но даже на таких устойчивых конструкциях они редко отваживаются отходить далеко от берега, и вместо того, чтобы пересечь небольшой водоём по прямой, они проплывут вблизи берега вокруг в три раза большее расстояние. Эта робость, вероятно, объясняется их неумением плавать. К тому же они считают воду слишком холодной и моются в русских банях.

Мы были приятно удивлены, обнаружив в Петропавловском нескольких наших соотечественников, торговавших мехами, вместе с несколькими другими, которые говорили на английском языке и были американцами если не по национальности, то по привычкам. Двое из них, Пирс и Хантер прожили в этой стране несколько лет и настолько привыкли к ней, что больше не хотели возвращаться на постоянное жительство в Америку. Эти джентльмены не жалели усилий, чтобы сделать наше краткое пребывание приятным, в чём полностью преуспели. Время, проведённое с ними, было наполнено застольями и развлечениями, и когда настал день отъезда, мы с сожалением простились с этим прекрасным местом и его гостеприимными обитателями. Ещё двое из этих джентльменов, Додд и Фронфилд, впоследствии присоединившись к нашей экспедиции, сослужили нам очень хорошую службу. Жизнь, которую ведут эти джентльмены, отличается совершенной непринуждённостью и уютом. Я полагаю, что природной красоты этих мест само по себе достаточно, чтобы довольствоваться жизнью здесь не один год. Это, подкреплённое богатыми складами с любым необходимым для удобной и благополучной жизни, вместе со здешними натуральными

продуктами и приятным прибыльным занятием, я думаю, удовлетворило бы почти любого. Это правда, что их общество немногочисленно и состоит в основном из мужчин, но доступность для них всех видов удовольствий безмерна, и они хорошо понимают, как ими воспользоваться.

## ГЛАВА II

С первого дня нашего пребывания в Петропавловском мы старались получить как можно больше сведений о местностях, через которые будет проходить телеграфная линия, но пока это удавалось нам без особого успеха.

Ближайшая часть предполагаемого маршрута находилась в тысяче миль от Петропавловского, и, чтобы добраться до этой точки, нужно было пересечь весь Камчатский полуостров, что само по себе было довольно трудным делом, и на это могли уйти месяцы. Если бы мы прибыли раньше, то могли бы добраться до Гижиги по морю, но в это время года считалось небезопасным плавать в северной части Охотского моря, поэтому не оставалось ничего другого, как двигаться по суше, до наступления зимы — на лошадях и плотах, а после — на собаках и оленях. Туземцев можно было не опасаться, пока мы не доберёмся до мест обитания коряков — дикого и варварского языческого племени, населяющего северную часть полуострова. Эти люди, согласно тому, что нам говорили в Петропавловском, без колебаний убьют нас чтобы ограбить, они подозрительны, вероломны и не боятся ни людей, ни Бога. Естественно, ничего хорошего мы от них не ожидали.

От Гижиги, отправной точки экспедиции, она должна отправиться примерно на тысячу двести миль на запад вдоль северного побережья Охотского моря до Охотска; этот путь, хотя и труднопроходим, но хорошо известен русским, в то время как местность к северу от Гижиги в направлении бывшего российского форпоста Анадырска также была пройдена русскими, но при этом хорошо известна была только местным охотникам. Следует помнить, что лейтенант Макрей и его отряд должны были подняться к этому аванпосту по реке Анадырь и попытаться соединиться с нашим отрядом. Если бы весь наш небольшой отряд направился в Гижигу через Камчатку, то вся зима, а, следовательно, и весь год, ушла бы на преодоление этих участков маршрута; но всё ещё оставались бы тысяча двести миль вдоль западного побережья Охотского моря от Охотска до реки Амур по местности, почти полностью неизвестной и неисследованной. Этот гористый район был настолько ди-



ким и недоступным, что до того времени там никто не бывал, и, следовательно, мы не смогли получить о нём никакой информации. Чтобы включить этот участок в наши исследования в первую зиму, майор Абаза решил разделить наш отряд на два и отправить капитана Махуда и меня морем в город Николаевск на Амуре, чтобы исследовать путь оттуда на север до Охотска, а он и капитан Кеннан возьмут на себя остальную часть экспедиции.

На «Ольге» оказался груз для Николаевска, и, поскольку она намеревалась отплыть туда немедленно — 26 августа, — мы с Махудом должны были отправиться на ней.

Приближался день нашего отъезда, и у нас оставалось мало времени посетить окрестности Петропавловского, потому наши друзья предложили нам прокатиться на местных лошадях до Авачи — небольшого поселения в семи милях от нас, в нижней части залива Авача. Были, правда, некоторые сомнения в том, что мы сможем раздобыть необходимое количество лошадей. Здесь их немного, в основном они находятся в глубине полуострова.

В назначенный час мы собрались в условленном месте, где нас ждали четыре лошади. Фленджер, Додд, Махуд и я отправились раньше, предоставив Кеннану и ещё одному нашему новому другу, мистеру Боллману, следовать за нами, когда подойдут остальные. Я был несколько удивлён небольшим ростом наших лошадей и искренне посочувствовал им, когда представил, как им, беднягам, приходится возить крепких взрослых мужчин вверх и вниз по здешним холмам, но, поскольку я был плохим наездником, моя жалость была несколько утешена тем, что, если я упаду, большого вреда мне от этого не будет.

Рост этих лошадей около четырёх с половиной футов, крепкие и коренастые, с гривами ниже колен, и длинными тяжёлыми хвостами, которые волочатся по земле на малейших спусках. Из-за неуверенности в своих способностях к верховой езде я спросил, какое животное самое смирное, и один из туземцев указал мне на кобылу, которая была самой маленькой в нашем отряде — жеребёнок при ней был почти такого же роста, как она сама.

Седло было похоже на кóзлы для дров, покрытое несколькими слоями медвежьей шкуры, оно возвышалось над маленьким существом, как горбы на спине верблюда. Стремя было только с одной стороны, а с другой — верёвочная петля, такая большая, что в неё могла пролезть сама лошадь. Экипированный таким образом, мой кроткий скакун являл собой зрелище, при виде которого мы не могли не рассмеяться, несмотря на затаённую жалость, которая сильно умеряла наше веселье. Садиться

на лошадь было просто, требовалось только балансировать на одной ноге и перебрасывать другую через седло, которое не было достаточно высоко, чтобы при езде не задевать ногами за пни и валуны. Чтобы избежать этого, мои спутники подтянули стремяна повыше; я сделал то же самое, и, взгромоздившись на седло, обнаружил, что мои колени и плечи находятся почти на одном уровне.

Когда, наконец, все были готовы, и по команде тронулись в путь, на месте остались я и Додд на своих лошадках, и жеребёнок, который стоял и ждал, когда двинется с места его мать; но она стояла совершенно неподвижно, несмотря на все мои посвистывания и понукания. Поза моя была такова, что я не мог пнуть её, не свалившись, у меня не было ни кнута, ни палки, и я не знал, что делать. Наконец ко мне подъехал Додд, который так трясся от смеха, что зверушка под ним тоже тряслась, и велел мне говорить с животным по-русски, потому что она не понимает по-английски, и сказать: “Пошёл! Пошёл!” После нескольких попыток заклинания удалось произнести, и эффект их оказался поистине волшебным!

Она пустилась такой бодрой рысью, что с каждым шагом я подскакивал над седлом не меньше, чем на фут. Пять минут мучений на протяжении первой половины мили показались вечностью. Тут я вспомнил, что часто видел, как можно с лёгкостью ездить верхом, приподнимаясь на стремянах. С такими высоко поднятыми ногами это было бы не только трудным, но и опасным трюком, но, решив, что это всё же предпочтительнее того, чему я подвергался, я решился на попытку.

Подпрыгивания прекратились, но в следующее мгновение я обнаружил, что свалился на шею кобылы и держусь только благодаря тому, что изо всех сил вцепился в её гриву, верёвочный недоуздок свалился и развевается в воздухе, а лошадка отчаянно пытается не опрокинуться вперёд от груза на её шее.

Как я выгляжу со стороны меня теперь мало волновало, и, приняв настолько изящную позу, насколько позволяли обстоятельства, я оставался в этом положении до тех пор, пока мы не догнали остальную часть отряда и мне удалось остановиться и получить возможность вернуться в исходное состояние.

Один мой друг как-то сказал, что он считает зубную боль одним из величайших жизненных благ из-за совершенного блаженства, которое человек испытывает после удаления зуба. Я думаю, что рысистую лошадь можно с полным основанием отнести к той же категории, поскольку из всех роскошных ощущений, которыми мне посчастливилось

наслаждаться в течение жизни, этот случай заслуживает самой высокой оценки.

Холодная, унылая, бесплодная Камчатка — обитель хищников, безжизненных лишайников, разрушительных бурь и голодных ссыльных — наименее интересная и самая забытая Богом страна. Само воплощение всего мрачного, пустынного и невзрачного, что следует из самого её труднопроизносимого названия. В общем, это последнее место на земном шаре, которое в здравом уме захочет посетить человек!

Примерно такой мы представляли себе Камчатку перед отплытием из Соединённых Штатов, и именно такую страну ожидал увидеть наш отряд. Но насколько же иной оказалась реальность! Был тихий, прекрасный день после только что прошедшего освежающего ливня, солнечный свет освещал сочную зелень на склонах, спускавшихся к берегу залива. Вся местность усыпана дикими цветами самых ярких оттенков, сотни птиц выпархивают из высокой травы при нашем приближении, путь наш местами окаймляют живописные кусты. Небо ярко-голубое, по нему лениво плывут облака, отбрасывая на пейзаж чередующиеся блики и тени. Единственное, чего не хватает, чтобы завершить эту прекраснейшую картину, — это жемчужин камчатского пейзажа — её вулканов, в это время они скрыты плотными облаками. Мы увидим их в этот день позже.

Наш маршрут пролегал через небольшую долину за городом, мимо солдатского кладбища в конце гряды холмов, а оттуда по песчаной косе, отделяющей небольшое озеро от залива Авача. Здесь, к моему большому неудовольствию, наши лошадки вдруг так припустили, что мы пронеслись мимо рыбных промыслов, где под навесами из коры и соломы были подвешены тысячи лососей, которые сушились для кормления ездовых собак зимой — это их единственная ежедневная пища. Десятки ворон с карканьем кружили вокруг, время от времени умыкая кусочек от какой-нибудь рыбы, к большому неудовольствию стаи красивых эскимосских собак, прикованных цепями к сараям поодаль.

Лосось здесь является основным продуктом питания как для человека, так и для животных. В отсутствие других видов пищи даже лошади и коровы питаются им и, кажется, вполне довольны. Мы двигались с подветренной стороны от рыбного промысла, и причиной нашей спешки стал очень сильный неприятный запах.

После косы наш маршрут пролегал по невысокому отрогу, спускавшемуся к воде, а затем по берегу вдоль красивой бухты, сначала вверх по холму, затем вниз, по чередующимся участкам то ровного ракушечного пляжа, то усеянного крупными обломками камней у самой кромки

воды. На протяжении большей части пути густая трава поднимались намного выше крупов наших лошадей, часто из зарослей торчали только головы и плечи всадников.

В это время была пора заготовки сена, для чего использовали старомодный серп; по пути нам попадались стога, готовые к отправке в город для кормления лошадей и коров в зимние месяцы.

Коровы, которых мы видели, такие же миниатюрные, как и лошади, в ширину компенсировали недостаток своего роста. У них густое молоко, приятное на вкус, оно широко используется в меню местных жителей, начиная с супов. Оно входит в состав почти каждого блюда. Местная корова ежедневно даёт около четырёх литров молока, или пять бутылок, которые здесь используют для его измерения.

В густой траве на берегу мы обнаружили множество следов медведей, оставленных ими во время их ночных вылазок на берег в поисках морской капусты. Это растение составляет почти их единственную пищу весной, пока лосось не начнёт подниматься по рекам на нерест; медведь тогда питается этой рыбой, которую он очень ловко вылавливает из воды своими длинными когтями. Из-за сильного рыбного привкуса мясо местных медведей едва ли можно назвать вкусным.

Медведей в Камчатке очень много, но, как мне говорили, они не такие свирепые, как в других частях Восточной Сибири. Иногда, после необычно суровой зимы, они появляются на улицах Петропавловского Порта и крадут скот. Волки также очень многочисленны, но также не очень опасны, если только не сбиваются в большие стаи.

Из-за кротости моей лошадки и дурного нрава её отпрыска, мне обычно приходилось замыкать шествие, так как тропинка была столь узкой и извилистой, что мы могли двигаться только гуськом. Раз или два, однако, я отваживался идти впереди, но жеребёнок, или «адъютант», как прозвали его мои спутники, был очень своенравным, старался не отставать, и, если кто-нибудь из тех, кто шёл сзади, приближался слишком близко, его предупреждала об этом пара маленьких копытцев. Время от времени он терялся в высокой траве и громко ржал; тогда мать останавливалась и ждала, несмотря на всё моё знание русского языка, пока он догонит её.

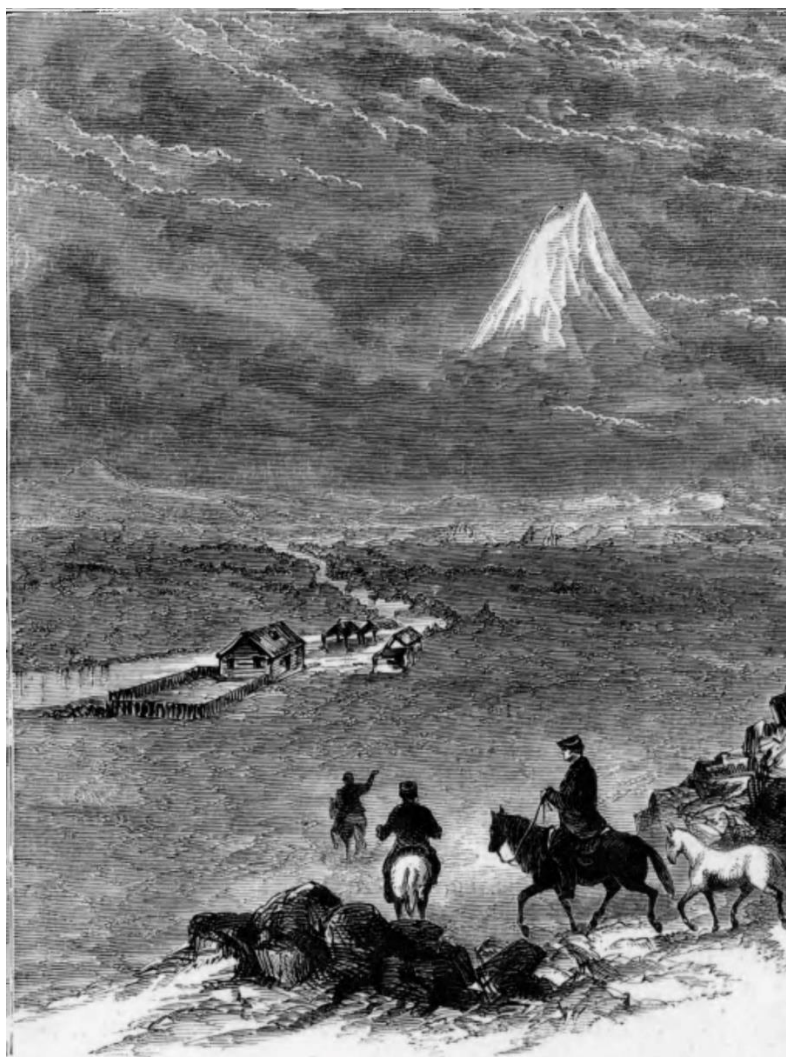
Когда мы приблизились к месту нашего назначения — деревне Авача, — нас встретило одно из самых великолепных зрелищ, которые я когда-либо видел. В тот момент мы как раз обогнули скалистый выступ на берегу залива. На многие мили вглубь материка простиралась ровная местность, затем она полого поднималась, становясь всё более

неясной, и постепенно переходила в холмы. За каждым хребтом следовал другой, чуть более высокий и чуть более туманный, пока последний не становился едва различим в густой дымке, увенчанный грядами плотных облаков. И ещё дальше над ними возвышался величественный пик вулкана Авача высотой более одиннадцати тысяч футов. Несмотря на расстояние в тридцать миль, его снежная вершина, сверкающая на солнце, так чётко выделялась на фоне лазурного неба, что казалось, до неё не больше мили. Вершина эта представляет собой идеальный конус, настолько крутой, что кажется, что огромные массы льда и снега вот-вот обрушатся вниз по её склонам; ниже линии снега гора сливалась с небом и терялась в дымке, поэтому казалось, что она подвешена к небесам на невидимых струнах. Далеко на юге, над противоположным берегом залива, сверкал своим серебряным шпилем её соперник, старый величественный Вилучинский. Слева, на переднем плане, изящной дугой простирался белый пляж, огибающий бухту; а прямо перед нами, в устье небольшой речки, которая, петляя, прокладывает себе путь среди густой травы и зарослей берёз на равнине за ней, небольшой группой живописных хижин расположилась деревня Авача. Мы все невольно остановились, поражённые величиной картины, представшей перед нашим взором. Несколько минут не было произнесено ни слова; все стояли с открытыми глазами и ртами, боясь заговорить, чтобы не рассеять видение. Наконец, один из нашей компании, которому приписывали наименьшую сентиментальность и восприимчивость к возвышенному, глубоко вздохнул и протяжно произнёс: «Разрази меня гром!» Этот неожиданный и непоэтичный порыв энтузиазма вызвал всеобщий смех и привёл нас в чувство, и мы быстрым галопом поскакали в деревню, которая встретила нас воем и лаем нескольких сотен собак.

Привязав коней к низкой плетёной изгороди, мы последовали за мистером Фленджером к самому большому дому поблизости, хозяин которого стоял в дверях, встречая нас.

«Этот старик — ссыльный», — прошептал Додд, когда мы подошли к дому. Это был первый ссыльный, которого мы встретили из этой многочисленной категории местных жителей, и я обратил особое внимание на его внешность, пытаясь обнаружить какие-нибудь следы горя и страданий, которые естественно ожидать от человека, обречённого провести свою жизнь вдали от родины. Он с подозрением разглядывал тех из нас, кто был ему незнаком, но я не заметил, чтобы он выглядел менее счастливым и довольным, чем остальные жители деревни. Имени его я так и не узнал, но это был старый татарин, на тот момент ему было семьдесят шесть лет, последние сорок шесть из которых он провёл в ссылке.

Он никогда не рассказывал о своих ранних годах жизни, о них было известно лишь то, что он дезертировал из русской армии и примкнул к банде грабителей, среди которых отличался отчаянностью и жестокостью.



Авача

Это был мужчина среднего роста, с маленькой круглой головой, хотя и с довольно низким лбом, на который спадали редкие седые волосы, ровно подстриженные над двумя глубоко посаженными серыми пронзительными глазами; они были расположены довольно близко друг к другу и затенены густыми лохматыми бровями. Короткий курносый нос, жёлтый от нюхательного табака; огромный некрасивый рот с остатками зубов; длинная, редкая седая борода и жёсткие усы дополняли его физиономию. Одежда его состояла из очень грязной рваной рубашки, кожаных штанов, подпоясанных верёвкой и сильно поношенных сапог из тюленьей кожи.

И всё же, несмотря на свой непрезентабельный вид, это был один из самых зажиточных людей своего круга. Я попытался нарисовать его

портрет, но он отнёсся к моему намерению с таким явным недовольством, что я отказался от этой попытки. Вероятно, моя униформа и записная книжка вызвали у него подозрения, что я полицейский следователь или частный детектив, ищущий к чему-нибудь придраться, чтобы конфисковать его собак и коров.

Когда из Петропавловского приезжают группы вроде нашей, они всегда останавливаются у старика, платя ему несколько копеек за постой, и поэтому он содержит свой дом в гораздо большем порядке, чем это обычно делают остальные бедняки. Дом построен из брёвен, обмазан мхом с глиной, как и все остальные, и отапливается печкой, на которой также готовится пища; вместо оленьих шкур на полу в качестве ковра аккуратно постелен холст; а на маленьком, грубо сколоченном, но чистом столе стоял этот незаменимый предмет обстановки в русском доме — самовар, от которого уже вовсю шёл пар.

В доме меня поразили сотни тараканов, которые сновали по полу и столу и прятались по щелям во всех стенах. Люди смахивали их со стола и своей еды так же небрежно, как мы отмахиваемся от мух, и, кажется, вовсе не заботятся, чтобы избавиться от них.

Сначала я приписал эту терпимость какому-то суеверию, связанному с этими насекомыми, благодаря которому они были защищены от истребления, но позже мне сказали, что люди часто пытались уничтожить их, однако безуспешно, поскольку они так многочисленны и размножаются так быстро, что считается, что это не стоит потраченного времени и хлопот. Они терпеливо переносят эту неприятность до наступления холодов, когда на два-три дня все двери и окна распахиваются настежь, и тараканы просто замерзают; тушки их затем выметаются из всех щелей и сжигаются, а дом тщательно вымывается.

Осматривая хижины и рыбацкие лачуги в поисках чего-нибудь интересного, я набрёл на низкую ветхую постройку, стоявшую в стороне от остальных домов, и заглянул внутрь. Меня сразу поразила мрачностью этого места. Сначала мне пришла в голову мысль о каком-то таинственном подземелье, но я не мог себе представить, для чего бы таковое могло существовать в этом крошечном мирном поселении, где проживало всего две-три семьи самых безобидных людей.

В стене с одной стороны помещения было небольшое оконце, пропускавшее так мало света, что я с трудом различал предметы внутри. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я увидел, что потолок очень низкий; как и стены, он был покрыт слоем чёрной блестящей копоти.

Вдоль одной стены находилась широкая деревянная полка высотой около пяти футов, к которой вели три ступени, грубо сколоченные, но гладкие сверху. В углу находилось что-то вроде железной печи, заваленной сверху и с боков булыжниками; в ней лежали куски обугленного дерева, а рядом — две старые бочки, наполовину наполненные водой.

Моё любопытство было весьма возбуждено, и я обратил внимание моих спутников на это место в надежде получить какие-нибудь объяснения. Додд сказал нам, что это образец примитивной русской паровой бани. Когда собираются помыться, бочки наполняют водой, докрасна нагревают на печи камни, после чего часть из них бросают в одну из бочек, чтобы подогреть в ней воду. Вода в другой бочке должна оставаться холодной для того, чтобы окунаться в неё. Затем дверь бани открывается, чтобы выпустить дым или, как его называют русские, «угар». Это совершенно необходимо, так как угар может привести к опасным последствиям. После чего туда входит раздетый купальщик, и дверь плотно закрывается. Чтобы создать пар, он льёт воду на раскалённые камни, и жара тут же становится совершенно ужасной, причём на верхней полке, конечно, жарче всего. А расположены они на разной высоте как раз для того, чтобы можно было выбирать температуру по желанию.

Вдоволь попотев, купальщик тщательно моется горячей водой, затем принимает холодную ванну, и в завершении отдыхает и одевается в примыкающей к бане маленькой прихожей. Часто купаются целыми семьями — мужчины, женщины и дети вместе. Эти люди очень любят париться в бане и легко переносят высокую температуру.

Мы довольно поздно выехали из Петропавловского, и у нас было не так много времени, чтобы успеть вернуться до наступления темноты, поэтому наше пребывание в Аваче было недолгим, и вскоре мы уже отправились в обратный путь. Поездка была приятной, воздух был в том восхитительном нейтральном состоянии, ни холодном, ни жарком, когда каждый вдох — как глоток живительного эликсира, когда неосознанно сожалеешь о том, что не наделён способностью дышать ещё глубже!

На обратном пути не обошлось без происшествий. В какой-то момент все вздрогнули от крика «Волки! Волки!» и повернулись в указанном направлении. Мы выхватили револьверы и приготовились к встрече, но вскоре поняли, что это была ложная тревога, поскольку «страшными зверями» оказались Кеннан и мистер Боллман. Когда мы подъехали к ним, мистер Боллман как раз поправлял седло, с которым он только что свергнулся с лошади вниз головой, но, слава Богу, не пострадал. Они тоже были — нет, не обмануты, поскольку ничего не поняли — но



сильно озадачены тем, что это за существо следует за нами, и от души расхохотались, разглядев уши «Адъютанта», торчащие из высокой травы; тот всё пытался найти свою мать и громко ржал на всю округу.

Эти лошади, хотя и невелики ростом, в плане сообразительности, хитрости и изворотливости не уступят никому. Конь, на которой ехал мистер Фленджер, был настоящим виртуозом в гимнастических упражнениях. Он особенно любил демонстрировать своё искусство на крутых склонах, где, не обращая никакого внимания на переживания наездника, он желал проверить, как круто он может забираться вверх, не опрокинувшись на спину. Да и моя «кроткая» кобыла однажды позволила себе нечто подобное (хотя в том случае это было ей простительно). В соответствии с моей обычной невезучестью, день не прошёл без того, чтобы я не свалился с лошади или ещё каким-нибудь нелепым образом не оказался на земле. В последний раз это случилось после поездки по живописной местности по тропинке, которая заканчивалась крутым склоном высотой около пятидесяти футов, с которого нам надо было спуститься. Ещё в самом начале спуска я почувствовал, что седло подо мной начинает съезжать, и, остановив лошадь, попытался спешиться; но моя ступня запуталась в верёвочной петле, служившей в качестве стремени, чего я не заметил, и вместо того, чтобы нормально спешиться на обе ноги, я повис на одной ноге, застрявшей на высоте кобыльей шеи, с перспективой падения вниз по крутому склону на тридцать футов. Чтобы избавиться от груза, она начала мотать головой и скоро освободила мою ногу. Уже через несколько секунд я оказался у подножия склона, почти не пострадав, а, подняв глаза, увидел моего скакуна, стоявшего на том же месте, с которого он взирал на меня с величайшим удовлетворением.

Мы сделали ещё одну остановку у группы домов под названием Хутор, скотоводческого поселения примерно в трёх милях от города<sup>1</sup>. Здесь наша компания вдоволь напилась жирного молока несмотря на настойчивые предупреждения, что оно превратится в масло прежде, чем мы вернёмся домой; и вскоре после этого, усталые, но вполне довольные путешествием — как раз, когда на самой вершине Авачи забрезжил последний луч заходящего солнца — мы въехали в Петропавловский.

---

<sup>1</sup> На самом деле село с названием Хутор (существовало с 1852 года как ферма Камчатского земледельческого общества, ныне пос. Пограничный недалеко от Елизово) находится почти в 25 км. по прямой от тогдашнего Петропавловского Порта, т.е. гораздо дальше Авачи (ок. 12 км пешком). Скорее всего компания проезжала обычный хутор, а это слово автор принял за его название. — прим. перев.

Пятница, 25 августа, была последним днём, который мы с Махудом должны были провести в Петропавловском, и мы посвятили его покупке мехов для нашего зимнего путешествия; здесь их можно приобрести дешевле, чем на Амуре, и они гораздо лучшего качества. Самым важным предметом зимней меховой одежды является «кухлянка» — просторное одеяние, похожее на рубашку, длиной до колен, сшитое из двух слоёв оленьей шкуры, мехом наружу, с капюшоном, закреплённым на воротнике. Капюшон обычно оторочен длинным мехом собаки или волка, защищающим лицо от ветра и снега. Часть одежды делают из шкур нарождённых оленят, ради получения которых убивают беременных самок; материал этот мягок, красив и очень напоминает велюр. Такие изделия стоят довольно дорого и обычно отделаны внизу широкой полосой, украшенной узорами из разноцветного шёлка или кусочками окрашенной кожи. Затем всё это окаймляется мехом бобра или выдры, а иногда соболя, что придаёт одежде очень богатый и нарядный вид.

Окрас домашних северных оленей варьируется от чисто-белого до тёмно-коричневого, иногда пятнистые, так что при выборе одежды можно удовлетворить любой вкус.

В дополнение к кухлянкам каждый из нас купил, среди прочего, *торбаса*, *чажи* и *малахаи*. Торбаса — это меховые сапоги, доходящие до колен или выше, сшитые из шкурок с ног оленя, там, где мех у них жёсткий и короткий, а кожа более прочная, чем в других местах; подошвы, как правило, сделаны из медвежьей или тюленьей кожи; на ноге они удерживаются кожаными шнурками, завязанными вокруг лодыжки и колена. Чажи — это меховые чулки из шкуры собаки, оленя или волка (последнее лучше всего) мехом внутрь; их носят независимо от другой одежды; ноги в них чувствуют себя как плотно забинтованные. Малахаи — это меховые шапки, по форме напоминающие старушечьи чепчики, их носят под капюшоном кухлянок. Всё это, а также варежки, штаны из оленьей кожи и *арханики* дополняли наш костюм.

Арханики очень красивы, они представляют собой род палантина или шарфа из хвостов сибирских белок, ими прикрывают от холодного ветра нижнюю часть лица, так же, как гренландцы используют для этого лисьи хвосты.

Ежегодный *ясак*, или налоги, взимаемые правительством с туземцев, всегда взыскивается мехами и составляет, как мне сказали, два рубля с каждого мужчины в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет. При сборе ясака каждое лицо, подлежащее налогообложению, обязано предоставить шкурку соболя или другие меха такой же стоимости, из них сборщик отбирает столько лучших, сколько требуется для уплаты

налога со всей общины, беря их примерно за половину их рыночной стоимости. Оставшаяся часть затем продаётся, а вырученные средства делятся поровну между теми, кто уплатил ясак.

Таким образом, лучшие меха попадают в распоряжение правительства и для личного пользования царской семьи. Во время нашего пребывания большое количество мехов, полученных в качестве ясака, хранилось в казённых складах в ожидании отправки. Их постоянно охраняли часовые-казаки, хотя, мне кажется, вероятность того, что кто-нибудь попытается их обворовать, невелика, поскольку, как мне сказали, кража у казны карается смертной казнью. (Жаль, что такой закон не удалось принять и обеспечить его соблюдение в Америке.)

Несмотря на такое суровое наказание, незадолго до нашего прибытия был взломан один склад и украдено мехов на несколько тысяч долларов. Однако вскоре злоумышленник был обнаружен и заключён в тюрьму для отправки в Николаевск для суда, а пушнина изъята и возвращена на склад.



Камчатские соболи

Многие люди считают, что на Камчатке и в Восточной Сибири, где добываются все эти ценные меха, их можно приобрести совсем дёшево, но они сильно ошибаются. Эта торговля велась здесь так долго, и в ней было так много конкуренции, что местные охотники теперь в полной мере осознают ценность того, что они добывают и требуют соответственной платы. Они так хорошо овладели уловками, достойных насто-

ящих янки, что прибегают к такой хитрости: они подвергают менее ценные светлые шкурки, особенно соболиные, действию дыма, придающий им насыщенный тёмный цвет. Однако их быстро разоблачили, и теперь, покупая шкурку, скупщик всегда сначала нюхает её или трёт носовым платком, а затем дуёт на неё, чтобы определить качество и густоту меха.

У торговцев в Петропавловском стоимость соболей во время нашего там пребывания была от шести до тридцати долларов за шкурку, в зависимости от цвета и качества; другие меха стоили соответственно их ценности.

За день до нашего отъезда над всей Южной Камчаткой разразилась сильнейшая гроза; такой, как сообщили нам жители города, здесь не было много лет.

Когда мы закончили с многочисленными покупками в дорогу, куда входил и приличный запас манильских сигар, остаток дня был посвящён прощальным визитам к нашим новым друзьям, которые предоставили нам множество рекомендательных писем своим знакомым в Николаевске. Среди них были и письма адмиралу Феррухельму, недавно назначенному губернатором приморских провинций Восточной Сибири, и господину Чейзу, торговому представителю Соединённых Штатов в Николаевске, так что мы были уверены, что у нас не будет никаких трудностей в получении всей возможной помощи для продолжения наших изысканий, и в 2 часа ночи 26 августа мы поднялись на борт «Ольги».

### ГЛАВА III

Слово «прощай», если произносить его слишком часто, утомляет; а столько, сколько мы сказали в тот вечер в Петропавловском, измучили нас настолько, что на следующее утро было уже довольно поздно, когда я выполз из своей каюты на палубе. Однако ещё раньше Махуд, обнаружив, что забыл кое-что на берегу, посчитал необходимым совершить ещё одну вылазку на берег. Нередко судам, стоящим на якоре в этой маленькой гавани, приходится по нескольку дней ждать попутного ветра, чтобы обогнуть мыс, но в это утро всё благоприятствовало нашему отплытию, и, поднявшись на верхнюю палубу, я обнаружил, что наш маленький бриг тронулся в путь раньше, чем предполагал Махуд, и уже медленно проплывает мимо песчаной косы.

Бриг понемногу набирал ход, и Махуду было нелегко догнать нас; его лодка сделала это только в тот момент, когда мы проходили мимо «Ба-

бушкина Камня», доставив также Кеннана и Фленджера, которые были ещё раз попрощаться с нами. Прощание прошло не без эмоций, по крайней мере, с моей стороны. Перед нами стояли долгие, трудные и опасные задачи; до их завершения пройдут месяцы, и было ещё неизвестно, воссоединится ли когда-нибудь наш маленький отряд. Где и когда мы встретимся снова, если вообще встретимся, знал только Всевышний...

День был необыкновенно тёплый и приятный, а воздух настолько чистый и прозрачный, что самые отдалённые предметы виднелись с невероятной отчётливостью. Авача, Вилучинский и Козельский вулканы предстали перед нашими взорами во всём своём величии, облачённые в великолепнейшие голубые и серебряные одежды, рассекая ярко-голубой небосвод своими острыми вершинами. Поросшие травой склоны, густая листва деревьев, всё было ещё влажным от утренней росы, сверкающую в лучах солнца мириадами алмазов, и всё это, вместе с массивным утёсом и сказочной каменной башенкой на нём, отражалось в гладкой воде с нереальной отчётливостью. Казалось, сама природа решила наградить своей непревзойдённой красотой этот наш последний взгляд на залив Авача и его окрестности. Даже водоплавающие птицы, словно сговорившись, подплывали совсем близко, чтобы продемонстрировать своё великолепное оперение, а тюлени, обычно пугливые, высовывали свои пятнистые круглые головы из воды в нескольких ярдах от нашего судна и своими большими выразительными глазами, казалось, желали нам счастливого пути. Но лёгкий бриз, едва достаточный для того, чтобы наполнить наши паруса, вскоре унёс нас от этого очаровательного пейзажа, чему также способствовал хороший отлив, и не прошло и нескольких часов, как мы снова оказались в бескрайнем океане, окутанные густым туманом, столь обычным для этих мест.

Следующие нескольких дней мы очень скучали без наших прежних товарищей, но постепенно примирились с новыми обстоятельствами и вернулись к прежнему распорядку дня и привычному времяпровождению.

Ещё с неделю туман не прекращался, иногда в полдень становилось достаточно светло, чтобы капитан мог вести наблюдения, но главным образом нам приходилось полагаться на лаг и компас, чтобы определить наше местонахождение. У побережья Камчатки этот вид навигации очень ненадёжен из-за сильных, коварных течений, которые за несколько часов могут полностью сбить судно с курса. На всякий случай мы держались подальше в море, пока не миновали южную оконечность

Камчатки, и направились к ближнему проходу между Курильскими островами, чтобы пройти в Охотское море. Южнее существуют другие, гораздо более удобные проливы, но там суда иногда задерживаются на дни и даже недели из-за неблагоприятных ветров, туманов или штилей. Опасаясь таких трудностей, было сочтено целесообразным воспользоваться первым же проливом.

Несмотря на непрекращающийся туман, мы продолжали наш путь, надеясь, что прояснится до того, как мы достигнем островов, и полагаясь на то, что вперёдсмотрящий вовремя предупредит нас о близости земли.

Пока не происходило ничего интересного вплоть до пятницы, 29 августа, когда около полудня мы стояли на палубе и старались разглядеть берег. «Вон фонтан!» — воскликнул капитан, имея в виду фонтан кита; и едва мы успели взглянуть в указанном направлении, как с вахтенного поста донёсся самый недобрый и тревожный для моряка крик: «Буруны по курсу!» Шум прибоя, едва различимый сквозь туман, был принят капитаном за рёв кита. И уже в следующую минуту мы оказались с трёх сторон окружённые яростным прибоем, вздымавшимся на высоту тридцать футов, но берег где-то за ними был всё так же скрыт туманом. Не успел смолкнуть предупреждающий крик, как всё погрузилось в суету и тревогу.

Медлить было нельзя, иначе корабль вскоре окажется в пасти этих дьявольских скал, и тогда уже не будет никакой надежды на спасение. К тому же с моря накатывала сильная зыбь, что значительно ухудшало наше положение. Но, благодаря быстрому выполнению команд капитана, судно повернуло на прежний курс, и вскоре мы с облегчением увидели, что медленно, но верно удаляемся от страшных скал.

Когда, наконец, опасность миновала и все вздохнули свободнее, тревога, как это часто бывает, сменилась шутками. Мы с удовольствием порассуждали о том, какую жизнь вели бы на одном из этих холодных вулканических островов, если бы потерпели кораблекрушение. Какие захватывающие рассказы о чудесном спасении на волосок от гибели, наших страданиях на безлюдном острове, и тому подобное были бы впоследствии опубликованы в газетах! Но вскоре шутки сошли на нет, так как стало заметно, что ветер быстро стихает, а мы всё ещё не более чем в двух милях от скал. Какое-то время наше судно почти не двигалось, а затем и вовсе остановилось, паруса его безжизненно обвисли, и только когда корабль качало на океанской зыби, они громко хлопали о мачты, каждый раз напоминая нам о нашей полной беспомощности. Волны, несомненно, понемногу приближали нас к скалам, но так медленно, что

мы надеялись поймать свежий ветер прежде, чем достигнем их. Но уже через нескольких минут мы все вздрогнули, снова услышав отдалённый шум прибоя, и сразу после этого туман немного рассеялся, и мы увидели, хотя и смутно, белую полосу прибоя.

И тут обнаружилось, что сильное течение несёт нас к рифу, тому самому, на который мы бы налетели полчаса ранее, если бы тогда не подул спасительный ветер. Был брошен лот в надежде найти якорную стоянку, но он погружался всё глубже и глубже, но дна не достигал. Мы с тревогой следили за парусами, пытаясь заметить малейшее дуновение ветра; матросы начали свистеть и царапать мачту<sup>1</sup>, но с каждой минутой ветер стихал всё больше и больше, если такое вообще можно сказать о полном штиле. В этот момент гибель судна казалась уже неизбежной, и помощник капитана получил приказ приготовиться к спуску шлюпки. Я спустился вниз, чтобы собрать необходимые на берегу вещи на случай, если бы нам пришлось покинуть судно.

Махуд был уже в каюте. В наши сумки из тюленьей кожи мы упаковали меха и другие предметы, которые точно понадобятся, не забыв о хорошем запасе патронов к винтовкам, которыми нам наверняка придётся воспользоваться, если мы благополучно доберёмся до берега. Завершив приготовления, мы оставили упакованное у лестницы, ведущей в каюту, и вернулись на палубу.

Корабль был уже на расстоянии ружейного выстрела от скал, тяжело покачиваясь на волнах, но ни малейшего дуновения воздуха не ощущалось. Матросы стояли у снастей, готовые по команде спустить лодку на воду. Снова был брошен лот, но он опять не достал до дна. Мы подплывали всё ближе и ближе к скалам, и уже стало очевидно, что надо покинуть судно. Как раз в тот момент, когда капитан собирался отдать приказ спустить шлюпку, один из матросов радостно закричал: «Вот! Смотрите!» Быстро подняв головы, мы увидели, как верхний парус на грот-мачте на мгновение затрепетал, но тут же снова обессиленно повис. Все замерли в ожидании... Через мгновение последовало ещё одно дуновение... затем ещё одно... каждое последующее было немного сильнее предыдущего. Наконец, бриг уверенно пошёл против течения. Через час мы наконец осознали, что между нами и грозными бурунами лежит несколько миль безопасного океана.

Ветер продолжался до следующего дня, а в 12 часов рассеялся туман. По пути на юг мы видели острова Ушишир и Кетой, оба представляют

---

<sup>1</sup> «Верный способ» вызвать ветер по убеждениям матросов того времени! – прим. перев.

собой небольшие скалы, торчащие из воды<sup>1</sup>. Ночью на горизонте показался остров Симушир. К утру ветер снова стих, и мы оказались в штиле у южной оконечности этого острова. За последующие двадцать четыре часа мы прошли всего двенадцать миль, но в четверг, с наступлением темноты, поднялся лёгкий бриз, который позволил нам, воспользовавшись преимуществом дневного света, пройти, наконец, пролив Буссоль; этот пролив является самым южным и широким из курильских проливов и находится между Симуширом и островами Чёрные Братья. Здесь проходит граница между российскими и японскими владениями.

Рано утром на следующий день нас разбудил помощник капитана и позвал нас на палубу «посмотреть на вулканы». Бриг всё ещё находился в проливе Буссоль. В тридцати милях к северу лежал Симушир, видимый на всю его длину — около двадцати семи миль — над которым возвышалась гора Мильна<sup>2</sup> — вершина старого потухшего вулкана. В десяти милях к юго-западу находилась группа островов «Чёрные Братья» — небольшие скалистые острова, увенчанные довольно высокими вершинами, из трёх из которых поднимались плотные клубы пара и дыма, отбрасывая тень на многие мили вокруг. Мы очень надеялись, что произойдёт извержение, но прошёл день, за ним ночь, а на следующее утро острова исчезли из виду.

Во время перехода через Охотское море к проливу Лаперуза несколько дней стояла прекрасная погода, хотя ветер дул слабый. На небе почти не было облаков. Закаты были великолепны настолько, что не поддаются описанию, а яркая полная луна, сиявшая в безоблачном небе над бескрайним водным пространством, отражалась от наших белых парусов и превращала ночь в день. Было так тепло, что мы могли целыми вечерами сидеть на палубе без тёплой одежды и шапок. В солнечные часы мы находили множество развлечений, то стреляя тупиков и других птиц, то наблюдая за китами, которых за один день насчитывали более сотни. Они принадлежали к виду, не представляющему большой ценности для китобоев, поскольку из них добывается мало жира.

Вечером 5 сентября на горизонте показался остров Сахалин, к южной оконечности которого мы быстро приближались, подгоняемые сильным восточным ветром. Во второй половине дня были замечены перистые и перисто-кучевые облака и другие признаки сильного ветра, и те,

---

<sup>1</sup> Если острова Ушишир ещё можно посчитать «торчащей из воды скалой» (2 острова в совокупности имеют площадь ок. 5 км<sup>2</sup>), то Кетой (площадью >70 км<sup>2</sup> и высотой 1166 м) вряд ли можно назвать таковой. Скорее всего под «Ушишир и Кетой» автор имеет ввиду оба острова Ушишир — Рыпонкича и Ян-кича. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> У автора — «гора Превó», что явно ошибочно, т.к. Превó находится на северной, дальней от пролива Буссоль, оконечности Симушира и, кроме того, является действующим вулканом. — *прим. перев.*



кто был знаком с морскими приметами, предсказывали, что к утру начнётся сильный шторм. Поскольку мы как раз собирались войти в пролив Лаперуза, мы искренне надеялись, что ветер будет благоприятным. Ширина этого пролива, расположенного между островами Сахалин и Хоккайдо, в самом узком месте составляет двадцать пять миль. Недалеко от его середины находится скала под названием «Камень Опасности» — очень подходящее название, поскольку суда могут наскочить на неё в туманную погоду, либо тёмной ночью, если только их не предупредят своим рёвом тюлени, которые во множестве там обитают.

С наступлением темноты мы взяли курс на юго-запад, которого можно было придерживаться ещё сорок миль, а затем уже рассветёт, и мы сможем безопасно пройти через пролив. В полночь налетел шторм, к счастью, с востока. Мы шли своим курсом так долго, как только могли, но вскоре стало так темно, что землю невозможно было различить даже на самом коротком расстоянии. Потому было сочтено целесообразным отойти на несколько миль на север и там «затаиться» до наступления утра. Я думаю, что ночью было очень беспокойно, так как мой багаж дважды падал, разбрасывая содержимое по всей каюте; а со своей койки я с интересом наблюдал, как наши сапоги и ботинки оживлённо играли друг с другом в «кошки-мышки».

На рассвете следующего утра мы пронеслись мимо Камня Опасности под полностью зарифленным гротом, море было белым от пены, а тяжёлые волны гнались за нами по пятам, каждое мгновение угрожая перехлестнуть через шканцы и утопить корабль. Северная оконечность острова Хоккайдо, одного из Японских островов, лежала немного южнее и была отчётливо видна с палубы, также, как и несколько небольших островов, частично возделываемых, хотя, как мне сказали, обитатели этих островов питаются в основном рыбой. В 4 часа дня. показался остров Тодомошир<sup>1</sup>, а ночью мы лежали в штиле в Татарском проливе, хотя море всё ещё было довольно беспокойной, и волны сильно били в кормовой подзор судна.

На следующий день впервые раздался крик «Вижу парус!», который поднял на ноги всю команду, ибо, хотя мы были в море почти шестьдесят дней, за всё это время до сих пор не было замечено ни одного судна. Это был бриг, направлявшийся, очевидно, в залив Де-Кастри<sup>2</sup> или на

---

<sup>1</sup> Это айнское название острова. Сейчас он называется Монерон — так, как назвал его Лаперуз в 1787 году — *прим. перев.*

<sup>2</sup> С 1952 года называется Залив Чихачёва. — *прим. перев.*

Амур, так как это были единственные порты к северу от нас, и, поскольку пункт назначения у нас был один и тот же, то, как будто договорившись, наши корабли устроили соревнование в скорости.

Суббота, 9 сентября, выдалась на редкость погожей, а термометр, очевидно, нагревшись на солнце, показывал все +35°C<sup>1</sup>.

По мере того как мы продвигались на север, стали видны высокие берега острова Сахалин с восточной стороны и Маньчжурии с западной, постепенно приближающиеся друг к другу.

Берег Маньчжурии, мимо которого мы проплывали, был высоким и крутым, а местность за ним, как казалось с борта судна, густо покрыта хвойным лесом.

В течение последних полутора дней нашего путешествия, которое продолжалось уже пятнадцать дней, барометр очень быстро падал. Небеса предвещали и другие признаки шторма. Тот, который мы пережили в проливе Лаперуза, был ещё свеж в нашей памяти, и мы были более чем рады, когда в 6 часов вечера 10 сентября показался маяк на южной оконечности залива Де Кастри. Вскоре после этого, когда ветер уже начал свистеть в такелаже, мы изменили курс, пройдя между маяком и другой «опасной» скалой<sup>2</sup>, которая находится у входа в залив, хотя и прикрыта высокой водой, и вскоре спокойно стояли на якоре в бухте<sup>3</sup>, защищённые от шторма, который бушевал снаружи. Другой бриг, наш соперник в гонке, бросил якорь минут на пять раньше нас.

Залив Де-Кастри, или Кастри, как его часто называют, расположен примерно в ста пятидесяти милях от Николаева, города недалеко от устья реки Амур. Залив был открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и назван им в честь маркиза Де Кастри, бывшего в то время морским министром Франции. Суда, направляющиеся в Амур, всегда заходят в порт на берегу этого залива, чтобы нанять лоцманов или дожидаться прибытия одного из российских корветов из Николаевска, которые буксируют суда в этот порт. Эта предосторожность необходима из-за трудного судоходства в северной части Татарского пролива и в «Лимане» (Амурском заливе); последний очень мелководен, а фарватеры его узкие, запутанные и часто меняются. Считается небезопасным для судов плавать здесь без благоприятной погоды и хороших лоцманов, если только их не сопровождает один из пароходов.

На карте можно увидеть, что река Амур находится не более чем в пятидесяти милях к западу от залива Кастри, здесь от села Мариинское

---

<sup>1</sup> Здесь и далее все температуры будут показаны в градусах Цельсия. — прим. перев.

<sup>2</sup> Вероятно, имеется ввиду остров Южный. — прим. перев.

<sup>3</sup> Имеется ввиду, очевидно, бухта Сомон в западной части залива Де-Кастри. — прим. перев.

река течёт почти строго на север параллельно береговой линии примерно сто пятьдесят миль, а затем поворачивает на восток и впадает в Лиман.

Путь от Кастри до Мариинского лежит через озеро Большие Кизи, соединённое с рекой Амур, после него проложена пятнадцатимильная бревенчатая гать, идущая через гряду невысоких холмов Берегового хребта.

Благодаря этим природным преимуществам — короткого пути от Кастри до озера Кизи и хорошей, хотя и небольшой бухты — русские в своё время всерьёз рассматривали идею строительства железной дороги или канала, соединяющего залив с Амуром, что позволило бы избежать мелководий, наводнений и других препятствий в Лимане; но пока не было предпринято никаких дальнейших шагов, кроме проведения некоторых предварительных изысканий, на основании которых оба вышеупомянутых проекта считаются вполне осуществимыми.

Собственно бухта представляет собой очень красивое водное пространство длиной около двух миль, окружённое невысокими, густо поросшими лесом холмами и усеянную небольшими островками, также покрытыми лесом, которые защищают суда, стоящие здесь на якоре, от восточных ветров. Когда мы бросали якорь, на воде почти не было ряби, хотя снаружи, в заливе, был сильный шторм.

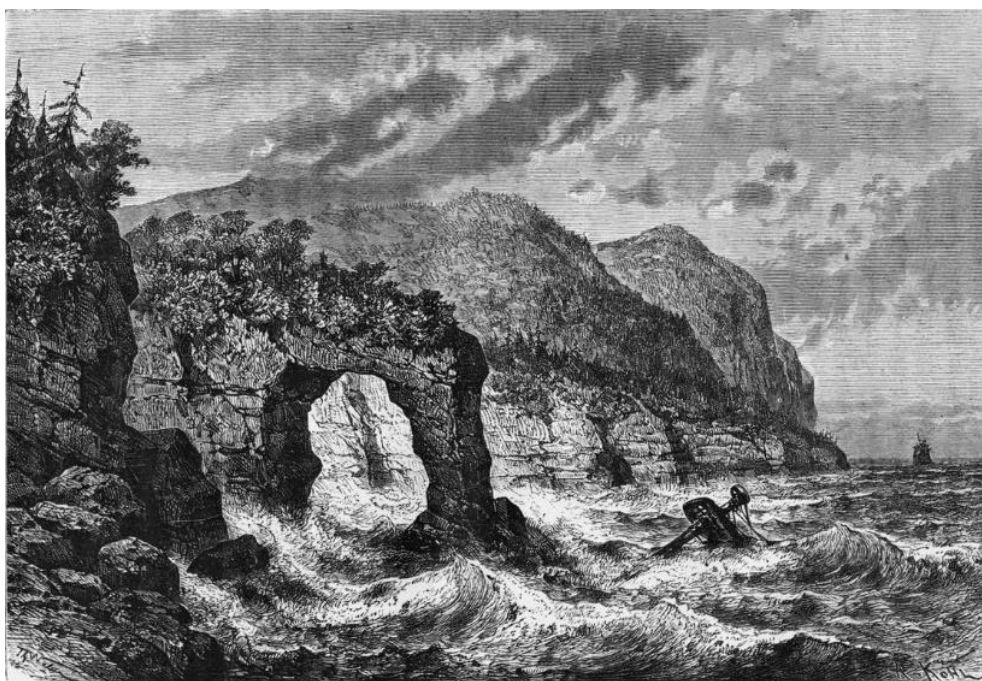
Маленькая гавань выглядела довольно оживлённой, рядом с нами на якоре стояло ещё пять судов. Между ними постоянно сновали лодки. Прямо перед нами находилось русское поселение Александровский пост<sup>1</sup>, основанное в 1853 году, построенное частично на расчищенном склоне одного из ближних холмов, а частично на скалистом выступе, вдающемся в залив, окружённое крутыми утёсами, подточенными у основания действием прибоя. Поселение представляет собой всего лишь небольшой военный пост без укреплений. Помимо казарм на пятьсот человек и казённых складов, в нём всего пара лавок и телеграфная станция, связывающая пост с Николаевском. С палубы нашего судна была видна только часть поселения.

Едва мы убрали паруса, как на борт поднялись несколько человек с берега и других судов, но от них не удалось получить никакой информации о времени прибытия следующего корвета, поэтому мы были вынуждены ждать, пока не доберёмся до берега на следующее утро и уточним по телеграфу, прежде чем принимать решение о наших дальнейших действиях. Мы решили, что, если в течение дня или двух не появится корвет, попробовать пройти по суше.

---

<sup>1</sup> Ныне на этом месте посёлок Де-Кастри. — прим. перев.

Когда на следующее утро мы подплывали на шлюпке к берегу, в поле нашего зрения показалась красивая каменная арка высотой около двадцати пяти футов, изящно изгибающаяся от скалистого берега к каменной башне, стоящей в воде. Её неровная поверхность, покрытая яркими пятнами мха, и поросшая травой вершина, на которой пустили корни искривлённые, покрытые шрамами от непогоды старые ели, и волны, что бешено ударяют в подножие утёса, бурлят и пенятся под аркой и, потеряв свой гнев, скатываются назад, в свою стихию, и широкий пляж, далёкие зелёные поля и голубое небо в просветах облаков — всё было достойно кисти величайшего художника!



Рядом с аркой были деревянные ступени, по которым мы поднялись с берега на плато, а оттуда, пройдя несколько сотен ярдов по извилистой тропинке через хвойный лес, добрались до магазина и конторы немецкой торговой фирмы «Эше и Компания». Дом был большим и удобным, и место выбрано удачно — с его веранды открывался изумительный вид на залив, острова и корабли.

Владельцы этого заведения оказали нам очень радушный приём, а один из них любезно вызвался сопроводить нас до телеграфной станции и взять на себя роль переводчика. Станция находится почти в миле от магазина мистера Эше. Это новое бревенчатое здание, расположенное на пологом склоне с видом на залив и окружённое бесчисленными пнями, оставшимися от леса, который рос здесь недавно. В целом это место было похоже на некоторые из городков нашего Дикого Запада.

Прибыв на телеграфную станцию, мы с сожалением узнали, что линия между Софийском и Николаевском находится в ремонте, а поскольку нередко проходит несколько дней, прежде чем её снова приводят в рабочее состояние, мы сразу решили воспользоваться сухопутным маршрутом и попробовать сесть на один из амурских пароходов в Мариинском.

На станции мы встретились с русскими офицерами, служившими на этом посту; они предложили нам любую помощь для продолжения нашего путешествия, они же сообщили нам, что коменданты постов в местах, через которые будет проходить наша линия, также получили инструкции из Санкт-Петербурга об оказании нам всей необходимой помощи. Дружеское участие русских позволило нам впоследствии добиться гораздо большего, чем было бы возможно в других обстоятельствах.

Решив отправиться в путь на следующий день, мы тут же начали готовиться к путешествию и отправили людей в соседние сёла за лошадьми для поездки. Провизия, одеяла и кое-какие приятные излишества, состоящие главным образом из сигар, были упакованы в дорожные тюки, и наши приготовления почти завершены, когда мы узнали, что удалось достать только трёх лошадей и два седла. В этих обстоятельствах, поскольку нас решил сопровождать капитан «Ольги», мы были в растерянности, не зная, как везти наши припасы и вещи, но комендант поста избавил нас от затруднений, любезно предоставив нам трёх солдат для переноски пешком до озера, до которого примерно двадцать пять вёрст. Нам было неудобно превращать людей во вьючных животных, но, за неимением другой возможности, решили не отказываться и с благодарностью приняли это необычное предложение.

Солдаты здесь — не более чем чернорабочие по призыву, которых отправляют на Амур обустраивать здешние места. Мне рассказывали, что они служат пятнадцать лет за ежегодное жалованье в три рубля, их также снабжают пайками чёрного хлеба и иногда чаем. Их основная пища — рыба, которую они должны ловить сами, но в заливе Кастри есть и устрицы; как мне сказали, они довольно крупные и вкусные.

Утро 12 сентября выдалось не слишком благоприятным для начала нашего путешествия. Гора Арбат<sup>1</sup>, служащая для александровцев барометром, была окутана мрачного вида облаком, что, как говорят, было верным признаком плохой погоды, и все без колебаний предсказывали

---

<sup>1</sup> Гора Арбат — это поросшая лесом вершина высотой 1500 футов, расположенная сразу за Александровским. Она служит ориентиром для судов, идущих в залив Кастри.

[Судя по описанию, автор имеет ввиду всё же гору Казакевича, а не Арбат. — прим. перев.]

нам «мокрую» поездку. Для этого, однако, мы были хорошо подготовлены, у нас были хорошие резиновые плащи, а также уверенность, что к ночи мы доберёмся до Мариинска и найдём жильё, поэтому возможные неудобства всего на один день не помешали нам отправиться в путь.

Бедняги, тащившие наш багаж, пострадали бы больше всех, но они не раздумывая отправились в путь раньше нас, как будто в этом для них не было ничего нового, и, по-видимому, были рады возможности нарушить надоевшую монотонность своей жизни на берегу залива.

Около 7 утра мы тронулись в путь, следуя сначала по узкой дороге, прорубленной в лесу вдоль берега, с которой открывался прекрасный вид на залив, а затем спустились в низменную болотистую местность и поехали по ужасной дороге, устланной разбитыми, мокрыми и скользкими брёвнами. К этому времени небеса отворили свои шлюзы, и дождь полил как из ведра, так что невозможно было остаться сухим даже в резиновых плащах. Наше продвижение было вынужденно медленным, несколько раз нам приходилось спешиваться и вести лошадей через болото в обход мест, где дорога была полностью разрушена, а брёвна, из которых она сложена, были разбросаны или сломаны.

Вскоре мы выбрались из болота и начали подъем на «Береговой хребет» — густо поросший лесом пологий склон, который, впрочем, вряд ли заслуживал названия даже холма.

Почва здесь была из густой, липкой, жёлтой глины, а на склонах дорога была сильно размыта проливными дождями; идти было тяжело и людям, и лошадям. Вскоре мы догнали наших солдат; уставшие и промокшие до нитки, они представляли собой поистине жалкое зрелище. Даже ехать верхом казалась нам довольно малоприятным, но, сравнительно со страданиями солдат, нам можно было позавидовать.

Поездка была медленной и монотонной, время от времени прерываясь тем, что спотыкалась или скользила лошадь, или же капитан отпускал свои матросские шуточки. То ему решительно не нравилось, как ведёт себя под ногами «палуба», особенно потому что не за что схватиться, что бы «не свалится за борт»; то он едва избегал «кораблекрушения», когда его лошадь спотыкалась; то его мучила «сильная зыбь» — это когда его лошадь скользила; то уверял, что «несомненно, получит пробину, прежде чем прибудет в порт».

Местность, по которой мы проезжали, покрыта густым лесом, в основном лиственницей, но мы также видели несколько осин, елей, сосен и берёз. Бревенчатая дорога тянется почти на всём протяжении до озера, время от времени попадались участки хорошей дороги, на кото-

рых мы подстёгивали лошадей, пытаюсь наверстать упущенное, но, несмотря на все наши усилия, прошло шесть долгих часов под постоянным дождём, прежде чем мы разглядели впереди узкую невзрачную полосу воды, известную как озеро Кизи. Это унылое место, окружённое сырыми, мрачными лиственницами, предстало перед нами не в самом благоприятном своём виде.

Ширина озера в этом месте составляет около мили, берега низкие и болотистые, а единственные следы присутствия человека — это разбитая бревенчатая дорога, да ветхая лачуга у самой кромки воды. Это была деревня Фёдоровская<sup>1</sup>, наша первая остановка на озере, правда в течение нескольких минут мы думали, что заблудились, и набрали на рыбацкую хижину какого-то всеми забытого, сломленного жизнью отшельника, сбежавшего подальше от мирской жизни. Никто не ответил на наши крики, а единственная дверь хижины была заперта снаружи на засов. Если бы не злобный лай маленькой дворняжки, которая бежала по пятам за нашими лошадьми, когда мы подъезжали, мы бы подумали, что это место просто заброшено.

Все мы совершенно промокли и устали настолько, что даже хижина показалась нам роскошным жилищем, и мы как раз решили вступить во владение ею, когда увидели приближающуюся маленькую, похожую на ящик лодку с двумя мужчинами, в то время как два других существа приближались, идя по берегу. Эти двое были, очевидно, уроженцами этих мест; внешний вид их был весьма любопытен, хотя ни в коем случае не привлекателен и уж точно не вызывал восхищения. Как определить их национальность, мы не знали, кроме как общим названием «татары».

По небольшим участкам кожи, которые были видны сквозь покрывавшую её грязь, мы определили, что цвет их лиц находится где-то между китайцами и американскими индейцами. Черты их были явно монгольскими — миндалевидные глаза, приплюснутые носы и жёсткие чёрные волосы; но больше всего выделялись скулы, которые были настолько выдающимися, что при взгляде в профиль полностью закрывали остальную часть лица.

Пара была одетая в грязную, засаленную кожаную одежду, босиком, с голыми ногами, а длинные, жёсткие волосы заплетены в косы, свисавшие за спиной. Голова мужчины (а это были представители обоих полов) была заплетена в одну косу, очень похожую на «хвост» китайца, за исключением того, что голов не была нигде выбрита. У женщины было

---

<sup>1</sup> Эта деревня сохранилась только на немногих старых картах этих мест. Расположена она была примерно в том месте, где сейчас находится посёлок Дульдиги на озере Малые Кизи. — *прим. перев.*

две косы, или то, что когда-то было таковым, поскольку волосы её, как и её мужа, представляли собой массу спутанных волос, которые становились всё более спутанными благодаря тому, что обладатели их непрерывно и энергично чесали голову нематыми пальцами.

Вряд ли бы мы определили, кто из них мужчина, а кто женщина, если бы не трубка с длинным чубуком, янтарным мундштуком и миниатюрной медной чашкой, которую курил мужчина, в то время как его половина несла несколько крупных рыбин.

Они были из племени гиляков, насчитывавшего около 8000 душ, родственного тунгусам — так утверждалось, хотя позже мы выяснили, что гиляки совсем другой народ, чем тунгусы, с которыми мы встречались в наших путешествиях. Гиляки были исконными обитателями Нижнего Амура в то время, когда здесь появились белые и ещё неизвестно сколько жили здесь до этого.

К этому времени лодочники подгребли к берегу и вытащили на него свою маленькую лодку. Они оказались русскими солдатами-смотрителями станции, и, поскольку один из них был уроженцем прибалтийских провинций и знал немецкий язык, у нас не возникло трудностей с разговором через капитана, который сам был каких-то тевтонских кровей.

Передав наших лошадей солдатам, которые привязали их под крытым соломой навесом неподалёку, мы, сопровождаемые гиляками и курами, вошли в закопчённое помещение, с маленьким окошком с натянутым в нём рыбьей кожей, вместо стекла. Бóльшую часть земляного пола внутри занимала кирпичная печь, на которой был сложен приличный запас вяленой рыбы и дров. В двух углах стояли узкие нары, покрытые тряпьем совершенно отталкивающего вида, ещё в одном углу — небольшой грубый стол и пара табуреток.

Войдя в комнату, гиляцкая женщина, видимо, из уважения к нам, хотя и весьма нескромным образом, расположилась на одной из кроватей и начала одеваться поприличнее, забыв, однако, и умыться, и причесаться; но даже те незначительные изменения, которые она вносила в свою внешность, давались бедняжке с трудом, поскольку ей приходилось обеими руками постоянно отвечать на домогательства бесчисленных тварей, хотя и невидимых, но, судя по всему, весьма ощутимых.

Вскоре к нам присоединились хозяева, один из них щедро угостил нас из своих запасов, думая, что мы, конечно, проголодались в долгой дороге, как, впрочем, и было на самом деле; но одного взгляда на подозрительного вида субстанцию, которую он нам предложил, было достаточно, чтобы тут же утолить наш аппетит, и мы поспешно извинились за свой отказ под предлогом того, что ни в малейшей степени не хотели



обделять хозяев и что вот-вот придут наши собственные припасы. Мы потом ещё часто были рады полакомиться такой едой, но пока не были в достаточной степени посвящены в сибирские традиции, поэтому предпочитали утолять свой аппетит своей собственной, даже если это вызывало некоторое раздражение той части тела, которая больше всего страдает от недостатка питания.

## ГЛАВА IV

Томительно тянулось время, пока мы ждали в Фёдоровской, когда придут солдаты с нашими припасами и багажом. Унылая, грязная лагуна вкупе с нашим быстро растущим чувством голода, пасмурной погодой и переживаниями, что наши люди могут прибыть поздно, и нам придётся провести ночь на земляном полу, действовали так подавляюще, что это чувство едва ли можно было преодолеть даже ободряющим и утешительным действием наших трубок и сигар.

Мы терпели это часа три, по истечении которых, после долгих уговоров, наш хозяин достал из какой-то укромной щели маленький пакетик чая и щедро приготовил для нас порцию драгоценного напитка. Час спустя, в 5 часов вечера, хлынул проливной дождь, и на безрадостный пейзаж быстро опустилась ночь. До следующей станции было шесть миль по прямой, по воде, и, отвечая на наши расспросы, нам рассказали, что добраться туда можно только на том жалком судёнышке, похожем на ящик, которое мы уже видели. Мы даже сомневались, достаточно ли оно велико, чтобы вместить всех нас, не говоря уже о багаже, да и не было никакой возможности подсчитать, сколько времени может потребоваться на переправу.

Эти удручающие обстоятельства заставили нас остаться на ночь, но прибытие нашего багажа и перспектива более удобного ночлега на следующей станции Елисеево побудили нас немедленно продолжить путешествие, несмотря на дождь и темноту.

Бедные солдаты были совершенно измучены и насквозь промокшие, но хороший глоток их любимого напитка, разбавленного спирта, и щедрое вознаграждение в рублях полностью восстановили их боевой дух, и вскоре усталость и неудобства были забыты. Одного из них, говорившего по-немецки, мы решили взять с собой в качестве переводчика, пока не найдём другого.

Мы наскоро, но плотно пообедали, да несколько минут ушло на то, чтобы перенести багаж в лодку и усесться самим, и вскоре пара вёсел в

руках одного из зрителей станции с черепашьей скоростью повлекли нас к середине озера. Был поднят небольшой парус, футов четыре на четыре, но, поскольку ветра пока не было, это нисколько не прибавило нам скорости.

Лодка наша была довольно любопытной и настолько плохо сконструированной, что любое наше движение в ней могло бы её опрокинуть. По этой причине каждому из нас было отведено своё место, и мы старались ни в коем случае не покидать их. Лодка представляла собой ящик с плоским дном и отвесными бортами из тёсаных досок и такой неглубокий, что со всеми нами и багажом её борта выступали над водой не более чем на три дюйма. К счастью, ветра не было, вода была совершенно гладкой, и, желая сократить путешествие как можно больше, мы смело направилось через середину озера.

По-прежнему лил сильный дождь, плотный слой чёрных облаков над нами был, казалось, бесконечен, а сгущавшиеся сумерки предвещали что угодно, только не приятное путешествие. Мы проплыли уже около двух миль и достигли середины озера, как с севера подул лёгкий бриз, и к нашей лодке покатались низкие волны, каждая из которых норовила перехлестнуть через борт. Мы пустили в ход шляпы и всё, что было под рукой, чтобы вычерпать воду, но безрезультатно. Вода неумолимо подступала к нам, и стало очевидно, что, если мы продолжим плавание, лодка просто утонет. Теперь нашим единственным спасением было в том, чтобы без промедления добраться до твёрдой земли — мы повернули, и через несколько минут достигли берега.

После недолгого совещания мы решили продолжить наше путешествие, но для этого надо было как-то облегчить лодку. Для этого капитан, я и переводчик вызвались идти пешком, в то время как Махуд и лодочник продолжают путь с багажом на лодке. Уже почти стемнело, когда, следуя вдоль болотистого берега, мы прошли около десяти миль и продолжали двигаться вперёд, не представляя сколько сложностей нам ещё предстоит. Низкий берег, изрезанным мелкими протоками, был весь в кочках, везде валялись наполовину погружённые в землю брёвна, скрытые густой травой, во многих местах доходившей нам до плеч. Дождь всё ещё лил как из ведра, и трава стала такой мокрой, что, не пройдя и ста ярдов, мы совершенно промокли, одежда висела на нас, как налитая свинцом, и сильно мешала при ходьбе.

Несмотря на это, а также на брёвна и кочки, о которые мы постоянно спотыкались и падали, первые час-два мы довольно сносно продвигались вперёд, держась более или менее береговой линии. Здесь не было

ровных песчаных пляжей, по которым было бы удобно идти, болотистая почва простиралась до самой воды.

Вскоре непрерывная ходьба и постоянные падения начали сказываться, и к тому времени, когда мы преодолели половину расстояния, мы так устали, что с трудом передвигали ноги. Исчезли последние проблески дневного света, и ночь, облачённая в свои самые чёрные одежды, погрузила всё вокруг в непроглядную тьму. Разглядеть что-то перед собой стало невозможно. Мы уже могли держаться вместе только постоянно окликая друг друга. В довершение всего дождь пошёл ещё сильнее. Едва ли кто-нибудь мог оказаться в более безвыходном положении, чем наш отряд, брошенный в кромешной тьме на произвол судьбы в дикой незнакомой стране.

Наконец, совершенно обессилев, мы сочли необходимым держаться вместе и помогать друг другу вставать на ноги после падений, поскольку ни у кого из нас уже не было сил подняться без посторонней помощи. И без того густая трава стала ещё гуще, а почва под ногами такой неровной, что идти стало положительно невозможно. Теперь нашим единственным планом было попытаться идти по озеру вброд, и мы направились к нему, держа друг за друга за руки. Этот путь оказался гораздо лучше, так как дно было довольно ровным, а мы уже настолько промокли, что нам было всё равно. Ещё в течение часа мы с трудом продвигались вперёд, иногда проваливаясь в воду по пояс и ориентируясь только по глубине озера. Так мы шли шаг за шагом, каждый миг надеясь увидеть впереди огни станции, но наши ожидания неизменно заканчивались разочарованием. Путь казалось бесконечным, наши силы иссякли, остались только какие-то судорожные рывки. Наконец, стало немного светлее, и мы смогли различить ещё один тёмный мыс примерно в миле от нас, сразу за которым, как мы были уверены, находилась станция, поскольку мы шли уже более четырёх часов и, несомненно, прошли не менее девяти миль.

Воодушевлённые, мы напрягли последние силы и через три четверти часа достигли мыса, но за ним нас ждала всё та же непроглядная тьма.

Мы были слишком измучены, чтобы идти дальше, поэтому легли на мокрую траву, чтобы провести ночь, не имея ни спичек, ни сухих дров для костра. В этот момент я вспомнил о своём револьвере, который я имел с собой на случай встречи с медведем, нередким в этих краях, и, зная, что Махуд, должно быть, уже давно добрался до станции, выстрелил три раза подряд, давая понять где мы находимся и надеясь, что он услышит и пришлёт лодку, чтобы выручить нас.

Едва эхо выстрелов стихло в тёмном лесу по ту сторону озера, как в ответ раздались три отчётливых выстрела, а полчаса спустя до наших ушей донёлся мерный плеск вёсел. Ещё через полчаса показались огни станции Елисеево, и вскоре после этого зрители провели нас в добротное здание, в котором было три или четыре квартиры, обогреваемые печами.

Той ночью никакая роскошная гостиница не был бы для нас милее этого простого бревенчатого дома. В огромной печи с распахнутой настежь дверцей ярко пылали дрова, освещая грубые стены нашего «номера». Вскоре наша мокрая одежда была развешана для просушки по всей комнате, а из сумок были извлечены сухие тёплые вещи. К этому времени гостеприимный хозяин смахнул с грубо сколоченного стола стаю тараканов, расставил на нём чайные чашки, наполнил их до краёв горячим чаем, нарезал огромную буханку чёрного хлеба и аккуратно разложил по куску возле каждой чашки, а рядом поставил ещё по старомодной расписной плошке с маслом, состоящим наполовину из тараканов.

А как мы ели! Это надо было видеть! Чай, хлеб, масло и, не знаю, тараканы, кажется, тоже поглощалось нами в таком количестве, что, если бы мы не вспомнили о хозяине, он, несомненно, ещё до утра оказался бы полным банкротом и стоял в очереди за бесплатным супом. Чашки осушались и наполнялись, осушались и наполнялись — ну, не буду говорить, сколько раз, чтобы не прослыть вруном; но скажу, что, когда трапеза была закончена, я какое-то время сидел, преисполненный истинным восхищением и удивлением от собственных способностей. Затем появились трубки и табак. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из тех неблагодарных хулителей, которые постоянно осуждают употребление табака, был в это время с нами. Одного вдоха этого ароматного утешителя утомлённого человека было бы достаточно, чтобы убедить его в ошибочности его вредных представлений, и чтобы язык его навсегда перестал бы касаться этой темы.

Ночь мы провели с большим комфортом на сухом сене, разложенном на полу, и нам было всё равно, что мы в самом убогом жилище. К рассвету все уже были на ногах, готовясь к дальнейшему путешествию.

От этого пункта до следующей озёрной станции — Владимирской — мы должны были плыть на другой лодке, получше первой, и взять нового лодочника, что нас чрезвычайно устраивало, поскольку события прошедшего дня настроили нас несколько против пеших прогулок по этой местности. Вкуснейшая жареная форель и несколько чашек кирпичного чая улучшили нам настроение, и к 6 часам утра мы снова были

в пути. Старого лодочника мы оставили, и он недовольно ворчал по поводу оплаты. Вообще его требования к оплате были непомерными, несмотря на то, что он и его жалкая посуда оказали нам не такую уж большую услугу, да и расчёт, который он получил при увольнении, оказался равным его жалованью за десять месяцев.

Кирпичный чай является едва ли не единственным напитком этих людей, которые не могут позволить себе ничего лучшего, и, хотя он считается не самым качественным, мы находили его очень вкусным. Он состоит из наиболее грубых листьев и мелких веточек чайного куста, которые измельчают в порошок и смешивают с бычьей кровью до консистенции густой массы. Затем его сушат в виде кирпичиков, от которых этот чай и получил своё название. Кирпичики такие твёрдые, что порцию для заварки приходится соскабливать с них ножом. Кстати, в спешке сборов мы забыли захватить с собой чай с нашего брига.

День был ясный, тёплый и удивительно красивый. Ни малейшего дуновения ветра не нарушало зеркальную гладь озера, а бескрайний лиственный лес, окружавший нас со всех сторон, стоял неподвижно, как нарисованный на картине. Ничто, кроме нашего маленького судёнышка, да одинокой скопы, высматривающей под водой свою добычу, не оживляло окружающий пейзаж, пока мы не проплыли несколько миль и не приблизились к северному берегу озера, где увидели нескольких аистов и лебедей, а вскоре после этого, добравшись до места, где болотистый берег сменялся низкими илистыми отмелями, мы вспугнули большую стаю из сотен гусей.

Это было зрелище, от которого глаза у нас загорелись азартом, также, как и от стаяк сверкающих рыбок, выпрыгивающих из спокойной глади озера; они жизнерадостно трепетали в воздухе в тёплых лучах солнца и с плеском падали обратно в ореоле крошечных брызг. Казалось невероятным, что этот день и предыдущий на самом деле происходили в одном и том же месте.

В 10 часов мы прибыли на третью станцию, Владимирскую. Здесь, как и в предыдущих, был всего один дом, но дом этот был намного больше и вмещал около пятидесяти солдат, которые как раз были расквартированы здесь в это время. Однако никого из них поблизости не было, да и паромщик со своей лодкой тоже отсутствовал, не оставляя нам возможности продолжить наше путешествие, поскольку нашего последнего лодочника не удалось уговорить пройти дальше положенного ему расстояния.

Единственным плавсредством на станции был большой баркас, способная перевозить человек тридцать. Ветра не было, поэтому мы не

могли воспользоваться этой лодкой, к тому же она была вытащена на сушу. Примерно в полумиле на берегу озера слышался стук топоров — это были солдаты, которые, как сказал нам лодочник, вытаскивали на озеро брёвна, чтобы сплавлять их в Мариинск. Чтобы выяснить, когда вернётся лодочник, Махуд с капитаном и переводчиком отправились на его поиски и вернулись только часа через два. Оказалось, что лодочник ушёл в Мариинск и мог не вернуться в течение двух дней, но командир солдат любезно предложил нам воспользоваться баркасом и выделил девять человек для гребли, и к часу дня мы снова тронулись в путь. Для рулевого с его неуклюжим рулём на корме судна располагалась большая квадратная платформа, выступающая за борта. Едва мы тронулись в путь, как Махуд и капитан улеглись на ней, завернувшись в одеяла, и тут же заснули. Я тоже нашёл это место достаточно удобным, чтобы расположиться там и наслаждаться окружающим ландшафтом сквозь лёгкие струйки дыма моей сигары — то наблюдая за шутливыми проделками солдат, то размышляя о том, как изменится, наверное, эта дикая местность через какое-то время. Я пытался представить себе, как вырубаются этот лес, повсюду строятся города, как всевозможные суда бороздят эти воды — их пронзительные свистки эхом отдаются в прибрежных скалах; там, где теперь царит хмурая тайга, среди колышущихся пшеничных полей гудят паровозы... но, как обычно, как раз в тот момент, когда я наносил последний мазок на воображаемой картине, кто-нибудь из солдат «зарывал весло» или делал что-нибудь ещё, вызывая град насмешек своих товарищей, и отвлекал меня от моих мечтаний.

Солдаты были людьми весёлыми и, казалось, вполне довольны жизнью, которую назначила им судьба. Я не мог не восхищаться сильным чувством братства между ними; ни в одном из их поступков нельзя было обнаружить ни малейшего следа эгоизма, хотя возможностей проявить его было предостаточно.

Если кто-то раскуривал трубку, то она доставалась всем, и даже пара небольших репок (выращенных тут же, на стационарном огороде) делилась поровну между всеми. Они так тепло расставались с другими солдатами на станции, что можно было подумать, что им предстоит разлука на всю жизнь, а не на два-три дня.

Во время нашего путешествия протяжённостью около двадцати пяти миль, мы миновали небольшой скалистый остров под названием Бошняк<sup>1</sup>, который у гиляков считается священным. К этому месту пери-

---

<sup>1</sup> Остров называется «Камень лейтенанта Бошняка». Назван Г.И.Невельским в честь члена Амурской экспедиции (1849–1855) Николая Константиновича Бошняка. — *прим. перев.*

одически приплывают шаманы, чтобы проводить свои языческие обряды, которые во многом похожи на церемонии наших американских индейцев.

Около 5 часов мы обогнули длинный мыс, выдающийся в озеро, и сразу же после этого показался город Мариинск, расположенный на невысоком утёсе на правом берегу. Этот город был основан капитаном Невельским в 1851 году как торговый пост Российско-Американской компании, а впоследствии приобрёл большое значение как военный пост из-за своей близости к заливу Де-Кастри. В городе размещается батальон пехоты. Сначала он подвергался нашествиям китайцев, поэтому для защиты его было возведено несколько земляных укреплений, но сейчас они больше не используются.

Все дома здесь одноэтажные деревянные и разбросаны примерно на милю вдоль берега, вид у них довольно невзрачный. Самая заметная достопримечательность города — это небольшая, изящная и ярко раскрашенная церковь в восточном архитектурном стиле, с куполами и минаретами: это здание очень красиво смотрелось с озера, а также пара добротных особняков с красивыми садами и парками с посыпанными гравием дорожками.

На берегу лежали всевозможные лодки — от спасательных шлюпок до гиляцких плоскодонок; среди них было грязное, невзрачного вида судно гораздо бóльших размеров, от которого поднималось облачко пара. Мы справедливо предположили, что это был один из амурских пароходов, хотя мы находились на одной из самых малопосещаемых протоков могучего Амура, о чём мы, впрочем, в то время ещё не подозревали.

По прибытии нас провели к коменданту. Его штаб-квартира представляла собой очень скромный деревянный дом, и, к сожалению, в приёме, который он нам оказал, не было большого радушия. Мы не могли себе этого объяснить, это составляло такой разительный контраст с тем добросердечным гостеприимством, оказанным нам повсюду, куда бы мы ни приезжали.

После этого нас представили мистеру Розенхайму, местному торговцу, который настоял на том, чтобы мы жили в его доме, и предложил всю возможную помощь, чтобы нам добраться до Николаевска, поскольку до прибытия нужного парохода могли пройти недели.

От места назначения нас отделяло ещё двести миль по реке. Это путешествие нам предстояло совершить в открытой лодке, но с приобретением лодки и гребцов для столь длительного пути возникли трудности.

Наша первая мысль была о гиляках, но так как сейчас был сезон рыбной ловли, во время которого они запасались провизией на всю зиму, то, как нас уверили, никакая цена не заставит их сопровождать нас.

У мистера Розенхайма был большой баркас, который он охотно предоставил в наше распоряжение, и, поскольку других средств не было, мы предъявили наши письма и обратились к коменданту с просьбой выделить нам пятерых солдат в качестве гребцов, которых он нам неохотно предоставил, так что уже на следующий день мы могли продолжить наше плавание.

В этих городах неизвестна такая вещь, как гостиницы, а мест для ночлега никогда не бывает достаточно, поэтому путешественнику, как правило, приходится мириться с плохими условиями проживания. Нередко хозяин полностью жертвует собственным удобством, чтобы принять нежданных гостей, как это сделал мистер Розенхайм; он, кажется, намеревался поднять с постели всю свою семью, чтобы разместить нас, но мы и слушать не хотели, предпочитая спать на полу в его библиотеке, где вполне комфортно провели ночь.

На следующее утро чуть ли не все жители Мариинска собрались на берегу, чтобы проводить нас.

Мужчины, по крайней мере, пришли в полном составе; они не спеша прогуливались и покуривали, предоставив женщинам заниматься не только домашними делами, но и исполнять многие другие обязанности, которые по праву принадлежат мужчинам, такие как колоть дрова и носить воду из реки — единственного источника, которым пользуются мариинцы.

Большие натруженные руки и крепкие тела местных женщин свидетельствовали о том, что они долго и тяжело работали на своих ленивых мужчин, на них было больно смотреть, а когда мы увидели совсем ещё девочек, бледных и измождённых от постоянной работы, сгорбленных под тяжестью ноши на виду у сидящих без дела здоровяков — нам казалось это возмутительным и несправедливым. По-видимому, долгое общение с язычниками-гиляками привило здешним белым многое из их жестоких привычек и обычаев.

Баркас мистера Розенхайма был хорошо приспособлен для нашей цели; вряд ли мы могли найти что-нибудь лучше, тем более, что нам должно было помогать хорошее течение, хотя по неуклюжести и громоздкости это судно вряд ли можно было превзойти. Его главное достоинство заключалось в его размерах: около двадцати пяти футов в длину и шести в ширину, в нём было достаточно не только мест для сидения и размещения багажа, но и для сна.



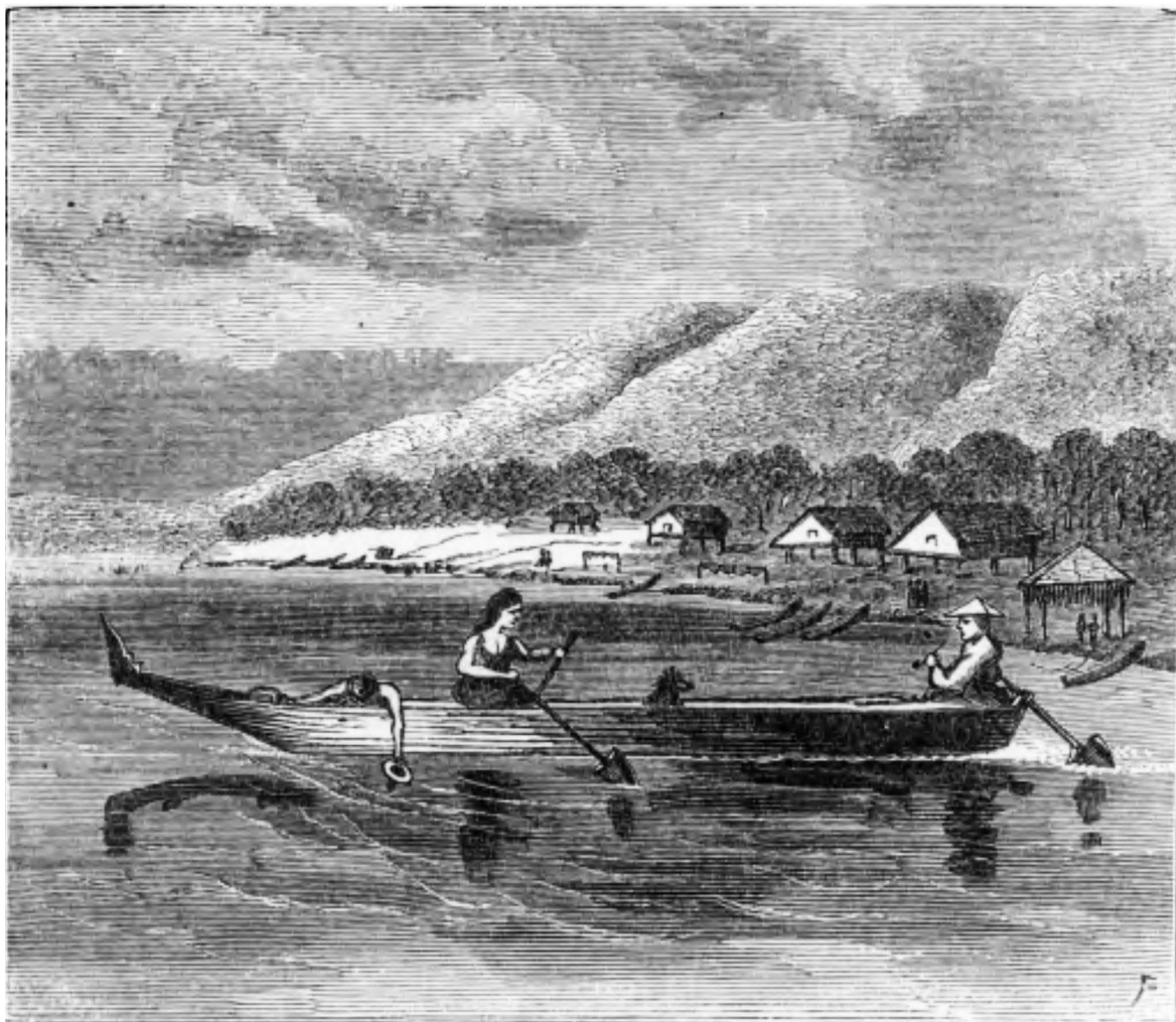
В кормовой части был сделан отсек для груза. Часть этого пространства мы заполнили свежим сеном, собираясь на нём спать, так как ожидали, что ночами также будет плыть. Для гребцов, которых не хватало, мы приготовили два места, также соорудили небольшую мачту для импровизированного паруса из двух прорезиненных покрывал. И вот, попрощавшись с нашими новыми друзьями, мы оттолкнулись от берега, и несколько сильных взмахов неуклюжими вёслами вынесли нас на середину протоки, где, попав в течение и поймав в паруса лёгкий ветерок, лодки набрали ход, и вскоре последние дома Мариинска скрылись из виду.

Амур был открыт русскими в 1643 году. У китайцев мы находим записи о людях, населявших эту местность, которые датируются 1100 годом до н.э. Вероятно, уже в это время или ненамного позже они знали и о самой реке. Имея протяжённость более 2400 миль, 1500 из которых судоходны, и вместе со своими притоками, собирающими воду с территорию 766 000 квадратных миль, Амур заслуженно считается одной из величайших рек Азии. В его бассейне встречаются практически все климатические зоны. Говорят, что эта река — единственная на земле, на берегах которой встречаются животные, характерные и для Арктики, и для жарких стран, и, каким бы странным это ни казалось, здесь северный олень становится добычей бенгальского тигра, а дикий кабан и барсук обитают по соседству с полярным зайцем и росомахой.

Река в этом месте имеет ширину почти в милю и протекает по обширным равнинам, покрытым лугами с высокой густой травой, вдалеке за которыми, по обе стороны, видны едва заметные в голубоватой дымке холмы. Равнины усеяны рощами деревьев, а во многих местах они выходят на берега реки, где под густой листвой в своих живописных жилищах обитают экзотические, хотя и очень грязные, гиляки. Одно из таких мест мы увидели недалеко от Мариинска. Перед каждым домом на берегу лежали лодки с высокими, причудливо украшенными носами, а вдоль берега босоногие туземцы тянули длинный невод и вытаскивали на песок сотни прекрасных, сверкающих на солнце лососей. Эту рыбу разделявают и подвешивают на шестах под навесами из коры или соломы, где она вялится до тех пор, пока не понадобится для еды. Здесь, как и на Камчатке, она предназначена в пищу как людям, так и собакам в течение долгих зимних месяцев. Рыба, ягоды, а также кора и корни различных деревьев составляют почти единственную пищу местных жителей, и, хотя здесь можно было бы выращивать многие из неприхотливых овощей, приложив лишь немного усилий, они довольствуются лишь тем, что даёт им природа.

В это время года река буквально кишит лососем, и для его ловли надо так мало усилий, что он считается практически дармовым. Рыба, которая украсила бы меню лучших ресторанов Европы, здесь служит самым дешёвым кормом для собак.

Время от времени мы встречали лодки, скользившие от берега к берегу, почти всегда на них гребли женщины, которые управлялись с короткими резными вёслами с мастерством и грацией, достойными восхищения. Они работают вёслами почти так же, как мы, но гребут ими поочерёдно. Мужчины проявляют не меньше участия в управлении лодкой, хотя их обязанности немного проще: они просто сидят в корме лодки и правят ей лёгким веслом, покуривая трубки с длинными черенками, маленькими медными чашечками и огромными янтарными мундштуками.



Гиляцкая лодка и деревня

Отойдя на достаточное расстояние и предоставив нашему судну свободу нестись к морю вместе с течением великой реки, мы улеглись на наши соломенные матрасы, и полностью отдались созерцанию проплывающих мимо ландшафтов. День был превосходный, и наше судно, каким бы неповоротливым оно ни было, благодаря течению в четыре узла и приличному попутному ветру, двигалось так быстро, что мы едва успевали рассмотреть пейзаж, открывшийся за одним поворотом, как нашему взору открывался другой, ещё красивее. Острова, скалы, деревни, леса и равнины — всё это проносилось мимо нас, как в панораме, сияя в тёплых лучах солнца, а величественная река сверкала в его лучах, как море жидкого серебра. Воды её, несмотря на то, что родились они в разных местах в сотнях миль отсюда, здесь объединяют свои силы для достижения единственной цели — воссоединения с материнской стихией.

Этими сценами мы наслаждались всего лишь за малую долю того, что потребовалась бы, чтобы увидеть то же самое на холстах в наших лучших галереях.

## ГЛАВА V

Из-за необходимого ремонта лодки мы задержались с отплытием из Мариинска до 10 часов утра, и с тех пор прекрасный и постоянно меняющийся пейзаж, а также осознание того, где мы находимся, настолько занимали наши мысли и внимание, что мы не замечали течения времени.

В час дня мы проплывали мимо небольшого поселения Кади, что в двадцати пяти верстах от Мариинска, и у нас возникло сильное искушение высадиться на берег и утолить свой голод, но восторженные рекомендации, данные нам нашими друзьями о преимуществах села Иркутского (расположенного дальше) как места, идеального для голодного путешественника, заставили нас ещё некоторое время потерпеть в ожидании обещанного изобилия.

Мы бы с радостью не замечали этого неприятного чувства голода и сосредоточили свои мысли на других, более интересных вещах, но обнаружили, что внешнее и внутреннее у человека слишком тесно связаны, чтобы позволить наслаждаться одним без ущерба для другого; в результате после шести часов пути мы прибыли в Иркутское с невыразимой радостью и облегчением.

Надо сказать, что с реки мы не могли разглядеть никаких следов поселения и, несомненно, миновали бы его, если бы путешествовали одни,

как собирались сделать. Один из наших солдат, который, как оказалось, был знаком с этим участком реки, направил нас в нужную протоку, и, проплыв по её узкому руслу и с полчаса пропетляв по лугам с высокой травой, мы внезапно оказались перед уютной фермой с амбарами и скирдами сена. Табун лошадей, стадо коров и множество кур приветствовали наше прибытие, каждый по-своему, а один только вид свежего молока и яиц воспламенил наш давно сдерживаемый аппетит.

Нашим людям потребовалось несколько минут, чтобы развести костёр и начать готовить ужин, за это время мы отыскивали здание станции. Смотрителем оказался старый поляк, нанятый для этого правительством.

Село Иркутское, названное так в честь столицы Восточной Сибири, состоит всего лишь из одного дома и нескольких конюшен и предназначен для смены лошадей только во время зимних путешествий вверх и вниз по замёрзшей реке. Станция содержится за государственный счёт, хотя все лошади принадлежат смотрителю, за пользование которыми он ежегодно получает двести рублей.

Дом представлял собой добротное бревенчатое строение, удобное и просторное, но больше всего нас привлекли уют и чистота, которых нам до сих пор не хватало в более скромных жилищах. Всё здесь было на своих местах, и даже грубый пол отмыт и выскоблен до белизны. Местность здесь идеально подходит для содержания такой фермы из-за великолепной травы, в изобилии растущей на окрестных лугах. Тысячи лошадей и коров можно содержать при очень небольших затратах. Но кроме этих преимуществ, у этого места есть и свои недостатки — время от времени случаются такие разливы Амура, которые наносят непоправимый ущерб, унося скирды сена, заготовленного на зиму. Мы похвалили достаток и благополучие, царившими в доме старого смотрителя, а он печально покачал головой и пустился в пространное повествование об одном из таких опустошительных паводков, имевшем место всего два года назад и едва не погубившем его.

В тот год уровень воды в реке поднялся до небывалой высоты. Окрестности представляли собой огромное пространство воды, которая уносила всё, что встречалось на её пути. У старика большая часть скота была унесена, оставшихся удалось спасти, перегнав их в горы. Потеря была для него очень тяжела, тем более, что сразу после этого наступили холода, и почти все оставшиеся лошади и коровы за долгую зиму умерли от голода, оставив без средств к существованию и станцию, и проезжающих. Однако, мало-помалу, усердно трудясь и экономя на

всём, он восстановил своё хозяйство, и к нашему приезду дела у него шли всё лучше и лучше.

Несмотря на то, что большое половодье может произойти каждый год, старика почему-то не содержал свой скот и лошадей за пределами досягаемости высокой воды. Впоследствии мы обнаружили, что подобная непредусмотрительность обычна для всех жителей этих мест, но в данном случае она казалась ещё более непостижимой, поскольку несчастье было так свежо в памяти зрителя, что он не мог говорить о нём без слез. К счастью, оказалось, у нас под рукой было отличное средство от расстройств, хороший глоток которого вскоре вернул ему прекрасное настроение.

Едва мы вошли в дом и попросили поесть, как хозяйка, крупная, здоровая женщина с сияющим от улыбки лицом и жемчужными зубами, тут же начала готовить нам обед, который полностью оправдал наши ожидания. То, с каким аппетитом мы набросились на свежее молоко, яичницу, запечённого лосося и тому подобное, вызвало нескрываемое удивление на лицах всех присутствующих, а их было довольно много, поскольку всё местное население собралось посмотреть на американцев.

Кстати сказать, что в этих местах, да, возможно, и в других, аппетит американцев вошёл в поговорку, хотя сами жители отнюдь не слабые едоки.

Отсюда мы намеревались плыть всю ночь, надеясь к утру добраться до небольшого русского поселения Михайловское. Туда мы вскоре и направились, взяв с собой маленького сына нашего хозяина.

В Иркутском нам показалось очень любопытным устройство плуга, каким пользуются жители прибрежных мест. Вся конструкция сделана из дерева (как говорят, «без единого гвоздя») и состоит из естественно изогнутых корней и веток деревьев, соединённых между собой кожаными ремешками.

Таким же образом изготавливаются и якоря для лодок — лапами для них служат заострённые палки. Для придания им веса их привязывают к тяжёлым камням. Последнее, однако, является изобретением гиляков.

Сразу после захода солнца мы снова двинулись вниз по реке и, подняв наши резиновые паруса, развили скорость в семь узлов.

Эта часть нашего путешествия была совершенно восхитительной. Тёплый вечер был прекрасным, небо на западе всё ещё хранило слабое мерцание розовых и оранжевых оттенков заходящего солнца, а над головой в глубокой лазури начинали сверкать редкие звёзды. Быстро сгущалась темнота, и вот уже предметы на берегах реки стали терять свои

очертания и постепенно сливались воедино, образуя длинные тёмные нечёткие линии, едва обозначавшие границу реки. Тёплый ветерок наполнял парус и помогал нам, избавляя от необходимости грести. Ход нашего судна был доверен ветру и течению, члены команды отдавались удовольствию ничегонеделанья, каждый по-своему.

Мы расстелили наши одеяла на толстом слое сена и расположились на них после ужина, покуривая и слушая мелодичные русские напевы наших солдат, чьи мелодичные голоса в ночном воздухе звучали вдвойне благозвучнее. Время от времени их песням отвечали из какого-нибудь неприметного жилища на берегу; далёкие голоса, доносившиеся до нас, сливались в бесконечную мелодию, смешиваясь с эхом, отражавшимся от каких-нибудь далёких скал. А иногда они пробуждали неистовый хор собачьих свор в каком-нибудь гиляцком поселении.

Все эти люди — большие любители музыки. Их с полным правом можно назвать музыкальной нацией, хотя их вкус и способности к этому вовсе не удивительны, поскольку и мальчиков, и девочек учат петь почти с младенчества, а все игры и развлечения сопровождаются песнями, и даже в танцах они во многом полагаются на мелодию голоса.

Однако в этот раз один из наших солдат был не в настроении петь, предпочитая пересесть на нос лодки, к нашему маленькому пассажиру, и там о чём-то разговаривать с ним шёпотом. Казалось, он совершенно не замечал ничего и никого, кроме своего спутника. Когда мы попросили его спеть, он пробормотал что-то в своё оправдание по-русски, чего мы не поняли, и, смущённо отведя глаза, продолжил разговор. Его очевидная скрытность несколько удивила нас, но в этот момент наш рулевой наклонился к нам и прошептал: «У этого мальчика очень красивая сестра». Это всё объяснило, и, понимая, что кому-нибудь из нас тоже когда-нибудь может понадобиться посредничество любимого брата, мы оставили его в покое.

Первый час плавания из Иркутского мы наслаждались чудесной погодой, но затем произошла полная и внезапная перемена. С запада надвинулись тяжёлые чёрные тучи, и на нас опустилась почти осязаемая тьма. Ужасающие вспышки молний блистали в зловещей темноте, и у нас едва хватило времени свернуть одеяла и накинуть на себя и багаж непромокаемые покрывала, как невероятный ливень обрушился на нас со всей своей яростью, едва не затопив лодку потоками воды. За какой-то миг ветер усилился до штормового, волны бились о неуклюжие борта нашей лодки, а чёрная поверхность реки сплошь покрылась пенными бурунами. Парус был, конечно, убран заранее, иначе бы нас опрокинуло в первую же минуту.

Однако молнии сверкали всего несколько минут, и вскоре мы оказались окружёнными непроницаемой тьмой. Мы даже не могли различить друг друга, не говоря уже о том, чтобы управлять лодкой, которая была предоставлена самой себе. Так мы дрейфовали часа два, надеясь, что шторм всё же утихнет и мы сможем продолжать плавание всю ночь.

Но такая удача не была нам уготована, и, поскольку нашей лодке грозила опасность быть затопленной в любой момент, мы были вынуждены взяться за вёсла и попытаться найти пристанище на берегу. Мы не надеялись на другое укрытие, кроме какой-нибудь скалы или дерева, поскольку лодочник сообщил нам, что на протяжении нескольких миль от нашего предполагаемого местонахождения нет никакого жилья.

Наконец скрежещущий звук под днищем и вопль какого-то бедняги, свалившегося со своего сиденья, возвестил нас о прибытии на землю, но что было ещё приятнее, так это собачий лай в нескольких сотнях ярдов от нас — верный признак какого-то жилья, неважно, гиляцкого или русского. Вскоре в ответ на наши крики в темноте вспыхнул свет факела, он послужил нам ориентиром, направляя к хижине из коры, часть которой, освещённую пламенем, мы могли смутно разглядеть сквозь капли дождя. Это оказался лагерь русских солдат, заготавливающих на зиму лососа.

Следуя за факельщиком, мы ступили в низкий дверной проём, и нашему взору предстало зрелище, от которого наше настроение снова упало до нуля. Небольшое помещение размером 8 на 12 футов было почти полностью занято двумя рядами грубо сколоченных коек с узким проходом в центре, и каждая койка, по размерам явно одноместная, была занята двумя солдатами.

Сама хижина была сделана полностью из коры, прикреплённой к лёгкому каркасу из жердей, и снаружи лишь в некоторой степени укрывала от дождей и ветров, как из-за несовершенства самой конструкции, так и из-за естественных изъянов материала.

Едва мы появились, как несколько солдат, подтверждая наши рассказы о русском гостеприимстве, намерились уступить нам свои кровати. Но принять такое щедрое предложение и выставить их за дверь в такую ночь было бы просто возмутительно, и мы уже направились обратно навстречу непогоде, чтобы найти какое-нибудь другое укрытие, но солдаты заверили нас, что, если мы согласимся занять их койки, они найдут убежище для себя и наших людей в соседнем лагере. Мы с радостью воспользовались их гостеприимством, решив, однако, занять

только одну койку, чтобы не слишком их беспокоить. Нашему маленькому пассажиру не составило труда уютно устроиться между двумя солдатами, вероятно, тоже претендовавшими на честь стать его зятем.

На мой взгляд, равнодушие к собственному комфорту ради обеспечения удобства других — одна из самых похвальных человеческих черт, особенно в тех случаях, когда сам человек является получателем, а не дающим. Одно время я думал, что лучше отдавать, чем получать; но в тех немногих случаях, когда я применял это правило на практике, я обнаруживал, что моя предполагаемая щедрость воспринимается с таким безразличием и как нечто само собой разумеющееся, что я решил воздерживаться, за исключением особых случаев, от подобных действий. Эта ночь в солдатском лагере была одним из таких особых обстоятельств.

Спать втроем на узкой кровати под скудным одеялом удобнее всего, конечно, посередине, особенно когда спящие по бокам испытывают на себе действие холодного ветра и сырости. Койка стояла у тонкой стены хижины, в щелях которой всю ночь завывал ветер, а тяжёлые капли дождя, разбиваясь о кору снаружи, проникали внутрь мелкими брызгами. Хотя я и осознавал это, я добровольно согласился спать у стены и всю ночь старался лежать на боку и дышать как можно реже, чтобы занимать как можно меньше места.

Капитан, огромный, толстый голландец, весивший фунтов двести, занимал середину, а Махуд, опершись одной ногой в койку напротив, умудрялся держаться на другом краю кровати.

Едва погас факел, как из горла капитана раздался громоподобный храп, и он грузно повернулся на спину, чуть не вытолкнув меня сквозь стену наружу. Противиться было бесполезно, сами Фурии не могли бы его разбудить. Долгие бессонные часы я пролежал, обдуваемый холодным ветром и брызгами с одной стороны, и придавленный огромным телом моего соседа с другой. Покрывало куда-то уползло, несмотря на настойчивые просьбы к моим товарищам проявить хоть немного милосердия. Когда, наконец, забрезжил рассвет, это был радостный момент, несмотря на то, что я весь промок и потерял голос от простуды. Махуду было немногим лучше, так как ему пришлось всю ночь бодрствовать, чтобы не свалиться с кровати. Бедняга! Я бы пожалел его, но в чувствах наших не было места ни для каких других эмоций, кроме негодования, когда мы обнаружили причину наших неудобств. Между нами, распластавшись на спине, лежал капитан, полностью, с головы до ног, плотно закутанный в одеяло, как египетская мумия. Что ещё больше разозлило нас, так это то, что его первое замечание, когда он открыл глаза, было:



«Ну что ж! в конце концов, условия не так уж плохи; не знаю, когда я спал лучше». Мы не удостоили его ответом...

Утро было ясное, дул приличный ветерок. Наши солдаты соорудили из старого армейского одеяла и нескольких мешков парус побольше и получше, и к семи часам мы уже прошли несколько вёрст.

Пейзаж был почти такой же, как и накануне, — берега, усеянные не большими русскими и гиляцкими поселениями. Я не мог не восхититься вкусом, которые проявляют многие из этих гиляков при изготовлении своих головных уборов. Они сделаны из бересты, имеют форму низкого широкого конуса, снаружи покрыты красивыми завитушками, вырезанными из окрашенной коры.

В 12 часов мы прибыли в Михайловское, преодолев расстояние в шестьдесят пять вёрст за шесть часов. Земля здесь возделана лучше, чем всё, что мы видели раньше. На склонах холмов мы видели поля с посевами зерновых, сжатыми и уложенными в копны, готовыми к обмо- лоту.

В Михайловском живёт около трёхсот человек, состоит оно из довольно больших добротных домов, стоящих в ряд вдоль реки, напротив каждого, спускаясь к берегу, разбиты огороды, на которых выращивают картофель, репу, капусту и другие более выносливые овощи. Здесь мы остановились пообедать в одном из домов, где во время нашего короткого пребывания хозяйка дома и её дочь, недавно окончившая женские курсы в Николаевске, оказали нам очень любезный приём.

Вскоре после отплытия из Михайловского нас настиг новый шторм, из-за чего пришлось убрать паруса, но он оказался кратковременным. Однако во второй половине дня зарядил мелкий дождик. Горные хребты, которые до этого мы видели издали, в этом месте поднимаются прямо из воды и очень напоминают Гудзоново нагорье. Мы легко могли бы представить, что плывём по этой американской реке, если бы не живописная гиляцкая деревушка, приютившаяся под высоким берегом, с группой аборигенов в шапочках из бересты, тянущих невод в своих причудливых лодках. Как раз когда мы проплывали мимо, они выловили несколько сотен рыбин. Через некоторое время мы миновали высокого- рье, небо прояснилось, ветер стих, и мы посадили наших людей за вёсла. На закате мы миновали маленькое невзрачное поселение на правом бе- регу, от него оставалось уже примерно сто сорок вёрст до Николаевска, и мы продолжили путь, чтобы добраться до него, по возможности, на следующий день, в субботу.

С наступлением темноты над нами снова нависли угрожающие тучи, и мы увидели вспышки молний на горизонте, что предвещало повторение того, что мы пережили прошлой ночью, но, к счастью, гроза сменила направление. Под высокими берегами и обрывами, окаймляющими реку в этом месте, царят глубокие тени. Над одним из таких обрывов видны остатки древнего святилища и три надгробных памятника, покрытых надписями. Нам бы очень хотелось задержаться и осмотреть их, но времени на это не было. Мистер Коллинз в своём «Путешествии по Амуру»<sup>1</sup> даёт подробное описание этих реликвий.



Михайловское

В этот момент из мрака под утёсом грянул такой ужасающий хор лая, воя и визга, как будто там был вход в царство Плутона, и все его чудовища во главе с Цербером вырвались на свободу. Сама тьма, казалось, порождала эти адские звуки вокруг нас, но, не обладая особым воображением, мы с готовностью пришли к выводу, что это, должно быть, просто поселение гиляков.

---

<sup>1</sup> P.M.Collins "Voyage down the Amoor: With A Land Journey Through Siberia, And Incidental Notices Of Manchuria, Kamschatka, And Japan", 1860. — прим. перев.

Поскольку мы намеревались грести и дрейфовать всю ночь, а было довольно прохладно, мы решили сделать остановку и приготовить чай, как только отойдём подальше от этого поселения. Вскоре мы пристали к берегу, и наши люди, пошарив в темноте, собрали сухих веток и развели костёр. Это послужило сигналом для нового ночного концерта, так как оказалось, что мы высадились прямо перед другой деревней, и вскоре нас окружила толпа полуголых мужчин, женщин и детей, а из темноты со всех сторон сверкали глаза голодных собак.

Было весьма холодно, но эти туземцы были без шапок и обуви. На них были только просторные кожаные одежды вроде халатов, открытых спереди, и больше ничего.

Гиляки, как язычники, очень суеверны, они издревле поклоняются деревянным и каменным идолам, хотя многие из них крещены в православие и носят на шее маленькие металлические крестики. У них есть свои жрецы — шаманы, которые проводят все их обряды и являются советниками общин. Считается, что шаманы наделены сверхъестественными способностями, и к ним относятся с большим трепетом и почтением.

Их погребальные ритуалы весьма впечатляющи. Сначала тело умершего сжигают, а на пепелище возводят надгробье в виде небольшого деревянного домика. Предполагается, что после смерти душа поселяется в любимой собаке умершего, где она остаётся до тех пор, пока смерть животного не освободит её из заточения. Чтобы облегчить ей побег, собаку могут принести в жертву на могиле её хозяина, предварительно откормив для такого случая.

Помимо прочих суеверий, гиляки не позволяют выносить из своих жилищ ни единой частицы огня, даже в трубке. Они твёрдо верят, что нарушение этого обычая приведёт к какому-нибудь ужасному бедствию — либо к полной неудаче в рыбной ловле или охоте, либо к смерти или несчастному случаю с кем-нибудь из близких родственником или друзьями.

И не все их суеверия безобидны. Некоторые из них совершенно варварские. Например, во время родов, будь то зимой или летом, несчастную мать выгоняют из жилища — просто выставляют на улицу в любую погоду, где она должна обеспечивать себя, насколько это в её силах, в одиночестве и без присмотра, пока не истечёт определённое время. В течение него ей отказывают во всякой помощи, считается почти преступлением оказывать ей хоть малейшее внимание, и, как следствие, часто наступает смерть. За своими собаками гиляки ухаживают и то лучше — им, по крайней мере, дают приют.

Убийства среди этих людей не редкость, и часто они совершаются по малейшему поводу. Они не руководствуются никакими установленными законами, кроме тех, что продиктованы обычаями, которые в разных местах разные. Убийцу обычно наказывают друзья покойного, которые каким-то образом обязаны отомстить за его смерть, как правило, путём ответного убийства. Око за око и зуб за зуб — таково их представление о справедливости.

Раньше их единственным оружием были луки и копья, но в последнее время от них, особенно от лука, отказались в пользу кремневых ружей небольшого калибра, которые они покупают у русских. Свои жилища они строят нескольких типов, разных по конструкции. Многие из них стоят на столбах на высоте нескольких футов над землёй и окружены помостом, на котором хранят сани, сети, оружие и т.д. На помост ведёт примитивная лестница в виде бревна с вырубленными в нём ступенями. Многие дома отапливаются камином в центре помещения, по стенам расположены койки для сна, а в крыше есть квадратное отверстие для выхода дыма; в других домах огонь разводится в печи в углу, а дым и тепло распространяется по всему помещению, по всем койкам и затем в дымоход. Таким образом их постели обогреваются в холодное время года. Во многих домах под потолком копятся в густом дыму сотни лососей. Приготовленную таким способом рыбу русские называют «юкола», и она — если вы доверяете тому, кто её приготовил — вполне аппетитна.

Пока мы готовили чай, наши солдаты постоянно шутили и добродушно посмеивались над окружавшими нас гиляками, которые тоже смеялись и, казалось, получали от шуток такое же удовольствие.

Узнав, что мы американцы, они стали с величайшим интересом наблюдать за всем, что мы делаем. Вся наша одежда, а особенно блестящие пуговицы нашей униформы, были тщательно осмотрены, и делалось всё это скромно и неназойливо.

В это время наше внимание привлёк странный шум, доносившийся по реке откуда-то издалека, похожий на удары большого барабана. Расспросив, мы выяснили, что это гиляки из соседней деревни просят духов помочь им в рыбной ловле.

Было ещё темно, когда мы продолжили свой путь; дав нашим людям указания пустить лодку по течению, мы укрылись одеялами и безмятежно заснули. Ночью нас прибило к берегу, и, проснувшись на рассвете, мы обнаружили, что стоим, а наша мачта застряла в нависающих с берега ивах. Разбудив людей и посадив их за вёсла, мы снова улеглись, но уже через час, снова проснувшись, обнаружили, что лодка плывёт сама

по себе кормой вперёд, а все люди — и рулевой, и гребцы — сидят на своих местах и крепко спят.

В 6 часов мы высадились на берег недалеко от поселения гиляков, чтобы попить чая, и вскоре, точно также, как и накануне вечером, были окружены местными жителями. Они преспокойно ходили босиком по острым камням, как будто у них железные подошвы, и холод, казалось, совершенно не действовал на них. Когда мы отчаливали от берега, то наблюдали забавную картину: рядом с нашим костром лежал обрубок плавника длиной не больше шести футов, и на нём сидели шестеро гиляков, все одинаково подтянув ноги под себя, положив головы на руки, а локти на колени. С одного края сидел седовласый старик, патриарх деревни, а с ним, постепенно уменьшаясь — его сородичи обоих полов — вплоть до едва научившегося ходить маленького мальчика на другом краю, который, однако, с величайшей тщательностью подражал остальным. Я бы никогда не поверил, что на бревне такого размера может разместиться столько людей, если бы не увидел это собственными глазами.



На берегу Амура

Днём мы видели белых аистов, бродивших по берегу, но нам не удалось подобраться к ним на расстояние выстрела. Множество белых дельфинов — «белух», как их здесь называют русские, — длиной около двадцати пяти футов, время от времени выпрыгивали из воды, извиваясь в воздухе. Они поднимаются по большим рекам в поисках лосося, которым питаются. Их детёныши, которых мы также видели в большом количестве, почти чёрные. Наконец, миновав множество сменяющих друг друга ландшафтов и поселений, в 16:00. мы увидели судно, стоявшее на якоре напротив Николаевска. Здесь же мы встретили небольшой пароход, медленно двигавшийся против течения с двумя большими баржами на буксире, и обогнали другую баржу, доверху нагруженную сеном.

Левый берег здесь представлял собой обширный луг, на котором были видны множество стогов сена, а справа тянулась гряда крутых холмов, у подножия которых проходила телеграфная линия до Де-Кастри — мы видели её на протяжении многих миль. Ближе к городу мы увидели немало поставленных у берега реки сетей и ловушек для рыбы, что наводило на мысль об ожидающей нас рыбной диете и свидетельствовало то ли о нехватке другой пищи, кроме рыбы, то ли об особой любви местных жителей к ней.

## ГЛАВА VI

Николаевск, названный в честь царя Николая I, был основан капитаном Невельским в 1851 году как торговый пост Российско-Американской компании, но только в 1854 году, когда сюда с Камчатки были перевезены войска и оружие, он получил современное значение. Город расположен на плато на левом, северном, берегу Амура, примерно в двадцати двух милях от Лимана — Амурского залива. Ширина реки в этом месте составляет милю с четвертью, скорость течения — около четырёх узлов, но рядом с городом она мелка настолько, что крупные суда не могут подойти к причалам. Напротив города, на острове, возведён форт, в котором установлены двадцать четыре орудия и мортиры. Форт называется Константиновский. Он контролирует подступы к городу с запада, в то время как со стороны Лимана его охраняют три других укрепления. Ближайший из них, форт Николаевский, расположен на мысе в нижней части города и контролирует ближайшую гавань, в то время как другие расположены ещё ниже по течению: один из них в четырёх милях от города на противоположном берегу, а другой — на мысе Чныррах, примерно в десяти милях выше устье реки.

Вид самого города не совсем оправдал наши ожидания, несмотря на то, что мы делали скидку на его небольшой возраст. Ряд одноэтажных деревянных домов на берегу реки, окружённых невзрачным низкорослым лесом, посреди виднелась небольшая церковь — вот и всё, что открылось нашему взору, хотя при ближайшем рассмотрении мы заметили некую деловитую суету — у причалов сновало множество небольших судов, а на берегу тут и там виднелись занятые чем-то люди. Это обстоятельство несколько оживило наш интерес.

Вскоре мы миновали Константиновский форт, и наш рулевой направил судно к нижнему из двух больших причалов, к которому мы подошли незадолго до наступления темноты. Береговая линия была в плотную уставлена гиляцкими лодками, нагруженными прекрасным, только что выловленным лососем, а по всему берегу живописными группками расположились их временные жилища всех мыслимых стилей и фасонов. Некоторые из них представляли собой маленькие шалаши из грубой коры, в которых едва могли поместиться два человека, крыши других были сделаны из перевёрнутых вверх дном лодок. У многих семей вообще не было никаких укрытий, а только большие костры, вокруг которых они собирались — мужчины, женщины и дети — и готовили себе ужин.

Наверх, к домам, вела дорога, следуя по которой, мы вскоре оказались на главной улице города. Эта улица, по обе стороны которой устроены узкие дощатые тротуары, тянется вдоль берега почти на две мили. Церковь же при ближайшем рассмотрении оказалась гораздо более внушительной, за ней располагалось здание канцелярии — одноэтажное бревенчатое строение, увенчанное семафором для подачи сигналов судам, стоящим на рейде.

По аллеям, наслаждаясь тёплым вечером, прогуливались офицеры и солдаты в серых мундирах; несмотря на поздний час, мимо то и дело проезжали подводы, груженные сеном и запряжённые низкорослыми лошадками; безжалостные извозчики осыпали их такими проклятиями, что бедные существа вздрагивали от них, как от ударов кнутом. Признаться, мы не ожидали такой деятельности в столь отдалённом уголке планеты, хотя неторопливая походка и дородные фигуры офицеров говорили о том, что жизнь здесь была какой угодно, но только не тяжёлой.

Как я уже говорил, мы привезли с собой письма мистеру Чейзу, исполняющему обязанности коммерческого агента Соединённых Штатов, в резиденцию которого нас проводил один из наших солдат. Этот дом, один из немногих, обшитый досками, расположен рядом с площадью перед церковью.

К нашему великому удивлению, войдя в хорошо обставленные апартаменты, мы оказались в окружении нескольких американцев, занимающихся в городе торговыми делами. Эти джентльмены ожидали нас, так как в тот день получили депешу, которую мы отправили из Де-Кастри по телеграфу пятью днями ранее. Знакомые звуки родного языка заставил нас на какое-то время забыть о том, где мы находимся, и всего нескольких мгновений хватило, чтобы все мы почувствовали себя старыми знакомыми — настолько велико было удовольствие от того, что мы нашли себе подобных в этом странном мире, в котором мы обитали с тех пор, как покинули «Ольгу».

Вечер прошёл в разговорах об Америке с нашими новыми друзьями, мы расспрашивали их о тех частях страны, в которых нам предстояло побывать. Было уже поздно, когда мы отправились спать, чтобы на следующий день приступить к подготовке к нашему зимнему путешествию.

На следующий день, в воскресенье, поскольку это был праздничный день, подходящий для визитов, мы прежде всего засвидетельствовали почтение его превосходительству адмиралу Казакевичу, губернатору приморских провинций Восточной Сибири, а мистер Чейз любезно сопровождал нас в качестве переводчика. Его превосходительство, пожилой джентльмен приятной наружности с величественными манерами, но, в то же время, очень приятный и общительный, принял нас очень радушно и проявил величайший интерес к нашему предприятию. Он предлагал всяческую помощь во время своего короткого пребывания, поскольку ежедневно ожидал прибытия адмирала Фуругельма<sup>1</sup>, недавно назначенного губернатором, который вскоре должен был сменить его. Он любезно предоставил в наше распоряжение все имеющиеся в канцелярии отчёты и карты, которые могли бы пролить хоть какой-то свет на территорию, которую мы хотели исследовать, но, тщательно просмотрев материалы, мы не смогли найти ничего, что могло бы оказать нам хоть малейшую помощь в стране, лежащей между рекой Амур и Охотском, которая была в то время *terra incognita*.

В праздники всякая работа здесь останавливается, и все без исключения предаются развлечениям. В церкви обычно проводится утренняя служба, а после полудня представители низших классов празднуют этот день, напиваясь разбавленным спиртом, и часто остаются в этом блаженном состоянии несколько дней. Эти праздники включают в себя не только воскресенья, но и дни всех святых, а также дни рождения и

---

<sup>1</sup> Иван Васильевич Фуругельм (1821-1909) — в то время Военный губернатор Приморской области и командир Сибирского флота и портов Тихого океана. — прим. перев.



смерти всех известных людей, и потому занимают добрые две трети года. В некоторые недели бывает до восьми праздников, и тогда два из них приходится на один день.

Иностранцы часто жалуются, что праздников слишком много, и, как следствие, это сказывается на работе. Как они говорят, тут дом построить — полжизни надо, а печку сложить или просто отремонтировать — считай, пять недель, не меньше!

В Николаевске живёт около пяти тысяч человек, в основном военные и заключённые. Женщин сравнительно немного. Есть несколько иностранных торговых домов, в том числе несколько из Америки, владельцы которых живут в роскоши и комфорте, которого вряд ли можно ожидать в этом уголке земного шара — всё это доставляют сюда корабли их компаний.

Как и в самой России, торговые люди делится здесь на особые «гильдии», которые определяется размером капитала. Представители первой гильдии должны иметь капитал в тридцать тысяч рублей и платить определённую сумму за привилегию торговать. К этому разряду принадлежат все иностранные купцы, они обладают всеми правами граждан и должны исполнять обязанности старост, если их изберут на эту должность. Старосту обычно выбирают из купцов этой гильдии, чтобы он в полной мере служил интересам торгового класса. Во время нашего пребывания эту должность занимал мистер Людорф из Гамбурга. Иностранцы, кстати, составляют большую часть здешнего населения и потому вносят значительный вклад в обустройство города и его общественную жизнь.

Водка, наряду с другими крепкими напитками, сигарами, чаем, сахаром, мукой и солью, являются основными предметами торговли, особенно водка, которая потребляется в огромных количествах. Сейчас в городе не менее семидесяти пяти лавок, где продают спиртное, и пьяных можно видеть на улицах практически в любое время.

Дома здесь, как правило, большие и удобные и, за двумя-тремя исключениями, построены из брёвен, лучшие из них внутри аккуратно отделаны, хорошо обставлены и устланы коврами. Засвидетельствовав своё почтение губернатору, мы направились в нижнюю часть города, где находятся порт и казённые мастерские. В них есть все виды оборудования для производства металлических и деревянных изделий, а также литейный цех, лесопилка и т.д. Всё это находится под руководством г-на Барра, американского джентльмена, который поставил для русских два парохода из Америки и за проявленное усердие в 1858 году получил золотую медаль. Под руководством мистера Барра работают

начальниками мастерских два других американца, господ Вуд и Эллиот.

Помимо госпиталей, казарм и тому подобного для солдат, в городе есть офицерский клуб — большое, комфортабельное здание с бальным залом, гостиной, библиотекой, карточным залом, а также баром и бильярдной, в последней есть два американских бильярда, лучшие дни которых миновали, однако, много лет назад. Ежедневно здесь накрывается стол для офицеров, которые питаются в клубе, хотя, судя по их жалобам, цены могли быть и умеренней.

Раз в полгода почта из Санкт-Петербурга пополняет запасы газет и других материалов для чтения, некоторые из которых, как мы заметили, довольно свежие. В городе выходит еженедельная газета небольшого формата.

Здесь две школы, одна для юных леди, а другая для детей солдат и матросов, обе, как я понимаю, хорошо поддерживаются частным капиталом; предприимчивые люди открыли две фотостудии, иногда здесь делают очень удачные снимки.

На главной улице, спускающейся к реке, несколько акров отведено под парк, и, хотя обустройство его ещё не закончено, это довольно оживлённое место, особенно по воскресеньям после обеда, когда военный оркестр играет музыку из разных опер, и, кстати, удивительно хорошо, учитывая, что они недолго репетировали и то, как была организован этот оркестр. Чтобы отобрать в него музыкантов, солдат выстраивали в шеренгу, а затем дирижёр, проходя вдоль строя, осматривал рты и ощупывал грудь каждого. Найдя подходящего, он отводил его в сторону, и так пока не набралось нужное количество. Затем каждому из них был выдан его инструмент, хотя многие из них не только не знали, куда в него дуть, но и никогда раньше и в глаза не видели. Подобным образом иногда обучают разным профессиям, даже если кому-то нет к ним никакого призвания.

Парк показался нам устроенным со вкусом, с аккуратно выложенными гравием извилистыми дорожками и множеством тенистых деревьев, хотя они были ещё маленькими. Когда-нибудь в будущем это место станет украшением города.

Прошло почти две недели после нашего прибытия, прежде чем адмирал Фуругельм добрался до Николаевска. Всё это время население было, так сказать, «в боевой готовности», поскольку такого события, как смена губернаторов, не происходило уже десять лет. Все были в возбуж-

дении и суетились, готовясь принять нового губернатора и почтить уходящего в отставку прощальным банкетом и балом в знак особого к нему уважения.

В день приезда перед губернатором прошли парадом войска, офицеры были одеты в самые роскошные мундиры, украшенные золотыми и серебряными позументами. Многие из них украшали Кресты Святого Георгия, ордена Владислава и Станислава, наряду с другими знаками отличия, большинство из которых были получены за заслуги во время Крымской войны. Последовавший за этим банкет превзошёл все ожидания. Клубные залы были красиво украшены флагами, ветками ели и холодным оружием, а столы ломились от кушаний. Пиршество началось с тоста за здоровье царя; его произнёс старый адмирал, все поднялись и после громких приветствий осушили свои бокалы. За ними быстро последовали другие, в том числе один, посвящённый успеху нашего предприятия, который любезно произнёс от нашего имени мистер Чейз. Из-за незнания русского языка эта часть мероприятия показалась нам несколько неинтересной, поскольку мы не могли понять, что говорят, кроме как в том виде, в каком они были переведены нам позже. В конце все устремились к адмиралу, в честь которого был дан пир. Оркестр заиграл русскую национальную мелодию, которая почти потонула в радостных возгласах собравшихся. Мы были в полном неведении относительно того, что последует дальше, и наше любопытство было удовлетворено, когда полная невысокая фигура адмирала внезапно взмыла в воздух над толпой и так же внезапно вновь исчезла в ней. Это повторялось какое-то время, пока его превосходительство, по всей видимости, не смог больше терпеть, а его «бросатели» в равной степени не устали, и тогда офицеры в сопровождении оркестра пронесли его на руках по улице в его резиденцию. Такого рода приветствие считается наилучшим выражением почитания, но, насколько я могу судить, таким, которое не терпит частого повторения.

На банкете были только джентльмены, дамы появились два дня спустя, на балу, одетые элегантно и украшенные подобающими случаю драгоценностями. Их богатые наряды, а также мундиры и знаки отличия их кавалеров, сверкающие в свете сотен свечей, представляли собой очень эффектное зрелище. Однако я не мог не отметить почти полное отсутствие красавиц среди здешних представительниц прекрасного пола. Мужчины, как таковые, выглядели намного лучше.

Танцы прекратились в полночь, и все разошлись, чтобы отдать должное обильному ужину. Перед тем непонятно куда из танцевального зала и гостиных вдруг исчезли все дамы. Не могло быть и речи о том, чтобы

они удалились совсем, поскольку оркестр уже заиграл продолжение танца. Будучи весьма этим озадаченный, я попросил объяснения у джентльмена, с которым беседовал. «Пойдёмте, я вам покажу», — ответил он, и, следуя за ним, я вскоре оказался в одной из больших гостиных, но пока никого из дам там не было видно. «А теперь, — сказал он, — пройдите мимо вон той открытой двери и загляните внутрь». Я отправился по указанному направлению, и моему взору предстало зрелище, которое, признаюсь, весьма меня удивило и позабавило. Комната была наполнена дымом, сквозь который можно было едва разглядеть фигуры потерявшихся, сидевших в раскованных позах, неторопливо наслаждаясь русскими папиросами. Их весёлый смех и оживлённые разговоры, доносившиеся через приоткрытую дверь, можно было сравнить только с непрекращающейся канонадой, доносившейся из дыма сражения.

Мужская часть собравшихся выглядела совершенно безутешной, бесцельно бродя по притихшим залам, но, когда снова появились дамы и возобновились танцы, веселье опять взяло верх и продолжалось до поздней ночи.

Все эти дни мы прилагали все усилия, чтобы получить хоть какую-то информацию об уже упомянутой территории от Амура на север до города Охотска. Изыскания в этом регионе было поручено нам с Махудом, с майором Абазой мы должны были встретиться в Охотске. Об этой обширной местности, для пересечения которой надо было преодолеть более 1200 миль, не было известно ничего, за исключением небольшого участка, прилегающего к Амуру, который до нас прошли не более полудюжины человек. Двоих из этих людей — шведа Линдхольма и поляка Шварца — нам посчастливилось встретить в Николаевске, мы были обязаны им многими полезными советами и ценной информацией при подготовке нашего снаряжения. Впоследствии мистер Шварц присоединился к нашему отряду в качестве переводчика.

Нашим первым пунктом назначения после отъезда из Николаевска был Тугур, китобойная станция в устье Тугурского залива, расположенная примерно в десяти днях пути на оленьих упряжках от озера Орель. Это озеро находится недалеко от Амура, примерно в шестидесяти милях к западу от Николаевска, и до него можно добраться по воде. Мистер Линдхольм, о котором я уже упомянул, был владельцем станции Тугур, но не собирался возвращаться туда до конца зимы, иначе он стал бы нашим попутчиком. От него мы узнали, что из-за болотистой местности, по которой пролегал маршрут, необходимо будет иметь оленей как для верховой езды, так и вьючных. Поскольку этих животных было очень

мало, только у нескольких семей тунгусов, разбросанных по разным местам, нам пришлось воспользоваться помощью губернатора Фуругельма, чтобы приобрести необходимое количество. Без его участия мы бы ничего не добились. Его превосходительство проявил величайший интерес к нашей экспедиции и сам взял на себя хлопоты по подготовке нашего снаряжения. Он сообщил нам, что торговец скотом, якут по имени Соловьёв, скоро прибудет с оленями из тех мест, куда мы направлялись, и что, если наш отъезд можно будет отложить на некоторое время, у него можно будет приобрести животных, которые доставят нас в Тугур. Там мы ожидали получить кое-какие посылки, а также пополнить запасы провизии, поскольку капитан Линдхольм сообщил нам, что пост хорошо обеспечен провизией.

Несколько дней мы откладывали наш отъезд, ожидая прибытия Соловьёва с оленями; но в конце концов, опасаясь, что будет слишком поздно отправляться в путь и придётся ждать открытия зимних дорог, было решено попытаться добыть оленей в другом месте. Для этого были разосланы казаки, чтобы те нашли тунгусов и приказали им доставить в город всё, что можно будет найти. Тем временем все наши приготовления были завершены.

Через несколько дней казаки вернулись, приведя с собой дикого вида туземцев, одетых в шкуры. Все они были очень бедны, у них не было ничего, кроме оленей, необходимых им для осенней охоты на дикого оленя и соболя, поэтому они очень неохотно расставались со своими животными. Однако в конце концов они согласились помочь благодаря обещаниям губернатора наградить их мечами и медалями, если они быстро и в целости доставят нас в Тугур.

Казаку по имени Яков было поручено сопровождать нас до Удского, небольшого русского поселения, расположенного за Тугуром в месяце пути от Николаевска на реке Уда недалеко от Охотского моря. Для исправника Удского округа были приготовлены письма, предписывающие ему оказывать нам всяческое содействие и заменить Якова другим казаком, когда мы продолжим путь. Благодаря такому деятельному сотрудничеству мы с воодушевлением были готовы приступить к нашим нелёгким изысканиям, несмотря на уверения некоторых наших новых знакомых в том, что, если мы заберёмся далеко в эти дикие горы, это наверняка будет стоить нам жизни.

Яков с тунгусами немедленно отправились собирать оленей и гнать их к озеру Орель, где мы должны будем встретиться с ними 22 октября. Чтобы доставить нас самих и наш багаж на озеро, нам был предложен прекрасный казённый пароход «Гонец».

Что касается нашего тридцатипятидневного пребывания в Николаевске, то я жалею только об одном, а именно о неудобствах, вызванных незнанием русского языка, из-за чего мы были лишены возможности поддерживать полноценные отношения с нашими новыми добрыми и бескорыстными друзьями и расширять круг наших знакомств. От начала и до конца с нами были чрезвычайно обходительны, каждое наше желание предвосхищалось и удовлетворялось ещё до того, как оно было высказано. Были приложены все усилия, чтобы сделать наше пребывание приятным, и нам были предоставлены все виды развлечений, которые только можно было найти в этом городе.

Благожелательное сотрудничество и неоценимая помощь, оказанные нам как бывшим губернатором адмиралом Казакевичем, так и его преемником адмиралом Фуругельмом, а также военными инженерами Бельцовым<sup>1</sup> и Гаккелем<sup>2</sup>, и многими другими, заслуживают безграничной благодарности всех участников экспедиции. Как уже говорилось ранее, без их помощи мы могли бы добиться совсем немногого или вообще ничего.

## ГЛАВА VII

Наконец, настал день нашего отъезда, 21 октября. На реке уже начал образовываться лёд, а если мы не доберёмся до места встречи на озере Орель из-за замерзания узких протоков, ведущих к нему, то нам придётся задержаться на месяц. В назначенный час «Гонец» отдал швартовы, и наше путешествие началось.

Перед отъездом многие из наших новых друзей собрались в резиденции мистера Чейза, где под звон бокалов были произнесены тосты за успех нашего предприятия и напутственные слова прощания и пожелания удачи, а многие из гостей проводили нас до пристани.

Признаюсь, мы отправились в это путешествие не без некоторых опасений. Впечатляющее описание трудностей и лишений, выпавших на долю Кейна, Холла и других арктических путешественников, дало нам представление о том, что может нас ожидать. Но я всё же утешал себя надеждой, что эти описания могут быть несколько преувеличены.

---

<sup>1</sup> Владимир Алексеевич Бельцов (1836–1897) – русский военный инженер, генерал-лейтенант. Строитель батарей в устье р. Амур. Участник ряда изысканий на Дальнем Востоке, в частности для трассировки телеграфной линии по Амуру, Уссури и до границ Кореи. Его именем назван остров в Японском море. – *прим. перев.*

<sup>2</sup> Модест Васильевич (Вильгельмович) Гаккель (1839–1909) – русский военный инженер, генерал-майор. Участвовал в постройке телеграфной линии от Иркутска до Владивостока. В его честь названы станция ж/д станция, посёлок, мыс и 2 острова (Большой и Малый Гаккеля). – *прим. перев.*

Когда, однако, к этому добавились тревожащие заверения жителей о почти неизбежной участи, ожидающей нас в глубоких ущельях хребта Джугджур, и о свирепых метелях, которые нас ожидают, и о полной невозможности получить хоть какую-нибудь помощь в случае бедствия, то мы реально почувствовали, что перед нами стоит труднейшая задача. Правда, на побережье там есть несколько русских поселений, но добраться до них можно только по морю, а обширные дикие пространства, лежащие вокруг них, были известны лишь немногим отважным тунгусским охотникам, которые проникали туда в поисках лосей, горных баранов и соболей.

Из-за нехватки северных оленей в Приамурье мы смогли подготовить к нашему путешествию только восемнадцать животных. Четверо потребовались в качестве верховых для нашего отряда, которая состояла из Махуда, переводчика Шварца, казака Якова и меня. Двое тунгусов, которые должны были идти с нами в качестве проводников до Тугура и ухаживать за животными, имели своих собственных верховых оленей. Четырнадцать оставшихся для перевозки припасов и снаряжения было недостаточно для всего необходимого нам для долгого путешествия; в результате мы были вынуждены оставить все наши личные вещи, за исключением меховой одежды, которую мы купили ещё в Петропавловском, и двух-трёх смен нижнего белья. Провизии у нас было ровно столько, чтобы добраться до Тугура, где, как сообщил капитан Линдхольм, наши запасы можно было пополнить. В основном это был чай, сахар и свинина. Мы рассчитывали выменять свежее мясо у тунгусов, для чего запаслись десятью галлонами спирта. В дополнение к вышесказанному, у нас были: лёгкая конусообразная брезентовая палатка, изготовленная в парусной мастерской в порту; двадцать шесть брезентовых перемётных сум и четыре деревянных, обтянутых кожей ящика с замками, спальные мешки, кухонных принадлежности, и кроме того маленький спиртовой термометр со шкалой Фаренгейта и большой термометр по Реомюру, кремни и кресала, компаса и прочая мелочь.

Наша кухонная утварь была не столь многочисленной и состояла всего лишь из чайника, сковороды, небольшого жестяного ведёрка для приготовления супа и трёх эмалированных железных кружек с блюдами и деревянными ложками. В остальном мы полагались на охотничьи ножи и пальцы. Я забыл упомянуть о наших револьверах, двух карабинах Шарпа, и дуствольном дробовике. Термометром Реомюра мы были обязаны любезности капитана Бельцова.

Пароход «Гонец», предоставленный в наше распоряжение, был симпатичным маленьким судёнышком, построенным специально в качестве экспедиционного судна для плаваний по низовьям Амура. Его удобная планировка и хорошее оснащение в наилучшей степени соответствовали его назначению, хотя тонкий железный корпус, который под ударами волн прогибался, как резиновый, наводил на некоторые сомнения в его прочности. Однажды до этого, во время небольшой прогулки по реке во время сильного волнения, это проявилось настолько явно, что мы все начали опасаться, как бы пароходик вообще не развалился.

Погода в день нашего отъезда благоприятствовала — спокойная и тёплая, но ближе к ночи похолодало. В 7 часов вечера термометр показывал  $-6^{\circ}$ . Это внезапное падение температуры нас несколько обеспокоило: как бы протоки не замёрзли и нам не пришлось возвращаться в Николаевск, хотя, если бы погода позволила, мы бы легко могли добраться до места назначения уже на следующее утро.

Ни один пароход ещё не плавал к этому озеру, для протоков, ведущих к нему, у нас не было ни лоций, ни кого-нибудь, кто знал эти места, иначе мы бы плыли всю ночь. Наш маршрут пролегал по запутанной сети бесчисленных рукавов и протоков, и, поскольку гиляки были единственными, кто мог провести нас по этой местности, в 8:30 вечера, когда мы добрались до деревни Маго, расположенной в сорока трёх верстах от Николаевска, мы причалили к берегу, и Махуд и Шварц отправились за помощью. Двое туземцев согласились сопровождать нас, и к 4 часам утра следующего дня мы продолжили наш путь.

Ночью температура поднялась до  $-2^{\circ}$ , но воздействие холода было заметно по тонкому льду у берегов реки.

Вскоре мы миновали небольшое русское поселение под названием Пальво, состоящее из трёх-четырёх домов, но не стали останавливаться, а сразу же повернули в небольшую протоку, ведущую к озеру. Она петляла среди лугов с редкими рощицами деревьев.

До этого мы встречали совсем немного льда, но по мере продвижения к озеру его количество угрожающе увеличивалось. Узкие полосы, которые мы видели сначала у берегов, постепенно приближались к середине реки, пока, наконец, перед нами не предстал сплошной слой толщиной в полдюйма. Пароход врезался в него, прокладывая себе путь и кроша своими маленькими гребными колёсами ровную, как стекло, поверхность льда. Сначала мы продвигались довольно быстро, так как лёд был слишком тонок, чтобы оказать серьёзное сопротивление, но позже он стал намного толще, в некоторых местах до дюйма, и наша скорость значительно упала.



Стало ясно, что зима вступает в свои права, и, поскольку от озера нас отделяло не более двадцати миль, посоветовавшись, мы решили приложить все усилия, чтобы пробить себе дорогу, даже рискуя тем, что пароход вмерзнет в лёд. В противном случае нам придётся вернуться в Николаевск, дожидаться там пока Амура окончательного не встанет, а затем на лошадях или собаках отправиться к озеру и начать всё сначала.

Яков с тунгусами и оленями, добравшись до озера и не обнаружив там никого, были бы вынуждены вскоре отправиться на поиски пропитания или, возможно, вообще ушли бы, посчитав нашу экспедицию законченной. Всё это привело бы к критическим потерям времени, и мы бы тогда наверняка не успели до конца зимы завершить предстоящее нам долгое путешествие.

В довершение наших невзгод в 9:30 утра начался сильнейший снегопад, сопровождавшийся лёгким ветром. Снег падал так густо, что за несколько минут покрыл лёд толстым слоем, а берега скрылись из виду. Исчезли все ориентиры, но гиляков это не смутило, они были совершенно уверены, что приведут нас к озеру, если только этому не помешает толстый лёд, поэтому мы продолжили плавание.

Таким образом мы двигались ещё некоторое время, прокладывая себе путь, как лодка внезапно села на мель. Мы развели побольше пара, дали задний ход и прошли немного в другом направлении, после чего снова наткнулись на мель. О продолжении движения теперь не могло быть и речи. Гиляки в ответ на наши расспросы признались, что понятия не имеют где мы находимся, так как заблудились во время снегопада, а помощник капитана доложил, что запас топлива почти исчерпан.

Положение было отчаянное, а настроение всех на борту подавленное. После ещё одного короткого совещания мы пришли к выводу, что ничего не можем поделать, кроме как вернуться назад в Пальво, пока есть топливо. Там мы решили дожидаться либо наступления потепления и тогда продолжить путешествие к озеру на гилякских лодках, либо, если станет холоднее, раздобыть собак и попытаться добраться до Тугура на санях. Сердца наши сжимались при мысли о возможном провале экспедиции в самом её начале.

Через полтора часа мы прибыли к допотопному жилищу, где десятка три солдат заготавливали на зиму рыбу. Нас приняли очень гостеприимно, и, поскольку погода к этому времени стала лучше, мы попытались найти среди солдат проводника, чтобы предпринять ещё одну попытку. Однако никого из них не удалось уговорить, они боялись замёрзнуть или умереть с голоду до того, как подоспеет помощь.

Тем не менее мы решили предпринять ещё одну попытку и, заручившись согласием двух якутов, которые по счастливой случайности как раз проплывали мимо на лодке, послужить нам в качестве лоцманов, и отправили солдат рубить дрова для парохода, и к ночи были готовы к отплытию. Теперь перспективы были гораздо более оптимистичные, так как пошёл дождь, а столбик термометра весь день держался немного выше нуля.

К утру всё ещё шёл дождь, и в 7 утра, когда якуты поднялись на борт, мы отчалили и направились к озеру. Мы довольно легко нашли дорогу и вскоре подошли к озеру, но, вопреки нашим ожиданиям, вчерашний лёд не исчез, а предстал перед нами огромным, насколько хватало глаз, сплошь покрытым снегом полем. Пароход вошёл в него, но не без труда. Он часто останавливался, отступал и снова устремлялся вперёд. Когда мы углубились в озеро уже на милю, команда отказалась идти дальше, но мы уговорили их попробовать ещё немного, и уже через несколько минут далеко впереди показалась открытая вода. Мы продолжили наш путь и вскоре, к нашему общему удовлетворению, уже плыли по чистой воде. Озеро это имеет около тридцати вёрст в длину и двадцати в ширину, а глубина в среднем составляет от трёх до восьми футов, что было предостаточно, так как наше судно имело осадку всего в один фут.

Где-то на полпути поднялся сильный северный ветер, который подверг жестокому испытанию прочность нашего судёнышка, и, хотя его тонкий железный корпус дрожал и прогибался под ударами волн, он сумел благополучно доставить нас к месту назначения. Приблизившись к берегу, мы увидели там две очень ветхие хижины, но, поскольку из их труб не было видно дыма, мы поняли, что в них никого нет.

В полумиле к востоку виднелась тонкая струйка дыма, поднимавшаяся на тёмном фоне лиственниц, окаймлявших озеро. Мы направились туда, надеясь найти там Якова с оленями, но, подойдя ближе, увидели две вытащенные на берег лодки, что говорило о том, что это стоянка гиляков.

Вскоре, выбрав поблизости подходящее место, мы выгрузили на берег наши вещи, и «Гонец», развернувшись, быстро скрылся из виду в густой дымке, которая начала опускаться на озеро. Больше мы никогда не слышали об этом пароходике, но, поскольку погода стояла тёплая, у нас не было причин сомневаться в его благополучном возвращении домой.

Наши соседи-гиляки не могли сказать нам что-нибудь об оленях, поскольку сами пробыли на озере всего пару дней. Перед этим они направились было к своим зимним жилищам, расположенным на берегу со-

седней реки, но резкое похолодание, из-за которого на реках образовался лёд, помешало им добраться до места. Однако они сообщили, что слышали крики где-то далеко, и мы подумали, что это могли быть наши люди, которые не смогли подойти ближе из-за льда на реках, впадающих в озеро. Лёд был слишком тонким, чтобы выдержать вес человека, и в то же время слишком толстым, чтобы олени могли перейти реку вброд или переплыть, что могло задержать их на много дней.

Пока два наших лоцмана-якута, согласившиеся остаться с нами на несколько дней, устанавливали нашу палатку, Махуд и Шварц одолжили у гиляков одну из лодок и отправились на поиски Якова с тунгусами. По возвращении они сообщили, что также слышали крики, но они были так далеко, что сочли за лучшее вернуться в лагерь за едой, прежде чем снова попытаться их найти. Никто из нас с самого Николаевска не ел ничего, кроме немного селёдки и сухарей, и все чувствовали желание подкрепиться чем-нибудь более существенным.

Якуты быстро поджарили несколько превосходных форелей, добытых у гиляков; вместе с большим чайником горячего чая рыба быстро исчезла в наших желудках. Сразу после этого Махуд в сопровождении одного из якутов снова отправился под морозящим дождём на поиски.

Наша новая палатка из очень тонкого материала сильно протекала, настолько, что мы могли оставаться снаружи — разницы особой не было. Мы попробовали развести в палатке небольшой костёр, но через пару минут дым стал невыносимым, и за неимением лучшего укрытия мы со Шварцем убежали к нашим соседям-гилякам. Их жильё состояло из бересты, сшитой из полос шириной около двух футов и натянутых на каркас из лёгких жердей, наклонённых к земле и образующих нечто вроде навеса, открытого спереди и с обоих концов. Он был возведён у озера, «фасадом» к высокому лесистому берегу, который служил защитой от ветра.

Когда мы появились у них, одна из женщин готовила обед на костре перед навесом. В маленьком котелке варилась форель, рядом висел большой медный чайник — редкая вещь среди гиляков, которые, как правило, не могут позволить себе этот напиток. В этот раз мы снабдили их чаем в обмен на рыбу.

Под навесом на толстом слое хвойных веток было расстелено несколько оленьих шкур, на которых, свернувшись калачиками, лежали вперемешку с полдюжины людей и столько же собак. Выглядело это столь занимательно, что я постараюсь описать в нескольких словах, поскольку это даёт хорошее представление о внутреннем устройстве жилища гиляков, а также о некоторых их занятиях.



Стоянка гиляков

В одном конце сего жилища лежал младенец в деревянной люльке, похожей на те, что используют наши индейцы. Он был туго завёрнут в пелёнки, но с открытыми ниже коленок ножками. Люлька была подвешена к каркасу жилища на четырёх кожаных ремнях в вертикальном положении и таким образом, чтобы малыш мог доставать ножками до земли и раскачиваться самому без посторонней помощи.

Неподалёку, скрестив ноги по-турецки, сидели на шкурах две худые женщины с лохматыми головами и сосредоточенно корпели над починкой ветхой кожаной одежды, лишь время от времени прерываясь, чтобы дать какие-нибудь указания кухарке и что-то ещё — что именно, я не понял, но это было что-то очень грубое — в адрес пары голых мальчишек, которые боролись за место на оленьей шкуре со старым беззубым псом. Последний, однако, явно осознавал свои права и упорно отказывался сдвинуться с места под слабыми ударами своих мучителей. Там было много собак, главной из которых была старая карга (другого слова не подберёшь), морщинистая, немощная и беззубая, с длинными редкими прядями грязной шерсти, беспорядочно свисавшими ей на морду.

Её можно было бы пожалеть, если бы не её занятие — вылавливать паразитов в волосах чумазой девчонки и обезвреживать их самым неаппетитным способом.

Мы поднялись на высокий берег прямо перед стойбищем и оказались в месте в лесу, которое гиляки считали священным. Повсюду на высоте четырёх-шести футов над землёй на сучья деревьев были насажены медвежьи черепа. Это были своего рода жертвы местным богам и, их подносили (как мы узнали позже) вместе с табаком, ягодами, кореньями и другой едой. Все эти подношения было сделаны, по-видимому, несколько лет назад, некоторые были настолько старыми, что рассыпались бы от прикосновения, а какие-то заросли мхом. После того, как их пожертвовали, трогать их считается кощунственным. По представлениям гиляков, только время и стихии могут безнаказанно притрагиваться к ним.

В 5 часов вечера вернулся Махуд, мокрый и голодный, после долгого и трудного маршрута вверх по нескольким ручьям и вдоль берега озера, но безуспешно. Но через час один из гиляков, который также весь день ходил по окрестностям, принёс долгожданную весть о том, что Яков и олени в десяти верстах отсюда, но не могут подойти ближе из-за льда, как мы и предполагали. Мы решили отправить на помощь им наших якутов и двух гиляков с лодкой завтра рано утром.

Следующая краткая выдержка из моего дневника, относящаяся к вечеру нашего первого дня в лагере, даст представление о погоде:

«8 часов вечера. Дождь, дождь, дождь... и никакой перспективы его окончания. Это очень неприятно, но чего ещё можно ожидать от Сибири? Ночью термометр показывал +4 градуса.

24 октября. Всё ещё идёт дождь, но наши туземцы отправились за оленями, предварительно наловив нам в соседнем ручье рыбы на целый день».

Чтобы скоротать время, мы со Шварцем взяли ружья и пошли поохотиться на птиц, но вскоре вернулись, промокшие до нитки и без какой-либо добычи. Однако наших соседи принесли нам несколько рябчиков, которые водятся здесь в изобилии. Небольшой кусок сахара они считали щедрой платой — я думаю, гораздо большей, чем они обычно получают, поскольку они тут же натащили в нашу палатку кучу битой птицы, рыбу и юколы, чтобы обменять их на чай, порох, свинец и всё остальное, что мы могли им дать, но мы были вынуждены прекратить эту торговлю, опасаясь, что наши запасы от этого пострадают. Мы не

смогли объяснить им, что все наши припасы нужны нам для предстоящего путешествия, поскольку сами они берут с собой в дорогу очень мало еды.

Этот народ с полным правом можно назвать водяным племенем. Все летние месяцы они живут у воды, постоянно плавая на своих лодках. В качестве пищи, как летом, так и зимой, они почти полностью полагаются на рыбу. Зимой они путешествуют на собаках, но мало, поскольку в холодные дни предпочитают лежать и ничего не делать в своих грязных, прокуренных жилищах в ожидании весны, с приходом которой выходят, наконец, на свежий воздух.

Их физическая активность, в основном гребля и рыбалка, задействует мышцы только верхней части тела. Из-за этого среди них нередко можно видеть мужчин с мощной грудной клеткой и крепкими руками, при этом их нижние конечности настолько малы и тщедушны, что создают впечатление какой-то неестественности.

В 5 часов вечера, когда мы сидели в нашей палатке, крик одного из туземцев «Олени! Олени!» заставил нас вскочить на ноги. Мы уже достаточно хорошо знали русский язык, чтобы понять, что означает «олени», и быстро выскочили наружу — так нам не терпелось увидеть знаменитого северного оленя, о котором мы так много слышали и читали с самого детства. У каждого из нас (то есть у Махуда и у меня, потому что остальные уже видели северных оленей) перед мысленным взором стояло некое воображаемое животное, и нам было любопытно узнать, насколько оно соответствует действительности. Увы! Мы были разочарованы... Первое впечатление о животном было отнюдь не благоприятным, впрочем, как и последующее. Это, конечно, было связано с нашими слишком большими ожиданиями.

Примерно в полумиле от нас по каменистому пляжу пробиралась вереница неуклюжих на вид животных, в основном белых, которых издаleка можно было принять за коров. Во-первых, мне, по крайней мере, никогда не приходило в голову, что эти олени бывают белыми. Когда они подошли ближе, мы различили у них большие рога, но все они были каким-то разношёрстным сборищем. Большинство из них были белыми, у остальных были коричневые спины и светлые животы. У двухтрёх из всего отряда были прекрасные, крупные, цельные рога; у остальных отсутствовал то правый рог, то левый, у некоторых были отрублены оба и оставлены примерно шесть дюймов, по форме напоминающие человеческую руку. Эти последние были самцами и обучены вер-

ховой езде, а рога их укорочены чтобы не ранить наездника. Были и другие, у которых рогов вообще не было, они потеряли их, сражаясь друг с другом, или обломали в лесу.

В это время года они теряют бархатистую шкурку со своих рогов, после чего те твердеют и становятся готовыми к зиме, и длинные окровавленные полосы свисают с рогов, придавая животным ужасающий вид. Пока рога покрыты бархатом и достигают своего полного размера, становясь достаточно твёрдыми и прочными, олень испытывает в них сильный зуд. Чтобы избавиться от него, животное при любой возможности трётся рогами о деревья, в результате чего бархатистая шкурка отслаивается и клочьями свисает с рогов пока не отвалится сама или хозяева не срежут её ножом. У самок тоже есть рога, но у самцов они намного больше и тяжелее, часто достигая шести футов в обхвате. В феврале они начинают их сбрасывать. Я был очень разочарован ростом северных оленей, так как ожидал увидеть крупных, величественных животных; но они редко возвышаются над землёй более чем на пять футов. Их головы без рогов очень похожи на коровьи, но туловища гораздо уже, ноги тонкие и заканчиваются широкими, крупными копытами, также похожими на коровьи. Когда животное наступает копытом, оно раздвигается, что позволяет ему не проваливаться в снегу и болоте, а когда нога поднимается для следующего шага, половинки копыт смыкаются и издают характерные щелчки, особенно когда животное бежит по твёрдой поверхности. У самца под горлом растёт прядь густых длинных волос.

На плечах переднего оленя восседала фигура, одетая в толстую меховую одежду, которая делала его размером с двух обычных людей. Он раскачивался из стороны в сторону при каждом шаге оленя, а в руке держал посох, которым постоянно то колотил бедное животное по бокам, то ударял по рогам. А обе ноги в это время пинали оленя по бокам и груди, причём каждый удар сопровождался своеобразным «цоканьем» языком, подобного которому я раньше не слышал. Всё это выглядело, как будто один отрабатывал некую давно надоевшую повинность, а другому никак не удавалось заставить его двигаться быстрее, чем шагом. В конце концов, если принять во внимание относительные размеры человека и оленя, было бы гораздо уместнее и справедливее, если бы всадник нёс оседланного. За этим ведущим оленем следовали шесть или восемь других, каждый из которых был привязан к предыдущему недоуздом из тюленьей кожи, и нёс на спине — или, скорее, на плечах — маленькое вьючное седло. Затем появился ещё один огромный, покрытый мехом всадник, который проделывал то же самое, что и первый,

и вёл за собой остальных оленей, которых было общим числом двадцать.

В это же время подошла лодка с Яковом и тем небольшим багажом, который он и наши проводники-тунгусы намеревались взять с собой в путешествие; там же сидели якут и гиляк, которых мы отправили на поиски. Отряд Якова пробыл на озере четыре дня и, как мы и предполагали, не смог прибыть на место встречи из-за льда на реках. Когда подошла лодка, они погрузили в неё свой груз и перевели оленей, привязав их за лодкой. Им удалось обойти устья рек — общим числом четыре — не встретив много льда.

Когда первый туземец спешил и откинул свой меховой капюшон, чтобы поприветствовать нас, мы сразу узнали в нём одного из тунгусов, которого видели в резиденции губернатора в Николаевске, по фамилии Михайлов. Другой, Константин, был нам незнаком.

Оба эти имена по происхождению русские, поскольку, как это принято, были даны при крещении в православной церкви. У тунгусов тёмная кожа, широкие скулы и маленькие пронизательные чёрные глаза, как у татар в целом, хотя иногда среди них можно встретить людей с глазами сероватого оттенка. По чистоплотности, языку, обычаям и образу жизни они существенно отличаются от своих соседей-гиляков, а также в некоторой степени по одежде, для которой, однако, используются те же материалы.

Одежда эта довольно простая, сшитая из оленьих шкур как для лета, так и для зимы, причём для зимы, конечно, намного толще и тяжелее. Основное одеяние состоит из просторной меховой шубы, скроенной примерно так же, как у нас, открытой спереди и без капюшона, в отличие от камчадалов. Её надевают на голое тело. Пара коротких, плотно обтягивающих кожаных штанов с меховой подкладкой закрывают верхнюю часть ног, а до колен они обуты в торбаса из оленьей шкуры, с подошвами из медвежьей или тюленьей кожи.

Обычно они ходят с непокрытой головой, но всегда носят на шее «малахай» — отстёгивающийся меховой капюшон, который надевают при необходимости. Такие малахайи часто украшены орнаментом из кожи и меха. Шьют их в основном из лапок рыжей, чёрной и серебристо-серой лисы, мех разного цвета сшиваются полосками и окаймляются соболем, бобром или морской выдрой.

Эти люди не отращивают длинные волосы, как гиляки и другие племена, живущие южнее, а подстригают их довольно коротко, за исключением длинных прядей на висках. Их образ жизни чисто кочевой. Они жи-



вут в конусообразных кожаных палатках, сконструированных таким образом, что их можно поставить за несколько минут. (Наша собственная была сделана по тому же образцу.) Такое жилище, вместе с немногочисленной домашней утварью, они навьючивают в разобранном виде на своих оленей всякий раз, когда в одном месте дичи стало мало, и на следующую ночь они могут с удобством расположиться в совершенно другом месте. Живут они исключительно охотой и теми немногими простыми вещами, которые обменивают на меха от русских торговцев, с которыми ежегодно встречаются в каком-нибудь определённом месте. Их территория простирается от Амура на север до Охотска и на запад до большой реки Лены, хотя племя их отнюдь не многочисленно.

Поскольку мы не могли сразу отправиться в путь, то на один-два дня оленей отвели на пастбище примерно в миле от лагеря и выпустили на волю. Подобно овцам, они пасутся вместе, а два-три хорошо прирученных животных не дадут большому стаду разбредаться, пока есть пища. Они питаются светлым мхом, который растёт в сухих местах. Местность вокруг озера Орель, а также к западу и северу от него, в основном низменная и сырая, и на ней мало что растёт, а, следовательно, и оленей мало — как диких, так и домашних.

Теперь, когда Яков и тунгусы прибыли, мы больше не нуждались в услугах наших проводников-якутов; мы дали им несколько рублей и чая, и они засобирались домой.

Уезжать им, тем не менее, очевидно, не хотелось, и, прежде чем отправиться в путь на своей лодке, они подошли к нашей палатке и, поклонившись и перекрестившись святому-хранителю нашего жилища, просили его благословения для нас и со слезами на глазах благодарили за щедрую плату — такую, на какую и рассчитывали. Я рассказываю об этом только для того, чтобы показать чувствительность их натуры. Считается, что каждый дом, палатка и жилище любого рода находятся под защитой святого-хранителя. Они никогда не войдут в какое-нибудь из них, не обнажив благоговейно голову и не перекрестившись. Этот обычай можно встретить только у тех туземцев, которые приняли православие, остальные же довольно бесцеремонны. При прощании с нашими мужчинами они все обнажили головы и троекратно поцеловали друг друга в щёки. Впоследствии мы обнаружили, что это общепринято как при встрече, так и при расставании.

Во время нашего пребывания на озере мы жили, можно сказать, роскошно. Наши соседи-гиляки за весьма умеренную плату в изобилии снабжали нас озёрной форелью, куропатками и клюквой, а с приездом Михайлова к нашим запасам прибавилась добрая четверть оленьей

туши, не говоря уже о молоке для чая и кофе, которое нам поставляла олениха из стада. Мясо северного оленя, хотя, по-моему, более волокнистое, чем у нашего американского оленя, имеет гораздо более нежный вкус и лишь немногим уступает лучшей говядине. Молоко, однако, не такое вкусное, как коровье, хотя и гораздо жирнее. Кружка молока, которую самка давала каждый вечер, по питательности была как кварта обычного коровьего молока. А такой малый удой был вызван, вероятно, нерегулярностью доения.

Следующий день был посвящён тому, чтобы заново упаковать наши припасы и разложить их в тюки для погрузки на оленей. Каждое вьючное животное могло нести около ста фунтов груза, и не больше. Однако верховой олень, если он в хорошей форме, будучи крупнее и сильнее, мог бы с лёгкостью нести человека весом в сто семьдесят пять фунтов, поскольку всадник сам сохраняет равновесие, что уменьшает нагрузку на животное. Наши вьючные седла были сделаны во многом по образцу тех, что используются для мулов в Калифорнии, но намного меньше по размерам. Седло состояло из двух подушечек из оленьей кожи, набитых мхом или шерстью и соединённых между собой дугами из оленьего рога. Дуги оставляют пространство между подушками, позволяя без стеснения двигаться плечам оленя.

Седло для верховой езды по внешнему виду почти такое же, как и вьючное, за исключением того, что подушки немного шире — один фут в длину и четырнадцать дюймов в ширину — обеспечивая более широкую и мягкую поверхность для сидения. Ни стремяна, ни какая-либо другая опора для ног не используются. Седло крепится на плечах оленя одной подпругой вокруг туловища.

Садиться на оленя или грузить на него поклажу нужно очень осторожно, чтобы какая-либо часть веса не легла на спину, которая очень слаба. Михайлов говорил, что даже незначительное давление на эту часть тела может полностью вывести животное из строя. Уздечки, или, скорее, недоуздки, делаются из ремня из тюленьей кожи или плетёные из тонких полос оленьей кожи.

В этот день у нас была возможность стать свидетелями одного из тех удивительных возможностей человека, о которых люди часто слышат, но увидеть дано немногим. На самом деле, мы и сами поначалу не поверили своим глазам и не верили до тех пор, пока не осталось никаких сомнений. Героем этого события был Яков, наш казак, сам небольшого роста, но, поскольку подвиг был совершён с помощью его зубов и челюстей, то рост, пожалуй, не стоит принимать во внимание. Произошло это

следующим образом: при разгрузке нашего груза с «Гонца» один из оббитых кожей ящиков был сильно повреждён. Его нужно было починить, прежде чем использовать для багажа, но мы не знали, где раздобыть для этого гвозди. И тут среди наших вещей нашёлся обломок какого-то ящика, в который были вбиты несколько гвоздей, но тут же возникла трудность извлечь их, не сломав. Мы попробовали топор и все другие подручные средства, но безуспешно. Наконец за дело принялся наш казак: он упёрся в обломок коленями и зубами вытащил два оставшихся целыми гвоздя. Мы были поражены, а Шварц рассказал, что у большинства этих людей мощные челюсти и зубы. Покупая топор, они всегда проверяют его качество, пробуя лезвие на зуб. Эта проверка настолько эффективна, что их редко удаётся обмануть.

## ГЛАВА VIII

Утром в четверг, 26 октября, мы все проснулись ни свет, ни заря. День был немного пасмурный, но обещал быть хорошим. Но даже если бы дождь лил, как из ведра, я сомневаюсь, что нас удалось бы уговорить отложить отъезд. Впереди было долгожданное путешествие, и нам не терпелось поскорей тронуться в путь. У нас было столько непредвиденных задержек, а однообразие и скука от лежания в тесной палатке, чтобы не мокнуть под дождём, который шёл почти непрерывно все эти дни, подготовили нас к тому, что ради разнообразия мы готовы согласиться на всё, что угодно. К тому времени, как Михайлов и Константин пригнали с пастбища оленей, палатка была разобрана и упакована, а остальные тюки связаны попарно ремнями из тюленей кожи и готовы к погрузке на вьючных животных.

Теперь предстояло распределить верховых оленей. Поскольку мы с Махудом благоразумно решили постепенно овладевать искусством обращения с оленями, то к нам были приставлены два самых смирных животных. У остальных был некоторый опыт общения с ними. Сначала наши припасы были навьючены на четырнадцать оленей, предназначенных для этой цели, а затем сверху уложены наши спальные принадлежности, кухонная утварь, палатка и другие лёгкие вещи, которые потребуются для повседневного использования, так что не будет необходимости распаковывать ни один из тюков за исключением провизии до тех пор, пока мы не прибудем в наш следующий пункт назначения — Тугур, в одноименной бухте. Наш караван перед выходом выглядел так: три колонны вьючных оленей, привязанных один за другим недоуз-

ками, под руководством Якова и двух тунгусов, стоящие рядом со своими животными, готовые по сигналу вскочить в сёдла. Наши друзья-гиляки собрались вокруг, с открытыми ртами наблюдая за нашими действиями и готовые наброситься на лагерь в поисках кусочков хлеба и сахара, как только мы покинем его. Махуд, Шварц и я предварительно обыскали лагерь, чтобы убедиться, что никто ничего не забыл, и теперь стояли каждый у своего оленя.

В одной руке Яков держал стакан с разбавленным спиртом, с нетерпением ожидая момента, когда можно будет выпить. Наступила самая торжественная часть церемонии. Плавным и эффектным движением Махуд извлёк из-за пазухи многообещающего вида тёмную бутылку, припасённую специально для этого случая и ударом ножа раздробил горлышко. После чего поднял зазубренный кубок и в наступившей напряжённой тишине, объявил тост «за отсутствующих друзей». Восхищённая толпа гиляков, не в силах больше сдерживать свой восторг, расплылась в улыбках. Излишне говорить, что мы все поддержали этот тост. Эта церемония так сильно подействовала на Якова, что он, чтобы скрыть своё горе, уткнулся лицом в чашу со спиртным и, возможно, утонул бы в ней, если бы Михайлов и Константин, опасаясь за свой дневной порцион, не бросились к нему, чтобы предотвратить катастрофу. Затем раздалось троекратное «ура!»; наши проводники вскочили в сёдла и тронулись в путь, и таким образом мы могли бы тут же и начать наше путешествие, но по разным причинам остальным сесть в седла не удалось. Вообще, оседлать северного оленя — отнюдь не простая задача для новичка; требуется известная осторожность, чтобы не покалечить животное, и, кроме того, это требует достаточной ловкости, которой я, например, не обладал. Чтобы помочь себе в этом процессе, всадник всегда использует специальный посох, который русские называют «палка». Эта палка имеет около пяти футов в длину, а в нижней части — большой деревянный обруч, забранный сеткой из ремешков, которая не даёт палке проваливаться в снег. Подобная палка используется при ходьбе на лыжах. Чтобы сесть верхом на оленя, всадник берет поводья в правую руку, которую кладёт на седло, а левой опирается на навершие своего посоха. Затем лёгким движением он кладёт правую ногу на седло и, равномерно распределив вес тела между двумя руками, ловко запрыгивает на место. Но для этого требуется верный расчёт, так как шкура на плечах оленя очень подвижная, и если вы подпрыгнете на дюйм выше, чем надо, или на дюйм ниже, седло повернётся, и всё — вы окажетесь на земле. Даже после того, как человек научится садиться в седло, ему требуется много времени и постоянное внимание, чтобы научиться

сохранять равновесие. Эта подвижность кожи на спине оленя объясняет уже описанные странные покачивания всадника, когда олень при ходьбе, двигая лопатками, наклоняет седло то в одну, то в другую сторону. Чтобы противодействовать этому, когда седло наклоняется влево, всадник должен наклоняться вправо, и, соответственно, наоборот.

Теперь читатель не удивится нашим неудачам. Шварц, будучи более уверенным в себе, чем Махуд или я, прыгнул немного выше и в результате перелетел через своего оленя. Махуд начал хорошо, но был немного медлителен, и как только его правая нога коснулась седла, олень рванул вперёд и помешал ему сесть. Я потерпел неудачу в самом начале, так как не мог поднять ногу достаточно высоко, чтобы перекинуть её через седло, и после трёх-четырёх неудачных попыток был вынужден обратиться к одному из проводников за помощью. Гиляцких детей очень забавляли наши экзерциции, как, впрочем, и всю гиляцкую компанию.

Когда мы были в Петропавловском, исправник сказал, что в этих местах нам придётся ездить верхом на оленях, но, поскольку мы никогда раньше не читали и не слышали об этом, да и не думали, что олень может выдержать вес человека, то мы предположили, что он шутит. Однако он рассказал, что один его русский друг однажды совершил небольшое путешествие на оленях и обнаружил, что необходимо брать с собой две палки и нести их наготове по обеим сторонам оленя, чтобы не упасть. Мы пользовались только одной палкой и падали с оленей, но я сомневаюсь, что лишняя палка предотвратила бы эти падения.

Мы взяли курс на запад от озера, которое вскоре скрылось из виду, и, пройдя около пяти вёрст по заболоченной местности, поросшей лиственницами, добрались до хороших кормовых угодий для оленей и решили остановиться на ночлег. Мы не хотели слишком утомлять животных в самом начале путешествия, да и нам самим хотелось остановиться и отдохнуть, потому что, хотя мы и ушли не очень далеко, постоянная сосредоточенность на том, чтобы удержаться на спине оленя, и ушибы от нескольких падений, делали предложение разбить лагерь приемлемым для всех.

Мы были очень горды нашим первым опытом, потому что, как ни странно, количество падений в среднем не превышало одного на версту. Однако, признаюсь, одно из них меня несколько огорчило и не слишком укрепило мою репутацию наездника. Олень в этот момент стоял совершенно неподвижно, это усыпило мою бдительность, и когда он просто повернув голову в сторону, седло повернулось, я потерял равновесие и упал. Даже самый опытный наездник иногда падает; потому что, когда

всадник сидит в седле, колени его находятся на шее оленя, а ноги болтаются внизу, без стремян или чего-либо такого, на что он мог бы опереться.

Сразу после остановки наши тунгусы срубили два-три десятка длинных тонких жердей и воткнули их по кругу диаметром в двенадцать футов, так чтобы верхушки опирались друг на друга. На них мы уложили нашу палатку. После этого мы нарубили веток и разостлали по земле внутри, а посередине оставили место для костра, над которым наш чайник вскипел почти за то же время, которое потребовалось мне, чтобы написать это.

На следующее утро мы рассчитывали отправиться в путь пораньше, но нам помешала строптивость некоторых наших оленей. Их пришлось ловить с помощью лассо, что было очень трудно из-за густой растительности вокруг лагеря. Аркан, используемый для этой цели, представляет собой длинную тонкую верёвку из тюленьей кожи, которая для гибкости обильно смазывается маслом. Она очень прочная, хотя это не так уж важно, поскольку олень не сильно сопротивляется, как только его заарканят. Как и у наших калифорнийских индейцев, у тунгусов аркан считается обязательным предметом.

После того как самые непослушные животные были пойманы, между деревьев полукругом были натянуты лассо, образуя кораль, в который загнали оленей. Почва на местности, по которой мы ехали, была болотистой и мягкой, а из-за недавних дождей стала ещё более податливой, и наши тяжело нагруженные олени, увязали иногда по колено в грязи и воде. По этой причине в этот день мы по большей части не могли ехать верхом.

Мы продолжали двигаться в западном направлении по однообразной равнинной местности, где не было никаких других деревьев, кроме лиственниц (которые росли в изобилии), за исключением того, что на берегах одного ручья видели несколько белых берёз. Иногда встречались места, где клюква росла буквально сплошным ковром, видели также несколько диких оленей. Около полудня мы вышли к небольшому ручью, который наши гиды назвали рекой Бирбукан<sup>1</sup>. Поднявшись по нему вверх, мы прошли через перевал в гряде невысоких холмов, за которым оказались в узкой болотистой долине, по которой протекает Бирбукан. В полдень мы остановились, чтобы попить чаю, и, немного отдохнув, двинулись дальше вверх по ручью. Временами наша

---

<sup>1</sup> Бирбукан (у автора: Birgosoön) — под этим названием на старых картах обозначена река Перепекин, одна из трёх с таким именем (есть ещё Сев. Перепекин и Мал. Перепекин) — прим. перев.

тропа вела вдоль склона холма, и тогда мы пользовались возможностью проехать небольшое расстояние верхом.

В 5 часов, замёрзшие, усталые и промокшие по пояс, мы разбили нашу палатку на ночёвку на сухом месте, рядом с пастбищем для оленей. Рядом был необычный холм овальной формы, сложенный из булыжников, на вершине которого росли две больших лиственницы. Холм был тридцати футов в длину и семи в высоту, совершенно одинокий посреди равнины и имел такой правильный и рукотворный вид, что я был склонен полагать, что это большая могила, по типу индейских курганов в Америке. Если это так, то она была сделана много лет назад.

Один из наших вьючных оленей доставлял нам много хлопот и задерживал нас, срывая груз со своих плеч правым рогом. Вечером, перед тем как выпустить его на ночь, Михайлов заверил нас, что он устранит эту проблему. Нам всем было любопытно узнать, как он это сделает. Когда караван был разгружен и отпущен на выгул, он подвёл оленя-нарушителя к большой лиственнице и привязал его голову к стволу, чтобы рог плотно прилегал к нему. Покончив с этим, он отрубил рог несколькими ударами своего не очень острого топорика. Если не считать сотрясений, вызванных ударами, олень, по-видимому, не испытывал никаких неудобств до тех пор, пока его не отвязали от дерева — тогда из-за тяжести оставшегося рога на левой стороне головы животное в течение получаса бегало по кругу и за это время оправилось от испуга. Ранним утром мы покинули Бирбукан, держа курс на северо-запад.

На следующий день в 10:30 утра мы перешли вброд небольшой ручей, который наши гиды называли Ясмал<sup>1</sup>. Этот ручей течёт на запад и в конце концов впадает в Амгунь, являющуюся крупным притоком Амура.

В полдень начался дождь, и, обнаружив в одном месте хороший корм для оленей, мы решили разбить там лагерь, пока дождь не утихнет. К тому же нам надо было сделать это, чтобы уберечь наши припасы, многие из которых были в холщовых мешках и могли легко промокнуть. Местность, по которой мы ехали до полудня, была такой же противной, как и накануне — низменной и топкой.

Как только мы разбили лагерь и выпили чаю, Михайлов, который пользовался среди своего племени репутацией хорошего охотника, отправился с двумя лучшими оленями на охоту. За неимением лучшего занятия я надел резиновый плащ и, взяв ружье Шварца, тоже отправился на охоту, чтобы попытаться пополнить запасы свежего мяса, которые к

---

<sup>1</sup> Что касается названий рек и гор, приведенных здесь, то я полностью полагался на наших тунгусов, за исключением тех случаев, когда можно было найти русские названия.

этому времени были почти исчерпаны. Через пару часов я вернулся, подстрелив крупную птицу, которую раньше никогда не видел. Хотя Шварц назвал её тетеревом, я приведу следующее описание, которое позволит орнитологам более точно классифицировать её:

Длина птицы от кончика клюва до кончика хвоста составляла двадцать семь дюймов, от кончика одного крыла до кончика другого — три фута, а обхват тела — пятнадцать дюймов. Это была самка, весившая около пяти фунтов. Самец же, как сказал Шварц, почти чёрный, и над глазами у него есть небольшая красная полоска. Клюв короткий и чёрный, со слегка заострённым кончиком; глаза и лапы тоже черные; ноги короткие и покрыты перьями до самых лап; окрас коричневый, испещрённый мелкими черными и белыми пятнами.

Вернувшись в лагерь, я обнаружил, что Константин занят сооружением жилища для себя и Михайлова, поскольку в палатке было место только для четырёх человек. Это было очень скромное сооружение, состоявшее из дюжины небольших жердей, расставленных полукругом и покрытых оленьими шкурами для защиты от ветра и дождя. Пространства едва хватило бы, чтобы защитить одного мальчика, не говоря уже о двух мужчинах, но тунгусы, когда спят, сворачиваются калачиком на очень маленьком пространстве, подтягивая колени к подбородку, и ложатся спиной к большому костру, который разводят перед своим убежищем. Ложатся они на небольшую оленью шкуру, а укрываются своей единственной шубой, набрасывая её только на плечи, подставляя оголённые спины огню. За исключением дождливой погоды, им больше ничего и не надо, при условии, что подстилка достаточно хорошая.

Михайлов вернулся только в 5 часов. Оленей он не встретил, но принёс трёх крупных птиц, похожих на ту, которую подстрелил я; так что теперь наш запас свежего мяса был достаточен.

29 октября была наша первая суббота в лагере; всё ещё шёл дождь, слишком сильный, чтобы путешествовать без ущерба для наших припасов. Несмотря на то, что был шаббат, шестеро ничем не занятых, здоровых и голодных особей совершили такой опустошительный набег на наши запасы птицы, что было решено добыть ещё, пока была возможность. Для этого Шварц снова отправился на охоту. Он добыл несколько прекрасных экземпляров, а ещё больше просто видел, и что интересно — среди них не было ни одного самца.

С того дня, как мы покинули озеро, мы взяли за правило выдавать каждому из наших людей дважды в день порцию разбавленного спирта; и вскоре они уже рассматривали это как одно из условий своего соглашения с нами. В этот день, в тот обычный час, когда мы сидели в нашей



палатке, вход приоткрылся, и показалась лохматая голова Михайлова. О цели его визита мы сразу догадались, хотя о выпивке даже не упоминалось, и, посидев несколько минут, он ушёл, явно разочарованный. Через две-три минуты таким же образом появился Константин, но, поскольку нам уже было любопытно узнать, каков будет результат, мы так же притворились, что не знаем цели его визита. Наконец, и Константин тоже встал и ушёл. После этого мы слышали, как двое снаружи некоторое время тихо переговаривались, после чего во вход просунулся Михайлов. На этот раз он расплывался в улыбке, а в руке держал пузырёк с каким-то белым, сальным на вид веществом, которое он просил нас принять в подарок. Мы не могли объяснить с ним, так как Шварц ещё не пришёл, и, следовательно, не могли понять, что находилось в пузырьке. Михайлов заметил нашу нерешительность и даже, наверное, подумал, что получить алкоголь не удастся, но вдруг лицо его просветлело, и, взяв кусок хлеба, он знаками дал нам понять, что это вещество является заменителем сливочного масла. «Как ты думаешь, Буш, что это такое? — спросил Махуд, поворачиваясь ко мне с озадаченным лицом. — Тебе не кажется, что можно немного попробовать... ради любопытства?» Я согласился, и, к большому удовлетворению Михайлова, мы приступили к трапезе, предварительно убедив друг друга, что надо есть всё, что предлагают, чтобы подготовить наши желудки к будущим испытаниям. Вкус был неопределённый, хотя и не особенно неприятный. Мы продолжали есть ещё некоторое время, и тут вернулся Шварц, и Михайлов стал угощать и его попробовать. Покачивая головой, он передёрнул плечами и поморщил нос в знак отвращения, отчего мы с Махудом тут же перестали жевать и хором спросили, что же это такое, черт возьми! «Масло для волос! — ответил он. — Это медвежий жир». Пристально наблюдая друг за другом, чтобы никто не жульничал, мы с трудом проглотили недоеденные куски, и без дальнейших разговоров выдали тунгусам их пайки.

Когда мы проснулись утром 30-го, первым звуком, достигшим наших ушей, были капли дождя, которые продолжали барабанить по палатке. Звук был неприятный, но, другого выхода не было, и мы спокойно смирились с задержкой ещё на один день. Мы искренне надеялись, что этот дождь будет последним в этом сезоне, и за этим последуют холода, которые заморозят болота, и путешествие станет более лёгким. Наши тяжело нагруженные олени вообще с трудом передвигались, не говоря уже о нас самих — мы и так были вынуждены идти пешком и переходить реки вброд.



Константин



Михайлов

За неимением лучшего занятия я уговорил Михайлова попозировать мне для портрета. Этот парень ни разу в жизни не гляделся в зеркало, и, осмелюсь предположить, понятия не имел, какая безобразная у него физиономия. Во всяком случае, увидев рисунок, он не выказал никакого восторга, а вот Константина он очень рассмешил, и он всё не мог успокоиться, пока не взглянул на свой. Увы! — человек так несовершенен! На этот раз доволен был Михайлов, а бедный Константин ужасно удручён. Эти рисунки, казалось, что-то пробудили в их сознании, и они вышли из палатки в немалой задумчивости, оба пытаясь пригладить ладонями свои растрёпанные волосы. Вскоре Константину зачем-то понадобились мои ножницы, после чего на головах у наших тунгусов почти не осталось волос, и они принялись упрашивать меня нарисовать по портрету ещё раз.

В тот день наши запасы пополнились ещё двумя тетеревами и белой, или арктической, куропаткой, которую мы встретили впервые. В 9 вечера на небе снова появились звёзды, и мы с радостью приветствовали это зрелище, так как наше терпение уже почти иссякло, и мы отправились на наши хвойные кровати, рассчитывая на следующее утро снова отправиться в путь.

«31 октября. — В лагере. Стихия сошла с ума. Очевидно, забыв, что уже всю прошлую неделю почти непрерывно шёл дождь, она решила порадовать нас ещё небольшим количеством осадков. Надежды на то, что мы выйдем сегодня, нет».

Днём, во время охоты, Михайлов обнаружил, что небольшой ручей в миле от лагеря так сильно вздулся из-за недавних дождей, что через

него требуется перекинуть мост; и мы немедленно отправили его и Константина валить для него деревья. В 9:30 вечера луна удостоила нас взгляда своего благосклонного лика.

## ГЛАВА IX

Это разочарование, которое мы испытывали каждое утро, выходя из палатки и обнаруживая, что идёт дождь, подготовило нас к тому, что ничего другого ожидать не придётся. Поэтому для нас было сюрпризом, когда рано утром 1 ноября мы обнаружили, что вся земля вокруг покрыта снегом, а погода подходит для возобновления нашего путешествия. На то, чтобы собрать оленей и свернуть палатку, ушло минимум времени, и в назначенный час мы уже пробирались через обширное заболоченное место к тому «мосту», который проводники построили прошлой ночью. Он состоял всего лишь из двух больших стволов, перекинутых через глубокий, но узкий ручей. Однако одно из брёвен за ночь смыло, и этот факт, а также малоприятная перспектива пересекать обширное болото сразу за ручьём, побудили нас искать другую переправу и двигаться дальше вверх по ручью. Потерпев в этом неудачу, мы через полтора часа вернулись к прежнему месту и перешли по бревну с грузом на плечах, а оленей переправили вплавь. На болоте за ручьём наши олени часто проваливались по брюхо в грязь, и мы все сразу же насквозь промокли — отнюдь не приятное состояние при температуре  $-1^{\circ}$ , как было в этот день.

От лагеря наш путь лежал почти строго на запад. В течение дня нам пришлось пересечь ещё несколько разлившихся рек и затопленных болот; фактически, они покрывали почти всю местность, которая была покрыта мхом и лишайниками и полностью пропитались влагой после недавних дождей. С каждым шагом, даже там, где путь казался неплохим, мы с оленями проваливались почти по колено, а наши следы мгновенно наполнялись водой. Со всеми этими трудностями нет ничего удивительного в том, что к этому времени мы уже испытывали отвращение к езде на оленях, да и, по сути, ко всему, что связано с этим животным. Правда, караван наш был очень плох, а караванщики старые и подслеповатые, но ничего лучшего мы тут найти не могли.

Езда верхом занимала у нас менее четверти дневного пути, но она приносила лишь небольшое облегчение после ходьбы пешком из-за постоянных усилий заставить животное двигаться. Нам не только приходилось постоянно пинать их обеими ногами, но и постоянно охаживать их по рогам, а уж нашим языкам и вовсе не было покоя. Северный олень

— это животное, которое в нашем сознании всегда ассоциировалось с ураганом, быстрой молнией и тому подобными скоростными явлениями, — на самом деле оказался одним из самых ленивых божьих созданий. Никакие усилия с нашей стороны не могли заставить их двигаться быстрее, чем шагом.

Это было наглядно продемонстрировано гонкой на оленях между мной и Шварцем, которой мы попытались оживить однообразие пути. Во время этого волнующего события и туземцы, и казак спешили и шли позади наших оленей, беспрестанно хлопая их по бокам, а мы сами не жалели ни мускулов, ни лёгких, что должно было, по крайней мере, пугать их — но всё было бесполезно. Они всё равно шли шагом. В тот момент я не мог отделаться от мысли, что это не олени, а коровы, тем более, что морды их очень похожи, особенно у верховых, у которых рога очень короткие, и, признаюсь, я испытывал некоторое смущение, садясь на них верхом. Их хрупкие спины и subtilный общий вид, казалось, подтверждает их непригодность в качестве вьючных животных, хотя они весьма хороши для езды с санями. Каждый раз, когда я видел, как они навьючены ящиками и мешками или несут на себе людей, мне казалось, что это просто издевательство — как будто человек, пользуясь своим превосходством, подчиняет бедных животных своим целям, для которых они никогда не предназначались Всевышним. И всё же северные олени — это как раз то, что нужно северным племенам, особенно в горных регионах, где трудно использовать собак и добывать для них пищу — оленей там просто нечем заменить.

В 13:30 мы увидели горную цепь, более высокую, чем все, что мы видели до этого в окрестностях Амура. Она находилась примерно в пятнадцати верстах к югу от нашего маршрута и достигала высоты почти в три тысячи футов. Перед остановкой на ночь Михайлов подстрелил на ужин крупного тетерева.

Это был самый трудный и холодный дневной переход, который мы совершили. Легко представить, какой восторг охватил нас, когда на землю опустилась темнота, а мы наслаждались пылающим походным костром, дымящимся горячим чаем и ароматной трубкой в уютной палатке. Днём мы ужасно промокли, и, как следствие, наши ноги распухли, а ботинки усели до такой степени, что мы отчаялись вообще их снять. Мы ничего не могли придумать, и на помощь пришёл наш бесценный Яков: ухватившись зубами за носок ботинка (к счастью, они были достаточно длинными), а руками за пятки, с удивительной лёгкостью освободил наши ноги. Слава Богу, бедняга не потерял при этом ни одного зуба!

В 8 часов вечера термометр показывал  $-3^{\circ}$ . Второго ноября переход был таким же холодным и неприятным, как и накануне; на самом деле настолько, что мы языком не могли пошевелить — так всё в нас застыло! В довершение всех неприятностей, когда утром ловили оленей, выяснилось, что ночью олень Шварца где-то сильно покалечился. Мы опасались, что это серьёзно затруднит наше путешествие, если только нам не повезёт, и мы не встретим тунгусов в Усальгинском заливе<sup>1</sup> и не сможем заменить покалеченное животное. Однако на это мы не могли полностью полагаться.

Днём показалась «Голова Старика»<sup>2</sup> — горная вершина, называемая так китобоями и расположенная на берегу Охотского моря. Этот пик, достигающий высоты почти 3000 футов, был облачен в белоснежный зимний наряд и, выделяясь на фоне тёмных небес, был необычайно красив и существенно скрашивал унылое однообразие болота, по которому мы в тот момент шли.

Михайлов в этот день дважды стрелял в крупного тетерева, но оба раза, к большому своему огорчению и нашему удивлению, промахнулся. Это невезение настолько отличалось от его обычной удачи, что вызвало у него необычайное беспокойство. Его суеверная натура не позволяла ему объяснить это иначе, как справедливым возмездием за какой-то дурной поступок, намеренный или случайный. Долгое время он угрюмо ехал верхом или шёл пешком, раздумывая над случившимся. Наконец, видимо, обнаружив причину, он явно оживился и, с ликованием догнав нас, объяснил в чём дело. Оказалось, он был твёрдо убеждён, что его неудача вызвана тем, что он отстрелил голову птице, добытой накануне. Это суеверие всех нас позабавило, но, поскольку он получал явное удовлетворение от разгадки мучавшей его тайны, мы позволили ему сполна насладиться своим заблуждением.

С приближением ночи стало невыносимо холодно. Промокшие ноги доставляли столько мучений, что мы едва могли передвигаться. Пришлось интенсивно заниматься физическими упражнениями, чтобы поддерживать циркуляцию крови. За полчаса до лагеря Махуд стал жертвой необоснованной уверенности в своих способностях ездить верхом. Он намного превзошёл меня в этом умении и так хорошо держался в седле, что решил попробовать какой-нибудь необычный стиль верховой езды. В этот раз, подъехав к глубокому, узкому ручью и решив не спешиваться, он попытался перепрыгнуть через него на олене. С неожидан-

---

<sup>1</sup> Современное название: залив Николая. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Очевидно, это гора Большие Турки высотой 668 м. (2200 фут.) — *прим. перев.*

ным проворством животное сделало стремительный прыжок, буквально выскочив из-под всадника, который рухнул в холодную воду. К счастью, недалеко оказался хороший корм для оленей, и разведённый в лагере костёр вскоре помог ему согреться. К ночи олень Шварца пришёл в плачевное состояние и едва мог ходить, но тщательное растирание спиртом, выданным для этого Константину, значительно облегчило его состояние. Когда мы выразили Константину, владельцу животного, наши опасения, что нам, возможно, придётся его убить, он проявил абсолютное безразличие и только сказал, что ему всё равно, так как он одолжил его у сына.

Весь следующий день мы просидели в нашей тесной палатке из-за сильного дождя. Применение алкоголя очень помогло хрому оленю. Мы надеялись, что к следующему утру он полностью поправится.

«4 ноября. — Этим утром нас встретило зрелище, искренне обрадовавшее наши сердца. В окружающем нас лесу ветви елей пригнулись почти до земли под тяжестью снега, а земля была покрыта пушистым одеялом толщиной в восемь дюймов. Так странно было проснуться и обнаружить, что всё вокруг так внезапно изменилось. Наши белые олени, которые прошлой ночью были легко различимы на фоне тёмного леса, выглядели теперь желтовато-грязными по контрасту с чистой белизной, которую приобрели все остальные предметы. Может показаться странным, что эти признаки быстрого приближения суровой зимы доставляли нам такое удовольствие, но к тому времени мы уже были готовы на всё, что угодно, только не на нынешние условия. На рассвете потеплело, пошёл мелкий морозящий дождь, и в 8 часов утра, когда он прекратился, мы немедленно начали готовиться к отправке, намереваясь пройти по крайней мере до реки, через которую, по словам Михайлова, нужно было перейти по мосту, примерно в пяти верстах от нас. После немногим более чем часового перехода по болотам мы добрались до речки, которую тунгусы называют Чимчагли».

Болота покрылись тонкой коркой льда, и мы проваливались в воду на каждом шагу. Чимчагли оказалась шириной около двадцати футов и довольно быстрая; но вода в это время спала, и мы вскоре нашли брод. Эта речка тоже приток Амгуни. По обоим её берегам идти трудно из-за глубоких ям и поваленных деревьев. Вскоре после переправы нам повезло пройти с целую версту по твёрдой почве, но затем мы снова спустились в болото.

Лесистые холмы по обе стороны от нас постепенно сближались, и к ночи мы надеялись достичь входа в долину. Деревьев становилось больше, они были выше ростом и включали лиственницу, ель и пихту.

По дороге Шварц подстрелил тетерева весом около пяти с половиной фунтов: это был первый добытый нами самец. Голова была чёрной, шея зеленоватого оттенка, а спина коричневой с мелкими серыми крапинками. У него был большой хвост веером, несколько верхних и более коротких перьев которого окаймлены белой полоской у кончиков. Верхние веки глаз были красными. Обычно эти птицы кормятся на земле у воды, но, спугнутые, взлетают на ближайшие деревья. Наш удачливый и опытный охотник Михайлов обычно ходит на охоту с оленем и, держась позади него, может подойти к птице очень близко, потому что она не боится оленя. Для этого у него есть специально обученное животное. Его же он использует как приманку для диких оленей.

Около трёх часов дня у Михайлова началась лихорадка, и он попросил нас поскорее разбить лагерь. Утром он сильно промок, и мы боялись, чтобы он не заболел, поэтому дали ему выпить разбавленного спирта и примерно через час, на первом же подходящем месте с кормом для оленей остановились на ночь.

Этот лагерь был самым лучшим из всех, что были у нас до этого. Мы расположились на склоне холма в красивом пихтовом лесу, некоторые деревья были почти два фута в диаметре. Расчистив снег, мы поставили палатку и, как обычно, устлали землю толстым слоем зелёных веток; к этому времени чай был готов, и, пока готовится ужин, мы наслаждались единственной роскошью, доступной в таких путешествиях, — полудюжиной чашек великолепного чая и доброй трубкой хорошего табака. Перед тем как разойтись спать, мы дали Михайлову ещё одну приличную порцию спиртного, которое избавило его озноба, но после этого он с трудом понимал, где вообще находится. Он стал очень кротким и, упав перед нами на колени, принялся бить поклоны, стуча головой о землю и бормоча, как он нас уважает, каким верным он намерен нам быть и тому подобную околёсицу.

На следующее утро столбик термометра показывал  $-6^{\circ}$ . Нам удалось выехать раньше обычного, дорога опять была болотистой, мы промокли и чувствовали себя неважно. Перейдя вброд два небольших ручья, мы начали подъём на лесистый хребет, который отделяет бассейн озера Орель и Амура от тех рек, которые впадают в Усалгинский залив, место, хорошо известное китобоям. В районе этого хребта раньше кочевал Михайлов, время от времени нам попадались остовы старых тунгусских жилищ. Эти места считаются хорошим местом для охоты на соболей. С вершины нам впервые открылся вид на Усалгинский залив, расположенный примерно в десяти милях на северо-запад. Вдалеке, на

фоне мрачных чёрных туч, вздымал свои заснеженные вершины высокий горный хребет. От его подножия до берега залива простиралась сплошная тундра, по которой протекает тунгусская река Усалгин. Нам пришлось пересекать эту тундру при холодном северном ветре. Когда мы приблизились к заливу, наш курс изменился на более западный, ведущий через Усалгин и два его притока. Проехав сорок вёрст — самый длинный дневной переход, которое мы сделали на оленях, в темноте, промокшие, замёрзшие и измученные — как люди, так и олени, — мы пришли к маленькому ручью, одиноко петлявшему по бесплодной пустоши, и разбили лагерь из одной нашей брезентовой палатки и укрылись в ней от холодного шквалистого ветра с залива, несущего с собой крупные хлопья снега. Прошлой ночью мы понесли невосполнимую потерю — Яков наступил на наш маленький термометр по Фаренгейту. Но, благодаря предусмотрительности нашего друга капитана Бельцова, у нас в запасе был большой Реомюр, который, хотя и не был таким удобным, вполне подходил для наших целей.

На следующее утро в 11 часов, после многочисленных падений и тяжелейшего перехода по болотистой местности, мы вышли на берег реки Усалгин примерно в пяти верстах выше её устья. По пути мы встретили несколько очень любопытных больших кочек овальной формы, возвышающихся над болотом от трёх до десяти футов. Они покрыты довольно прочной коркой, чтобы выдержать вес человека, но, сделав несколько ударов палкой, я пробил верхний слой одной из них; они оказались заполнены чёрной жидкой грязью на глубину больше, чем длина палки. Они были буквально покрыты ковром из ягод клюквы размером с карточку, ими кормились арктические куропатки. Эти птицы очень пугливыми, и их едва можно разглядеть на фоне снега; однако Шварцу удалось подстрелить двух из них.

Ширина реки в этом месте около двухсот ярдов, и, поскольку брода поблизости не было, мы сразу же отправили Михайлова и Константина к устью, чтобы те нашли каких-нибудь тунгусов или гиляков, у которых можно было бы одолжить лодку. Мы тем временем разбили на берегу палатку. Утром наш путь проходил на фоне одних из самых унылых и пустынных пейзажей, которые я когда-либо видел. По обе стороны простиралась обширная, безлесная, болотистая равнина, безмолвная, как сама смерть. Не было ни видно, ни слышно никаких признаков жизни. Через некоторое время впереди стал доноситься шум, который, хотя и нарушил зловещую тишину, но только усугубил ощущение тревоги. Шум становился всё громче, и вот мы обнаружили себя на берегу Усал-



гина, чьи воды, ускоряемые отливом, стремительно неслись по бесплодной равнине к морю. Огромные льдины, разбиваясь и скрежеща друг о друга, подтачивали крутые илистые берега, и время от времени тонны земли обрушивались в бурлящий пенистый поток тёмной воды, погребая под собой освободивший их лёд.

В 15:00 проводники вернулись и сообщили, что никого не нашли. Теперь единственным выходом оставалось подниматься вверх по течению до тех пор, пока мы не сможем переправиться; но на сегодня было уже поздно, и мы решили остаться здесь на ночь.

Возле нашего лагеря мы заметили нечто похожее на остов палатки из жердей, между ними виднелись угли от костров. Как рассказали нам наши тунгусы, тут туземцы устраивали дымокуры для защиты своих оленей от комаров. А жерди вокруг них не позволяла оленям приближаться к кострам слишком близко и обжечься. В тот вечер мы пировали: тушёные тетерева, нежные, как цыплята, с клюквенным соусом, отличным чаем и густым оленьим молоком.

Как приятно после дневного перехода, когда одежда хорошо просушена у костра, беззаботно повалиться на одеяла, не беспокоясь о приличиях, и погрузиться в задушевную беседу, покуривая трубку, в то время как восхитительные ароматы предстоящего ужина соблазнительно щекочут ваши чувствительные ноздри. Только те, кто находился в подобном положении, могут понять, как эти упоительные запахи разжигают аппетит человека и с каким удовольствием он вкушает приготовленное блюдо. Но в нашем случае эти чудные мгновения были куплены дорогой ценой. Чтобы в полной мере насладиться ими, нам пришлось заплатить за это долгими, утомительными, холодными и сырыми переходами.

На следующий день мы взяли курс на юго-запад, вверх по реке Усалгин. Преодолев пять её притоков и пройдя всего двадцать вёрст, мы остановились на ночлег. День был довольно холодным, и наши сапоги и штаны из оленьей кожи насквозь промёрзли. Кроме этого, не было ничего достойного упоминания, за исключением, пожалуй, того факта, что это был первый день с тех пор, как мы покинули Николаевск, когда нас соизволило осветить солнце.

К 10 часам утра следующего дня мы вышли к реке Усалгин в том месте, где её ширина не превышала двухсот футов, хотя глубина была большой. Здесь мы решили переправиться и немедленно приступили к постройке плота, связывая вместе брёвна кожаными ремнями. За несколько рейсов мы перевезли все наши тюки, причём из-за быстрого те-

чения каждый раз приходилось возвращать плот вверх по течению, затем переправились вплавь олени. Это было прекрасное зрелище — видеть, как они плывут, с их прекрасными головами и поднятыми над водой рогами!

9 ноября мы пересекли водораздел между бассейнами Усалгинского и Ульбанского заливов. Природа местности была такой же, как и в окрестностях Усалгина, — обширные болотистые пустоши, пересечённые небольшими ручьями, поросших лиственницами и карликовой сибирской сосной — кедровником. Передвигаться, однако, было легче, так как на частично замёрзших болотах было больше фута снега. Это был самый холодный день за всё время, термометр показывал  $-19^{\circ}$ . Михайлов заморозил пальцы ног, но не сильно. Я страдал теперь гораздо меньше, сменив кожаные сапоги на торбаса, которые мне удавалось сохранять сухими.

Утром 10-го столбик термометра опустился до  $-24^{\circ}$ . Мы все немного простыли. В течение дня видели свежие следы диких оленей, волков, лисиц, соболей, выдр и зайцев, но не самих животных, кроме полевых мышей, которые бегали по свежему снегу и были, казалось, совершенно счастливы.

Во второй половине дня мы обнаружили свежие следы тунгусов с оленями, очевидно, охотников, так как следы вели в направлении, редко посещаемом этим племенем, сообщил нам Михайлов; они ушли в том направлении, которое нужно было нам, поэтому мы последовали по их следам, надеясь раздобыть у них свежее мясо и оленье шкуры, поскольку наших одеял становилось недостаточно для защиты от холода. Пройдя ещё несколько вёрст, мы нашли их лагерь, который был покинут утром — прогоревший костёр всё ещё дымился; но, к нашему большому разочарованию, след их отклонился от нашего курса, и мы решили, что лучше прекратить преследование. На ночь мы разбили лагерь у подножия Ульбанских<sup>1</sup> холмов — лесистой гряды, протянувшейся с севера на юг.

В течение последних двух-трёх дней наш хромой олень так ослабел, что стал бесполезен в дороге, а поскольку наши припасы были довольно скудны, проводники решили заколоть его на мясо. Кроме того, в отряде был ещё один олень, обученный верховой езде. Половину мяса мы взяли в дорогу, а остальное проводники припрятали на обратный путь, закопав его в землю и прикрыв сверху тяжёлыми брёвнами, чтобы защитить от волков и лис. Однако это не лучший способ хранения. Обычно они

---

<sup>1</sup> Автор имеет в виду, очевидно, хребет Магу, его северные отроги. Такого названия, как «Ульбанские холмы», не существует. — *прим. перев.*

выбирают четыре дерева, срезают их примерно в восьми футах над землёй и сооружают на них помост, а на нём — небольшой амбарчик из брёвен. Так припасы хранятся часто месяцами, и никто их не трогает, что говорит о честности этих людей, хотя в этих безлюдных местах легко можно украсть, не опасаясь разоблачения. Как мы узнали позже, несмотря на то, что туземцы весьма щепетильно относятся к таким кладовым, время от времени они позволяют себе забрать добычу из чужих ловушек, хотя, как народ в целом, они заслуживают большого уважения за их честность.

На следующее утро, в версте от лагеря, мы вышли на берег реки Ульбан, которая в этом месте достигала ста футов в ширину. Во время недавнего половодья она замёрзла, а когда вода спала, лёд тоже осел, оставив на берегах крутой ледяной склон высотой около десяти футов. По нему нам пришлось спуститься к реке, и было забавно наблюдать, как наши олени скатываются вниз, сбиваясь внизу в беспорядочную кучу. Оказавшись на гладком льду, они совершенно беспомощны и не в состоянии держаться на ногах. Каждого из них пришлось переводить за рога на другой берег. Но тут возникла одна трудность. Как мы должны были поднять их по ледяному склону на берег, если мы сами не могли в нашей обуви с гладкой подошвой взобраться наверх, не говоря уже о том, чтобы затащить туда оленей? И тут Михайлову пришла в голову идея привязать к старому пню на берегу верёвку, с помощью которой трое из нас подтянулись, и, взяв друг за друга за руки, образовали цепочку сверху донизу. Затем мы по очереди хватали каждого оленя за рога и вытаскивали наверх.

Сразу после переправы через реку мы наткнулись на следы других тунгусов, идущие нашим курсом, и пошли по ним. Через некоторое время мы обнаружили их покинутое стойбище у подножия одинокого холма, возвышавшегося над равниной примерно на пятьсот футов. Здесь мы были вынуждены взять курс на юго-запад, чтобы обойти крупный ручей, который ещё недостаточно замёрз, чтобы перейти его по льду. Если бы мы добрались до этого места на несколько дней раньше, то обнаружили бы его почти непроходимым из-за многочисленных озёр, покрывающих местность. Теперь они замёрзли и покрылись толстым слоем изморози, на которой олени не поскальзывались, и потому идти было прекрасно. Сама изморозь была очень красивой. Она состояла из бесчисленных, похожих на листья ледяных кристаллов высотой до двух дюймов, растущих на льду и сверкающих в солнечном свете, как бриллианты. От сотрясений льда, вызываемых копытами наших оле-

ней, эти хрупкие создания рассыпались и опадали, издавая звук, похожий на звон множества крошечных стеклянных колокольчиков. Звук этот был приглушенный и доносился как будто издалека, и я не сразу смог определить его источник.

Пройдя около тридцати пяти вёрст, мы расположились лагерем в только что покинутом тунгусском стойбище на берегу небольшой речки Сыран. Здесь мы обнаружили склад мяса на четырёх столбах, как описывалось ранее. Оставшиеся каркасы палаток позволили нам разбить лагерь без особых трудностей.

На следующий день, 12 ноября, в воскресенье, мы переправились через Сыран и два небольших ручья, всё ещё следуя по следам наших предшественников-тунгусов; это привело нас через перевал в хребте Джурах<sup>1</sup> (так его называли наши проводники) в долину реки Тугур, где мы разбили лагерь. До станции Тугур, нашего первого пункта назначения, оставалось десять миль.

## ГЛАВА X

На следующее утро мы все были на ногах пораньше и так торопились добраться до Тугура, что Махуд, Шварц и я вместе с Константином отправились в путь заранее, без завтрака, поручив Якову и Михайлову идти за нами с оленями и грузом. Мысль о том, чтобы сесть за стол с белыми людьми в настоящем доме, лишила нас всякого желания отведать варёного оленьего мяса и чая в палатке, поэтому мы решили попроститься, пока не доберёмся до станции. Тугур, расположенный недалеко от устья реки Тугур — это китобойная станция, принадлежащая компании, одним из владельцев которой является капитан Линдхольм (которого, как помнит читатель, мы оставили в Николаевске). Эта компания ведёт китобойный промысел с берега, летом отправляя лодки для охоты на китов, которых они затем буксируют к берегу, где разделывают и вытапливают жир. Для этого же они ловят дельфинов большими сетями из кожаных ремней, установленными у берега. На станции работает около шестидесяти человек, в основном якуты.

Если читатель помнит, в Николаевске нас заверили, что здесь мы сможем пополнить наши запасы. Мы также рассчитывали докупить оленьи шкуры и одежду на продолжение нашего путешествия, поскольку того, что мы имели, оказалось недостаточно.

---

<sup>1</sup> Это южная часть хребта Укурунру. Тунгусское название Джурах — очевидно, по названию местности (река и не существующее ныне поселение на берегу Ульбанского залива). — *прим. перев.*



Тунгус



Тунгуска

Река Тугур была одной из первых, известных русским в Восточной Сибири. Здесь у них был небольшой деревянный форт, из которого они действовали против китайцев на Амуре задолго до того, как им стало известно нижнее течение этой реки. Как они впервые добрались до этих мест, я не могу сказать, но известно, что некто Хабаров, очень смелый и предприимчивый казачий атаман, был в Тугуре ещё в 1650 году. Примерно в это же время форт был разрушен местными враждебными племенами и восстановлен в 1653 году другими казаками, которые пришли сюда в надежде обогатиться пушниной, прослышав о невероятном изобилии и редком качестве соболей и других пушных зверей в этом районе. Рассказы о ранних экспедициях и открытиях казаков в этих местах полны описаний опасных приключений, невероятных трудностей и отчаянной смелости первых исследователей. Нередко целые их отряды умирали от голода или погибали в стычках с туземцами. Временами жажда наживы заставляла эти людей даже воевать друг с другом. Отсылаю любопытного читателя к работе Равенштайна, озаглавленной «Русские на Амуре»<sup>1</sup>, где он довольно подробно описывает подвиги этих вольных искателей приключений, а сам продолжу своё повествование о нынешнем состоянии страны — в том виде, в каком мы её увидели.

---

<sup>1</sup> E.G. Ravenstein (1834–1913) «The Russians on the Amur» (London, 1861) – *прим. перев.*

Пройдя несколько вёрст по очень неровной местности с частыми мелкими озёрами, за очередным холмом мы неожиданно наткнулись на стойбище тунгусов, за которыми следовали со вчерашнего утра. Это были двое мужчин и две женщины с двенадцатью оленями. Они как раз собирались в Тугур, поэтому дальше мы поехали вместе. Мужчины были молоды и выглядели лучше наших проводников, но ещё больше привлекли наше внимание женщины, так как они были первыми женщинами этого народа, которых мы увидели, и одна из них была довольно хорошенькой. Их круглые лица с гладкой, оливкового оттенка кожей, румяными щеками и нежными черными глазами показались нам весьма привлекательными после тех грязных гиляков на озере Орель; и самое большое очарование в них заключалось в том, что они только что умылись. У хорошенькой был по-настоящему кокетливый вид, но, несмотря на все наши попытки завязать с ней знакомство или пофлиртовать, мы не смогли вызвать у неё ни улыбки, ни малейшего внимания. Она казалась совершенно равнодушной к присутствию белых мужчин, но сразу же подружилась с Константином. Увы! — о вкусах не спорят...

Их одежда была чистой и опрятной и состояла из просторной шубы из оленьего меха, таких же больших и свободных штанов до колен, и красивых маленьких меховых сапожек, доходивших до колен и украшенных по верху бисером. На головах у них были меховые шапочки необычной формы, отороченные бобром и украшенные бисером и полосками алой ткани. Их длинные чёрные волосы были тщательно расчесаны на прямой пробор и заплетены сзади в две косы. Маленькие варежки из оленьей кожи и большие серебряные серьги дополняли их костюм. Они ехали верхом на оленях, на которых садились так же, как мужчины — расставив ноги, и управлялись со своими скакунами с похвальной грацией и лёгкостью.

Вскоре мы достигли реки Кутын шириной около трёхсот футов, толщина льда на ней достигала фута. Эта река впадает в Тугур примерно в версте от его устья. Недалеко от их слияния и находится станция. По дороге тунгусы сказали нам, что станция заброшена, хотя капитан Линдхольма убеждал нас в обратном. Каково же было наше разочарование, когда, добравшись до станции — нескольких бревенчатых домиков, мы не увидели ни одного живого существа. Лучший дом — контору компании — мы нашли запертой, а к двери была приколота записка, адресованная Линдхольму, в которой говорилось, что из-за нехватки припасов поздней осенью отряд покинул это место и отправился в Мамгу. Мамга была ещё одной китобойной станцией, расположенной примерно в ста

верстах дальше по побережью, и раньше ею владела Российско-Американская компания<sup>1</sup>.

Такое положение дел было и разочаровывающим, и несколько тревожным, поскольку мы находились примерно в пятнадцати днях пути до нашего следующего пункта назначения, Алгазеи, недалеко от устья реки Уда, и мы опасались, что у нас не хватит припасов. К счастью, мы везли их с собой довольно много. Тугур также был крайней точкой, куда Михайлов и Константин согласились провести нас, и никакими уговорами мы не могли заставить их ехать дальше, так как им не терпелось вернуться домой и поохотиться на соболей. Начало зимы — сезон охоты на них, и, если бы мы заставили их отвезти нас в Алгазею, прошло бы больше месяца, прежде чем они смогли вернуться даже сюда, тем самым потеряв лучшее время для охоты.

В маленькой хижине недалеко от станции мы обнаружили старую слепую тунгуску, сгорбленную у допотопного очага с тлеющими углями — сама картина запустения. Звук наших голосов, казалось, был ей очень приятен. Она не успокоилась, пока не пожала руки каждому из нас, повторяя протяжным певучим голосом: «Исдраствити» (я не поручусь за правильное написание этого слова). Она рассказала нам, что остаётся одна только днём, а так живёт со своим сыном.

От неё мы узнали, что на другом берегу Тугура, в четырёх-пяти верстах, живёт служащий станции, он ухаживает за коровами, принадлежащими компании. Попрощавшись со старухой, мы с тунгусами направились к тому месту, предварительно отправив Константина обратно, чтобы он послал к нам Михайлова с оленями.

Пока мы разговаривали со старухой, прилив поднял лёд в Кутыне, и у берегов образовались полосы воды, свободной ото льда, что сильно затрудняло переправу. Тугур был прекрасной большой рекой, в том месте шириной почти в полмили, но также почти непроходим, так как приливы и отливы взломали и перемешали лёд, превратив его в нагромождение смёрзшихся друг с другом глыб, льдин и обломков всевозможных форм и размеров, по которым нам надо было как-то переправить наших оленей, не переломав им ноги.

Когда мы добрались, наконец, до жалкой низенькой хижины, вход в которую были такими маленькими, что нам пришлось согнуться в три погибели, чтобы войти, мы были более, чем готовы к тому, чтобы хоть немного подкрепиться, поскольку со вчерашнего вечера ничего не ели.

---

<sup>1</sup> Эта станция была расположена на оконечности полуострова, образующего восточную сторону залива Мамга. — прим. перев.



Свежими стейками из оленины и большой кружкой молока удалось несколько умиловить наши бранные тела, а известие о том, что в нескольких верстах отсюда есть поселение якутов, у которых мы можем раздобыть и меховую одежду, и мясо, и шкуры для постелей, подняло наш дух, упавший было из-за наших трудностей. Мы также узнали, что там же живёт тунгусский староста этого района, поэтому больше не ожидали никаких проблем с оленями, которые доставят нас в Алгазею, поскольку у нас была бумага от николаевского губернатора, которая имела большой вес в глазах старого вождя. Даже наши олени, казалось, поняли, что их путешествие подходит к концу, и когда после трапезы мы сели на них верхом, чтобы отправиться в то поселение, они пустились самой бодрой рысью по хорошо проторенной тропе и сохраняли этот темп до тех пор, пока мы не прибыли на место. Это был первый раз, когда мы ехали быстрее, чем, как обычно, шагом.

Когда мы прибыли в поселение, около пятидесяти человек — мужчины, женщины и дети — выбежали из своих бревенчатых жилищ нам навстречу. Почти все они были якутами, и, хотя одевались во многом так же, как тунгусы, их легко можно было отличить от последних по правильным чертам лица и смыслённости, читавшейся в их глазах. У всех них выдающиеся скулы, типичные для татар.

Якуты населяют обширную территорию, лежащую в глубине материка к западу от Охотска и на реке Лена, где находится город Якутск с населением около 15 000 человек, большая часть из которых — якуты. Этот город был основан русскими в 1632 году и с тех пор является одним из самых известных городов в Восточной Сибири. В нём есть несколько приличных зданий, это место крупной торговли мехами, за которые туземцы могут обменивать почти всё, что им нужно. Он вообще главный торговый центр всего этого региона и связан казёнными почтовыми трактами с Иркутском, столицей Восточной Сибири; Колымой, расположенной в Арктике; Аянном и Охотском, а через последний — со всей Камчаткой. Большинство якутов, благодаря постоянному общению с русскими, говорят на русском языке и переняли многие их манеры, обычаи и религию.

Их одежда оригинальна и представляет собой смесь того, что носят небогатые русские, и традиционной меховой одежды более диких племён. Это просторная верхняя одежда из серого сукна, сшитая по русскому образцу, штаны из мягкой выделанной оленьей кожи и торбаса из оленьей шкуры. Носки торбасов загнуты вверх, голенища доходят до колен и по верху окаймлены широкой полосой из чёрной или цветной ткани, красиво украшенной орнаментом из бисера и кожи. Во все швы



вшиты полоски ткани. На щиколотке закреплены две длинные и широкие полосы оленьей кожи, ими плотно обматывают голенища вверх до середины колена. Это придаёт торбасам законченный вид. У якутов маленькие ступни, и они особенно гордятся тем, что у них хорошая обувь.

Якуты — очень тихий безобидный народ, трудолюбивый, изобретательный и наделённый природной практичностью. Их с полным правом можно назвать сибирскими янки. Нередко их можно встретить в самых отдалённых районах с длинными караванами оленей, нагруженных всевозможными безделушками, которые они обменивают у кочевых племён на меха.

Они честны в отношениях с другими, и чистоплотны в своих жилищах, больше, чем любое другое племя Восточной Сибири, и предпочитают семейный образ жизни. Лошади и коровы — их постоянные спутники. Те, кого мы видели в поселении близ Тугура, ранее работали в Российско-Американской компании в Аяне, а затем были привезены сюда капитаном Линдхольмом. Среди них было несколько человек, с которыми Шварц ранее был знаком по работе в Аяне, так что нас принимали самым сердечным образом.

По русскому обычаю, сразу же был поставлен самовар и заварен превосходный чай, но наши хозяева отказались присоединиться к нам, пока мы не закончим, несмотря на наши неоднократные просьбы. Среди многочисленных смуглолицых жителей, которых мы встретили во время нашего короткого пребывания в поселении, мы с удивлением обнаружили одну из самых красивых маленьких девочек, которых кто-либо из нас когда-нибудь видел. Её белоснежная кожа и длинные золотистые волосы составляли странный контраст с лицами её маленьких черноволосых спутниц, но сама она, казалось, совершенно не замечала этого различия и была такой же счастливой и довольной, как и все остальные. Нам рассказали, что её русские родители умерли, и добрые люди удочерили её.

Мы немедленно послали за старостой-тунгусом, чтобы тот постарался раздобыть оленей для нашего дальнейшего путешествия, и, если бы не наш казак и письма, которые были с нами, вероятно, потерпели бы полную неудачу, но эти могущественные союзники убедили старика в важности помогать нам, и после долгого разговора, в котором он продемонстрировал все характерные черты прижимистого, любящего деньги существа, мы добились от него обещания дать нам восемь оленей. Остальное он позже раздобыл у Василия и Иова, двух охотников-тунгусов, которых мы догнали по дороге и которые должны были сопровождать нас в качестве проводников и ухаживать за оленями. Для

каждого из нас мы заказали по паре штанов из оленьей кожи, торбаса якутской работы и заячьей одежды и отправились в нашу палатку, которую мы поставили рядом с хижинкой служащего компании. Нам также удалось раздобыть в дорогу тридцать шесть фунтов свежей говядины, и теперь мы были уверены, что провизии будет достаточно, чтобы добраться до Соловьёва, якутского торговца скотом, которого ожидали в Николаевске примерно ко времени нашего отъезда оттуда. Его дом расположен на берегу реки Ал, примерно в неделе пути от Тугура. У него мы могли бы раздобыть свежего мяса, чтобы добраться до Альгазеи, хотя, возможно, нам пришлось бы обойтись без чая, сахара и других «предметов роскоши», которыми у нас были до сих пор.

Весь следующий день мы оставались в лагере, переупаковывая наши вещи и ожидая, когда будет готова одежда, которую мы заказали у якутов. Шёл снег, и, вдобавок ко всем неудобствам, в нашей палатке было так дымно, что мы все сильно страдали от воспаления глаз.

Несмотря на то, что Михайлову и Константину не терпелось вернуться домой и охотиться на соболей, они отправились в путь с неохотой. Они чувствовали себя полностью вознаграждёнными за свои хлопоты благодаря письмам, которые мы передавали с ними губернатору — они питали большие надежды на награждение мечами и медалями. Насколько оправдались их ожидания, нам впоследствии так и не представилось возможности узнать.

Василий и Иов, наши новые проводники, были моложе, активнее и не так уверены в себе, как наши прежние, а из-за того, что они плохо говорили по-русски, у нас были некоторые трудности в общении с ними. Первый, Василий, с радостью присоединился к нам, движимый мотивами, которые часто движут молодыми людьми в Америке. Здесь была замешана любовь, поскольку незадолго до этого он купил невесту, и потому с радостью воспользовался возможностью заработать на свадьбу. К тому же путешествие, которое мы ему предложили, было именно тем, о чём он мечтал. Его наречённая была дочерью «головы» — вождя большого племени — прекрасная девушка, за которую назначили очень большую цену в восемьдесят оленей. Среди этого племени тех, у кого десять-двенадцать таких животных, считают весьма состоятельными. Из-за их редкости олень, обученный верховой езде, стоит в этих краях от сорока пяти до шестидесяти рублей, а вьючный — около тридцати пяти, что эквивалентно примерно двадцати шести долларам.

Тунгусский обычай купли-продажи жён, является более совершенным институтом, чем может показаться на первый взгляд. Он служит

тому, чтобы помешать молодым людям жениться до того, как они смогут содержать своих жён так, как того, по мнению родителей, требует её положение; кроме того, если жених вызывает возражения, то проще помешать браку, потребовав цену, которая ему не по средствам. В день бракосочетания родители обычно дарят невесте столько же оленей, сколько было заплачено за неё, а также новое жилище из оленьих шкур и всю домашнюю утварь, необходимую для начала семейной жизни, так что на самом деле муж ничего не теряет, а инвестирует в движимое имущество жены. Дочери ценятся в соответствии с богатством и положением их родителей. В этих местах их стоимость колеблется от восьми-десяти оленей до одного-двух, хотя я слышал об одном случае, когда невесту купили за пачку табака. Свадебные торжества обычно проводятся в соответствии с русскими обрядами священником православной церкви, и нередко для этого жених с невестой и родителями преодолевают семьсот-восемьсот миль малонаселённой местности.

15 ноября. — Утром наш термометр показывал  $-23^{\circ}$ .

Пока мы делали последние приготовления к отъезду, все жители поселения собрались у нашей палатки и назойливо просили что-нибудь из того, что у нас было, предпочитая чай и водку. В первом нам пришлось им решительно отказать, но второго было премного роздано мужчинам, женщинам и детям, а поскольку его тут же употребляли, то и не прошло и нескольких минут, как всё население деревеньки погрузилось в блаженное состояние неустойчивости и отрешённости. Наконец, всё было готово, мы уселись на оленей и тронулись в путь под прощальные возгласы наших пьяненьких друзей.

Наш маршрут пролегал вниз по левому берегу реки Тугур, по слегка холмистой местности, густо поросшей лиственницей, елью и пихтой. Добравшись до берега моря, примерно в пяти верстах от лагеря, мы пошли вдоль берега в западном направлении, пока на нашем пути не встали высокие скалы, которые представляли собой обрывистые окончания горных отрогов, спускающихся к заливу. Недалеко от устья Тугура мы пересекли небольшую речку шириной в сто футов, которую Иов назвал Эльгакан. Лёд здесь был оторван от берега и разбит недавними приливами, так что были некоторые трудности с переправой, и сделать это удалось только после того, как мы перекинули через полыньи брёвна из плавника.

Тем временем с залива поднялся сильный северный ветер со снегом, который продолжался без перерыва до поздней ночи. Мелкие ледяные кристаллы, попадавшие в наши воспалённые глаза, на какое-то время почти ослепили нас. Наткнувшись на скалы, мы были вынуждены

пройти на несколько вёрст вглубь суши, но с наступлением темноты снова вышли к побережью и разбили лагерь недалеко от устья небольшой речки под названием Амуйкан.

Мы были в восторге от наших новых оленей. Они настолько превосходили по активности и бодрости своих предыдущих собратьев, что трудно было осознать, что они принадлежат к одному и тому же виду. Мой олень, хоть необычайно маленький, был слишком живым и подвижным, чтобы я мог хоть на мгновение почувствовать себя в безопасности, в результате меня несколько раз ссаживали, не посоветовавшись, как лучше это сделать. Наши заячьи одеяла и спальные мешки из оленьих шкур, в которые можно было залезать, делали ночёвки в нашей лёгкой палатке намного комфортнее, чем раньше.

На следующий день мы оставили залив и направились на северо-запад, к Альскому хребту и, пройдя около двадцати вёрст по лесистой холмистой местности, вышли на речку шириной около ста футов, которую наши проводники называли Маймагун. На нём мы разбили в эту ночь лагерь, а в следующую — на 17 ноября — у подножия Альского хребта. Было очень трудно идти по глубокому, в два с половиной фута, снегу. Оленям пришлось буквально пробиваться через него, в результате мы продвигались очень медленно. Местность была сплошь покрыта низкорослыми лиственницами и елями, а на берегах речки росли ивы и тополя. Последние, как правило, пригибались к земле под тяжестью снега и росли так густо, что местами нам приходилось сбивать снег с их ветвей, чтобы они выпрямились, и мы могли пройти.

Маймагун течёт на восток по узкой долине, среди лесистых холмов — отрогов Альского хребта, и впадает в Тугурский залив. Горы этого хребта, через которые пролегал наш маршрут, достигают высоты около 4000 футов. По мере того, как мы углублялись в них, глубина снега увеличивалась, и, наконец, превратилась в серьёзное препятствие. К сожалению, у нас не было лыж, и на одной из стоянок Иов срубил дерево и смастерил топориком пару, чтобы прокладывать тропу через горы. Тунгусские лыжи совершенно не похожи на те, что используют канадцы<sup>1</sup>; они полностью деревянные, около пяти футов в длину и десяти дюймов в ширину, очень тонкие и загнутые кверху у носка. В готовом виде они подбиваются снизу тюленьей, лошадиной или оленьей шкурой с шерстью, направленной назад, что позволяет им легко скользить вперёд и предотвращает соскальзывание назад при подъёме. На этот раз нам

---

<sup>1</sup> В Северной Америке используют не лыжи, а снегоступы в виде каплеобразной рамки, забранной сеткой из ремней. Далее будут описаны такие снегоступы, которые используют коряки. — *прим. перев.*

пришлось довольствоваться лыжами без меховой подбивки, так как у нас не было ни шкуры, ни клея.

К этому времени Яков научился безоговорочно доверять нашему опыту и вкусу, особенно в том, что касается еды. Время от времени, когда мы готовили себе какое-нибудь привычное для нас блюдо из собственных запасов, он всегда был готов отведать его, не задавая лишних вопросов. Однако во многих случаях им, вероятно, руководило просто любопытство.

В этот вечер мы решили приготовить к отварной говядине горчицу. Казак никогда раньше её не пробовал и проявил величайшее любопытство как к её приготовлению, так и к употреблению. Он явно с нетерпением ждал, когда мы закончим есть.

Как только после ужина мы уютно расположились с трубками в палатке, снаружи вдруг раздался жуткий вой, после чего в лагере началась страшная суматоха; Яков лежал, уткнувшись лицом вниз, обеими руками набивая широко разинутый рот снегом, а туземцы орали и приплясывали как обезумевшие. Мы легко догадались о причине. Каждый из них, желая отведать поскорее неизвестного лакомства, недолго думая, сунул в рот по большой ложке. После этого случая они стали очень настороженно относиться к незнакомой еде.

Утро 18 ноября было ясным и довольно холодным, –28 градусов.

Чтобы проложить тропу и облегчить нам путь, Иов надел лыжи и загоя вышел на маршрут со своими оленями, пока остальные разбирали лагерь. В этом месте Маймагун<sup>1</sup> представлял собой не более, чем обычный ручей, вверх по которому мы добрались до самого его истока, петляя по глубокому узкому ущелью, поросшему чахлыми елями. По обе стороны от нас возвышались ослепительно белый пики горного хребта.

Снег стал таким глубоким и рыхлым, что даже лыжи не помогали. Ехать верхом было практически невозможно, и нам приходилось пешком пробираться по тропе, протоптанной оленями. Это оказалось гораздо труднее, чем могло показаться, поскольку эти животные передвигаются большими шагами и, передвигаясь по глубокому снегу, всегда наступают след в след за ведущим оленем. После прохода каравана остаётся ряд глубоких ям примерно в тридцати дюймах друг от друга и не более шести дюймов в диаметре. Самый простой способ идти по таким следам — это попытаться перешагивать от одной лунки в другую, но это требует очень высоких и длинных шагов, а лунки малы, и в них неудобно ставить ногу, что делает ходьбу чрезвычайно трудной. Подъём

---

<sup>1</sup> А именно — Левый Маймагун. — прим. перев.

по ущелью был настолько медленный, что мы не замечали, какой высоты достигли, пока, оглянувшись на вершине назад, не увидели, что вся местность, по которой мы шли последние три дня, расстилается перед нами, как на карте.

В верхней точке ущелья мы оказались в величественном амфитеатре голых скал. Взглянув вверх, мы едва смогли различить примерно в полутора тысячах футов над нами цепочку каких-то тёмных точек, ползущих по снегу; они были слишком далеко, чтобы рассмотреть их, но мы догадались, что это Иов и его олени. Как бы мы ни устали, нам всё ещё предстояло труднейшее восхождение.

Теперь, когда мы поднялись над уровнем леса, нашим оленям стало намного легче передвигаться. Снег на склонах гор был хорошо уплотнён ветром и стал твёрдым, как земля, но при этом такой скользкий, что мы едва могли удержаться на ногах в наших торбасах с гладкой подошвой. Мы понимали, что, начав скользить вниз, мы уже не остановимся до самого дна ущелья, и иной раз нам приходилось ложиться плашмя и цепляться всеми конечностями за первые попавшиеся неровности. Время от времени мы наблюдали, как кое-где твёрдая снежная поверхность трескалась, а посмотрев вниз, могли видеть у подножия горы огромные массы снега, валунов и обломков скал, снесённых туда лавинами.

Осознавая все опасности, которые подстерегают путешественников в таких местах, мы были искренне благодарны природе за прекрасную тихую погоду, которая выдалась в этот день. Даже слабый ветер сделал бы переход невозможным, и, если бы нас настиг один из тех страшных ураганов, которые временами случаются в этих широтах, нас ждала бы неминуемая гибель. И даже если бы нас не сдуло со склона ветром, как это иногда случается, мы бы наверняка потеряли друг друга и заблудились в несущихся облаках снега и погибли от холода и потери сил.

В течение дня температура не поднималась выше  $-18^{\circ}$ . Несмотря на такой мороз, с нас градом лился пот, но стоило хоть ненадолго остановиться, чтобы перевести дух, как влага на лице и пропотевшая одежда сразу начинала застывать.

Когда мы достигли вершины, нашему взору открылся великолепный вид, сполна вознаградивший нас за трудное восхождение. Вдалеке виднелся Тугурский залив, сверкающий, как зеркало, а за ним — гряда высоких снежных гор. Местность, которая во время нашего путешествия представлялась нам столь пересечённой, теперь казалась ровной, как стол, и открывала взгляду обширную местность, беспорядочную смесь чёрного и белого — снега и лесов. На многие сотни футов над нами со всех сторон возвышались скалистые пики, о величине которых мы не

могли судить из-за отсутствия на их склонах какого-либо предмета для сравнения.

На западном склоне хребта мы встретили деревья почти на самой вершине, и снег там был очень мягким, достигая глубины семь футов. Спуск был настолько пологим, что мы решили ехать верхом. Но тут возникла серьёзная трудность — как нам сесть в сёдла? Снег был таким глубоким и мягким, что даже наши посохи не помогали. Наконец, тунгусы усадили каждого из нас по очереди, и, оседлав своих оленей, что они сделали без особых усилий благодаря долгой практике, мы все начали спуск по ущелью, в котором берёт начало река Ал.

По сей день я не могу без некоторого чувства неловкости вспоминать об этом спуске; и всё же, если бы мне снова пришлось пережить подобные неприятности, я бы, скорее всего, повёл себя точно так же. Мой олень был очень резвым маленьким животным, но из-за его коротких ног он не мог угнаться за остальными по глубокому снегу. Поэтому не прошло и нескольких минут, как мы с ним уже отстали. Это очень беспокоило малыша, и он прилагал все усилия, чтобы догнать караван.

Торопясь, он шагнул недостаточно высоко, запнулся и в следующее мгновение упал вперёд, попав головой в один из глубоких следов, а я воткнулся головой в следующий. Само по себе падение с оленя было делом привычным, но в этом случае я не мог рассчитывать на помощь туземцев, чтобы взобраться в седло, и потому был вынужден идти пешком, что, учитывая мою усталость, было вовсе не приятно. Пройдя почти милю, мы встретили молодое деревце рядом с тропой, взобравшись на которое, после нескольких неудачных попыток, мне удалось снова взгромоздиться на оленя. К этому времени караван скрылся из виду, и мой приятель почти обезумел от подозрений, что его бросили; удержать его стало невозможно, и ярдов через двести мы снова упали, после чего последовала ещё одна долгая прогулка пешком.

Встретив ещё три дерева и сразу же падая после каждого из них, в течение часа мы всё-таки догнали наших, которые уже ждали нас. Я и так всю дорогу вниз с горы бормотал какие-то ругательства, но тут моё терпение окончательно лопнуло, я дал волю своим чувствам и разразился страшной руганью на весь белый свет, на снег, на горы и на оленей в частности. Я не помню, что я говорил, но в любом случае, если кто-то хочет научиться словам и выражениям, подходящим для таких случаев, я настоятельно рекомендую совершить зимнюю поездку по Альскому хребту на коротконогом олене.

Мы спускаться по ущелью до самой темноты в надежде, что снега будет меньше, и наши олени смогут найти под ним себе пищу, но в конце

концов, изнемогая от усталости, были вынуждены разбить лагерь. Мы даже не ставили палатку. Для оленей мы срубили несколько деревьев, чтобы они могли поесть мох с веток. Таким древесным мхом олени могут питаться, когда нет другой пищи, но только несколько дней.

Едва мы успели как следует выспаться, как нас разбудили крики неподалёку от лагеря. Оглядевшись, мы обнаружили, что оба туземца пропали. Вскоре в лагерь прибежал Василий и сообщил, что все олени ушли вниз в поисках пищи, а Иов отправился за ними на лыжах. Мы пожалели беднягу после такого тяжёлого дневного перехода, но ничего не могли поделать. Он вернулся в лагерь только в 6 часов утра следующего дня. Когда мы проснулись в то утро, наши бороды, волосы и меховые капюшоны примёрзли друг к другу от нашего дыхания.

Два следующих дня мы шли вдоль реки Ал, текущей в северном направлении. Глубина снега уменьшилась до восемнадцати дюймов, ущелье расширилось, превратившись в обширную долину, а ручей превратился во вполне приличную реку шириной около трёхсот футов.

## ГЛАВА XI

Вечером 20 ноября, незадолго до остановки на ночлег, мы увидели свежий след, который вёл к месту нашего назначения — к юрте Соловьёва. Утром 21 ноября мы не стали заранее отправлять одного из наших проводников прокладывать дорогу, как это было принято у нас с тех пор, как выпал первый глубокий снег. Самого Соловьёва мы не ожидали застать дома, так как его давно ожидали в Николаевске уже во время нашего отъезда оттуда; но мы надеялись раздобыть свежее мясо у кого-нибудь из его людей, а наши запасы были почти исчерпаны. Наш путь лежал на север, к устью реки Ал. В этом месте ширина долины около десяти миль, по большей части тундра, кое-где встречаются группы листовенниц.

Через пятнадцать вёрст от лагеря мы вышли к слиянию рек Ал и Сонел. Чтобы отсюда добраться до Мамги, китобойной стоянки в Тугурском заливе, где теперь жила группа капитана Линдхольма, обычно поднимаются по Сонелю и пересекают Альский хребет в его северной части.

Десятью вёрстами ниже слияния мы наткнулись на тунгусов, которые ловили рыбу на льду реки Ал. Лёд вокруг них был усеян рыбой разных видов — их утренней добычей. Для ловли они использовали длинную воронкообразную ловушку в виде корзины из ивовых прутьев. Позже я обнаружил, что такого рода ловушки используются почти всеми племенами от Амура до Арктики. Сначала поперёк реки подо



льдом сооружают забор из прутьев, через определённые промежутки оставляя узкие проходы, чтобы рыба могла через них проплыть. В эти проходы опускают ловушки и закрепляют их. Корзины расположены так, что, попадая в них, рыба должна пройти через узкую воронку, после чего она уже не может найти выход.



Ловушки для рыбы

По хорошо проторенной тропе, ведущей от рыбаков, мы через четверть часа добрались до дома Соловьёва — нескольких хижин в прекрасной лиственничной роще. Со всех сторон из снега виднелись большие скирды сена, что говорило о том, что местность пригодна для разведения скота. Это было хозяйство Соловьёва, а города на Амуре, хотя и расположенные не близко отсюда, были хорошим рынком сбыта для его говядины. К нашему удивлению, якут был дома, хотя его со скотом с нетерпением ждали в Николаевске.

Узнав об этом, бедняга сильно расстроился, поскольку было уже слишком поздно выполнять обещание, данное им властям. Среди местных жителей Соловьёв слыл великим человеком. Во время войны с союзниками, когда русские войска на Амуре остро нуждались в провизии, он перегнал туда большое стадо крупного рогатого скота из Якутска и продал его правительству по очень низкой цене. Царь, услышав о его

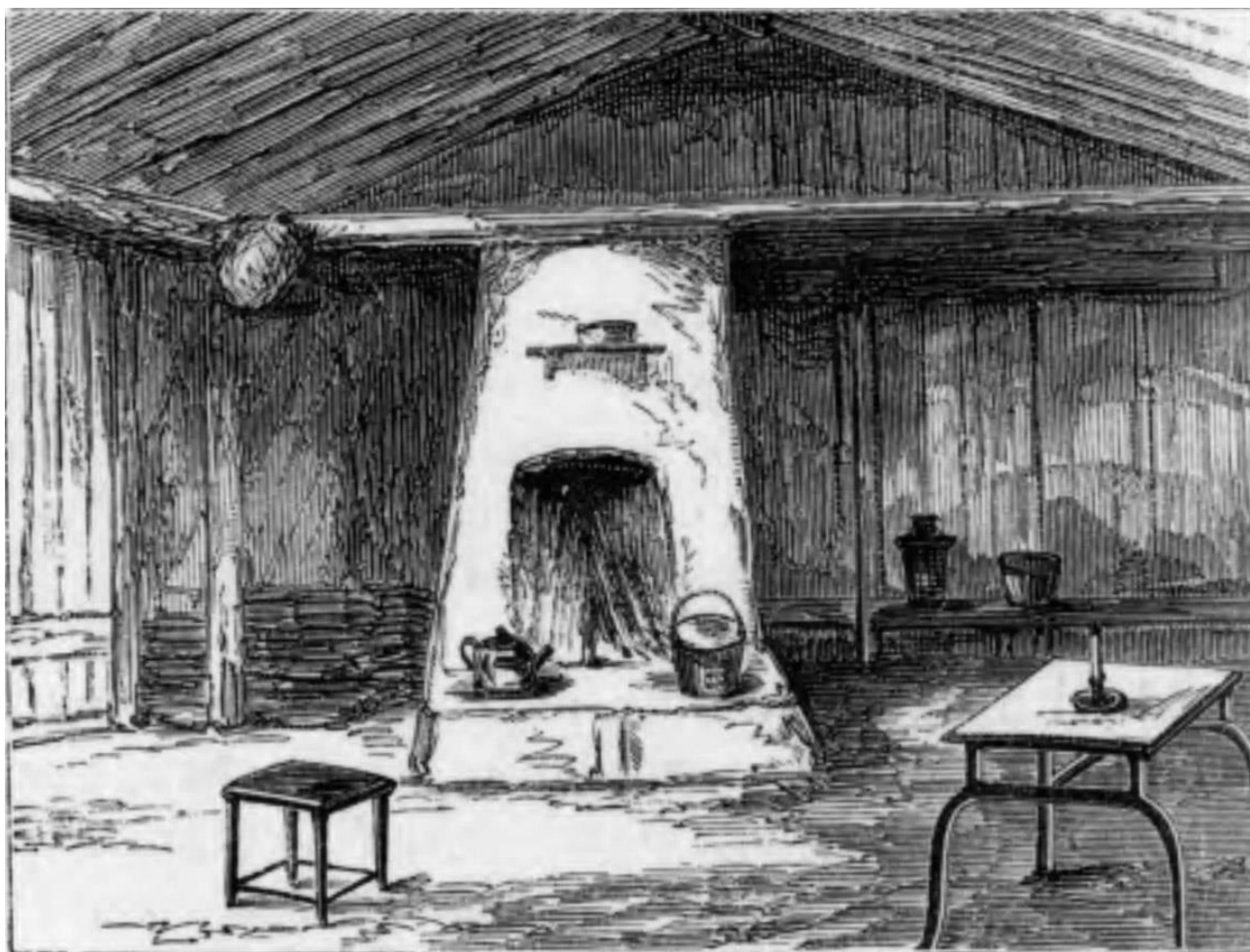
щедрости, прислал ему в награду просторный камзол, обильно украшенный золотым и серебряным шитьём и бахромой. Одежда, безусловно, была великолепной, но портной, очевидно, не снимал мерку с владельца, поскольку тот был маленького роста, а камзол — огромным. Однако это было совсем не важно, поскольку он хранился запертым в сундуке и доставался только в торжественных случаях, и не успели мы усесться, как нам его продемонстрировали.

Склады и конюшни вокруг поселения были обычными бревенчатыми постройками, но юрты для жилья снаружи больше напоминали глиняные кучи, чем жилища. Как только мы слезли с оленей, Соловьёв тут же повёл нас к своему жилищу. Через маленькую наклонную дверь, обитую оленьей шкурой, мы вошли в помещение примерно двадцать на двадцать футов. Это был традиционный якутский дом, построенный из небольших полубрёвен, стоящих под небольшим наклоном, что делало его похожим на орудийную башню. Крыша также была сделана из полубрёвен и поддерживалась толстыми столбами, и снаружи вся постройка была покрыта для тепла землёй. Два маленьких окошка в каждой стене размером в один-два фута пропускали свет. В некоторые были вставлены осколки стёкол, купленных у китобоев, но чаще их заменяли сшитые вместе полупрозрачные рыбы шкурки или просто пластинки льда. Последние крепятся на место смесью воды и снега, используемой в качестве строительного раствора. Ледяные окна часто служат месяцами. Температура внутри хижины днём редко бывает достаточно высокой, чтобы лёд растаял, а на ночь каждое окошко закрывается подушкой из оленьей шкуры для защиты от дыхания множества спящих внутри людей.

Особенностью якутской юрты является чувал, или камин. Он располагается в одном из углов, на некотором расстоянии от стен, и обращён по диагонали к противоположному углу. Дымоход и очаг чувала представляют собой единое целое, сделанное из жердей, связанных между собой прутьями, а затем обмазанных несколькими слоями глины, каждый из которых тщательно обжигается и затвердевает перед нанесением следующего. Отверстие чувала большое, так что тепло и свет распространяются на всё помещение, а сам он настолько массивный, что сохраняют тепло в течение многих часов.

С трёх сторон по периметру комнаты расположены деревянные койки по типу рундуков, которые днём служили сиденьями, а ночью — кроватями. Такие традиционные для русского жилища атрибуты, как божница и самовар, сразу же привлекли наше внимание, они придавали

дому атмосферу цивилизованности; и представьте себе наш восторг, когда на столе появилось большое блюдо с горячими, пышущими жаром оладьями, свежее молоко и вкуснейший чай.



В якутской юрте

Кроме юрты Соловьёва в деревне было ещё несколько домов, построенных в том же стиле, хотя и меньших размеров. Их обитателей — якутов и тунгусов — мы застали в ужасной грязи и нужде, хотя они постоянно и усердно занимались шитьём кожаной одежды или изготовлением саней и лыж. Раньше они работали в Российско-Американской компании, но с тех пор, как эта компания прекратила охоту на китов в Охотском море, туземцы испытали много лишений. Где бы мы ни появились, они приставали к нам с просьбами о чае и другой еде, но мы были вынуждены отказывать им. Однако, узнав о цели нашего путешествия и о вероятности того, что они смогут получить работу на строительстве телеграфной линии, они обрадовались и стали с нетерпением ждать начала работ.

В одной из хижин наше внимание привлекла тунгусская девушка, на чьём кофейного цвета лице оставили свой след восемнадцать зим, а её стройная и грациозная фигура и большие, как у газели, глаза говорили

о том, что она была первой красавицей общины. У неё были довольно правильные черты лица, и, без сомнения, прекрасная кожа; но, чтобы судить об этом с какой-либо уверенностью, надо было её хорошо пропарить, а затем тщательно выскоблить. Впоследствии я был обязан этой молодой леди за то, что подвергся одному из самых тяжёлых испытаний, которое когда-либо выпадало на долю скромного молодого американца.

В ту первую ночь у Соловьёва весь пол юрты был завален грудями оленьих шкур, которыми укрывались спящие туземцы. Мои товарищи уже разошлись по отведённым им койкам, а я сидел за маленьким деревянным столом и записывал в свой дневник события прошедшего дня. Любопытно было наблюдать, как по комнате в беспорядке валялись тела всех возрастов, размеров и полов, и, не привыкнув к такому, я, естественно, дождался, пока все уснут, прежде чем самому начать готовиться ко сну. Наконец вся квартира огласилась храпом и сопеньем домочадцев, и, тихонько отложив дневник, я начал бесшумно раздеваться. И — о, ужас! — едва я успел снять шубу, как, случайно опустив взгляд, увидел большие черные глаза «красавицы», смотревшие на меня из-под оленьей шкуры.

Меня это сильно смутило, и я набил трубку и закурил, надеясь, что ей скоро надоест смотреть на меня, и она заснёт, а я смогу продолжить раздеваться, но ничего подобного мне уготовано не было. Минуты тянулись, как часы, мои веки постепенно наливались свинцом, время от времени я осторожно опускал взгляд, но глаза там блестели всё так же ярко, не собираясь закрываться. Я снова набил трубку и попытался покурить, но, сидя в рубашке без рукавов, вскоре замёрз, и зубы у меня застучали так, что я больше не мог этого выносить. Пришлось отступить, залезть под одеяла и там, укрывшись от её любопытного взгляда, снять с себя оставшуюся одежду.

Но на этом мои неприятности не закончились. Как раз в тот момент, когда я засыпал, у старой якутки, лежащей посреди комнаты, началась икота, которая продолжалась часа два, не меньше; а мальчик-тунгус, голова которого оказалась под моей койкой, всю ночь во сне что-то напевал, жужжал и поскуливал. Эти диковинные звуки, а также храп, пыхтение, сопение и повизгивание дюжины других туземцев, придали моим снам в ту ночь вполне определённое направление: мне снился Бедлам. В юрте было к тому же душно, как в духовке, и к полуночи атмосфера стала совсем уж неприятной для дыхания.

С того дня, как мы приехали к Соловьёву, непрерывно шёл снег, но день 22 ноября начался ясным, прекрасным утром, хотя и дул холодный

западный ветер. Купив два пуда говядины, мы оседлали наших оленей и отправились в путь, взяв курс на запад, к гряде лесистых холмов, тянущихся до Удского залива. Этот хребет<sup>1</sup> отделяет долину рек Ал и Тором от долины реки Тыль.

Наш маршрут пролегал по обширной равнине, снег на которой был неглубокий, так что ехать было легко. Мы пересекли реку Тором недалеко от её устья по очень торосистому льду и продолжили путь вдоль берега Удского залива, миновав тунгусскую могилу с примитивным крестом, и после наступления темноты разбили лагерь в лиственничном лесу. Мы видели множество волчьих следов и потому решили дать нашим оленям немного покормиться и привязать их на всякий случай возле костра. Эти волки очень крупные, но редко нападают на людей. В это время года они обычно бродят по морскому побережью, питаются тюленьями и тушами китов, которые иногда выбрасывает на берег. Из-за их крайней осторожности и сложности охоты на них мех их высоко ценится местными жителями — они используют его для отделки капюшонов своих кухлянок.

Обычно для их ловли используют отравленную приманку — чаще всего стрихнин, который туземцы выменивают у русских. Другой способ — с помощью кольцевого загона. Он состоит из двух круговых часток из кольев высотой около десяти футов, построенных один внутри другого, а между ними оставлен узкий проход. Во внутреннюю ограду сверху спускают оленя — бокового входа у неё нет, — запах которого привлекает волков. Во внешнем частоколе есть небольшая дверь, которая открывается внутрь как раз на ширину, достаточную для того, чтобы волк мог войти, но ширина прохода не позволяет открыть её шире. Привлечённый запахом оленя, волк попадает в этот проход, и продолжает двигаться по кругу, пока не дойдёт до двери, которая, оставленная открытой, не даёт ему пройти дальше. Он толкает дверь, она закрывается, и зверь оказывается запертым в ловушке, а затем его убивают копьём или выстрелом из ружья.

На ночь мы развели большие костры вокруг лагеря, чтобы отпугнуть зверей от наших оленей, привязанных рядом с палаткой. Ночью нас часто будил долгий, унылый и неприятный вой голодных животных. Как только подавал голос один волк, на него со всех сторон немедленно откликались другие, и, казалось, звери так близко от нашей палатки, что я засомневался, что они боятся огня. На следующее утро множество свежих следов были замечены в сотне ярдов от лагеря. Василий рассказал,

---

<sup>1</sup> Тыльский хребет. — прим. перев.

что, если тебя преследуют волки, надо привязать к саням на верёвке какую-нибудь старую одежду и волочить её за собой — звери тогда никогда не посмеют обогнать её.

Около полудня мы достигли перевала через Тыльский хребет, преодолев крутое ущелье, густо поросшее елями и засыпанное глубоким снегом. Вид с вершины был великолепным! Справа от нас в белых пятнах тундры лежала долина Алы и Торума, через которые эти реки, извиваясь, текут в море; а слева лежала долина реки Тыль, простиравшаяся до реки Уда далеко на западе. Глядя на долину Ала, далеко в море, был виден остров китобоев Феклистова<sup>1</sup> и группа Шантарских островов, а на северо-западе лежал Удский залив, за ним виднелись покрытые снегом вершины великого Станового хребта, или Джугджура.

Этот хребет прослеживался взглядом вдоль побережья Охотского моря на протяжении более ста миль. Это были те ужасные горы, которые нам предстояло исследовать, и из которых, как предсказывали наши николаевские друзья, мы никогда не выберемся, если однажды отважимся проникнуть в их таинственные дебри. Признаюсь, на самый первый взгляд они показались нам не очень привлекательными.

На то, чтобы спуститься на равнину к западу от холмов, ушло совсем немного времени. Эта равнина простирается на запад до реки Уда и на всем протяжении покрыта довольно густым лесом, в основном лиственницей, а также тополями, берёзой, ольхой и ивами; тополя, как правило, высокие и прямые, достигают необыкновенных размеров, из них тунгусы строят свои лодки-«долблётки». За один день мы переправились через две реки, впадающие в Удский залив и известные среди русских как Тыль и Тылякачан (Малый Тыль); ни одна из них не превышает двухсот футов в ширину. Из-за гладкого льда на них пришлось переправлять наших оленей поодиночке, что привело к небольшой задержке.

После наступления темноты мы продолжали наш путь в поисках мха для оленей ещё несколько часов, двигаясь при свете луны, и, наконец, разбили лагерь у небольшого ручья примерно в восьми верстах от половины русского поселения Алгазея. В этом месте завершился наш второй переход на оленях.

С этого места по нашему маршруту была готовая тропа, и рано утром следующего дня Махуд, Шварц, Василий и я двинулись в путь, опережая наш караван. Несмотря на то, что тропа вела через участки тундры и за-

---

<sup>1</sup> Английское название — Elbow Island. Американцы использовали этот остров для стоянки китобойных судов, разделки туш и вытапливания жира в период с 1852 до 1889 года. — *прим. перев.*



мёрзшие озера, во многих местах, даже там, где не было видимых препятствий, она была такой извилистой, что длина пути увеличивалось почти вдвое. Тунгусы, мне кажется, питают врождённое отвращение к прямым маршрутам. Мы уже несколько раз наблюдали, как они там, где вполне можно ехать прямо, делают большой крюк. Возможно, это у них из-за той свободы, которая предоставлена оленям самим выбирать свой путь, или просто из-за беспечности, присущей туземцами благодаря тому, что они ведут жизнь, полную беззаботности, для которой время не имеет значения, и где бы ни застигла их ночь — там и находится их дом.

К счастью для нас, след вскоре потерялся и были вынуждены идти по компасу. Через некоторое время мы вышли к реке Уда, которая в этом месте была шириной около пятисот ярдов и во многих местах незамёрзшей. Русло реки, сильно оголённое из-за низкого уровня воды, было завалено огромными валунами и брёвнами, некоторые из которых были до трёх футов в диаметре у комля.

Перейдя по льду, мы опять обнаружили свежие следы, ведущие вверх по узкой лощине, и шли по ним почти две версты по краю густого леса из лиственниц и елей, пока не увидели три бревенчатых дома, которые, как мы с удивлением узнали, и составляли Алгазею. Признаюсь, я с некоторой неохотой слез со своего оленя. Два десятка местных жителей и примерно вчетверо больше собак выбежали приветствовать нас, поскольку незнакомцев в их маленьком уединённом поселении не было уже давно.

Нас пригласил к себе домой почтенного возраста казак по фамилии Гуляев. Пока мы снимали с себя заиндевевшие шубы, старик готовил чай. Когда мы вошли, то сразу обратили внимание на предмет, который был столь отвратительного вида, что в этом превосходил всё, что мы когда-либо встречали, а, поскольку мы увидели это в жилище белого человека, удивил нас ещё больше. Это была лошадиная голова, лежащая на столике посреди комнаты; кожа с неё была содрана, обнажая два ряда оскаленных зубов, выпученные глаза дико смотрели из окровавленных глазниц — вся её отталкивающая внешность заставили нас всех в первый момент отшатнуться. В ответ на наш вопрос, как они собираются её использовать, наши хозяева с удивлением ответили: «Ну, есть, конечно; это одна из лучших частей лошади». Напрашиваться пообедать с ними мы не стали.... Позже мы узнали, что многие из туземцев (особенно якуты) предпочитают конину говядине или оленине. Из всех частей животного они предпочитают внутренности, а на втором месте — голову.

В этих местах тушу лошади обычно можно купить за сорок рублей, четверть из которых приходится на внутренности. Говядину или оленину можно купить вдвое дешевле.

Наше разочарование, вызванное тем, что Алгазея оказалась таким маленьким поселением, было значительно возмещено, когда мы узнали, что село Удское, расположенный примерно в восьмидесяти верстах вверх по реке Уда, — гораздо более крупный населённый пункт и что, помимо русского исправника, к которому мы везли письма, в нём есть церковь, священник и около двухсот жителей.

В Алгазее мы имели возможность приобрести собак и сани, с которыми добраться до Удского можно бы всего за один день. Движимые как любопытством попробовать этот новый для нас способ передвижения, так и желанием побыстрее добраться до более крупного поселения, мы решили отправиться в путь на следующее утро пораньше.

Было довольно забавно наблюдать за встречами Якова и старика Гуляева: они были старинными друзьями, и с момента их последней встречи прошло целых двенадцать лет. Принимая во внимание врождённую способность этих людей к нежной привязанности, легко представить себе сцену их встречи. Слезы лились в три ручья, и ни один из них не слышал и не говорил ни о чём и ни о ком, кроме своего товарища.

Когда все сидели, покуривая трубки после чая, мы вдруг чуть не онемели от изумления, услышав, как тунгусский мальчик лет восьми запел «Джона Брауна»<sup>1</sup>. Эта песня, которая, как нам казалось, осталась где-то за три тысячи миль, в исполнении маленького туземца несколько не утратила своей мелодичности, хотя певец совершенно не понимал слова и ужасно их искажал.

Многие из этих людей понимали некоторые английские слова и фразы, которым они научились у американских китобоев, когда последние посещали Удский и Тугурский заливы. Один капитан китобойного судна рассказывал мне, что в те славные времена в Охотском море он как-то в один момент насчитал со своего мостика более семидесяти судов. Каждое лето туземцы и русские-полукровки из этих поселений обычно собирались в Чумикане, маленьком летнем посёлке в устье реки Уда, в пятнадцати верстах ниже Алгазеи, и меняли у китобоев меха, свежее мясо и рыбу на спиртное, ситец, табак и тому подобное.

Про эти места Шварц рассказал нам о довольно захватывающем приключении, которое случилось с ним три года назад, когда он ещё рабо-

---

<sup>1</sup> John Brown's Body («Тело Джона Брауна») — американская песня неизвестного автора времён Гражданской войны в США. — прим. перев.



тал в Российско-Американской компании. В то время он с тунгусами совершал небольшое путешествие на оленях вдоль побережья. Подойдя к одной из бухт, чтобы сократить маршрут, они решили пересечь её устье по льду, который простирался от бухты примерно на две мили в сторону моря. Уже почти переправившись на противоположный берег, они обнаружили, что путь им преграждает узкая полоса воды между льдом и берегом, и, решив найти другое место для переправы, они повернули и пошли вдоль кромки льда. Но чем дальше они продвигались, тем шире становилась полынья, и внезапно истина предстала перед ними во всём своём ужасе: ледяное поле оторвалось от берега и уплывало в море, унося их на себе. К несчастью, поднялся ещё сильный ветер с берега, который ещё больше ускорил движение льдов. И ещё очень тревожным было то, что солёный лёд, на котором они плыли, был таким тонким и рыхлым, что Шварц одним ударом ножа вогнал его в лёд по самую рукоятку. Они всё дальше и дальше удалялись от берега, волнение моря становилось всё больше и больше, и их хрупкий плот всё сильнее раскачивался, грозя вот-вот разломиться на куски. Чтобы под весом оленей он не проломился раньше времени, их распределили по поверхности льдины.

К этому времени уже более двух миль открытой воды отделяло их от суши, и расстояние это постоянно увеличивалось. И всё же они не теряли надежды, поскольку ветер, вроде бы, не усиливался, хотя и дул очень холодный. Внезапно над ледяным полем прокатился громкий звук, и в следующее мгновение в десятке ярдов от перепуганных людей, образовалась большая трещина; и это было лишь началом. Затем новые разломы стали следовать один за другим, пока, наконец, море вокруг не покрылась обломками льда, большими и маленькими, которые качались на волнах, со скрежетом размалывались друг о друга и постепенно уменьшали льдину, на которой находились люди. Они уже считали свою гибель почти неизбежной, но всё же осмеливалась тешить себя слабой надеждой, что ветер переменится и их отнесёт обратно на сушу или на какой-нибудь остров, прежде чем они окончательно потеряют под собой опору.

Но им уже стали угрожать другие опасности. С одной стороны, их одолевали голод и жажда, а с другой — холод, и, поскольку под ними был всего лишь хрупкий лёд, шансов на спасение, казалось, почти не было. У них было полно сырого мяса, но не было дров, чтобы развести огонь, приготовить еду и согреться. Холод усиливался, от пронизывающего ветра не спасала даже толстая меховая одежда. Не было и воды, чтобы утолить жажду. Оленям было ещё хуже. Сделать для них что-либо

было нельзя, они сбились в кучу за небольшим ледяным выступом, который хоть немного защищал их от ветра, и молча ожидали своей участи. Вот уже ночь сомкнула свои объятия над льдиной, которая всё так же дрейфовала в сторону моря за много миль от берега.

Они легли на лёд в тщетной надежде заставить себя забыть о печальной реальности в нескольких часах сна, но были слишком измучены тревогой, чтобы это принесло хоть какое-то облегчение. Олени тоже пытались прилечь, но тут же примерзали ко льду, и в конце концов, в полном изнеможении, стали пытаться лечь на людей, чтобы отдохнуть, и удержать их от этого было почти невозможно.

После двух дней пребывания в море животные так измучили голод и жажда, что некоторые из них пытались съесть лёд с бороды Шварца, пока он спал. К этому времени ветер стих, но земля была уже едва различима. Они опасались, что в любой момент разразится очередной шторм и окончательно разрушит их теперь уже сильно уменьшившуюся в размерах льдину.

Тревожное ожидание продолжалось в течение четырёх холодных дней и ночей; путешественники питались только сушёной рыбой без воды, которой, к счастью, у них был некоторый запас.

Утром пятого дня, благодаря течению и ветру, льдина приблизилось к мысу примерно в шестидесяти милях южнее устья реки Уда, и люди, ослабевшие и совершенно измученные голодом, едва успели перебраться сами и перетащить оленей на берег, как льдину снова унесло в море. Четверо оленей вскоре умерли, и ещё четыре дня ушли на то, чтобы добраться обратно до места, откуда их унесло в море.

Поскольку на следующее утро мы намеревались отправиться в путь очень рано, в тот же вечер люди, которые снабдили нас собаками и саними, дали каждому из животных по огромному замороженному лососю в качестве подготовки к путешествию. Собаки были похожи на тех, что мы видели на Камчатке, и более прожорливой стаи я никогда не видел: впрочем, это неудивительно, поскольку их кормят только один раз в день — вечером, — и тогда их рацион скорее скудный, чем обильный.

## ГЛАВА XII

Снедаемый нетерпением испытать новизну путешествия на собачьих упряжках, а также осознанием того, что уже завтра это долгожданное желание будет удовлетворено, я долго не мог заснуть в эту нашу первую ночь в Алгазее. Когда я, наконец, заснул, мне показалось, что

прошло всего несколько минут, и меня разбудили звуки голосов и, открыв глаза, обнаружил, что Шварц уже поднял людей и дал им указания собрать собак и подготовить их к путешествию, исходя из своего собственного предположения, что уже почти рассвело. К сожалению, все наши часы были неисправны, поэтому мы не могли судить об истинности предположений Шварца; но, не исключая, что он может быть прав, мы поднялись и оделись, в это время Яков принялся раздувать угли от вчерашнего огня, чтобы приготовить кофе.

Поскольку нам предстояло проехать пятьдесят миль, мы решили отправиться в путь, как только станет достаточно светло, чтобы различать проторенную санную тропу. Собрав вещи в дорогу и прибодрившись кружкой горячего кофе, мы набили трубки и ощупью в темноте вышли из юрты, посмотреть, насколько уже рассвело. Было ещё темно и шёл сильный снег. Вернувшись в хижину, мы потратили ещё час на завтрак, и, поскольку было всё ещё темно, навестили наших соседей. Все они уже давно встали, так как наш идеал бодрствования, Шварц, разбудил их чуть ли не посреди ночи. Подождав ещё час, мы все снова разошлись по своим кроватям, чтобы завершить ночной отдых в каком угодно, но только не в отличном расположении духа.

Когда наконец рассвело, все жители деревни, от мала до велика, вышли на улицу и развили кипучую деятельность, свистом и криками подзывая собак и привязывая их попарно к «потягам» — длинным ремням из тюленьей кожи, закреплённым пока между двумя столбиками, чтобы потом привязать их к саням-нартам. За исключением нескольких старых лентяев, которым уже давно надоело тянуть лямку в упряжке, все остальные собаки отреагировали так быстро, как только можно было пожелать и, казалось, обезумели от радости и возбуждения при виде нарт; поднялся неимоверный лай, визг и вой, которые, наверное, были слышны в неподвижном ночном воздухе за много миль. Они так рвались в путь, что мы опасались, что потяги не выдержат, и вся свора унесётся, сломя голову, оставив нас наедине с нартами.

Эти сани-нарты бывают от восьми до десяти футов в длину, двух в ширину и около фута в высоту, то есть дно их находится примерно на высоте одного фута от уровня снега. Над ними на несколько дюймов расположены лёгкие перила, которые удерживают груз. Полозья около четырёх дюймов в ширину обычно изготавливаются из берёзы, которая, как мне кажется, самая подходящая — твёрдая и доступная — древесина для этой цели. Вся конструкция сделана из дерева, за исключением ремешков из сыромятной кожи на каждом сочленении, которые

остаются эластичными в любой мороз, в отличие от металла. Сани в целом очень лёгкие и гибкие, и в то же время прочные и идеально подходят для поездок по неровностям пути или торосистому льду. Нос нарты сделан в виде прочной дуги — лукí, к которой крепится длинный центральный ремень — потяг, к которому собаки привязаны парами, одна за другой, а не в один ряд, бок о бок, как это принято у гренландцев. Гренландский способ хорош для тундры и льда, но совершенно не подходит для здешних лесов и лесотундры.

Две самые активные и хорошо обученные собаки выбираются в качестве вожakov и запрягаются впереди, чтобы вести за собой остальных. Ими, как быками, командуют исключительно голосом, словами: «Поть-поть!» — означает направо, а «Вок-вок!» — налево. Каждый погонщик — каюр подбадривает своих собак характерными для него звуками и свистом, к которым его собаки привыкли, и по этой причине незнакомый каюр редко может заставить их бежать быстрее. Чтобы заставить упряжку остановиться или сбавить скорость, используется своеобразный носовой звук, чем-то напоминающий козлиное блеяние «м-е-е-е», только без начального звука «м».

Сибирские погонщики собак не пользуются никакими хлыстами, его заменяет так называемый «остол». Он представляет собой крепкую деревянную палку длиной около четырёх футов с железным шипом на конце, которая используется главным образом как тормоз и в качестве упора, чтобы нарты не опрокинулись при езде по склонам или на гладком льду. Если просунуть остол между поперечных планок саней и воткнуть железное остриё в лёд или снег, он тормозит очень эффективно. Если нужен кнут, каюр просто швыряет остол в ленивую или непослушную собаку и очень ловко подхватывает его, когда сани проносятся мимо места, где он упал. И каюры редко промахиваются.

Сбруя каждой собаки состоит из широкого ремня на груди, за который она тянет. Он удерживается на месте другим ремнём, рода подпруги, которая охватывает тело собаки. Всё это прикреплено к основному ремню-потягу короткой шлейкой. На изготовление сбруи затрачивается много труда, делается это тщательно и со вкусом, особенно если собаки все крупные и красивые.

Во время утренних приготовлений к выезду мы были немало удивлены сообразительностью и очевидным интеллектом этих собак. Один бедный малыш вызвал у нас искреннее сочувствие. Из всех животных, обитавших в деревне, было отобрано около тридцати, чтобы запрячь наши три нарты. Один маленький пёсик пришёл в величайший восторг от предстоящего путешествия. Никто не прыгал выше и не лаял громче,

чем он, и с самого начала приготовлений был готов к тому, что его запрягут. Когда, наконец, все были привязаны к потягам, и он увидел, что остался без всякого внимания, то, очевидно решил, что его просто забыли запрячь, и со спокойным видом подошёл к упряжке и занял своё место в шеренге в ожидании, когда его привяжут. Чтобы он не увязался за нами, Гуляев накинул ему на шею ремень и привязал к столбу. Бедняга опустил хвост, и на его умной морде появилось выражение глубочайшего разочарования. Очевидно, он переживал свою ненужность так же остро, как и любой человек.



Собачья упряжка

На дно саней мы сначала уложили вяленую и замороженную рыбу для корма собак, на них погрузили багаж, а поверх расстелили меховые подстилки и одеяла, сделав тем самым довольно удобные ложа, на котором мы могли полулежать. Затем, по сигналу к отправлению пустив собак, каюры схватили остолы, вскочили на передки саней, и мы помчались через тёмный лес со скоростью ветра. Собаки были вне себя от восторга и, задржав головы и хвосты, оглашая лес лаем и визгом, неслись, как стая голодных волков за добычей. Мы мчались в сумерках густого

леса, едва не задевая поросшие мхом стволы огромных деревьев, росших по краям узкой тропы. Гибель среди обломков саней казалась нам всё более неминуемой. Но уже через несколько минут мы благополучно выехали из леса и понеслись по небольшим холмам на берегу болота, то взлетая вверх, то проваливаясь вниз; а затем нырнули под низкие ветви зарослей ивняка, и вдруг, словно по волшебству, все собаки исчезли из виду, и в следующее мгновение мы скатились с крутого берега реки на мягкий снежный покров в десяти футах внизу, на льду. Всё это произошло так быстро, что мы едва успели перевести дух; а бешеная скорость вкупе с сумеречным светом, делавшим все предметы призрачными, привели нас в такое замешательство, что прошло ещё несколько минут, прежде чем мы осознали происходящее вокруг.

Теперь, когда мы миновали самую трудную часть маршрута, собаки перестали лаять и перешли на ровную, быструю рысь. Бесшумность, с которой сани скользили среди тёмных берегов по гладкому руслу реки, странно контрастировала с шумной гонкой несколько минут назад.

Утро было морозным, снежные тучи ночью рассеялись, и всё небо было озарено мириадами звёзд, чей бледный свет, смешиваясь с первыми лучами рассвета, придавал зимнему пейзажу какой-то странный, жуткий вид. Это, вместе с новизной и необычностью нашего первого путешествия на собаках, сделало ту утреннюю поездку одним из наших самых ярких сибирских впечатлений.

В последующие дни я не мог не заметить определённой сплочённости среди собак каждой упряжки. Несмотря на то, что они хорошо знают друг друга и находятся в дружеских отношениях, когда живут на свободе в деревне, когда их запрягают в сани, то между упряжками возникает дух соперничества, который часто доходит до настоящей войны. Это особенно заметно, когда одна команда пытается обогнать другую на маршруте, что постоянно происходит в течение дня. Обычно одна из упряжек бежит впереди с напускным видом безразличия и превосходства, что, как и у людей, раздражает их соперников до такой степени, что, не в силах больше сдерживаться, кто-нибудь из них злобно кусает ближайшего соперника из лидирующей упряжки, который тут же огрызается в ответ, и, прежде чем кто-то успевают осознать, что произошло, обе нарты останавливаются, и начинается всеобщее побоище. Воздух звенит от лая, воя, визга, стонов, плача и рычания; упряжь обеих сторон конфликта моментально превращается в полную и безнадёжную путаницу ремней, ремешков и верёвок, и к тому времени, когда люди оказываются на месте схватки и начинают молотить направо и налево своими остолбами, животные двух команд настолько переплетаются, что только

их хозяева в силах разобраться где чьи принадлежности. Самое загадочное в таких конфликтах — это то, как собаки отличают друга от врага во время схватки!

Примерно через каждые десять вёрст наши погонщики останавливались на несколько минут, чтобы дать собакам отдохнуть; однако они (собаки), которые за зиму мало двигались, по-видимому, не одобряли этих привалов и, как только нарты останавливались, начинали нетерпеливо скулить до тех пор, пока снова не оказывались на маршруте.

Река Уда течёт почти точно на восток, главное её русло относительно прямое, хотя время от времени мы встречали большие изгибы. В таких местах мы могли бы срезать изгибы и несколько сократить путь, но на льду реки снег был намного твёрже, так что весь день мы придерживались русла реки. Глубокий снег — очень серьёзное препятствие для собак из-за их коротких ног.

Окружающий ландшафт этих мест весьма однообразен. Оба берега реки густо поросли лесом, в основном лиственницами, елями и тополями, местность к северу от реки была почти ровной, а к югу — более изрезанной и холмистой. В полдень, преодолев примерно половину расстояния, мы остановились, чтобы попить чаю, с юколой у нас получился замечательный обед. Когда мы были в Николаевске, один из наших друзей, рассказывая об ужасах и лишениях, с которыми нам предстоит столкнуться, сделал следующее замечание: «Вы можете рассказывать о том, как трудно вам жить в Америке, но только до тех пор, пока вам не придётся питаться ржаными сухарями и юколой — вот тогда вы пожалеете, что вообще приехали в Сибирь». В то время это поразительное заявление не произвело на нас особого впечатления; и всё же, ради нашего друга, который, возможно, прочтёт эти страницы, я скажу, что мы были в восторге от того, что ели юколу, и, кстати, даже без сухарей, которые мы впоследствии тоже очень полюбили. Я не могу представить себе еду, которая лучше всего подходила бы для зимних путешествий, чем правильно приготовленная юкола. Она лёгкая, не требует особой упаковки, содержит много питательных веществ, полностью готова для употребления и, правда, очень вкусная! Мы уже так полюбили её, что нам и в голову бы не пришло продолжать наше путешествие, хорошо не запасшись ею в дорогу.

Вторая половина дня было чрезвычайно оживлена очень энергичной погоней за лисой, которая, хотя и была непродолжительной, дала нам прекрасную возможность оценить скорость наших собак, на которую они способны, когда возбуждены. Лёд был гладким и заиндевелым ровно настолько, чтобы животные могли идеально держаться на нём.

Когда мы увидели ту лису, она была примерно в полумиле впереди, на льду, на самом виду, и не обращала на нас внимания до тех пор, пока собаки не заметили её и с оглушительным лаем не бросились в погоню. Гонка была великолепна, но вскоре лиса укрылась в зарослях на северном берегу реки, и все успокоились.

Солнце зашло в 4 часа пополудни, а до Удского оставалось ещё около двенадцати вёрст. Свет молодого месяца позволил каюрам ориентироваться ещё часа полтора, к концу которых, замёрзшие и обледенелые, мы, обогнув очередную излучину, увидели несколько юрт на высоком, открытом всем ветрам, северном берегу реки. Тёплый свет их ледяных окошек был преисполнен такой жизненной силы, что полностью вывел нас из полусонного состояния, в которое мы все погрузились в темноте и холоде. За этот последний час пути я замёрз сильнее, чем когда-либо с начала нашего путешествия, хотя термометр показывал всего  $-24^{\circ}$ .

Эти юрты и были деревня Удское. Торжествующий лай наших собак разбудил жителей, которым было очень интересно, кто это осмелился так бесцеремонно нарушить их привычный покой; ещё большим стало их любопытство, когда мы остановились перед юртой исправника, ибо теперь они поняли, что мы незнакомцы.

Этот маленький русский форпост так труднодоступен в зимнее время, что никому и в голову не приходит туда ездить. Единственная связь его жителей с цивилизованным миром — это русский пароход, который каждое лето заходит в устье реки Уда с продовольствием на год-два для исправника и дюжины его казаков, а также для того, чтобы забрать ежегодный налог мехами — ясак, собранный у туземцев, проживающих в округе. Поэтому прибытие кого-нибудь даже из Алгазеи считается событием; тем более, когда приезжают совершенно незнакомые люди, и к тому же иностранцы.

Высадившись у дверей исправника, мы увидели, что Шварц приветствует какого-то джентльмена в истинно американском стиле — фамильярным похлопыванием по плечу, а затем представил нам капитана Хатчинсона; он оказался сотрудником китобойной компании, которую мы ожидали найти в Тугуре. Они со Шварцем были старыми друзьями, с тех пор, как служили вместе в Российско-Американской компании. Оба они никак не ожидали здесь встретиться, поскольку до этого не виделись много лет.

Исправник принял нас очень радушно; по его собственному признанию, он был очень рад, узнав, что мы не русские, посланные сменить его на его посту, что он считал вполне возможным в связи с недавней сме-



ной губернатора в Николаевске. Это был молодой человек лет тридцати, со следами довольно беспутной жизни на лице. Очевидно, употребление водки было традиционным развлечением удского общества, а его единственным оппонентом был священник. Я оглядывался в поисках книг, обычных спутников живущих в одиночестве, но нигде не было видно ни одной томика. Сначала мы были в полном недоумении, как он может выдержать долгую череду однообразных дней, но позже у нас появилась возможность для некоторых наблюдений.

Едва мы успели раздеться, как появилась водка, и, поскольку русский этикет не позволяет отказываться от выпивки, мы позволили себе выпить, как это называется, «пятнадцать капель», хотя никто не обязан ограничиваться именно этим количеством. Однако вскоре приглашения выпить посыпались так часто, что мы были вынуждены отказываться, опасаясь последствий; тем не менее, хозяин наш продолжал выпивать в одиночку, пока не пришёл священник и не составил ему компанию. Удивительная лёгкость, изящество и проворство, с которыми этот длинноволосый джентльмен в рясе опустошал рюмку за рюмкой, сделали бы его достойным соперником самого Вакха. Тем не менее, водка сделала своё дело. Примерно через полчаса его веселье перешло все границы, и, с восторженно-исступлённым блеском в глазах, он схватил некий трёхструнный казачий инструмент и, наигрывая какую-то быструю повторяющуюся мелодию, начал кружить по комнате, размахивая длинными волосами и сопровождая свои дикие пляски своеобразной арией, спетой, однако, очень хорошим голосом. Поскольку исполнитель был священнослужителем, известным как отец Иоанн, и носил облачение и распятие своего ордена, неудивительно, что эта сцена произвела на нас несколько странное впечатление.

Наконец, объявили об ужине, и нас провели в соседнюю комнату и усадили за маленький столик около двух футов в диаметре, на котором стояло блюдо с жареным мясом и картофелем, графин с водкой и шесть вилок. Поскольку мы не были знакомы с удскими обычаями, то, естественно, стали ждать, когда принесут тарелки, но Шварц сказал, что все должны есть из одного блюда, и подал нам достойный пример, наколов на вилку ломтик картофеля и отправив его в рот. После этого всё пошло настолько весело, насколько это позволяло наше незнание русского языка и незнание английского нашим хозяином.

Во время трапезы, по просьбе отца Иоанна, Шварц рассказал нам о остроумном розыгрыше, который святой отец устроил над исправником накануне нашего приезда, о котором, возможно, стоит здесь поведать, поскольку он хорошо показывает некоторые особенности жизни в

Удском. По-видимому, эти двое часто играли в карты. Играли с переменным успехом, хотя священник обычно был более удачлив. В ту ночь, о которой идёт речь, они играли до самого рассвета, и благочестивый отец выиграл около ста рублей. Обе стороны, надо сказать, были до нелепости суеверны, и каждая приписывала свою удачу или неудачу какой-то определённой причине. И вот священник, к большому неудовольствию исправника, который до сих пор ничего об этом не знал, объяснил нам свою удачу.

Перед началом игры священник изобразил на листе бумаги, на котором велась запись игры, отвратительную сатанинскую рожу и положил его рисунком вниз рядом с исправником, полагая, что это принесёт тому несчастье. По ходу игры, вопреки его ожиданиям, исправник выигрывал так уверенно, что священник сразу же понял, что, отвернув картинку от себя, он нанёс ущерб своей собственной удаче. То, что он сделал, и последовавшая за этим перемена в его судьбе были одной из причин его весёлости в этот вечер. Когда его соперник на что-то отвлёкся, он начертил на рисунке три креста и, осенив её крестным знаменiem, перевернул её, теперь уже рядом с собой; и с этого момента, как он утверждал, его судьба переменялась. Это превращение Сатаны во Всевышнего посредством трёх крестов и то, что он его перекрестил как положено по церковному обычаю, переменяло его самого и принесло удачу за игорным столом, было расценены этим лицемером в рясе как свидетельство его высочайшего стратегического таланта. Когда, наконец, вечерние дела закончились, мы с удовольствием растянулись на шкурах и быстро заснули.

На следующий день, 26 ноября, в воскресенье, мы были на службе в маленькой церквушке. Священник в тот день не собирался проводить службу, но, узнав, что мы ещё не ознакомились с церковными обрядами, специально для нас изменил свои планы.

При свете дня Удское показалось нам гораздо менее привлекательным, чем накануне вечером с его маленькими светящимися окнами. Хотя оно существовало примерно в середины семнадцатого века, на момент нашего приезда в нём было, помимо церкви, не более десяти домов. Село разделено надвое, одна часть находится выше по течению реки, другая — примерно в полумиле ниже. Исправник жил в нижней части, а дом священник и церковь — в верхней, на холме высотой около пятидесяти футов. Церковь была небольшая, деревянная, увенчанная небольшой башенкой с куполом; она стояла на открытой всем ветрам возвышенности, и ветер не упускал возможности проникать внутрь через щели между брёвнами. Как и во всех православных церквях, в ней не

было сидячих мест для прихожан, и когда мы пришли, верующие — туземцы и казаки — стояли, кто на ногах, кто на коленях. Через решетчатую дверь, ведущую в алтарь, мы могли видеть фигуру нашего вчерашнего приятеля, одетого в длинное красивое одеяние, с орнаментом, вышитым голубыми шёлковыми и золотыми нитями; он кланялся и пел перед распятием, в то время как диакон и два молодых казака с очень приятными голосами отвечали из маленькой ниши справа от алтаря. По обе стороны решетчатой двери висели позолоченные канделябры с большими и маленькими свечами; везде были изображения святых, некоторые были прекрасно выполнены, перед каждым стояли восковые свечи или были подвешены лампы. Некоторым из этих изображений было, по-моему, несколько столетий, они были привезены из европейской части России.



Удское

Я не мог не испытать чувства благоговения, когда увидел ту искренность, которая была на лицах скромных прихожан этой церкви (хотя мы могли бы предаваться совершенно иным эмоциям, зная то лицемерие, с которым проводятся богослужения). Но даже облик нашего соперника Вакха имел такой праведный и благочестивый вид, что мы не в силах

были сопоставить его с лицом существа, которое мы видели прошлым вечером.

По окончании службы многие прихожане подошли к священнику и попросили его благословения. Среди них был, к нашему удивлению, казачий старшина, заместитель исправника: этот человек жил вместе с ним и был прекрасно знаком с характером и поведением священника. Как он мог приблизиться к нему с какой-либо уверенностью в его святости, было загадкой, которую я так и не могу разгадать.

И всё же, несмотря на выходки и богохульства этого странного человека, столь отталкивающие в священнослужителе, у него были и хорошие черты. Гостеприимство, которое мы до сих пор считаем характерной чертой русской натуры, было в нём развито также хорошо — настолько, что, несмотря на чувство неприятия, которым полны мои воспоминания об этом человеке, я не могу не испытывать к нему некоторого уважения. Чем больше мы общались со служителями церкви, тем больше убеждались в правильности наших первых впечатлений о них, полученных на Камчатке. Мы считаем, что они, как правило, очень неподходящие люди, которым можно доверить духовное воспитание любого народа, будь то язычники или христиане.

Дом священника находился недалеко от церкви, он пригласил нас к себе, и мы познакомились с его семьёй, состоящей из скромной и приветливой жены и двух смышлёных мальчишек. Однако в присутствии главы семейства у всех троих были такие подавленные, испуганные выражения лиц, что мы обратили на это внимание. Позже мы узнали, что это объяснялось ничем не ограниченным использованием розог, поскольку порка в этой стране — право, предоставленное сильному полу, и применяется как к жёнам, так и к детям. Дом был большим, удобным и использовался лишь частично, и, уступив настойчивым просьбам священника, мы выбрали его в качестве жилья на оставшееся время пребывания в городе. Нам предстояло найти свежих оленей для путешествия в Аян, а поскольку исправник мало помогал нам в этом, мы ожидали здесь долгой задержки.

Следующие страницы почти дословно взяты из моего дневника, написаны они во время нашей четырёхнедельной задержки, и, поскольку на них есть почти всё, что мы видели, слышали и чувствовали в этой отдалённой деревушке, я представляю их читателю как описание жизни в сибирской глуши.

На второй день нашего пребывания в Удском исправник устроил для нас «вечеринку», на котором собралась все красавицы и кавалеры этого места. Красавиц представляли четыре весьма невзрачных крестьянок

(жён казаков), а рыцарями были, не считая нас: исправник, его врач (худощавый человек с военной причёской), дьячок и четыре-пять казаков. Казаки же составляли оркестр и исполняли зажигательные русские песни, аккомпанируя танцам. Мероприятие проходило в доме одного из казаков.

После того, как нас представили хозяйке — самой привлекательной представительнице женского пола среди обитателей села, — нас провели в небольшую комнату футов десять на десять, с рядом скамеек для гостей. Был подан чай, во время которого казаки исполнили одну из своих народных песен. После этого все присутствующие подхватили новую песню, а танцовщицы выскочили на середину комнаты, и каждая из них бросила носовой платок кому-нибудь из джентльменов, приглашая его на танец. И тут же одна из них схватила меня за руку и потянула в центр «зала». Я было возразил, так как понятия не имел, что будет дальше, и предпочёл пока понаблюдать, но Шварц сказал, что дама обидится, если я откажусь с ней танцевать.

Тут я увидел, что на Махуда напали таким же бесцеремонным образом, и без лишних слов подчинился моей партнёрше. Она взяла меня за руку и начала расхаживать вокруг меня, как и все остальные, напевая что-то по-русски, что, как я знаю, должно быть что-то очень милое, судя по её тону и движениям, а также по обворожительным взглядам, которые она искоса бросала на меня. К счастью, я не мог понять её слов, так как иначе бы она меня, без сомнения, полностью очаровала.

Это был самый длинный танец, в котором я когда-либо участвовал. Не меньше получаса мы безостановочно кружили по залу, лица у всех были красные от напряжения, и все выглядели так, словно заключали пари, кто первым лопнет от натуги. Как раз в тот момент, когда я уже почти потерял всякую надежду, что это вообще закончится, песня внезапно оборвалась, и моя партнёрша, остановившись, повернулась ко мне. Она явно чего-то ожидала, но чего именно, я не знал, поэтому просто ждал дальнейшего развития событий. Вскоре, однако, я всё понял, услышав со всех сторон какие-то чмокающие звуки, которые показались мне очень знакомыми. Я огляделся и, убедившись, что не обманулся, сделал, конечно же, то же самое. Когда наш роман закончился, я вспомнил, что танцевал нечто подобное лет восемнадцать назад, тогда ещё в коротких штанишках.

Через несколько минут такое же представление повторилось, для разнообразия, на другую мелодию, и мы отыграли его уже без заминки. После каждого второго танца по кругу разносили водку, а после каждого

четвёртого — чай. Последний всем так нравился, что жаждущее общество пило его целыми квартами.

Был ещё один танец, который тоже нравился удскому «бомонду» (наверное, были и другие, то они были настолько похожи на первый, что я не заметил, чем они отличаются). Этот второй танец было несколько сложнее первого; для него необходимы четыре человека и два стула. Сначала два джентльмена сидели на стульях посередине комнаты, лицом друг к другу, а две дамы достали носовые платки (хотя они, как правило, не были непременным аксессуаром женской одежды, у каждой леди был один для таких случаев) и прохаживались вокруг стульев, распевая во весь голос и время от времени поднимая платки над головой и принимая изящные позы. Это была первая фигура; во время второй дамы сидели, а кавалеры, наоборот, расхаживали. Танец завершился, как и первый, поцелуями.

Дамы на вечеринке были одеты в ситцевые платья очень старинного покроя, когда кринолины ещё не были в моде. Вместо современных платьев с низким вырезом, или, как их можно было бы с полным правом назвать, «облегающих», их платья были с очень высоким воротником. К тому же, на плечах была накинута небольшая шаль, тщательно приколотая так, что не было видно ни шеи, ни даже ушей. Причём, одевались они так не ради соблюдения приличий, а потому, что считали это красивым. Рукава были длинные и очень узкие, а юбки такими тесными, что в сборках на талии не было никакой необходимости. Их головы украшали красные, жёлтые, зелёные или узорчатые платки, повязанные в стиле негритянок наших южных штатов, так что казалось, что под ними нет волос, если бы из-под каждого платка не выбивался небольшой локон блестящих волос, изящным изгибом свисающий на дюйм перед ухом.

Бал закончился около 11 часов, и мы удалились, уставшие не меньше, чем после нелёгкого дневного перехода.

Здесь мы получили немалое удовольствие, потренировавшись ходить на лыжах, которые, как мы предполагали, станут важным подспорьем в предстоящем путешествии. Эти лыжи сделаны из берёзы, около шести футов в длину и восьми-десяти дюймов в ширину, и толщиной не более четверти дюйма, так что одна пара весила около восьми фунтов. Снизу они были подбиты шкурой с ног лося, оленя или лошади, с мехом, направленным назад, что позволяло им легко скользить вперёд и предотвращало скольжение назад при подъёме. Лосиная шкура для этого самая лучшая, но её труднее достать, но и лошадиная тоже очень хороша. На морском побережье для этого используют шкуру тюленя. На

таких лыжах человек может передвигаться гораздо быстрее, чем при обычной ходьбе, так как они ещё дополнительно проскальзывают вперёд на несколько дюймов при каждом шаге.

Мужчины и мальчики используют их для катания с горок для развлечения, в качестве замены санок, и настолько хорошо владеют ими, что могут спускаться с крутых и длинных склонов очень быстро и сохранять равновесие, не опираясь на палку. Лыжник всегда носит с собой такую палку, которая помогает ему и на равнине, и при подъёме, а на спуске служит тормозом.

Мы ежедневно упражнялись в катании с крутого берега реки возле церкви и вскоре настолько преуспели, что могли доехать до самого низа, не падая, в одной попытке из трёх. Когда я в первый раз попытался сделать это без палки, мои спутники сказали, что как только я покатился, священник перекрестил меня; а поскольку я достиг подножья, не упав, я приписал это исключительно сверхъестественной силе крестного знамения. На хороших лыжах человек может подниматься в гору с наклоном в 40°, не соскальзывая назад.

### ГЛАВА XIII

С того дня, как мы покинули Николаевск, и до нашего прибытия в Удское — целый месяц — мы были лишены такой роскоши, как помыться в ванне, а лёгкая брезентовая палатка и температура  $-28^{\circ}$  и ниже делали это совсем невозможным. Однако доброжелательность священника, предоставившего в наше распоряжение свою баню, больше не давала нам повода пренебрегать этой столь важной процедурой. Однажды попробовав русскую баню, мы часто прибегали к ней не только ради чистоты, но и ради удовольствия. Устройство бани у священника было во многом таким же, как и то, что мы видели в Аваче, близ Петропавловского, хотя она была устроена лучше, и вместо груды булыжников, нагреваемых костром, в ней была добротная кирпичная печка. Кроме того, здесь была хорошая прихожая для раздевания.

Перед купанием в бане мы, как положено, приняли меру предосторожности и смочили головы холодной водой — это предотвращает её перегрев, который может вызвать головную боль. Затем на раскалённую печь плеснули воды, и в одно мгновение атмосфера в парной стала настолько обжигающей, что некоторое время невозможно было дышать от нестерпимого жара, особенно на верхней полке. Вскоре пот, казалось, полил с нас ручьями из всех пор; мы лежали на полках, а сопро-

вождающие нас казаки, вооружившись пучками берёзовых веток, хлестали нас ими с головы до ног, что вызывало острое, но приятное ощущение. После этого казаки взяли большие тазы с горячей водой, развели в ней мыло и принялись немилосердно оттирать нас пучками пакли, не обращая никакого внимания на наши эмоции, изрядно поцарапав при этом кожу. После этого облили нас горячей водой, потом ещё тёплой, и в довершение принесли большое ведро воды со снегом и окатили нас с головы до ног; тающие комья мокрого снега поползли по нашим телам, и эта, казалось бы, ужасная процедура была, безусловно, самой приятной частью всего процесса. Мы были так сильно разогреты, что вместо неприятного ощущения холода, ледяная вода охладила только кожу и остановила потоотделение. Потом мы возвратились в прихожую и хорошо растёрлись грубыми полотенцами; после чего, закутавшись в меха, мы пошли домой, где у казака уже ждал нас самовар чая. Полдюжины чашек после такой бани были сущим пустяком. А ещё было приятное чувство усталости и очень хотелось спать, а поскольку время для сна было самое подходящее, то мы насладились им в полной мере.

Наши покои в доме священника были просторными и удобными. После месячного пребывания в палатках нам казалось, что здесь довольно тепло, особенно когда топилась печь, несмотря на несколько разбитых оконных стёкол, пропускавших холодный воздух с улицы. Мы ели, пили, курили, читали, писали и спали все в этой единственной комнате, постилая на ночь на полу. В углу комнаты висели три простеньких изображения Спасителя и двух святых, перед каждым были зажжены свечи. Иконки эти были нам очень полезны, хотя, возможно, и не так, как подразумевалось, что они должны приносить пользу человечеству. Нас часто предупреждали о воровских наклонностях казаков и туземцев. Обычно, прежде чем присвоить какую-либо вещь, они из предосторожности крестятся, и тогда, если никакая сверхъестественная сила в тот же момент не предотвратит кражу, они считают, что имеют полное право на желанную вещь<sup>1</sup>. Но к изображениям святых они относятся с величайшим трепетом и почтением. Зная об этом, за неимением лучшего и более надёжного места для хранения, мы спрятали за ними наши ценности, и я не сомневаюсь, что они были в такой же безопасности, как в стальном сейфе. Даже если бы кто-нибудь из них знал, что там спрятаны деньги, они бы считали, что те находятся под охраной святых, и ни за что бы не прикоснулись к ним. Сам исправник был очень суеверен; он клялся, что дважды видел наяву «его сатанинское величество».

---

<sup>1</sup> Несмотря на это утверждение некоторых лиц, никогда, за исключением одного случая, когда было выпито немного спиртного, мы не теряли ничего, что можно было бы списать на кражу.



В один из вечеров у меня была возможность увидеть проявление очень необычной болезни, которой страдают многие уроженцы этих мест. В основном ей подвержены женщины. Было это в доме исправника. Под предлогом того, что он хочет поговорить со мной, исправник попросил меня пройти с ним на кухню, где находилось с десяток якутов и тунгусов. Среди них была женщина, очень старая, которую я раньше не видел, про возраст каких говорят: «на краю могилы». Едва мы вошли в комнату, как исправник вскрикнул и бросился ко мне, словно собираясь ударить. В тот же миг старуха тоже вскрикнула и, прежде чем я успел что-то понять, бросилась на меня, как безумная, скрежеща зубами и нанося мне быстрые несильные удары. Сначала я был так ошарашен, что не понимал, шутка это или нет, и наигранно рассмеялся. Однако вскоре, по тому, как исправник продолжал кричать и прыгать, я понял, что бедная женщина совершенно не владеет собой, что она вне себя от возбуждения, кричит, что-то бормочет по-тунгусски, и у неё начинает идти пена изо рта: похоже, она была полностью во власти исправника, которого буквально трясло от восторга от этого развлечения и который совершенно не считался с чувствами жертвы. Осознав это, я потребовал от него прекратить, и он, казалось, был совершенно разочарован, что мне это не понравилось. У женщины после приступа начались сильные судороги, от которых она не могла оправиться несколько часов. Расспросив, мы узнали, что врачи в этих случаях бессильны, хотя уже давно были испробованы все мыслимые средства. В Якутске, например, в качестве крайнего средства пытались пороть пациентов, думая, что это пробудит у несчастных готовность сопротивляться; но даже после очень жестоких истязаний они оставались такими же, как и раньше, — полностью во власти любого безжалостного создания. Впоследствии я сталкивался с подобными случаями на севере, за полярным кругом. Часто было очень опасно возбуждать таких одержимых, поскольку они судорожно хватались за любой предмет рядом с ними и могли схватить какое-нибудь оружие, оказись оно под рукой.

С самого нашего приезда исправник твердил нам о конине и так красноречиво расхваливал её вкус, что в конце концов мы согласились попробовать. Он сказал, что у него припасено очень вкусное жирное и нежное мясо молодого жеребёнка, и он приготовит его для нас, как только мы пожелаем. Мы весьма неохотно приняли его предложение, поскольку видение той отвратительной головы в Алгазее неизменно возникало перед нами всякий раз, когда заходила речь на эту тему; но, будучи от природы одарённые довольно крепкими желудками (каче-

ство, которое мы не раз находили очень ценным) и, кроме того, с некоторых пор регулярно подготавливая их к чрезвычайным ситуациям, мы, движимые также некоторым любопытством, как только казак доложил, что ужин ждёт, накинули шубы и явились к исправнику с твёрдым намерением отведать конины во что бы то ни стало. Как только мы вошли в дом, то почувствовали странный запах, который был не самым приятным, так как сильно напоминал о конюшне. Мы сидели за тем же маленьким столиком, что и в прошлый раз, на котором было только блюдо с мясом и с полдюжины вилок вокруг. Мясо было нарезано очень тонкими ломтиками и обёрнуто вокруг кусочков жира, что придавало ему сходство с кусочками колбасок. Выпив для аппетита рюмку водки, исправник подцепил вилкой кусочек и с таким явным удовольствием принялся его жевать, что мы без дальнейших церемоний перешли к делу. Мясо оказалось, мягко говоря, очень жёстким и эластичным, как резина. Не знаю, как долго я пережёвывал первый кусок, но, поскольку я чувствовал какой-то странный привкус, я предпочёл поспешно проглотить его, не пережёвывая. Упорством, говорят, можно добиться невозможного, и через полчаса блюдо опустело, при том, что наш хозяин съел добрых три четверти его содержимого. Мы не осмеливались задавать никаких вопросов, и, когда трапеза закончилась, к большому нашему неудовольствию, узнали, что ели... кишки. После этого мы особо не раздумывали, есть ли нам стейки из конины, но я так и не смог обнаружить ничего вкусного ни в одной части этого животного. Конина очень сухая, жёсткая и крупноволокнистая, и по вкусу не идёт ни в какое сравнение с говядиной или олениной. Я мог бы порекомендовать употреблять его только в единственном случае — при крайней нужде.

Ещё по прибытии мы уведомили исправника о нашем желании продолжить путь как можно раньше, и, поскольку в Николаевске нас снабдили письмами ко всем официальным лицам и подданным оказывать нам всемерную помощь, то мы надеялись, что не будем долго задерживаться и приступим к работе в самые сжатые сроки. Но то ли из желания подольше насладиться нашим обществом, то ли из-за своей полной беспечности, я не могу сказать, но единственная помощь, которую мы от него до сих пор получили, было уверение, что мы можем задержаться здесь месяца на два, прежде чем сможем раздобыть проводников и достаточно оленей. Тем не менее, мы как-то услышали, что в ста верстах от Удского есть стойбище несколько тунгусских охотников с оленями. Так как другой возможности связаться с ними у нас не было, мы отправили к ним местного жителя на лыжах. От тех охотников нам удалось

заручиться обещанием доставить нам достаточное количество оленей, но не ранее примерно 13 декабря.

По указанию губернатора Фуругельма исправник предоставил нам нового казака по имени Иван, который должен будет сопровождать нас до Охотска. Яков оставался здесь, хотя бедняге очень хотелось продолжить путешествие с нами.

Пока мы ждали вестей от тунгусов с оленями, из Якутска прибыли несколько якутских торговцев с караваном оленей, груженных чаем, табаком и дешёвыми украшениями, чтобы обменять их у тунгусов на меха. Караван прошёл уже около 2000 вёрст (1250 миль), но ещё не завершил своё путешествие и наполовину. Они совершают такие поездки каждую зиму, останавливаясь в Удском, чтобы пройти таможенную.

До сих пор нам везло на всякие важные события, которые происходили в разных местах во время нашего там пребывания. Так, когда мы были в Николаевске в этом городе были самые большие торжества за последние несколько лет. Смена правителей и последовавшие за ней балы и банкеты были событиями, которые отмечались в летописях этого места не каждый год. Наше прибытие в Удское было столь же своевременным, потому что мы не пробыли здесь и недели, как исправник стал отцом.

Крестины были назначено на третий день после рождения ребёнка, и, хотя, по-моему, принято иметь только одного крестного отца и одну крестную мать, исправник хотел, чтобы их было пятеро, чтобы мы все могли послужить в этом качестве. В конце концов он сократил их число до трёх: священник, Махуд и Шварц.

Церемония проходила в доме исправника, куда из церкви принесли некоторые украшения. Мы с капитаном Хатчинсоном тоже присутствовали, но не с самого начала.

Посреди комнаты стоял табурет, накрытый белой скатертью, на котором стоял большой таз с тёплой водой. Рядом стоял священник и читал молитвы, кланялся и крестился на иконы в углу комнаты, а дьячок и его помощник отвечали ему и повторяли молитву. Позади священника стояли крестные отцы и крестные матери, держа в руках по большой свече, спирально обёрнутой позолоченной бумагой, рядом стояла повитуха с ребёнком на руках. Как мне сказали, акушерки за свою работу получают казённое жалование. Священник тоже держал свечу и был одет в тёмно-зелёную рясу, украшенную золотым шитьём. Поскольку церемония проходила на русском языке, я не мог понять, о чём шла речь, за исключением того, что мне переводили отдельные фразы. Горели благовония, все кланялись и пели.

Как только священник повернулся лицом к крестным родителям, а они повернулись к нему спиной, он начал что-то говорить им, на что они ответили плевками на пол — это ни плевали на дьявола от имени ребёнка. Затем священник освятил воду, начертив на ней пальцем крест, после чего подошёл к ребёнку и назвал его Иннокентием Петровичем, Иннокентием — в честь великого святого, а Петровичем — в честь отца, как это принято в России. Когда говорят о человеке, редко используется его фамилия, даже нынешний царь известен всем как Александр Николаевич.

Затем священник взял ребёнка на руки и, произнеся что-то, трижды окунул с головой в воду. Тем временем крестные матери взяли за руки Махуда и положили на них покрывало, и пока он недоумевал зачем, священник повернулся и положил мокрого, голенького и орущего что есть силы младенца ему на руки. Махуд этого явно не ожидал и потому чуть не уронил малыша. Церемония была очень торжественной и трогательной, но, признаюсь, выражение лица Махуда лишило меня всякой серьёзности. Он потом говорил, что «не смел пошевелиться, опасаясь сделать что-нибудь не то».

После этого священник произнёс ещё несколько слов, и ребёнок был передан Шварцу, а от него обратно повитухе. По традиции крестный отец дарит ребёнку распятие и рубашку. Всё это подарил малышу священник, благословив и возложив на голову ребёнка. Затем он благословил новорождённого, осенив крестным знаменем все части его тела, после чего вырезал ножницами крест на волосах на его голове.

Завершая церемонию, священник взял ребёнка и обошёл вокруг чаши, остальные шли за ним, все при этом пели. Затем крестные отцы по очереди взяли ребёнка и обошли купель, после чего все, включая и ребёнка, поцеловали распятие, и ритуал на этом закончился. Заняло это почти час. После все пожимали друг другу руки и поздравляли, по-моему, с тем, что ребёнок не утонул, потому что удивительно, как малыши могут выдержать такое испытание, какое выпало на его долю.

Махуд и Шварц заплатили священнику несколько рублей за его услуги, поскольку исправник намекнул им, что так положено. Он также шепнул им, что ещё повитуха ожидает гонорара и нужно заплатить за свечи. В ответ на вопрос, есть ли какие-либо другие статьи расходов, им сказали, что крестные отцы должны ежегодно дарить ребёнку несколько рублей и что принято иногда дарить крестным матерям новые платья. Затем исправник угостил собравшихся чаем, водкой и обедом.

На следующий день, 26 ноября (по русскому, старому стилю, 8 декабря по нашему), был днём святого Иннокентия. Это самый большой

сибирский праздник, поскольку этот святой почитался главным образом в Сибири. Это в его честь и был назван сын исправника. Святой Иннокентий, как рассказал нам священник, раньше был архиепископом в Иркутске и умер где-то в начале XVIII века. Спустя семьдесят лет после его погребения его тело было извлечено из могилы и оказалось в идеальном состоянии, что послужило причиной его канонизации. Сейчас он считается святым покровителем Сибири.

Богослужение в церкви проводилось утром накануне праздника, на стол в центре поставили икону, которой священник и собравшиеся кланялись, касаясь лбами пола. Во время службы юному Иннокентию Петровичу было предложено причастие, но он не унаследовал отцовской любви к вину, поэтому поднял из-за этого большой шум. Младшего сына священника тоже звали в честь этого святого, и на празднование именин своего ребёнка священник пригласил нас на ужин. Здесь вообще вместо дней рождения празднуют именины.

После ужина священник рассказал нам следующую историю о святом Иннокентии, которую он привёл в качестве веского аргумента в пользу его святости. Я привожу её в том виде, в каком она была нам переведена.

В России существует религиозная секта под названием «старообрядцы», которая отделилась от официальной православной церкви. Эти старообрядцы верят, что с 1666 года не родилось ни одного нового подлинного святого, и они также сохранили традицию осенять себя крестным знамением как греки. Обычные последователи Церкви, когда крестятся, соединяют вместе кончики большого, указательного и среднего пальцев и сгибают безымянный и мизинец к ладони. Старообрядцы не одобряют этого, так как, по их мнению, это похоже на то, как человек берет щепотку нюхательного табака, а они считают табак нечистым в любом виде. Они крестятся вытянутыми указательным и средним пальцами и сгибают к ладони большой, безымянный и мизинец.

Когда Иннокентий был причислен к лику святых, красивая и дорогая икона с его ликом была помещена для поклонения в главную церковь Иркутска. Перед ней постоянно горели большие свечи. Однажды некий старообрядец попросил разрешения поставить перед образом свечу, заверив священников, что он обратился в их веру, поскольку не сомневался более в святости Иннокентия. Его просьба была удовлетворена, и вскоре он пришёл с большой красивой свечой, которую торжественно зажгли перед образом, и все поздравили друг друга с тем, что один из неправильно верующих убедился наконец в своей ошибке и вернулся в лоно истинной Церкви.

Поздно ночью один из священников этого храма был внезапно разбужен голосом, приказывавшим ему пойти и погасить ту свечу. Он протёр глаза и оглядел свою маленькую, почти пустую комнату, пытаясь разглядеть кто это говорит. Но в лунном свете никого не было видно. Посмотрев и прислушиваясь некоторое время, но так ничего и не увидев, он решил, что это был сон, и вскоре снова заснул.

Во второй раз его разбудил тот же повелительный голос, и чья-то рука потрясла за плечо. Он вскочил в холодном поту, но в комнате всё так же никого не было видно, кроме скудной обстановки его комнаты, стояла гробовая тишина. На душе его стало беспокойно. Он не мог объяснить себе кто разбудил его этим странным голосом, да ещё и так явственно прикоснулся к нему. Он опять не осмелился погасить свечу, успокаивая себя, что это был всего лишь сон. Всё ещё дрожа от страха, он лёг на кровать, но был в таком возбуждении, что долго не мог заснуть. Но ничего более не слыша, он постепенно успокоился, задремал и через какое-то время погрузился в сон.

И снова он был разбужен тем же повелением и теперь с силой сброшен с кровати на пол. Растерянный и испуганный, он выбежал из своей кельи и разбудил других служащих, которым рассказал о происшествии. Тут же посоветовавшись, они решили погасить свечу и немедленно отправились в церковь. Когда свечу после этого осмотрели, то обнаружили, что она была начинена порохом чтобы уничтожить икону, и оставалось совсем немного времени до взрыва.

Понедельник, 18 декабря (по новому стилю), также был большим праздником — днём Святого Николая, в который все имеют право напиваться, не опасаясь наказания. Всё Удское, включая казаков в военной форме, присутствовало на службе в церкви. В конце службы, когда прихожане целовали образ святого Николая, был дан салют в шесть выстрелов из трёх небольших медных пушек. Командовал батареей Яков, наш старый казак. Он очень храбро заряжал орудия, но отбегал подальше, когда они стреляли.

После полудня священник и дьячок с несколькими певчими из молодых казаков взяли большое распятие и чашу со святой водой и отправились по домам, чтобы освятить иконы в каждом из них, за что они получают от каждой семьи плату. Эти деньги, а также суммы, которые выплачивают родственники за отпевание умерших и за другие подобные услуги, считаются дополнительным заработком священника.

Церковь и все её обряды кажутся грандиозным фарсом, когда ими руководит такой человек, как наш священник. Азартные игры — вот его

основное времяпрепровождение, и пару раз с тех пор, как мы здесь, приходилось звонить в колокола, чтобы оторвать его от игры, чтобы он провёл службу. В этой стране даже есть поговорка: «Он такой негодяй, что из него даже священника не получится».

Удское так далеко и труднодоступно, что власти редко, если вообще когда-нибудь, берут на себя труд следить за происходящим в нём; а потому, и священник, и исправник пользуются здесь никем не контролируемой властью и безнаказанно совершают поступки, которые бы никогда не позволили себе под наблюдением начальства.

13 декабря тунгус, которого мы отправили за оленями, вернулся с несколькими туземцами, у которых после долгих переговоров мы купили шестнадцать голов для путешествия до Аяна. Там мы рассчитывали раздобыть других оленей. Но никто из этих людей не бывал к востоку от Джугджура, в местности, которую мы намеревались исследовать для прокладки телеграфной линии, поэтому мы не могли нанять проводников.

Единственный путь, которым пользовались местные жители, чтобы добраться отсюда в Аян, — очень длинный и окольный, через Якутск или по реке Маймакан; но поскольку это потребовало бы очень длительной и сложной транспортировки припасов и материалов для строительства телеграфной линии, мы решили найти, по возможности, более прямой маршрут между горами Джугджур и морем, на котором можно было бы построить станции, доступные по тем небольшим рекам, которые берут начало в этих горах и впадают в Охотское море.

Двое туземцев, которые должны были сопровождать нас, очень сомневались, стоит ли предпринимать такое долгое путешествие по незнакомой стране, но мы показали им наши компасы и объяснили, как эти маленькие устройства помогут нам найти верный путь, если мы заблудимся, и, после долгих уговоров и щедрых обещаний, они согласились. У нас самих были сильные опасения относительно целесообразности выбранного маршрута, но мы решили, что, если у нас ничего не получится, то мы сможем как-нибудь пересечь Джугджур и выйти к одному из притоков Маймакана, по которому спустимся до его слияния с Леной или до почтового тракта между Аяном и Якутском; но этот маршрут занял бы у нас месяца два, отняв это время от прокладки маршрута линии.

Наши друзья из Удского, которые беспокоились о нашей безопасности не меньше наших николаевских друзей, заявили, что не станут наниматься к нам для этого путешествия, и в то же время, видимо, в ка-

честве утешения развлекали нас страшными рассказами о пургах, о людях и оленях, которых сносило ветром с гор, и никто больше о них не слышал.

Мы взяли с собой ещё один полный набор припасов, состоящий из чая, говядины, сахара, сухарей и якутского масла, которое готовится без соли, а также несколько фунтов молока, которое считалось чуть ли не деликатесом. Пусть читателя не удивляет, что я измеряю молоко в фунтах. В это время года оно не хранится жидким. Замороженным его можно хранить всю зиму, откалывая топориком куски по мере надобности. Перед тем как отправиться в путь, мы нарезали мясо небольшими кусочками, пригодными для приготовления в дороге, это избавило нас от многих задержек и утомительной работы по приготовлению пищи в лагере. Юколой нас уже снабдил в Алгазее старик Гуляев. Купив новых меховых носков и обуви, а также несколько пар хороших лыж (мы предполагали большую часть пройти пешком), мы снова были готовы отправиться в путь.

На следующий день мы отправили нашего нового казака Ивана с тунгусами и оленями в Алгазею, куда сами собирались отправиться, как только оттуда прибудут собачьи упряжки.

Накануне отъезда исправник устроил нам прощальную вечеринку, которая ничем не отличалась от первой, за исключением того, что специально для нас четыре девушки исполнили тунгусский танец. Расположившись в центре комнаты и сложив руки на груди ладонями вместе, они медленно ступали по кругу, раскачиваясь и сопровождая каждый шаг ужасным утробным звуком, исходящим, казалось, из самой глубины их тел — это и составляло музыкальный аккомпанемент танца. С каждым звуком они коротко приседали, движения их становились быстрее и быстрее. Танец завершился серией неопишуемых нелепых движений: девушки извивались всем телом, кружились на каблуках, руки их изображали всевозможные фигуры. Это продолжалось до тех пор, пока у танцоров, видимо, не заболели горла, и они не могли больше издать ни звука, и тогда танец закончился.

## ГЛАВА XIV

Вторник, 19 декабря. — Ясно и холодно. Сегодня утром термометр показывал  $-28^{\circ}$ . Мы встали рано, чтобы подготовить наш багаж к отправке в Алгазею на нартах, которые прибыли вчера, и, позавтракав, отправились проститься к исправнику, как он и просил.



Прощание затянулось — несколько раз мы порывались уйти, но каждый раз оставались ещё на несколько минут, чтобы сделать ещё один глоток водки «на дорожку». Просидев так в наших мехах добрый час, мы в конце концов решительно поднялись, и началась церемония русского прощания. Каждого человека, мужчину и женщину, старого и молодого, красивого и не очень, нужно было обнять и трижды поцеловать, потому что, хотя мы и предпочли бы пропустить эту часть церемонии, все ожидали этого, и нам пришлось соблюсти обычай. Затем мы присели на несколько секунд, во время которых не было произнесено ни слова, и пришли, наконец, в надлежащем состоянии духа и тела, чтобы начать путешествие. Когда мы вышли из дверей, нас ожидал парадный строй в честь нашего отъезда: шеренга местные казаков с ружьями по одну сторону двери, а остальные жители — напротив них. Казаки взяли оружие «на караул», затем последовала команда «Заряжай!», и, когда наши собаки тронулись в путь, прозвучал прощальный салют из трёх залпов. Исправник сопровождал нас ещё версты две-три, после чего церемония прощания повторилась, и мы навсегда распрощались с Удским, хотя тогда и не думали об этом. Недавние метели почти совсем замели проторенные дороги, из-за чего мы двигались довольно медленно, и только к двум часам следующего дня добрались до Алгазеи. Всю ночь столбик термометра показывал  $-25^{\circ}$ , но нам удавалось сохранять тепло, так как большую часть времени бежали трусцой, держась за нарты.

В Алгазее мы встретили тунгусского охотника, от которого узнали, что если возникнет необходимость пересечь хребет Джугджур, мы можем сделать это, пройдя по его тропе вверх по реке Киран, до которой около ста пятидесяти вёрст, а затем перейти к притоку Маймакана, где находится стойбище с его семьёй. Сам он собирался вскоре вернуться домой и, вероятно, догонит нас где-нибудь на тропе. Наши олени прибыли двумя днями ранее и паслись примерно в трёх верстах, где наши люди по очереди наблюдали за ними.

Утром 21 декабря один из мужчин пришёл с обескураживающим известием о том, что прошлой ночью волки съели двух наших лучших оленей, и что ещё восемь пропали без вести. Мы сразу же отправили несколько человек, чтобы привести оставшихся и разыскать пропавших. Их позже нашли и доставили в Алгазею. Было уже слишком поздно заменять двух погибших оленей, поэтому мы решили двигаться дальше, причём двое из нас пойдут на лыжах, пока наш груз не уменьшится настолько, что освободятся два вьючных оленя, и тогда мы все снова поедем верхом, если только не потеряем ещё оленей за это время. В 2 часа дня мы отправились в путь, взяв курс на северо-запад от Алгазеи через

лес. По этому маршруту мы прошли около десяти вёрст и разбили лагерь. Дав нашим оленям немного поpastись, мы, как и в прошлый раз, привязали их вокруг костра, чтобы убереечь от волков, чьи следы встречались нам повсюду. Температура воздуха в 6 вечера  $-19^{\circ}$ .

На следующее утро, когда мы покинули лагерь, дул сильный юго-западный ветер, который гнал нам в спину тучи снега. Мы со Шварцем прошли на лыжах около трёх вёрст и вышли к берегу моря, где подождали, пока подойдут остальные на оленях. Здесь к кромке воды спускались крутые скалы, а залив, насколько хватало глаз, казался замёрзшим. Лёд у берега был чрезвычайно неровным и бугристым, вероятно, это было вызвано штормами и сильным прибоем, который разломал ранние зимний лёд и навалил его грудями, после чего он снова замёрз. По стене утёса на высоте примерно пятнадцати футов выше уровня моря тянулся толстый ледяной уступ в виде козырька. Лёд внизу представлял собой просто крошево из обломков разной величины, олени по нему не могли пройти, обойти скалы со стороны суши было невозможно, так что нам оставалось только одно — пробираться по этому ледяному уступу. Это оказалось не только трудным, но и опасным из-за того, что в некоторых местах козырёк был узкий, а лёд на нём гладкий, он давал очень ненадёжную опору как для нас, так и для оленей. Время от времени мы встречали большие разрывы в козырьке, там, где он отвалился от утёса; в таких местах наших оленей и вьюки приходилось спускать на верёвках на битый лёд внизу и, миновав разрыв, снова поднимать наверх всей командой. Это продолжалось целую милю, после чего мы больше не встречали никаких трудностей.

Проходя эти скалы, мы понесли довольно серьёзные потери — сломали несколько лыж, но, к счастью, большинство из них можно было починить. Пройдя ещё пятнадцать вёрст, мы достигли устья небольшой речки Антыкан. Здесь мы поднялись на крутой склон и пошли по тропе тунгусского охотника, которая вела через обширную тундру. Примерно через семь вёрст мы нашли хорошее место для стоянки, где рядом стояли остовы тунгусских чумов, на одном из которых мы раскинули свою палатку и разбили лагерь на ночь.

На следующий день мы ехали по холмистой местности, перемежающейся пустошами и лесистыми участками, лежащей между предгорьями Джугджура и морем. По мере нашего продвижения предгорья становились всё выше и к ночи приобрели очертания величественных гор, увенчанных высокими скальными пиками. В полдень мы пересекли довольно большую речку, которую приняли за Киран, но позже обнаружили, что ошиблись.

Воскресенье, 24 декабря. — Сегодня канун Рождества, ночь радости во всём мире. Как бьются в этот момент маленькие сердца в радостном предвкушении подарков и сладостей, которыми их одарит добрый Санта Клаус! И сколько бедных маленьких сердец страдает от того, что нет для них никакого доброго Санты Клауса, который позаботился бы об их желаниях! Да, в эту самую ночь тысячи бездомных сирот бродят по весёлым, ярко освещённым улицам больших городов, мечтая просто о корке хлеба. Сколько их сейчас толпятся у богатых витрин магазинов, голодные, едва прикрытые старым тряпьем для защиты от непогоды, и любуются товарами, предназначенными не для них. А нарядные господа в санях мчатся под весёлый звон колокольчиков, со смехом и песнями, и вряд ли думают о бедных матерях и вдовах, которые трудятся при скудном освещении, пытаясь заработать на одежду и еду для своих малышей. Для таких не существует Рождества. Этой ночью ещё прольётся столько слез от горя и несчастий, что заглушит веселье половины мира.

Со всеми этими печальными размышлениями я почти забыл о нас самих и о том, что нас окружает здесь, в этой пустынной холодной стране, полностью отрезанной от всего мира, от цивилизации, от наших родных и близких. Но, в конце концов, это не так уж и плохо. Оленьи шкуры нашего жилища укрывают нас от холодного ветра, перед нами пылает и потрескивает жаркий костёр, искры поднимаются и кружатся среди мохнатых ветвей тёмных елей, под которыми расположился наш маленький уютный лагерь.

Махуд и Шварц удобно расположились на своих меховых постелях, курят и наслаждаются светской беседой, в то время как Иван сосредоточился на мясе с диким луком, которое он готовит для нашего рождественского ужина. Наши тунгусы хлопчут по хозяйству с непокрытой головой, их обычно черные, взъерошенные волосы совершенно белые от инея. Один приносит охапку дров и подбрасывает их в костёр, другой в это время деловито раскалывает большой кусок льда, который он только что принёс с реки, чтобы растопить его для приготовления чая. Повсюду на снегу разбросаны седла и вьюки, за ними неясно виднеются в темноте, как призраки, стволы деревьев, освещённые светом нашего костра. Иногда, когда пламя разгорается сильнее, становится виден какой-нибудь из наших оленей, он перестаёт копытить из-под снега свой корм и наблюдает за нами. Чтобы завершить эту сцену, вы должны представить себе пишущего эти строки, закутанного с головы до ног в меха и сидящего, скрестив ноги, у огня; рядом с ним стоит обтянутый

кожей ящик для бумаг, на котором тускло горит огарок свечи. Чернильница из толстого стекла стоит в горячей золе, чтобы чернила не замёрзли. Он обмакивает перо и пытается записать в своём дневнике какую-то блестящую идею или занятное происшествие; но в середине предложения чернила на кончике пера застывают, тогда он подносит его к пламени свечи и оттаивает, чтобы завершить начатую фразу. Так я веду дневник на свежем воздухе в Сибири. В нём и по сей день видны жирные чернильные линии в начале строки, которые становятся всё тоньше по мере замерзания чернил. Когда я начинал вести дневник, я пользовался карандашом, но вскоре написанное настолько стёрлось, что я с трудом мог его разобрать, и тогда я решил, что лучше, хотя и не так удобно, использовать чернила.

Но я ещё ничего не рассказал о нашем сегодняшнем дне. Из лагеря прошлой ночи мы направились на север по местности, похожей на ту, что была днём ранее, пересекая то лесистые горные отроги хребта, спускающиеся к морю, то широкие участки бесплодной земли, с которой во многих местах снег был полностью сметён ветрами. Ближе к вечеру мы оказались у большого ущелья в горном хребте слева от нас, а на закате уже стояли на высоком утёсе, глядя вниз на сильно пересохшее русло реки шириной около четверти мили, которая вытекала из этого ущелья и впадала в море примерно в трёх милях от нас. Мы знали, что это, должно быть, Киран, а воды в нём было очень мало, вероятно, из-за того, что питающие его родники замёрзли. Нам пришлось разгрузить оленей и по одному спустить их с обрыва футов на двести к руслу реки, усеянному большими валунами и брёвнами плавника.

К северу от нас к морю спускался горный хребет, который заканчивался очень высокими береговыми утёсами. За ним виднелись другие горы, столь высокие, что один вид их отбил у нас охоту пытаться добраться до Аяна вдоль побережья. Только после наступления темноты мы нашли корм для оленей, поэтому решили не ставить палатку. Завтра — в день Рождества — мы отправимся вверх по Кирану в надежде найти проход к западу от хребта.

Рождество. — Сегодня утром мы отправились в путь по Кирану. Из ущелья дул холодный пронизывающий ветер. Поскольку река покрыта гладким льдом, из-за наших оленей пришлось идти лесом. В одном месте нам показалось, что мы обнаружили проход на север, и мы попытались пройти по нему; но, поднявшись на несколько сотен футов вверх, мы оказались перед огромной пропастью, а за ней открылись другие, более высокие хребты.

С большим трудом мы добрались до дна пропасти и снова направились к Кирану, намереваясь найти старую тропу и идти по ней до тех пор, пока не найдём выход на перевал и не спустимся вниз по Маймакану. Пейзажи здесь просто великолепны. Киран петляет по дну огромного ущелья, по обеим сторонам которого возвышаются высокие скалистые горы высотой в тысячи футов. У подножия гор густые лиственничные леса, но вершины голые и покрыты снегом. Во многих местах русло реки зажато между высокими живописными скалами, и, чтобы миновать их, нам приходится вести оленей по гладкому льду.

На следующий день несколько наших оленей сильно ушиблись, поскользнувшись на льду. Мы продолжали восхождение на Киран, горы постепенно приобретали всё более величественные размеры. О езде верхом не могло быть и речи, нам самим приходилось помогать оленям. Ночью мы добрались до устья крупного притока, текущего, очевидно, с севера<sup>1</sup>, и решили идти по нему на следующий день. В устье этой реки был склад мяса, представляющий собой деревянную платформу на столбах. Нижняя сторона её была вся в следах зубов лисиц и волков, которые прыгали снизу, пытаясь добраться до мяса. Рядом мы нашли ловушку для лисиц, устроенный во многом по типу наших «давилок». По ночам наши тунгусы жаловались на отеки ступней и голеней, которые свидетельствовали о начале цинги, но, поскольку у нас не было никаких лекарств, мы ничего не могли для них сделать. На ночь мы разбили лагерь недалеко от устья этого притока.

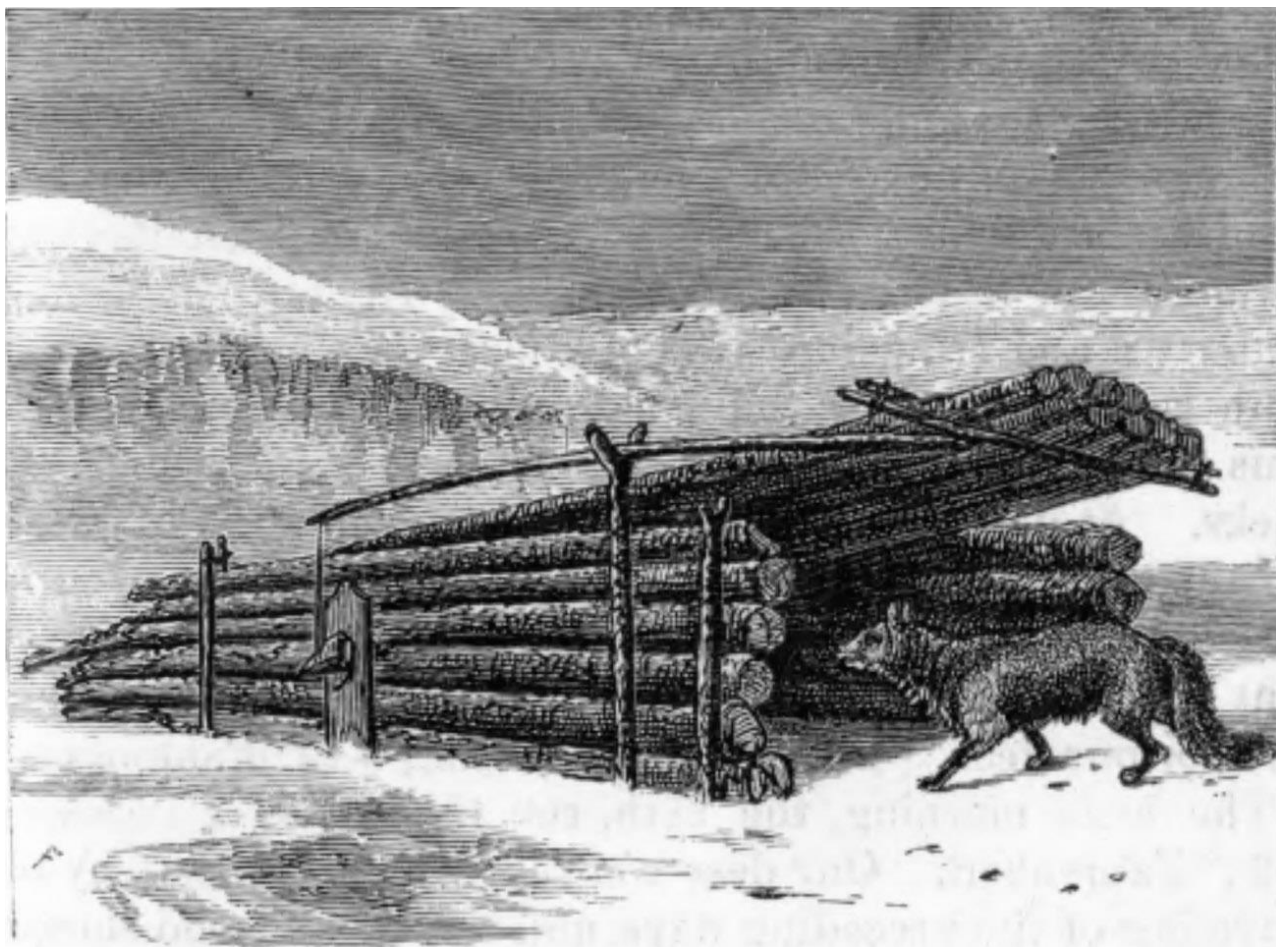
21 декабря. Термометр показывает  $-30^{\circ}$ . Проснувшись, мы обнаружили, что наши бороды примёрзли к меховым капюшонам. Мы со Шварцем до общего выхода сходили вверх по реке, чтобы посмотреть, смогут ли наши олени там идти. Мы прошли милю по гладкому, как стекло, льду, местами покрытому водой, происхождение которой при такой температуре мы не могли объяснить.

По обеим сторонам реки вздымались крутые скалы, так что передвигаться было можно только по льду. Мы вернулись в лагерь, рассказали об увиденном и посоветовались, чтобы принять решение о дальнейших действиях. Все опасались, что придётся идти по неизвестному ущелью, ведущим неизвестно куда, рискуя заблудиться в пурге и потерять оленей. Приняв во внимание, что у нас уже не хватало оленей, а люди страдали от цинги или чего-то в этом роде, что делало их почти непригодными для предстоящего перехода, мы решили, что мы не готовы рисковать, даже если бы смогли провести оленей. Мы направились обратно на Киран, надеясь найти какого-нибудь тунгусского охотника, который

---

<sup>1</sup> Левый приток Кирана — Ийканда. — *прим. перев.*

мог бы провести нас, и в этом случае, если не будет слишком поздно, мы можем вернуться по своим следам, если понадобится.



Ловушка для лисиц

На Маймакане мы наверняка встретим туземцев и, если надо, раздобудем у них оленей и провизию, в то время как на этом маршруте мы не могли ожидать ни того, ни другого, и, будучи совершенно незнакомы с местностью, можем месяцами блуждать по этим горам. Пейзаж становился всё более величественным, и всё более труднее становилось идти. Животные, с их тяжёлыми тюками, сильно уставали. Люди только и были заняты тем, что помогали оленям идти. Темнота застала нас на месте, где летом был лесной пожар, и люди, выбившись из сил, захотели разбить лагерь. Но пищи для оленей здесь не было, поэтому мы продолжили путь, освещённый полной луной, и около полуночи разбили лагерь, так и не найдя корма для оленей. Термометр в 8 часов вечера показывал  $-30^{\circ}$ .

На следующее утро, 28-го, термометр показывал те же  $-30^{\circ}$ . Наши олени были измучены вчерашним переходом, и отсутствие корма сказалось на них. Мы сразу же двинулись дальше, без завтрака, с намерением поскорее найти корм и там остановиться на кормёжку. Повсюду

следы волков и диких оленей. Пройдя пять вёрст, мы нашли место на противоположном берегу, куда не добрался огонь, и, дав нашим оленям два часа на кормёжку, снова пошли вверх по ущелью, двигаясь то по одной стороне, то по другой, в зависимости от характера берегов. Наши бороды и капюшоны быстро покрылись льдом, хотя нам самим было жарко и, мы обливались потом от постоянного движения.

Чтобы влажное нижнее белье не замёрзло, мы были вынуждены усиленно двигаться до тех пор, пока не пришло время разбивать лагерь. Утром я сильно растянул лодыжку, но не мог ехать верхом на своём олене, опасаясь замёрзнуть.

Недавний снегопад уничтожил все следы старой тропы, и мы столкнулись с таким количеством ручьёв и проток, со всех сторон впадающих в тот, по которому шли, что были совершенно не в состоянии решить, по какому из них идти, мы просто всегда выбирали более крупный, надеясь, что так мы вернее попадём на перевал на западную сторону хребта.

На следующий день моя лодыжка так сильно распухла и разболелась, что мне пришлось всё время ехать верхом, несмотря на сильный холод. Шварц отморозил нос и даже не подозревал об этом, пока Иван не сказал ему; он применил природное средство — потёр снегом, и кровообращение быстро восстановилось.

В 15:15 уже почти стемнело, и мы разбили лагерь. Сейчас вряд ли можно узнать кого-либо из нашего отряда. Бороды, усы и мех на капюшонах покрыт сплошной коркой льда, а брови и ресницы заиндевели, что делает нас похожими больше на старцев, совершающих паломничество, чем на группу молодых людей, отправившихся в исследовательскую экспедицию. Наш тунгус Телефонт отморозил подбородок и пальцы ног. Мы удивились, неужели так холодно, но, посмотрев на термометр, обнаружили, что температура упала до  $-37^{\circ}$  — это было самой холодной погодой, которую я когда-либо испытывал.

Бедный Телефонт очень страдает от своих ступней, которые сильно распухли и покрылись язвами. Но мы находимся на расстоянии многих дней пути от любого поселения, ближайшее из которых — Алгазея; и, боюсь, ему придётся претерпеть ещё больше страданий, если только мы не встретим какого-нибудь тунгусского охотника, у которого можно будет раздобыть ещё одного оленя, чтобы он мог ехать верхом. Болезни и недомогания сами по себе достаточно неприятны дома, когда вас окружают заботой и комфортом, но заболеть здесь, в дебрях Джугджура, в разгар зимы — это страшно.

Как только олени разгружены, наши люди энергично берутся за лыжи и, действуя ими, как лопатами, раскапывают снег, расчищая место для палатки. В это время тунгусы готовят шесты для каркаса нашей палатки, на которые можно будет натянуть брезент. Остальные нарубят веток, на которые мы расстелем наши постели. Помощь казака Ивана неоценима. Едва расчищается место для палатки, как он становится на колени и высекает из кремня искры, и, прежде чем палатка окончательно установлена, разводит костёр, над которым подвешивают чайники, набитые льдом или снегом для чая. Затем все избавляются от тяжёлой верхней одежды. Предварительно растерев снегом те места, которые были подморожены, мы все наклоняемся как можно ближе к огню и терпеливо ждём, пока растает лёд на наших бородах, чтобы окончательно сбросить с себя меха, к которым наши бороды от дыхания неизменно примерзают. Обычно это занимает пятнадцать-двадцать минут, после чего Иван объявляет самое приятное для замёрзшего путешественника: «Чай готов!»

Мы редко ограничиваемся четырьмя чашками горячего чая, и даже шесть не считаются расточительством. После чего мы набиваем трубки, ароматный дым рассеивает все заботы и усталость, накопившиеся за день, и улетает вместе с ними через отверстие для дыма наверху палатки. Затем мы ужинаем варёной олениной или говядиной с сухарями, после чего все отдыхают, а я веду свой дневник.

Мы по-прежнему практикуем раздеваться на ночь, независимо от температуры воздуха, и обнаружили, что спим так же комфортно и переносим холод даже лучше, чем если бы не снимали верхнюю одежду на ночь. Каждый вечер, перед тем как погасить огонь, мы развешиваем над костром наши шубы, носки и всё остальное и тщательно просушиваем для следующего дня. Без этого мы бы наверняка поморозили все свои конечности. Каждое утро мы умываем лицо и руки талой водой и, позавтракав варёной говядиной с чаем, отправляемся в путь, по дороге обедая юколой.

На следующее утро было всё ещё очень холодно, термометр показывал  $-35$  градусов. По мере того как мы продвигались вверх по долине реки (если можно назвать её долиной, хотя это был, скорее, каньон), глубина снега увеличивалась, а река стала настолько узкая, что олени могли её перепрыгнуть. Мы постепенно поднимались всё выше, и к этому дню, 30 декабря, достигли уже значительной высоты.

В 12:30 ручей сошёл на нет и затерялся в глубоком снегу ущелья. Здесь всякая растительность исчезла, и перед нами предстал высокий скалистый хребет, который, как мы и предположили, был перевалом.



Вид с его вершины открылся великолепный, но наши сердца дрогнули, когда мы увидели, что крутой западный склон резко обрывается в глубокое ущелье, за которым находится ещё один хребет, который нам предстоит пересечь, если только мы не сможем найти дорогу в обход. Мы стояли на вершине самого высокого горного хребта Восточной Сибири, перед глубокой пропастью, большие деревья в которой казались травинками. Позади нас ущелье, по которому мы шли шесть дней, извивалось на многие мили среди скальных вершин, а тёмные леса в тысячах футов внизу исчезали в дымке расстояния. День был ясный и холодный. Со всех сторон над нами в своём торжественном величии возвышались другие вершины; над всем этим царила мёртвая тишина.

На перевале были свежие олени следы, которые мы сначала приняли за охотничью тропу. Мы попытались пройти по следам вдоль узкого гребня, но вскоре оказались на высоком пике, по крутым обледенелым склонам которого ни мы, ни наши нагруженные олени не могли пройти. Это убедило нас в том, что следы оставили дикие олени. У нас не было иного выбора, кроме как спуститься в котловину, и, выбрав один из длинных отрогов, который казался менее крутым, мы начали спускаться. Снег был с таким твёрдым настом, что нам приходилось прилагать все усилия, чтобы не поскользнуться, иначе бы мы не смогли остановиться, и скользили вниз, пока не достигли дна ущелья или не оперлись бы в какие-нибудь деревья далеко внизу.

Спуск был особенно трудным для наших вьючных оленей, чья поклажа постоянно соскальзывала им на головы и шеи, из-за чего приходилось часто останавливаться и поправлять груз.

Противоположный гребень оказался таким же крутым, но снег был мягкий и буквально по пояс глубиной. Чтобы проложить тропу, нам приходилось работать руками и ногами. Местами оленям приходилось помогать подниматься по отдельности, так что для того, чтобы добраться до вершины, ушло много времени. Этот хребет был главным водоразделом между реками, текущими на восток, в Охотское море, и водами, текущими на запад, в реку Лену, которая впадает в Северный Ледовитый океан на расстоянии более двух тысяч миль отсюда.

Мы спустились в широкую, неглубокую котловину, поросшую лесом, пройдя от вершины около трёх вёрст, и, поскольку и олени, и мы сами совершенно измучились, разбили лагерь. Весь прошедший день у меня сильно болела лодыжка, а ночью стало настолько плохо, что я беспокоился. К вечеру термометр показал, что мороз уменьшился до  $-25^{\circ}$ .

## ГЛАВА XV

Утром стало ещё теплее,  $-22^{\circ}$ , и пошёл небольшой снег. Хотя Иван и Телефонт чувствовали себя неважно, мы стали искать более защищённое место, так как были признаки надвигающейся непогоды. Мы взяли курс на северо-запад, следуя к выходу из котловины, и, хотя снег был глубоким, с помощью лыж нам удалось проложить сносную тропу для оленей. Пройдя около четырёх вёрст, мы наткнулись на старую тропу, почти занесённую снегом и пошли по ней, пока не нашли другую, сравнительно недавнюю, на которой виднелись свежие следы лыж. Думая, что мы, должно быть, находимся поблизости от какого-нибудь жилья, мы последовали по тропе, надеясь узнать о своём местонахождении и добыть ещё оленей. Около полудня мы увидели много свежих оленьих следов, которые говорили о том, что они недавно паслись здесь, а чуть дальше обнаружили покинутое стойбище. Жерди каркасов были свежесрубленные, а пространство под ними свободно от снега — обитатели чума собрали его совсем недавно. На шестах оставались куски бересты, оленья сбруя и кое-какая кухонная утварь, свидетельствовавшие о том, что место это было оставлено на время, а три палки, воткнутые в снег под углом, указывали направление, в котором ушло семейство. Из этого мы поняли, что тунгусы ожидали кого-то, кто отсутствовал во время их отъезда, и поэтому подумали, что это было стойбище того охотника, которого мы видели в Алгазее.

Взяв направление, указанное наклонёнными палками, и пройдя по нему около трёх вёрст, мы потеряли след, но вскоре нашли его снова на западном склоне невысокого хребта и через полчаса вышли к тунгусскому чуму, около которого паслись два-три десятка оленей. Как только мы появились в поле их зрения, эти олени бросились на наших, и завязалась короткая драка, но их отогнали, и уже через несколько минут они мирно паслись вместе с нашими. Правда, после этого ещё произошла одна стычка с громким столкновением рогами, но никто не пострадал. Я изобразил эту сцену на одном из рисунков в этой книге.

Как мы и предполагали, это был лагерь охотника, но сам он ещё не вернулся. Хотя чум был всего один, поприветствовать нас вышли восемь человек — двое мужчин, две женщины и четверо детей. Одна из женщин, жена охотника, была лучшим образцом тунгусской красоты, который мы когда-либо видели. Поскольку к этому времени мы уже привыкли к лицам этих людей, она показалась нам очень хорошенькой.

Мы узнали, что находимся в верховьях Маймакана, но туземцы ничего не знали о маршруте, по которому мы сюда добрались. Оказалось,

что мы заблудились, и только удача позволила нам набрести на их лагерь.

Алексей, один из мужчин, знавший тот маршрут, по которому мы хотели добраться до Аяна, сказал нам, что если бы мы продолжили движение вверх по ручью, по которому мы со Шварцем немного прошли в прошлую среду, то, пройдя ещё несколько вёрст, нашли бы дорогу лучше и оказались на правильном пути. Он также рассказал нам, что, если мы вернёмся обратно на эту тропу, мы достигнем Аяна гораздо раньше, чем если продолжим путь через Маймакан, и выразил готовность сопровождать нас, если мы ему заплатим. Мы были очень рады воспользоваться его услугами. После продолжительного торга наши тунгусы купили себе двух оленей, так что мы снова почувствовали себя уверенно и были готовы к дороге. У Алексея были свои олени и провизия, но он не мог отправиться в путь сразу, так как хотел смастерить себе пару лыж, на что ему надо было пару дней. Мы с готовностью согласились на это, чтобы дать и нашим оленям передохнуть и надеясь также, что Иван и Телефонт поправятся и будут в лучшем состоянии. Охотник из Алгазеи вернулся той же ночью другим маршрутом, не тем, которым шли мы<sup>1</sup>.



Драка между оленями и собаками

---

<sup>1</sup> Действительно, двигаясь вверх по Кирану, можно попасть на Маймакан двумя путями (оба обозначены на современных картах) — по собственно Кирану (севернее) и по его правому притоку Киранкану (южнее). Судя по дальнейшему описанию пути обратно вниз по Кирану, отряд Буша пришёл сюда по более северному пути, т.е. по Кирану. — *прим. перев.*

1 января 1866 года — В 8 часов утра, температура  $-35^{\circ}$ . Начало нового года. Чувствуя, что нам следует как-то отпраздновать этот день, мы решили сделать это, сменив одежду, которую не снимали с самого Удского. Это было не такое уж пустяковое торжество, как может подумать читатель, и потребовало не меньшей отваги, чем пались из 32-фунтовых пушек в День Независимости<sup>1</sup>. Лёгкая брезентовая палатка, сквозь тонкую ткань которой мы могли видеть наших оленей, когда они проходили мимо, и температура в минус 35 градусов делали эту операцию не очень приятной.

После завтрака мы решили нанести новогодний визит нашим соседям, и, хотя мы не могли перемолвиться с ними ни словом, встреча была приятной, как обычно и бывают новогодние визиты. Их жилище было сооружено обычным способом, на конусообразном каркасе из жердей. Сначала на них был постелен слой бересты, которая защищала от искр наружный слой из оленьих шкур. В центре чума горел небольшой костёр, от которого всё внутри заполнялось густым дымом; сквозь этот дым мы едва смогли различить у себя над головой несколько вывернутых наизнанку беличьих и лисьих шкурок, подвешенных к каркасу жилища. На подстилке из веток были расстелены оленьи шкуры, на которых сидели обитатели чума: женщины шили из шкур одежду, а мужчины чинили лыжи и оленью сбрую. Мы курили и наблюдали за ними, пока у нас не заболели от дыма глаза, и, решив, что выполнили свой долг, мы разошлись по своим жилищам.

Воздух снаружи был полон мельчайших замёрзших частиц, похожих на туман, хотя небо над головой было совершенно чистым. В этот момент мы стали свидетелями одного из тех прекрасных явлений, о которых часто упоминают путешественники по Арктике. Сияние солнца было настолько приглушено частицами ледяного тумана, что мы могли смотреть на него незащищёнными глазами. Вокруг солнечного диска был описан большой светящийся круг, слегка окрашенный в цвета радуги, на котором были три ярких паргелия, или ложных солнца, одно сверху и два по бокам. От каждого наружу исходил яркий световой поток, образуя три других круга, похожих на центральный и которые соприкасались с ним в точках, занимаемых паргелиями. Зрелище было

---

<sup>1</sup> Намёк на 49-дневную (22 мая – 9 июля 1863 г.) осаду Порт-Гудзона — одного из последних сражений Гражданской войны в США. Осада характеризовалась ожесточёнными многодневными артиллерийскими перестрелками и большими потерями с обеих сторон. Также, салют из артиллерийских орудий — традиция в День Независимости (4 июля) с 1777 года. — прим. перев.

очень красивое и продолжалось около двух часов. Ночью мы стали свидетелями такого же явления, но только вокруг Луны, которое, конечно, было гораздо менее ярким.

Мы как раз собирались усесться, скрестив ноги, и насладиться нашим обычным ужином из варёной говядины, как вспомнили, что где-то среди наших припасов была припрятана небольшая банка консервированной индейки, и, решив, что сейчас самое подходящее для неё время, мы попросили Ивана найти и приготовить её.

Если бы на коробке не было надписи «Жареная индейка», мы бы ни за что не догадались, что это именно она, но, благодаря хорошему аппетиту и некоторому воображению, мы от души насладились угощением. Когда банка была почти закончена, я вдруг заметил, что Шварц одновременно с любопытством и ужасом разглядывает маленькую косточку, которую держал между пальцами.

— В чем дело? — спросил я.

— Кошка! Клянусь всеми святыми, это кошка! Я чуть не проглотил косточку из её хвоста!

При этом поразительном объявлении мы мгновенно перестали работать челюстями и застыли с полуоткрытыми ртами. Несколько мгновений мы колебались, проглотить или выплюнуть, остановились, впрочем, на первом. Немедленно последовал осмотр злополучной кости, после чего Иван успокоил нас, объявив, что это шейный позвонок какой-то неизвестной ему птицы, и через несколько мгновений кошка, индейка или что бы это ни было, исчезло в наших желудках.

Поскольку на следующий день мы намеревались выйти на маршрут пораньше, то вскоре улеглись спать. В 7 часов вечера термометр показывал  $-36^{\circ}$ .

Отдых пошёл всем на пользу, и утром второго января мы снова отправились в путь со свежими силами, испытывая бóльшую уверенность в конечном успехе наших изысканий, чем когда-либо с тех пор, как покинули озеро Орель.

Мы вернулись по своим следам к тому месту за заброшенным лагерьем, где мы впервые вышли на старую тропу после пересечения хребта Джугджур, откуда Алексей, наш гид, повёл нас курсом южнее, чем тот, которым мы следовали ранее. После двух часов пути нам в спину подул сильный холодный ветер, а мы снова оказались к востоку от перевала, в верховьях Кирана.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> У автора в этом месте написано, что они вышли в верховья реки Лавля, якобы притока Кирана. На самом деле Лавля (приток не самого Кирана, а его притока Ийканды) находится существенно восточ-

Яростные порывы ветра, дующего в ущелье, несли облака колючих снежинок, но, поскольку он был попутный, мы не испытывали от этого особых неудобств, хотя, когда расположились на ночь, постоянно ожидали, что нашу палатку уронит нам на головы. Весь день температура была от  $-27^{\circ}$  до  $-30^{\circ}$ .

Я слышал много историй о необыкновенном аппетите северных аборигенов, но до сих пор был склонен сомневаться во многих из них. Однако в этот вечер мы стали свидетелями одного из их обычных ужинов, который рассеял весь мой прежний скептицизм.

Утром, когда мы были уже в пути, то обнаружили, что оставили в стойбище тунгусов одну вещь и послали за ней одного из наших людей — тунгуса Захара. Он догнал нас только когда мы были в лагере уже часа два. После установки палатки и обустройства лагеря Телефонт и Алексей сели за большой чайник и не отходили от него, пока не выдули всё до последней капли. Затем они приготовили четырёхлитровый котелок ухи, которую тоже съели. К этому времени подошёл Захар, замёрзший и голодный. Теперь в том же котелке была дважды сварена говядина, которую все трое тоже съели с большим аппетитом, даже разламывая крупные кости в поисках костного мозга. Затем, ополоснув котелок, они наполнили его крупой, сварили кашу и тоже съели, не дав ей даже остыть. После всего этого, то ли их аппетит не был полностью удовлетворён, то ли они побоялись прервать трапезу слишком резко, они принялись за юколу и съели даже шкурки от неё, предварительно поджарив их на огне. Всё это происходило у нас на глазах. Поскольку наша палатка была недостаточно большой, чтобы вместить всех, проводникам пришлось переместиться наружу. Они тут же развели новый костёр и стали готовить что-то ещё, но я уже больше не пытался вести этому счёт. Последнее, что я слышал перед тем, как уснуть, был треск костей, разбиваемых в поисках костного мозга.

Непредусмотрительность туземцев столь же удивительна, как и их ненасытность. За одну ночь они съедают почти недельный запас провизии и оставшиеся шесть дней голодают.

Шварц рассказал мне, что два года назад Российско-Американская компания отправила из Аяна в Якутск партию лошадей, которые были поручены заботам шести якутов. По дороге одна из лошадей по какой-

---

нее и отряд не мог попасть на неё, не миновав верхнего течения Кирана. Это же следует из дальнейшего описания их пути, поэтому переводчик взял на себя смелость в последующем тексте придерживаться более правильной с его точки зрения версии: отряд спускается по Киранкану («Малый Киран») (а не по Лавле) до слияния с Кираном, далее следует по нему вниз до устья Ийканды и затем поднимается по последней на север. — *прим. перев.*

то случайности сломала ногу, и её пришлось убить. Ночью шестеро туземцев принялись за тушу, а утром от неё не осталось ничего, кроме шкуры и костей. Не осталось даже головы и внутренностей.<sup>1</sup>

Якуты, несмотря на свой дружелюбный и миролюбивый нрав, как правило, очень жестоки по отношению к животным. Их излюбленный способ умерщвления лошади на мясо — это крепко связать её верёвками, разрезать грудную клетку и, просунув туда руку, убить животное, сжав рукой его сердце. Они утверждают, что мясо от этого становится вкуснее.

Основное направление Киранкана, по которому мы следовали до его слияния с Кираном, было юго-восточным, а пейзаж был такой же, как когда мы поднимались, — высокие, недоступные горные хребты с голыми скалами, покрытыми снегом, и с густым лиственничным лесом у основания. По пути нам встретились несколько ловушек на лис, подобных тем, что мы видели ранее, все они принадлежали тем тунгусам-охотникам с Маймакана.

Мы добрались до Кирана только в 3 часа дня 4 января, когда вышли на нашу старую тропу и шли по ней до самой темноты, разбив лагерь примерно в двух часах пути выше устья Ийканды, речки, по которой нам предстояло двигаться на север. Киранкан в месте слияния с Кираном очень узкий и так зажат между скалами, что не удивительно, что по пути вверх мы миновали его, не заметив. Чтобы избежать каких-либо ошибок в будущем, мы сделали зарубку на стволе большого дерева у входа в каньон. В течение этих трёх дней температура колебалась от  $-20^{\circ}$  до  $-32^{\circ}$ .

Когда вы отправились в путь утром 5-го числа, термометр показывал  $-23^{\circ}$ , и через два часа достигли нашего старого лагеря в устье Ийканды, где мы провели наше последнее совещание, прежде чем принять решение следовать по Кирану. Двигаясь вверх по Ийканде, в основном по гладкому льду, в два часа дня мы подошли к развилке реки, одно ответвление которой шло с севера, а другое — с северо-востока<sup>2</sup>. Наш проводник двинулся по северо-восточному ответвлению, мы придерживались его до наступления темноты, миновал другой приток, текущий с востока<sup>3</sup>, и разбили лагерь на возвышенном плато на восточном берегу, где оказалось много корма для оленей, хотя снег был довольно глубоким. Северные олени обладают очень острым чутьём, и даже при глубине снега в шесть футов могут определить, есть ли под ним корм или

---

<sup>1</sup> Позже я слышал подобное из других источников.

<sup>2</sup> Вероятно, слияние Лавли (с севера) и собственно Ийканды (с северо-востока). — *прим. перев.*

<sup>3</sup> Вероятно, это левый приток Ийканды — р. Налек. Кстати, начиная именно с устья Налека маршрут отряда совпадает с современной телеграфной линией до Аяна. Возможно, изыскания отряда пригодились для её прокладки. — *прим. перев.*

нет. В глубоком снегу им очень трудно добывать себе пищу, копая до земли, но с таким чутьём их труд никогда не бывает напрасным. Здесь везде растёт разновидность карликовой сосны, которую русские называют «кедровник». Он редко достигает более трёх футов в высоту, но раскидывает свои толстые узловатые ветви по земле и зимой обычно укрыт снегом. Мы заметили, что кедровник является верным признаком близости оленьего корма, и знание этого может оказаться полезным для будущих путешественников в этом регионе, если когда-нибудь вообще найдётся глупец, которому взбредёт в голову прогуливаться по этим горам.

На следующее утро, 6 января, термометр показывал  $-29^{\circ}$ . По мере нашего продвижения долина расширялась, а в горах по обе стороны было всё меньше ложбин и ущелий. В низинах и на склонах холмов росли лиственницы, ели, берёзы и тополя. За этот день мы миновали множество развилок и ответвлений реки, по одному из которых вела старая тропа, проложенная каким-то охотником: это, несомненно, ввело бы нас в заблуждение, если бы мы шли здесь без проводника. Нам даже было бы совершенно невозможно выбрать правильный путь из множества всех этих ответвлений, и мы часто поздравляли себя с тем, что не отказались от Алексея. Мы, конечно, могли бы просто вернуться обратно по своим следам, но тогда на наши скитания могли уйти месяцы, если бы вообще нас не погубил какой-нибудь несчастный случай, а главной цели нашего предприятия мы бы так и не достигли. Мы рассчитывали, что за этот день пройдем около тридцати вёрст, что было вполне обычным для оленей в этих горах. Ночью Алексей пришёл к нам в палатку за провизией. Он и другие проводники съели почти всю его еду, которую он нёс собой, и теперь у него совсем ничего не было. Хотя это и не было оговорено нашим с ним соглашением, с этого момента мы должны были кормить его из наших собственных ограниченных запасов, но в качестве наказания назначать ему содержание по нашему желанию. Мы также решили держать нашу провизию отдельно.

Утром 7 января термометр показывал  $-30^{\circ}$ . Как только удалось собрать и нагрузить оленей, мы выдвинулись на маршрут. Большинство из нас из-за глубокого снега передвигались на лыжах. Проведя в пути четыре часа, мы достигли истоков Ийканды, где исчезла всякая растительность, а снег был с таким твёрдым настом, что выдерживал вес оленей. Здесь дул сильный встречный ветер с севера, с высокого хребта впереди. Снег валил такой, что полностью скрывал всё вокруг; опасаясь потеряться, нам приходилось держаться в пределах видимости друг друга. Следы оленьих копыт заносило снегом мгновенно, так что тому,



кто отстал, не было никакой возможности видеть куда ушли остальные. После долгого и трудного подъёма против ветра, мы взошли на перевал<sup>1</sup> через хребет, который известен, как хребет Килый, по названию реки, которая берет в этом месте своё начало.

Носы и щёки наши были в той или иной степени обморожены, пришлось натирать их снегом. Северный склон хребта, крутой, покрытый на протяжении почти трёх миль твёрдым снегом, открывал такую прекрасную возможность для занятия спортом, что мы тут же надели лыжи и помчались вниз — сперва стоя на ногах, потом сидя, но большую часть пути на спине. Уже через несколько минут мы были у леса внизу, где снег был глубоким и рыхлым, так что даже на лыжах идти было трудно.

В эту ночь мы шли до наступления темноты, чтобы найти корм для оленей, а затем, когда остановились на ночёвку, было уже так поздно, что мы просто разложили на снегу ветки и легли, а в ногах развели большой костёр. Раздеваться на открытом воздухе было холодно — термометр показывал  $-32^{\circ}$ .

Проснувшись утром, мы обнаружили, что наши ступни торчат над ямой глубиной в пять футов, образовавшейся от таяния снега вокруг костра. Весь день мы шли на лыжах, прокладывая тропу. Пару раз олени проваливались сквозь лёд на реке Килый, который местами истончился потоком воды. Несмотря на то, что многие грузы попали в воду, они не пострадали, так как на них немедленно образовалась непроницаемая корка льда.

Вечером нашим тунгусам пришлось забить одного из своих оленей на мясо, четверть которого мы у них купили. К утру почти всё из их трёх четвертей было съедено.

На следующее утро мы все снова пошли на лыжах, надеясь в этот день достичь реки Немуй, притоком которой является Килый. Местность была не такой пересечённой, как на Ийканде, но всё ещё довольно холмистой, а долина шире.

Около 14:00, когда мы уже подходили к Немую, я так натёр ноги от ходьбы на лыжах, что я был вынужден ехать верхом. Лёд на Килые был покрыт инеем, на котором олени не поскальзывались, поэтому ехать было превосходно. В какой-то момент, когда я беззаботно рассматривал прибрежные пейзажи, я вдруг услышал страшный грохот, и в тот же миг мой олень провалился из-под меня куда-то вниз, а я полетел вслед за ним. Мы тут же выбрались наверх и обнаружили, что лёд под нами проломился, и мы провалились футов на пять, но вместо того, чтобы

---

<sup>1</sup> Имеется в виду перевал Иркинданский (55.4667 135.80), по имени реки Иркиндан, которая берёт начало там же. — *прим. перев.*

насквозь промокнуть, мы остались совершенно сухими! Оказалось, что после того, как в начале зимы река замёрзла, уровень воды подо льдом упал, после чего вода снова замёрзла, в результате чего под первым льдом образовалось пустое пространство высотой примерно в шесть футов над основным льдом. Туда можно было заглянуть и видеть на некоторое расстоянии вверх и вниз по течению.

Немуй в устье Килыя изрезан многочисленными островами, ширина его в этом месте около четырёхсот ярдов. Река течёт из большой долины далеко на западе, берега её одинаково невысокие на большом протяжении.

Наш проводник рассказал нам, что старый тунгусский охотник по имени Ефрем Карамзин кочует обычно по берегам этой реки, и у него мы могли пополнить наши запасы мяса. Но где искать его жилище, мы совершенно не знали, так как эти охотники живут в одной местности едва ли три дня подряд.

В надежде найти какую-нибудь старую тропу, по которой можно было идти, мы двинулись на север прямо через долину, не сворачивая, и, когда наступила ночь, разбили лагерь примерно в трёх милях от реки, в большом лиственничном лесу. Снега здесь было не более фута. Алексей сообщил нам, что в этой долине обитают медведи, и именно поэтому Ефрем выбрал эти места. Он пользуется репутацией опытного охотника на медведей; ежегодно около двадцати животных становятся его добычей.

## ГЛАВА XVI

Холод, казалось, не оказывал никакого воздействия на этих туземцев. Часто, когда мы не могли и на пару минут оголить уши, чтобы они тут же не обморозились, они часами ходили с откинутыми капюшонами; а когда надо было постоянно следить, чтобы наши носы не замёрзли, они, казалось, вообще не замечали холода. Утром 10 января я был совершенно поражён их пренебрежением к морозу. Они не менее получаса работали голыми руками, собирая палатку и утварь для погрузки на оленей, перетягивая тюки обледеневшими кожаными ремнями, и, по-видимому, не испытывали при этом ни малейшего неудобства, в то время как я отморозил кончики пальцев, просто прикуривая трубку от кремня, что заняло у меня не более трёх минут.

Прошлой ночью, когда наши люди уже спали, я зачем-то вышел из палатки и проходил мимо места, где они спали. От их костра осталась

уже кучка тлеющих углей, мерцания которых едва хватало, чтобы различить спящих. Они лежали, свернувшись калачиком, на маленьких оленьих шкурах, спиной к тлеющим углям, их меховые шубы были просто брошены на обнажённые тела. Шуба одного из них — Телефонта — почти полностью соскользнула с тела, оставив спину и плечи открытыми морозу  $-28^{\circ}$ , и, хотя его волосы покрылись инеем, он храпел так громко, словно ночевал в уютном тёплом доме.

От почти непрерывной ходьбы на лыжах в последние несколько дней моя лодыжка настолько разболелась, что я был вынужден снова сесть на своего оленя; к счастью, снег был не очень глубоким, и прокладывать тропу не было необходимости.

Не прошли мы и трёх вёрст от лагеря, как наткнулись на склад мяса, устроенный на столбах, подобно тем, которые мы видели. Рядом с ним были свежие следы, а через несколько километров, когда мы вышли из леса, нас встретил лай собак, и мы увидели на берегу небольшого ручья старый, почерневший от дыма чум. Он был пуст, и мы расположились в нём, зная, что обитатели где-то рядом. Лай собак вскоре привлёк внимание двух человек, вышедших из леса: одна из них была полногрудой девушкой лет семнадцати, с большими серебряными кольцами в ушах и на пальцах, одетой в очень грязные шкуры, но с очень красивым лицом, а другой — её младшим братом лет десяти. Молодая леди, которую мы окрестили Сафо, рассказала нам, что они дети старого Ефрема и что их отец сейчас охотится на белок и проверяет ловушки, поэтому мы решили дожидаться его возвращения.

Покуривая и попивая чай, мы коротали время до двух часов дня, а затем, поскольку Ефрем ещё не вернулся, решили установить палатку на ночь. Сафо, казалось, несколько не смущало присутствие незнакомцев, и она нарочно села со своим братиком поиграть с игрушечными оленями, медведями и горными баранами, вырезанными из бересты. Я взял одну из этих игрушек, чтобы рассмотреть, и был очень удивлён правильностью фигур: они были идеально пропорциональны и соответствовали оригиналам даже в мельчайших деталях, каждый отросток рогов, копыта и всё остальное было точным. Эти фигурки были намного лучше, чем те, что я видел у тех, кто называл себя художниками. Мы не могли себе представить, кто мог их создать в этой глуши, и были ещё больше удивлены, узнав, что это её, Сафо, работа. Чтобы убедиться в этом, я попросил её сделать для меня пару вещиц в качестве сувениров. Она взяла кусок коры и, даже не начертив предварительно контура, как сделал бы я, начала вырезать, и через минуту получилась совершенно

правильная фигура. Я не думаю, что когда-либо прежде видел такой талант к рисованию, как у неё. Своей способностью к точному следованию оригиналу известны китайцы, и я полагаю, что тунгусы, которые, вероятно, имеют то же самое происхождение, в какой-то мере унаследовали эти навыки.

Ефрем вернулся к ночи и принёс добычу — трёх белок. Эти зверьки, мех которых известен почти каждой женщине, очень красивы. У них тёмно-серые спины и белые животы, чёрные головы, уши, увенчанные длинными пучками шерсти, и большие пушистые хвосты, тоже чёрные. Обычно их стреляют из мелкокалиберного ружья пулей размером с горошину. Такие ружья есть у каждого тунгуса. Купив его, они первым делом прикрепляют к нему две сошки для стрельбы «с упора» и на треть укорачивают приклад; сошки крепятся на шарнирах, чтобы их можно было сложить вдоль ружья и поместить вместе с ним в кожаный чехол для переноски. Предпочтение всегда отдаётся старым кремневым ружьям. Пороха и свинца всегда не хватает, так что охотникам приходится быть очень бережливым, никогда не стрелять без упора и подбираться к дичи как можно ближе. По возможности они следят куда попала пуля, чтобы выковырять её из дерева и использовать снова.

В палатке Ефрема мы увидели сушёную медвежатину и поинтересовались, нельзя ли её попробовать, после чего Сафо принесла нам в палатку кусок фунтов в десять. Этого оказалось достаточно, так как медвежатина показалось нам невкусной. Если бы мы ели её с завязанными глазами, то наверняка решили бы, что это копчёная сельдь, настолько сильным был привкус рыбы. Мы пригласили Сафо посидеть с нами, она села с элегантной неспешностью и принялась набивать трубку, чтобы покурить с нами за компанию.

У нас были с собой несколько ниток бус и всякие другие безделушки для обмена, но до сих пор мы не находили им применения. Думая доставить удовольствие нашей гостье, Махуд надел на её полную шею ожерелье, за что она не выразила ни малейшей благодарности или радости, но через мгновение начала корчить совершенно неподобающие молодой леди гримасы, вытягивая при этом шею и делая энергичные попытки сглотнуть. Опасаясь, что или ожерелье разорвётся, или она задохнётся, мы быстро сняли с неё украшение и застегнули его на запястье, на что она тоже никак не отреагировала.

Чувство благодарности совершенно не знакомо этим людям, за исключением тех случаев, когда им приходится общаться с русскими. В их языке нет слов для выражения благодарности, и они принимают подарки так, как будто они и так им принадлежат, и тут же просят ещё.

Удовольствие от того, что делаешь подарок, исчезает при этом бесследно.

Вскоре Сафо вышла и принесла нам несколько оленьих языков, которые, кстати, являются здесь изысканным деликатесом, а также нечто вроде колбасок, которые, как мы позже выяснили, были сделаны из медвежьего жира, кстати, очень хорошем заменителе сливочного масла и свиного сала, когда жарят мясо. За небольшое количество спиртного мы выменяли у старика молодого оленя чтобы забить в пути его на мясо, а нашим людям удалось заменить нескольких наших измученных животных на свежих, так что мы ничего не потеряли из-за задержки.

Угощение подействовало на старого Ефрема поистине волшебным образом. От переполнявших его, а точнее, его желудок, чувств перед отъездом он преподнёс каждому из нас по красивой ложечке, выточенной из рогов горного барана. Они были весьма кстати, так как деревянные, с которыми мы отправились в путь из Николаева, давно сломались, так что суп нам приходилось пить из тарелки, а куски из него вылавливать ножами.

На следующую ночь, когда мы остановились на ночь на вершине холма в верховьях реки Улайкан, небольшого притока Немуя, Иван подошёл ко мне и вдруг бесцеремонно схватил меня за нос, воскликнув: «Худо! худо!» Это показалось мне довольно странной шуткой, и я уже собирался ответить соответствующим образом, как он отпустил мой нос и указал на снег. Заподозрив что-то неладное, я притронулся к носу и обнаружил, что он совершенно замёрз и ничего не чувствует, о чём я и не подозревал, хотя заметил, что последние полчаса не ощущал холода. Истории, которые я слышал о том, как отламываются замёрзшие конечности и тело неумолимо пожирается гангреной, мгновенно промелькнули у меня в голове, и я содрогнулся от перспективы вернуться домой безносым.

Действовать надо было без промедления, поэтому по совету Ивана я отломил кусок снежного наста и принялся усердно тереть им подвергшийся опасности орган, время от времени трогая его ногтем, чтобы обнаружить какие-нибудь признаки возвращения его чувствительности. Постепенно нос восстановился настолько, что я мог зайти в тепло, но, когда я залез в палатку, товарищи мои хором заорали:

- Что?! Что ты с собой сделал?!
- Ничего, — ответил я.
- Да ты взгляни на себя в зеркало!

Не успел я выполнить последнее, как почувствовал, что моё лицо залито кровью, и понял причину немалого беспокойства присутствующих. В нетерпении своём вернуть носу чувствительность, я содрал с его кончика кожу, а на следующий день кожа сошла и на всех остальных обмороженных местах, в результате чего образовался огромный нарыв, который мне потом пришлось терпеть в течение двадцати дней и, если верить моим спутникам, я никоим образом не был украшением нашей компании.

С тех пор как установилась холодная погода, мы взяли за правило проверять состояние наших щёк и носов каждые несколько минут, ощупывая их пальцами, но на этот раз я потерял бдительность. Когда какой-либо части тела случается обморозиться, она становится очень восприимчивой к холоду, так что с тех пор мой нос замерзал чуть не ежедневно, а иногда и дважды в день.

На следующее утро, 12 января, термометр показывал  $-35^{\circ}$ . Из-за непрочного наста, сквозь который олени постоянно проваливались, движение наше было медленным. В полдень мы достигли истока Мутэ, небольшой реки, впадающего в Охотское море, спустились по ней примерно на десять вёрст в юго-восточном направлении до устья Орого, левого притока Мутэ, и поднимались по нему до 4 часов дня, пока не начало темнеть.

13 января. Всё ещё очень холодно,  $-35^{\circ}$ . После утреннего чая и супа из оленины мы отправились в путь. Местность была такой однообразной — от самого Кирана всё те же гольцы и бесконечный лиственничный лес, — а каждый день неотличим от всех других, что мы уже давно перестали получать удовольствие от путешествия и с нетерпением ожидали его завершения. И так продолжалось день за днём...

Уже через пятнадцать минут борода и меховая одежда смерзаются вместе сплошной ледяной коркой. К одиннадцати часам начинают замерзать носы, а иногда и пальцы. В полдень отдираем с бород лёд, чтобы перекусить юколой и покурить — обычно даже не слезая с оленей. Вторая половина дня посвящена в основном тому, чтобы уберечь наши носы от обморожения; и так до наступления темноты, когда лагерь разбит, бороды разморожены, а на костре кипит чайник и суп из оленины, после чего наступает наше единственное развлечение и удовольствие — неспешно покурить трубку, за которым следует самое неприятное — ведение дневника. За этим следовал сон, после которого нужно было проснуться и повторить всё с начала. Единственное разнообразие заключалось в том, что время от времени мы пересаживались с

олений на лыжи и обратно, а главное удовлетворение приносило сознание того, что в конце каждого дня путешествия мы были на сколько-то вёрст ближе к завершению нашего пути.

Во второй половине дня мы неожиданно наткнулись на тунгусов, которые как раз обустроивали своё стойбище. Они оказались семьёй шурина Дианы. Кстати, я забыл упомянуть, что мы прозвали Дианой нашего гида Алексея из-за его величественной манеры, с которой он скользил на лыжах, сопровождаемый своими нимфами — двумя тощими оленями. Как раз в тот момент, когда мы подошли, тунгусы снимали с одного из своих оленей двух маленьких мальчиков, которые были связаны вместе и перекинуты через вьючное седло как два тюка; а младенец на другом олене уравнивался большим чайником. Каждый ребёнок был одет в одежду их оленьей шкуры, которая объединяла в одно целое куртку, штаны, обувь, варежки и шапку, из которых были видны только блестящие чёрные глазки и крошечные носики. Малыши, казалось, совершенно не обращали внимания на холод и выглядели совершенно довольными, когда сидели, засунутые в глубокий снег в ожидании завершения работы взрослых. Здесь мы пересекли гряду лесистых холмов и добрались до истока реки Нангтар<sup>1</sup>, по течению которой спустились в северо-восточном направлении примерно на десять вёрст и разбили лагерь.

На следующее утро нас разбудили громкие хлопки, и мы едва успели вскочить и удержать палатку, чтобы её не унесло сильными порывами ветра. Шквалы налетали каждые несколько секунд, в промежутках полностью стихая. В эти мгновенья затишья мы судорожно пытались одеваться, при этом стоять полуобнажёнными на таком ветру при температуре  $-25^{\circ}$  было не очень-то приятно. Пока мы завтракали, ветер всё же одолел палатку, и она упала, но к тому времени мы уже были готовы тронуться в путь.

Мы со Шварцем пошли на лыжах, оставив остальных следовать за нами с оленями, и не видели их до самой ночи. Ветер дул поперёк долины Нангтара, ширина которого в этом месте была около трёх миль, и временами чуть не сбивал нас с ног. Он гнал тучи снега, и, к счастью, не против нашего движения, иначе мы бы не смогли идти.

Утро 15 января было, наверное, самым тёплым с тех пор, как мы покинули Удское,  $-20^{\circ}$ . В течение дня мы продолжали спускаться по Нангтару, долина которого увеличилась до десяти вёрст, время от времени

---

<sup>1</sup> Сейчас река называется Лантарь. Нангтар — её старое эвенкское название, означающее «пихта». — прим. перев.

перемежаясь участками тундры, и остановились на ночь в устье Мамаея, левого притока, впадающего в Нангтар с севера.

16 января. Мы покинули долину Наугтара, взяв курс на северо-восток по обширной, в основной ровной местности, пересекли реки Мамай и Таймень, оба притока Нангтара, и разбили лагерь только через два часа после наступления темноты, так как снег был очень глубоким, а мы надеялись найти корм для оленей. Эти последние два часа были чрезвычайно трудными: термометр показывал  $-32^{\circ}$ , и мы и олени совершенно выбились из сил, а ночь была такой тёмной, что нам пришлось позволить нашим животным самим выбирать себе дорогу. Даже когда мы остановились на ночь, олени не могли докопаться до земли из-за глубокого снега, поэтому им пришлось остаться без ужина.

17 января. Температура  $-37^{\circ}$ . Покинули лагерь в 8 утра, намереваясь пересечь Уйский хребет и к ночи во что бы то ни стало добраться до станции на почтовой дороге недалеко от Аяна. До этого места корма для наших оленей не было. Мы послали Диану с его нимфами вперёд, чтобы проложить тропу, но вскоре догнали его, так как один из его оленей оторвался и убежал, сбросив поклажу в лесу. Отправив Телефонта за сбежавшим животным, мы продолжили наш маршрут вверх по реке Таймень.

Уйский хребет, высокий, отвесный отрог Джугджура, по которому пролегал наш маршрут, красовался перед нами весь день, но в 11:30 утра вид на него был особенно прекрасный. Я принялся набрасывать карандашный рисунок, но тут же отморозил пальцы и оставил это занятие. Подъем был пологий, так что к двум часам дня мы уже были на вершине. День был на редкость холодным, но ясным и без малейшего дуновения ветра, за что мы были ему искренне благодарны. Мы уже натерпелись зимних ветров на открытой местности, когда пересекали хребет в районе Килыя.

Мы быстро спустились на лыжах в узкое ущелье, в котором берёт начало река Уйка, и продолжили наш путь без остановки вниз по течению, в северном направлении, в надежде добраться до почтовой станции засветло; но темнота наступила, когда до пункта назначения оставалось ещё много вёрст. Примерно в это время появился Телефонт, поймавший сбежавшего оленя, и, поскольку поблизости для оленей не было никакого корма, мы продолжили идти.

Вскоре после наступления темноты один из наших оленей выбился из сил, и его пришлось бросить на съедение волкам. После ещё четырёх долгих, холодных и тёмных часов, ориентируясь только по звёздам, мы пробирались то по глубокому мягкому снегу, то по гладкому льду реки,



пока, наконец, крик нашего проводника не возвестил о близости почтового тракта; но наша радость тут же сменилась разочарованием. Снег на тракте, проложенном в лиственничный лесу, был таким же глубоким и нетронутым, как и везде. По крайней мере, с тех пор, как выпал первый снег, по нему не проезжали ни на санях, ни верхом, из чего мы сделали вывод, что город Аян, построенный Российско-Американской компанией, был заброшен, а вместе с ним и перестала обслуживаться дорога, которая вела от этого места до Якутска<sup>1</sup>. Такое развитие событий было весьма безрадостным. Припасы наши были на исходе, проводники со своими оленями не хотели идти дальше, а иначе как-то связаться с Якутском или раздобыть других оленей не оставалось никакой возможности.

Диана сообщил нам, что где-то поблизости должна быть почтовая станция, и мы отправились на её поиски. Уже через час мы добрались до юрты, занесённой снегом по самую крышу. Собачий лай, однако, указывал на присутствие людей. На него из юрты выбежали её обитатели, которые, как выяснилось, ожидали этой ночью почтовый обоз из Аяна. Тут же мы увидели и хорошо проторенную дорогу. Оказалось, что мы вышли на старую заброшенную дорогу недалеко от того места, где почта-льоны сворачивают с неё, чтобы заехать на эту станцию.

Обнажённые по пояс мужчины, женщины и дети проводили нас в хижину, где в камине горел большой яркий огонь. Иван немедленно воспользовался им, чтобы заварить нам чай, и мы согрелись и немного сняли усталость. На деревянных полках с трёх сторон комнаты лежали вперемешку люди всех возрастов и размеров. Как у двух собачьих

---

<sup>1</sup> Главное правление Российско-Американской компании 23 августа 1865 г. известило генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова: «Находя необходимым при нынешнем положении чайной и пушной торговли компании по возможности сократить её расходы, и, имея при том в виду, что с устройством заселений и судоходства по Амуру Аянский порт утратил свое прежнее значение как для компании, так и для правительства, содержание его обходится более 25 т. руб. сер. в год, тогда как время действий порта ограничивается только периодом навигации, не превышающим 4 месяцев, Главное правление постановило:

1. Контору из Аяна перевести в Якутск, и Якутское и Амурское комиссионерства упразднить. Начальнику же Аянского порта сохранить это звание с присоединением к нему звания правителя Якутской конторы, образуемой из нынешнего комиссионерства, и затем присвоить ему название: начальника Аянского порта и правителя Якутской конторы Российско-Американской компании, постоянным местопребыванием которого должен быть Якутск, а временное, только в течение навигации, в Аяне.

2. В Аяне иметь в течение зимы управляющего и при нём 8—10 человек служителей, преимущественно мастеровых, которые между работами поддерживали бы в исправности гребные суда и строения, а равно и церковь.

3. Перед открытием навигации начальнику Аянского порта ежегодно приезжать в Аян и управлять портом до закрытия навигации, а затем на зимнее время возвращаться в Якутск». — прим. перев.

упряжках, запутавшихся во время драки, трудно было сказать, где чья нога и чья рука.

После расспросов станционного смотрителя наши предположения о том, что Аян покинут, оказались ближе к истине, чем нам бы хотелось, но мы слишком устали, чтобы долго размышлять о каких бы то ни было неприятностях, и, выпив чаю, отправились на отведённые нам спальные места.

## ГЛАВА XVII

Каким бы долгим, холодным и однообразным ни было наше путешествие, у нас всё же были веские причины быть благодарными природе за ясную погоду, которая сопровождала нас на протяжении большей части пути. С тех пор как мы покинули Удское, нам пришлось пережить довольно холодную погоду, но это оказалось не таким уж большим препятствием, как мы ожидали, потому что, одетые в меха, мы почти в любое время могли согреться, пробираясь пешком по глубокому снегу или прокладывая на лыжах путь для оленей. Но мы по мере возможности, кроме случаев, когда это было абсолютно необходимо, избегали таких физических нагрузок, от которых могли вспотеть, поскольку к ночи влажная одежда неизменно замерзала, причиняя немало неудобств, если вообще не отмораживала нам конечности.

У путешественника по диким безлюдным местам есть одно преимущество, которого лишена бóльшая часть остальных людей, — это полная свобода и совершенное отсутствие каких-либо ограничений. Отбрасываются всякие условности, и человек проявляет самые яркие свойства своей натуры, не скованные узами формальностей и этикета. Мы все в полной мере пользовались этой привилегией, и нередко можно было увидеть вполне взрослых бородатых мужчин, которые как дети валялись в снегу, оглашая окрестности дикими воплями, не опасаясь притворного негодования и нравоучительных замечаний по поводу их недостойного поведения. Часто ночью, после долгого дневного перехода, когда наша маленькая палатка была на дне какого-нибудь глубокого ущелья, среди лиственниц, окружённая заснеженными скалами, возвышающимися на тысячи футов над нашими головами, мы стояли в ясной звёздной тишине, и кричали от переполнявшего нас чувства абсолютной свободы, замирая, чтобы послушать эхо, отражающееся от скал и постепенно теряющееся среди вершин.

Ночью почтальоны из Аяна так и не появились, и, поскольку мы всё ещё надеялись добраться туда до отправления почты, после поспешного завтрака Махуд, Шварц и я оседлали оленей и двинулись по хорошо проторенной почтовой дороге вниз по северному берегу реки Уйка. Наши олени ещё не пришли в себя после вчерашнего перехода, а накануне вечером Диана настолько устал, что забыл отвести их к местам кормления, поэтому, когда мы попытались сесть на них верхом, то обнаружили, что бедные животные едва выдерживают наш вес. Но утро выдалось холодным, и снег был таким твёрдым, что мы были только рады возможности пойти пешком и размять ноги.

Дорога, которая, как я уже говорил, представляет собой просто узкую тропинку в лесу, идёт от Аяна через хребет Джугджур до Якутска на тысячу триста вёрст вглубь страны. Она была построена Российско-Американской компанией примерно тогда же, когда был основан Аян, в 1848 году, и использовался для перевозки оружия и боеприпасов на морское побережье во время Крымской войны. Через каждые тридцать-сорок вёрст вдоль маршрута расположены почтовые станции, где наготове держатся олени упряжки для перевозки почты и пассажиров, хотя ни для кого из последних, кроме служащих самой компании, об этой дороге вряд ли известно. Ежемесячно из Аяна отправляется почта, состоящая чаще всего не более, чем из дюжины писем, а путь до Якутска обычно занимает дней десять, причём почтальоны едут днём и ночью.

Зимой на маршруте используются в основном олени, их запрягают парами в нарты, похожие на те, что используют для собачьих упряжек, какими мы пользовались в пути от Алгазеи до Удского. Сбруя состоит из простой лямки на шее каждого животного, к ней прикреплён кожаный ремень, проходящий между ногами оленя и огибает переднюю луку саней, но не закрепляется на ней, поэтому, если животные двигаются не с одинаковой скоростью, то сани будут наезжать на пятки тому, кто тянет слабее. Летом для наземного транспорта используются лошади, хотя, выбрав более длинный маршрут, можно преодолеть значительную часть пути водой по притокам Лены.

Если не считать тревожных сообщений о судьбе Аяна и нехватке в нём провизии, наше утреннее путешествие было в высшей степени приятным. Удовлетворение от того, что мы уже преодолели так много из стоящих перед нами трудностей, и предвкушение встречи с цивилизацией в какой-то мере компенсировало наше беспокойство.

В 11 часов утра мы достигли устья реки Уйка, в семи верстах от Аяна, откуда дорога поворачивает на северо-восток через пару невысоких

хребтов и затем выходит на побережье. Когда мы приблизились к селению, нашему взору снова открылся вид на море, которое мы не видели с кануна Рождества, и вскоре мы оказались у залива Аян, небольшой бухты, защищённой от всех ветров, кроме южных и юго-восточных. Хотя это не идеальная гавань для судов, она всё же не уступает, если не превосходит, ни одной другой в этой части Охотского моря, и именно по этой причине Российско-Американская компания выбрала это место для базы своего китобойного промысла.



Оленья упряжка

Не ожидая увидеть ничего, кроме небольших деревянных избушек, мы были приятно удивлены, когда, обогнув скалистый мыс, оказались перед очень большим бревенчатым складом — магазином, как их здесь называют — с длинной галереей с рядом толстых деревянных колонн. Вокруг здания валялись якоря, цепи, всякие корабельные снасти — почти всё, что обычно хранится в береговых военно-морских цейхгаузах. Неподалёку на возвышении, за земляным валом, было установлено около дюжины небольших чугунных пушек, дула которых, однако, были забиты землёй и гравием, а на берегу лежало несколько добротных вельботов. Тут же на берегу, подальше от льда, который приливами выносит на побережье, стояла небольшая шхуна. Само селение было скрыто за красивой рощей, примерно в четверти мили от берега, в долине на перешейке небольшого холмистого полуострова, и со стороны залива его не было видно. В селении было всего около дюжины бревенчатых домов, но это были, безусловно, самые лучшие здания из тех, что

мы когда-либо видели, даже превосходившие те, что были в Николаевске. В дополнение к просторным удобным домам для служащих компании там были жилые помещения и столовая для других сотрудников, а также небольшая часовня, бани и всё необходимое для жизни.

Всё было в очень хорошем состоянии, и можно только представить себе, как тут всё было до того, как компания покинула это место. Теперь на всём здесь был налёт запустения, и ленивые туземцы, ранее работавшие на компанию, вместо того чтобы возить дрова из соседнего леса, как это от них когда-то требовали, теперь устроили настоящий погром в рощах, где, по словам Шварца, они обычно устраивали пикники, а теперь не осталось ничего, кроме торчащих из снега уродливых пней. Со всех сторон местность окружали высокие горы, хорошо защищавшие маленькую долину от ветров, и с которых на многие мили открывались великолепные виды на море и побережье.

Когда мы въехали в селение, все жители собрались, чтобы поглазеть на нас, и среди них Шварц узнал двух-трёх старых знакомых: одного из них — господина Попова, обер-полицмейстера и коменданта заставы, а другого — господина Сильвестрова, единственного представителя компании, оставшегося здесь, и на попечении которого компания оставила своё имущество до тех пор, пока им не удастся как-то распорядиться им<sup>1</sup>. Этот джентльмен любезно предоставил в наше распоряжение свой дом, и мы вскоре оказались одетыми в человеческие костюмы, сидели в красивой, просторной, устланной коврами, оклеенной обоями и обставленной мебелью комнате, на стенах которой были развешаны картины и большие зеркала, и наслаждались радушным гостеприимством нашего хозяина. Чай, этот «нектар» для всякого сибирского путешественника — был непревзойдённым, и у меня не хватит слов, чтобы описать то удовольствие, которое мы получили от настоящих гаванских сигар, которые последовали за обедом.

К нашему большому сожалению, мы узнали, что сведения о нехватке провизии в Аяне, которые мы получили от туземцев на почтовой станции, не были преувеличением; но господин Попов, проявивший величайший интерес к нашему предприятию, любезно заверил нас, что у нас будет необходимое продовольствие, даже если ему придётся снабдить нас из его собственных запасов, а затем восполнять их из Якутска.

Я не перестаю восхищаться гостеприимством и сердечным участием всех тех, кого нам довелось встретить во время наших путешествий по

---

<sup>1</sup> После продажи в 1867 году Аляски и ликвидации Российско-Американской компании остатки портового имущества и права на эксплуатацию порта приобрёл в 1868 году петропавловский купец I гильдии А.Ф. Филиппеус. — прим. перев.

России. Русское гостеприимство и так уже вошло в поговорку, а после нашего пребывания среди русских я и сам убедился в правоте наших предшественников.

Кстати мы прибыли очень вовремя, так как застали почтмейстера как раз готовящимся отправить почту; узнав, что мы хотели бы отправить и свою корреспонденцию, он любезно отложил отправку до следующего утра, чтобы дать нам возможность написать наши письма. Из разговора с господином Поповым мы вскоре узнали, что в окрестностях Аяна нет оленей для нашего путешествия в Охотск, и, чтобы как можно меньше задерживать нас, он также воспользовался почтой, чтобы отправить распоряжение тунгусскому старосте, который жил недалеко от Нелькана, в двухстах километрах от Охотска, приказав ему раздобыть необходимое количество — по возможности, пятнадцать голов — и отправить их нам как можно скорее.

Из Аяна мы могли бы просто отправиться в Якутск на почтовых оленях, а оттуда по почтовой дороге до Охотска, что составило бы две тысячи семьсот вёрст по двум сторонам треугольника, но, поскольку нашей целью было найти наиболее прямой маршрут для телеграфной линии, мы отправились в путь по третьей стороне — по берегу моря, и ни на минуту не усомнились в правильности нашего решения.

Даже господин Попов пытался отговорить нас от попыток найти дорогу через эту дикую местность, которая, по его словам, была известна — и то лишь частично — самым смелым и опытным тунгусским охотникам. Он рассказал нам, что однажды сам попытался пройти этой местностью, но уже на второй день был вынужден повернуть назад из-за непогоды и высоких неприступных гор. В Николаевске, ещё на Амуре, мы познакомились с одним русским джентльменом, доктором Сосковичем, который рассказал нам, что несколько лет назад он тоже пытался пройти этим же путём, но вынужден был вернуться, пройдя всего сто пятьдесят вёрст.

Эти сведения сильно охладили бы наш пыл, если бы недавнее успешное путешествие не пробудило в нас самоуверенность, к тому же у нас были основания полагать, что предстоящий путь не будет труднее того, что мы уже проделали. Теперь нашей единственной заботой оставалось как можно скорее раздобыть оленей и продолжить наш путь.

Сегодняшний Аян — лишь тень его бывшего величия. Когда-то здесь была резиденция одного из управляющих Российско-Американской компании, со свитой офицеров в мундирах, их жёнами и семьями, и город был полон энергичных деловых людей. Но это было в то время, когда компания находилась на пике своего благополучия. Ежегодно из

Ситки и других пунктов пушной торговли в российских владениях в Америке прибывали корабли, груженные ценными мехами, сотни тысяч рублей были вложены в организацию китобойного промысла. Были закуплены суда и всё необходимое, наняты туземцы и лошади, но оказалось, что было уже поздно. Сотни американских китобоев, которые в течение многих лет добывали китов в Охотское море, почти полностью истребили здесь этих гигантов, и эксперимент закончился полным провалом. Один капитан китобойного судна рассказал мне, что он как-то насчитал со своего мостика семьдесят два судна одновременно, и более половины из них вытапливали китовый жир. Это даёт некоторое представление об огромном количестве убиваемых животных, и о колоссальной прибыли, получаемой в те времена изобилия в Охотском море. В те дни в Аяне можно было встретить множество американских моряков. Но как штиль наступает после бури, так и это оживлённое место превратилось в жалкую деревеньку.

Хозяин наш удивил нас, когда на очень хорошем английском сообщил нам, что «Аян разорили», что звучит не очень изящно, но верно отражает нынешнее состояние селения. Когда городок эвакуировали, почти вся провизия тоже была вывезена, и в разгар зимы, 18 января, мы застали многих менее обеспеченных людей уже почти без средств к существованию.

Все очень опасались цинги, что, несомненно, привело бы к серьёзным последствиям, поскольку в этих местах нет ни одного врача, получить медицинскую помощь можно было только за тысячу триста вёрст, в Якутске. Уже было два очень тяжёлых случая заболевания, а за день до нашего прибытия одну больную женщину уложили в сани, чтобы отвезти в Якутск для лечения.

Ближе к ночи прибыл наш казак Иван, с оленями и багажом; мы расплатились с проводниками и отпустили их. Нам с трудом удалось убедить Ивана остаться и сопровождать нас до Охотска, поскольку в Удском у него осталась молодая жена, и он очень хотел вернуться домой. Мы считали его настолько ценным для нас человеком как в качестве переводчика, да и в других отношениях тоже, что не могли позволить себе расстаться с ним.

На следующий день, не желая злоупотреблять гостеприимством нашего хозяина, мы стали искать жильё в другом месте и сначала остановились в бывшей резиденции исправника — большом добротном бревенчатом доме, в котором было около десятка комнат, устланных коврами, оклеенных обоями и обставленных мебелью, включая пиа-

нино и бильярд. Последние, однако, были довольно обшарпанные. В Сибири наши привычки настолько упростились, а потребности свелись к такому минимуму, что мы почувствовали себя не совсем в своей тарелке от такого количества комнат и окружающего великолепия — несколько, впрочем, увядшего — поэтому вполне удовлетворились вторым этажом пустующего дома, где хватило места для наших кроватей, нескольких стульев и пары небольших столов. Наш друг по-прежнему настаивал на том, чтобы мы бесплатно пользовались его пансионом, но мы не могли согласиться на это без оплаты из-за недостатка провизии в селении.

Во время нашего пребывания в Аяне наши новые друзья приложили все усилия, чтобы сделать его как можно более приятным для нас. Вечерами после ужина устраивались танцы и карточные игры, а дневное время посвящалось прогулкам по полуострову и близлежащей местности.

В Америке эти танцы вряд ли назвали бы таковыми, хотя они давали нам не только прекрасное развлечение, но и хорошую физическую нагрузку. Прекрасный пол был представлен только двумя дамами — нашей очаровательной хозяйкой и дородной казачкой-вдовой, которая настаивала на том, чтобы мы называли её Николаевной, поскольку называть её полным именем было бы равносильно произнесению небольшой речи, особенно если прибавлять «мадам» или его русский синоним. Она заверила нас, что ей сорок шесть лет и она весит сто восемьдесят фунтов, и сведения эти, вопреки женской природе, она с удовольствием и гордостью озвучила. Но ни одно из этих обстоятельств, казалось, никоим образом не смущало её, поскольку она обладала удивительнейшим жизнелюбием из всех известных мне людей, как мужчин, так и женщин. Танцы были её главным увлечением, и, казалось, она могла танцевать без усталости сколь угодно долго. Она предавалась любимому делу всей душой и телом и с такой юношеской энергией и живостью, и настолько возбудила наше любопытство, что мы решили, как бы это ни было непочтительно, испытать её на выносливость. Устроить это было просто, так как кавалеров было четверо, а дам — только две; и, в то время как последние были вынуждены танцевать непрерывно, первые могли сменять друг друга. Музыкальное сопровождение было не из лучших, оно варьировалась от скрипки (в которой Иван был большим экспертом) до старой шарманки. Последняя была такая старая и разболтанная, что иной раз пропускала несколько тактов мелодии, издавая только скрип ручки и сбивая танцующих с темпа.



Этим вечером, когда начались танцы, наш хозяин и Махуд начали кадрили, а казаки по очереди крутили ручку шарманки. За этим последовал другая кадрили, чтобы дать возможность танцевать мне и Шварцу, потом снова наш хозяин и Махуд и так далее, пока не было исполнено четыре кадрили и две польки. В этот момент на помощь казакам пришёл наш Иван со своей скрипкой и заиграл бесконечный казачий марш. Он определённо понравился Николаевне, и она тут же подскочила к Сильвестрову и набросила на него свой платок, приглашая на танец. Отказываться было ни в коем случае нельзя, поэтому господин Сильвестров принял приглашение, и в течение пяти минут мы наслаждались их танцем. Они оба танцевали прекрасно, несмотря на внушительные «формы» танцовщицы, а музыка была такой зажигательной, что устоять перед ней мог только безногий. Во время танца косынка использовалась не только чтобы ею помахивать, но и для вытирания пота. Не успел наш хозяин поблагодарить за танец, как мадам пригласила Шварца, затем пришла очередь Махуда, они развлекались минут пять-шесть, после чего неизбежно должен был последовать мой черёд. Хотя я не имел ни малейшего представления о том, как *это* танцевать, я безропотно подчинился и некоторое время — не знаю, как долго — предпринимал отчаянные попытки попасть в такт, но, кажется, только неуклюже подпрыгивал на одной ноге. На это мадам заявила протест и заявила, что вызывает меня ещё раз. Тут же была предложена кадрили, за которой без паузы последовала ещё одна, а затем ещё и полька. После этого меня попросили повторить танец, и, чтобы избежать ещё одного вызова, я добросовестно старался, но моя неловкость оказалась непреодолимой, и промучившись ещё минут десять, я извинился и сдался окончательно. Неугомонная Николаевна, однако, всё ещё была недовольна. Остальные мужчины в полной мере озаботились моим состоянием, и, чтобы измотать мадам до того, как она сможет снова бросить мне вызов, продержали её в танце ещё минут пятнадцать, после чего она села, покрасневшая, вспотевшая и явно утомлённая. Я уже успел раскаяться в нашем опрометчивом эксперименте по проверке её выносливости и с радостью заметил эти признаки усталости. Зная, что она быстро придёт в себя, я решил спастись тем, что пригласил её на ещё один танец в надежде, что она откажется. К моему изумлению, она тут же согласилась.

Было 8 вечера, и даже Иван уже проявлял признаки усталости, и мы все были уверены, что она скоро умиротворит свой пыл. К этому времени в дверях и окнах появились головы казаков, якутов и тунгусов, с любопытством наблюдавших за происходящим. Я чувствовал, что на кону

как моя собственная репутация, так и репутация страны, которую я представляю, и решил танцевать до полной победы, пока моя партнёрша не сдастся. Прошли ещё долгие десять минут, в течение которых я не сводил глаз с лица мадам, стараясь уловить на нём признаки усталости. Но её неутомимость оставалась несокрушимой, а движения — ещё более уверенными и быстрыми. Ещё через двадцать минут мне стало невыносимо жарко, я был насквозь потный. Моя партнёрша, хотя и была такой же разгорячённой, по-прежнему не проявляла никаких признаков готовности сдать. Через полчаса соревнование стало вызывать такой интерес у зрителей, что они начали подпевать, помогая музыканту, притопывая ногами и хлопая в ладоши. Это, казалось, ещё больше вдохновили Николаевну; она запрыгала ещё выше, и я уже готов был уступить, если бы мои товарищи не подбадривали меня. Мысль о том, что мне придётся уступить сорокашестилетней стовосьмидесятифунтовой вдове, мне совсем не нравилась. В какой-то момент мне показалось, что на её лице мелькнуло признание поражения, и я затанцевал с ещё большим усердием. Прошло сорок минут, я уже не осознавал ничего, кроме того, что я неосознанно, совершенно механически, прыгал, а глаза мои залиты потом. Время от времени я на мгновение приходил в себя и обнаруживал, что ноги мои продолжают двигаться в такт музыке, а Николаевна определённо выглядит с каждым разом всё свежее и свежее. Меня это порядком озадачивало. Внезапно мне пришло в голову, что я веду себя очень невежливо по отношению к даме, которая, к тому же, гораздо старше меня. Я был уверен, что гораздо более вынослив, но учтивость требовала, чтобы я уступил и объявил себя побеждённым, чтобы избавить её от дальнейших страданий. Я уже готов был сдать и, прежде чем окончательно принять решение, бросил взгляд на её лицо... и обнаружил, что она так же свежа, как и в начале танцев. Но угрызения совести и чувство долга одержали верх. Едва мы остановились, как она предложила продолжить танец Махуду, но тот весьма мудро отказался.

Этот эпизод вселил в меня глубочайшую уверенность во всех заповедях старшего Уэллера<sup>1</sup>, и я твёрдо решил никогда больше не пытаться состязаться с казачьей вдовой, будь она хоть стара, как Мафусаил, и весила десять тонн! Было без пяти десять, когда мы закончили. Бедный

---

<sup>1</sup> Отец персонажа «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч.Диккенса, слуги мистера Пиквика, Сэма Уэллера. Сэм известен своими «уэллеризмами» — юмористическими изречениями типа «Уж пить, так пить! — сказал котёнок, когда несли его топить». Здесь имеется ввиду совет, который дал Сэму его отец Тони Уэллер: «Остерегайся вдов!». — *прим. перев.*

Иван был почти без сил и больше не мог играть на скрипке, но Николаевна станцевала ещё две кадрили и польку под аккомпанемент шарманки.

Виды, открывавшиеся со многих возвышенностей вблизи города, были совершенно очаровательными, а одно место мы посещали из-за особенно прекрасного вида почти каждый день. Это было в той части аянской долины, где она заканчивается на севере полуострова крутым обрывом высотой около четырёхсот футов. Ландшафт здесь был определённо зимний, ему недоставало тёплых, нежных оттенков летнего пейзажа, но зато открывался простор моря, усеянный зазубренными глыбами льда, скрежещущими и сталкивающимися друг с другом, а длинная полоса скалистого побережья, за которыми возвышались заснеженные хребты Джугджура, своим великолепием восполняла красоту летнего пейзажа.

Полуостров имеет всего около мили в ширину и трёх миль в длину, но настолько изрезан и горист, что было трудно найти достаточно ровное место для города. Некоторые из вершин довольно высоки, и одна из них, например, гора Маяк<sup>1</sup>, достигает высоты около трёх тысяч футов и служит заметным ориентиром для судов. Из-за этого она и получила своё название. На эту гору никто не поднимался зимой, но грандиозный вид, который, как я знал, должен был открыться с вершины, внушал мне страстное желание взобраться на неё, и я не мог чувствовать себя удовлетворённым, пока не предприму попытку. Когда настал подходящий день, было так тепло, что не потребовалось ни варежек, ни шубы. Я оделся в свою обычную одежду, торбаса и шапку, надел лыжи и, взяв палку в качестве альпенштока, отправился в путь. Ходьба так согрела меня, что я не пожалел, что оставил свои рукавицы. Через полчаса я оказался у подножия горы, на которую попытался взобраться на лыжах, но подъем оказался таким крутым, а снег так плотно утрамбован ветром, что от них было мало толку, и я отказаться от них, пройдя несколько сотен футов. С этого момента начались трудности. Мои торбаса с гладкой подошвой плохо держали на твёрдом насте, и я мог продвигаться только с помощью палки. Кое-где из-под снега выступали большие камни, и, медленно пробираясь от одного к другому, после часа подъёма я был уже высоко на склоне. Здесь я наткнулся на почти отвесную стену, на которой мой альпеншток был бесполезен, и я был вынужден ползти на четвереньках, цепляясь за выступающие камни и неровности в снегу

---

<sup>1</sup> Очевидно, автор имеет ввиду самую высокую вершину полуострова — гору Ландор (Longdor, англ.) высотой 640 м. (2100 футов). — прим. перев.

голыми руками, которые начали сильно мёрзнуть. Я уже был готов повернуть назад, но заметил неподалёку большие каменные глыбы, по которым, я надеялся, карабкаться будет легче, поэтому продолжил свой путь. На этой высоте температура резко упала, и мои пальцы начали белеть и неметь. Теперь я раскаивался в том, что совершил глупость, отправившись в путь без рукавиц. Склон здесь был очень крутым и каменистым, и мне пришлось прилагать все усилия, чтобы не сорваться. Если бы это произошло, то на протяжении четырёхсот футов вниз не было ничего, что могло бы сдержать моё скольжение, а потом я неизбежно полетел бы в пропасть, высоту которой я не мог определить, но на дне её вздымались ужасные чёрные каменные глыбы. Поворачивать назад было так же опасно, как и идти вперёд. Используя складной нож, чтобы передвигаться по скользким местам, и всё время останавливаясь, чтобы подышать на замерзающие пальцы, я наконец добрался до скал наверху, которые оказались гребнем длинного отрога, отходящего от вершины. У меня сильно замёрзли руки, а резкий холодный ветер пронизывал насквозь мою одежду, которая в начале подъёма промокла от пота.

Дальше подъём не был опасным, хотя во многих местах и трудным, и через несколько минут я оказался на самой вершине. Я укрылся от ветра за скалами; замёрзшие пальцы мучительно болели, но начали понемногу согреваться, и я был совершенно очарован открывшейся предомной картиной.

С трёх сторон, как огромная карта, расстилалось внизу Охотское море, ограниченное на востоке водным горизонтом, а с другой — крутым изрезанным берегом, каждый изгиб которого был отчётливо виден на десятки миль на север и юг. Широкая полоса прибрежного льда цеплялась за скалы, уходя местами на пять-шесть миль в море, за пределами которых дрейфовали с приливами и течениями огромные ледяные поля и время от времени с отдалённым грохотом сталкивались и разбивались на части. Между ними длинными тёмными прожилками виднелись полосы открытой воды. В восьмидесяти милях к югу были отчётливо видны острова Шантарские и Феклистова, а на западе возвышалась остроконечная гряда Джугджура, чётко нарисованная на фоне тёмного неба, и это зрелище само по себе стоило того, чтобы взобраться сюда.

Из-за холода я пробыл на вершине всего несколько минут. Спускаясь, я выбрал другой, менее опасный маршрут, хотя мне почти постоянно приходилось помогать руками, чтобы не поскользнуться, и к тому времени, когда я добрался до места, где оставил лыжи, пальцы снова

сильно замёрзли. Интенсивное растирание вкупе с более мягкой температурой в долине вскоре восстановило их, но наутро они покрылись в некоторых местах волдырями, и в течение нескольких дней доставляли мне много неудобств.

## ГЛАВА XVIII

С момента нашего прибытия в Аян прошло больше недели, а от тунгусов с Нелькана по-прежнему не было никаких известий. Мы были уверены, что майор Абаза и его спутники, которые должны были встретить нас в Охотске, уже давно прибыли туда, и, не найдя нас, несомненно, были обеспокоены, и потому с каждым днём росло наше желание снова отправиться в путь.

Ещё через несколько дней, не получив никаких вестей про оленей, я решил найти собак и попытаться добраться до Охотска, двигаясь по полосе прибрежного льда, который я видел с горы Маяк. Это путешествие, вероятно, заняло бы не более семи-восьми дней, но ни собак, ни корма для них раздобыть не удалось, и я был вынужден отказаться от этой затеи. Наверно, это было даже к лучшему, поскольку солёный лёд у берегов очень коварный и рыхлый, и с вероятностью 90%, прежде чем добраться до места назначения, я бы дрейфовал в море на какой-нибудь льдине и пережил бы то же, если не худшее, что Шварц и его спутники-туземцы испытали недалеко от устья реки Уда, о чём рассказывалось выше.

Наконец, 28 января прибыли тунгусы, которые после долгих переговоров согласились, что они довезут нас полпути до Охотска, а там, как они заверили нас, мы найдём богатого старого тунгуса, у которого много оленей, и который поможет нам добраться до самого Охотска. Но олени тунгусов были далеко в глубине материка, и нам пришлось смириться с ещё одной задержкой.

Тем временем мы предавались всем видам развлечений, которые были доступны. Здесь мы впервые прокатились на санях, запряжённых оленями, через залив Аян к скалам, в которых находится пещера глубиной около двухсот футов. Но наше долгое и близкое знакомство с этими животными не принесло в поездку новизны и даже несколько испортило впечатление от неё. Пещера не поразила нас ни красотой, ни размерами, и представляла собой большую трещину в скалах, образованную, очевидно, вулканической деятельностью много лет назад, и с тех пор подвергалась ударам волн, которые местами проделали в ней довольно глубокие полости.

Наконец, после девятнадцатидневной задержки, 5 февраля, тунгусский староста Роман Карамзин прибыл с радостным известием, что на следующий день наши олени будут на почтовой станции, расположенной в двадцати пяти верстах, до которой он любезно вызвался довезти нас на своих нартах.

Мы уже давно были готовы к путешествию. Наш щедрый друг господин Попов приготовил для нас в дорогу сухари. Это, вместе с чаем, сахаром и десятидневным запасом оленины, мы посчитали достаточным, так как мы рассчитывали пополнить запасы мяса в дороге. Мы сменили нашу меховую одежду на новую, и, купив две пары новых лыж, почувствовали себя в полной готовности.

Наше пребывание в Аяне было очень приятным благодаря нашим новым знакомым — господам Попову, Сильвестрову и другим, и, если бы не ценная помощь, которую мы получили от первого, мы, скорее всего, не смогли бы продолжить наши дальнейшие изыскания. Что касается нашей милой хозяйки и Николаевны, я никогда их не забуду; первую — из-за её добрых знаков внимания, а вторую — из-за одного из самых грандиозных поражений, которое один смертный когда-либо получал от другого.

На следующий день нам предстояло поужинать с каждым из наших друзей — это было непросто, поскольку со всеми визитами нужно было управиться за три часа, — но прощание было таким долгим, что уже давно солнце скрылось за горизонтом, когда мы обнялись в последний раз и возгласы прощальных пожеланий стихли за поворотом дороги.

Роскошные оттенки заходящего солнца быстро исчезали на западе, последние лучи осветили ледяную вершину горы Маяк, и вот уже одна за другой начали появляться звёзды, поначалу робко пряча свой блеск, словно неуверенные в своей силе, но вскоре осмелели, и вот уже всё небо засверкало мириадами сверкающих огоньков.

Стояла одна из тех ясных, холодных ночей, когда так тихо, что природа кажется заколдованной. Тишину не нарушал ни один звук, кроме хруста снега под копытами наших оленей. Света звёзд, отражавшегося от снега, было достаточно, чтобы мы могли отчётливо видеть дорогу, когда она шла по почтовому тракту, но там, где нависающие ветви лиственниц полностью закрывали небо, нашим каюрам требовалось неослабное внимание, чтобы не задевать стволы деревьев. Местами дорога огибала склоны небольших холмов и была такой гладкой и скользкой, что сани не опрокидывались только благодаря значительным усилиям каюров.

Успешно проехав несколько таких мест, я начал больше доверять своему каюру и снова уселся на нарту, чтобы спокойно наслаждаться поездкой. Олени были в добром здравии и, взбодрённые морозным воздухом, с трудом сдерживались, чтобы не пуститься во весь опор. Расслабившись в нартах, я в какой-то момент по наклону саней понял, что мы проезжаем очередной склон и едва успел ухватиться за борта нарты, как звёзды на мгновение погасли, заслонённые каким-то большим тёмным предметом, и что-то сдавило мне грудь. Через мгновение я обнаружил, что сани перевернулись и лежат на мне, а тёмный предмет, пролетевший надо мной — это мой каюр, который воткнулся головой в снег в пятнадцати футах ниже по склону и отчаянно пытается выбраться из сугроба.

Оказалось, что олени бежали слишком быстро, и в этом месте каюр прыгнул с саней и, ухватившись за луку, всем своим весом стал налегать на неё, чтобы остановить опрокидывание нарты. Но внезапно нижний полоз наткнулся на какое-то препятствие, и всё сооружение внезапно перевернулось, увлекая за собой тунгуса, который не успел отцепиться. К счастью, наши олени сразу остановились.

Как только мы убедились, что не пострадали, то от души рассмеялись, а поскольку это было единственным способом общения друг с другом, мы продолжали смеяться всю оставшуюся дорогу.

До сих пор из-за неровного и извилистого почтового тракта мы не могли развить максимальную скорость и испытать полное удовольствие от поездки на оленях; но, когда мы снова добрались до устья реки Уйки, перед нами на несколько миль пролегла длинная прямая дорога и идеально ровное пространство. Тут, словно желая оправдаться за наш кульбит, мой каюр громко закричал, и, ударив оленей остолом, пустил их во весь опор, причём лёгкие нарты, казалось, не представляли для них никакой помехи.

Это была самая приятная поездка, которую я когда-либо испытывал, лучше даже той, по гладкому льду реки Уда на собаках, когда они погнались за лисой. Представьте себя закутанным в тёплые меха, лежащим в удобных санях, запряжённых парой благородных оленей, да ещё в такую восхитительную ночь! Дорога была такой твёрдой и ровной, а полозья саней такими гладкими, что, хотя мы неслись быстро, как ветер, не чувствовалось никакого движения. Ничто, кроме быстрого стука оленьих копыт и проносящихся мимо тёмных стволов деревьев, не напоминало о нашем стремительном беге.

Наконец мы подъехали к станции, той самой, на которой ночевали, когда впервые вышли на почтовый тракт. Несмотря на удовольствие от

поездки, я искренне обрадовался свету фонарей, с которыми обитатели юрты встречали нас, ибо к этому времени мой чувствительный нос начал сдаваться перед морозом, а однообразное положение, в которое я лежал на нартах, сделало последние полчаса поездки очень утомительными.

Роман Карамзин, тунгусский староста, которому мы были обязаны нашей поездкой, был владельцем этой и нескольких других станций вдоль тракта, а также многих оленей, которые использовались на нём. Он нанимал семьи одноплеменников, чтобы они жили на станциях и присматривали за почтовыми оленями, платя им сущую мелочь, поскольку обязанностей у них почти никаких не было.

Оседлые тунгусы, которых мы до сих пор встречали, были намного ниже ростом своих кочевых соплеменников, и не обладали ни крепким телосложением, ни энергичным и независимым характером, ни чистоплотностью последних. Не то чтобы кто-то из них был очень чистоплотный, но «кочевники» настолько превосходили остальных в этом отношении, что имели право отнести это к числу своих достоинств. Все они были чрезвычайно гостеприимны, простодушны и миролюбивы; никто из них не отличался особой храбростью, и все были очень суеверны. Почти все они были крещены в православие и были очень строги в соблюдении обрядов своей новой религии; но, кроме основных понятий, они, кажется, не имели о ней ни малейшего представления. Их старые верования всё ещё были сильны, и, хотя они исповедовали христианство, я часто видел, как они делали подношения духам, которые, как они верили, обитают во всех больших горах и реках. Эти подношения часто состоят всего из нескольких крошек табака, но они считают, что духам важно не количество, что простое соблюдения уважения к ним. Многие из них, так же, как и наши американские индейцы, до сих пор верят в силу шаманов и в случае болезни чаще обращаются к ним, чем к русским врачам. Они восприняли русскую форму гражданского правления, своего вождя они называют «голова». Их территория разделена на районы, в каждом из которых руководит староста, а под ними есть ещё один уровень, называемый «старшина». Все они избираются большинством членов племени и обычно занимают свои должности при хорошем поведении или до тех пор, пока люди этого хотят.

Раньше ими правили князья из рода Карамзиных, от которых, как утверждают, ведут своё происхождение почти все местные жители, и эта фамилия встречается среди них чаще других. Карамзины гордятся своим «аристократическим» происхождением и всячески поддержи-



вают достоинство своей фамилии. Было довольно любопытно услышать, как они с презрением отзываются о тех, которые называли себя Карамзиными, не имея к ним никакого отношения.

Благодаря Роману юрта была в этот раз в гораздо лучшем состоянии, чем в предыдущий. Тогда всё было грязным и запущенным, хотя, возможно, это потому, что мы застали их врасплох. На этот раз всё было чисто и прибрано, земляной пол тщательно подметён, а наши спальные места устланы свежими хвойными ветками. В чувале весело потрескивал огонь и пели на разные голоса несколько закипающих медных чайников. Музыка, безусловно, обладает очарованием и оказывает магическое влияние и на человека, и на животных; но лучшие произведения Моцарта, Бетховена или любого другого великого композитора кажутся скучными по сравнению с этим тонким посвистыванием чайника, которое слышат замёрзшие и уставшие путешественники.

Как обычно, пока готовился ужин, мы пили чай, и к нам присоединился Роман. Зная пристрастие местных жителей к этому напитку, мы приготовили его побольше и пили, рассевшись вокруг грубо сколоченного стола, исполняя роли и хозяев, и гостей одновременно, что было весьма обычно в таких случаях.

Мы намеревались выпить как можно больше, чтобы не отставать от Романа, но мой небольшой опыт позволил мне одолеть всего семь чашек среднего размера. Махуд превзошёл меня всего на одну чашку и тоже сдался. Мы просили Романа не стесняться и продолжать, извиняясь за то, что по неопытности мешаем ему; он продолжил и опустошил ещё семь чашек, пока, наконец не перевернул свою чашку — что означало «достаточно» и конец чаепития. Но даже тогда он, нам показалось, сделал это неохотно.

Наши олени и проводники уже прибыли. Это были два молодых отпрыска семейства Карамзиных, довольно смышлёного вида. Поскольку путешествие обещало быть очень трудным, а для прокладывания тропы в глубоком снегу нужно было несколько раз проходить её на лыжах, они специально наняли для этого ещё одного тунгуса, который прибыл с двумя своими оленями. Этот последний был странным, очень молчаливым и послушным своим хозяевам, которые время от времени обрушивали свой «аристократизм» на его скромную лохматую голову, которую он вряд ли когда расчёсывал. Его длинные волосы торчали во все стороны, как змеи, поэтому мы сразу же прозвали его Медузой.

Мы намеревались вернуться по почтовому тракту на несколько вёрст назад, поближе к Аяну, и выбрать более лёгкий путь к устью реки

Алдома, лежащей на нашем пути, но тунгус, которого отправили проверить эту часть маршрута, вернувшись, сообщил о полном отсутствии в этом местности корма для оленей, и нам пришлось последовать гораздо более трудным путём.

Утром в день нашего отъезда, 7 февраля, дул сильный северный ветер. Это, однако, не помешало нам тронуться в путь, хотя мы покинули станцию только в 10:30 из-за того, что несколько оленей убежали обратно к местам кормления, расположенным примерно в двух милях от нас.

Взяв курс на север, мы около четырёх вёрст шли с постепенным подъёмом навстречу ветру и оказались перед крутым скалистым гребнем, пересекающим наш маршрут. Подъём был очень трудным из-за гладких подмёток у наших торбасов и сильного ветра, но на вершине идти стало намного легче, так как снега там не было. Оттуда мы спустились к довольно крупному притоку реки Алдома, который наши проводники называли Эфше<sup>1</sup>, и достигли его примерно в десяти верстах ниже почтовой станции, построенной на его берегу.

Пройдя несколько вёрст по течению Эфше, мы направились от него на северо-восток, вверх по другому небольшому притоку, истока которого достигли в 4 часа дня, и, найдя хороший корм для оленей, разбили лагерь на ночь, разведя большой костёр и разложив на снегу ветки, чтобы спать на них. Большую часть пути снег был глубоким и рыхлым, а погода — довольно мягкой, термометр весь день показывал  $-20^{\circ}$ .

Наши туземцы, по-видимому, воспринимали наше путешествие как нечто необычное, судя по ритуалу, который они все проделали в то утро, когда отправлялись в путь. Подойдя к образам в углу юрты, они простёрлись ниц перед ними и некоторое время кланялись и бормотали молитвы, прося у святых покровительства во время долгого и опасного путешествия, которое им предстояло совершить. Затем каждый взял из угла маленькие распятия, которые они там перед этим повесили и надели их себе на шею. Ночью они развесили их на ветвях большой ели возле нашего костра и повторили молебен.

Вопреки нашим ожиданиям, первая ночь в лагере после нашего долгого перерыва в ночёвках на свежем воздухе всем понравилась, и мы проснулись хорошо отдохнувшими.

---

<sup>1</sup> Этот приток Алдомы, по всей видимости, — река Змейка, а Эфше (в тексте: Ephshe) — её старое эвенкийское название. — *прим. перев.*

Покинув лагерь в 8:30 утра, мы продолжили путь, все на лыжах, на северо-восток вниз по реке Мукучи, у истока которой мы разбили лагерь накануне вечером, и, хотя снег был глубоким и рыхлым, с помощью Медузы и его оленей мы очень хорошо продвинулись за день.

Прокладывать для нас путь было для Медузы не таким трудным, как для Дианы во время нашего предыдущего маршрута. Один из его оленей был приучен к такой работе, и там, где местность была открытой, нужно было только привязать к животному длинный ремень, чтобы направлять его, и олень без колебаний бросался в глубокий снег и энергично проделывал в нём проход для следующих за ним оленей с грузом. Управлять им можно было, не слезая с седла, и мы все очень сочувствовали бедному животному из-за его бескорыстных усилий, и, когда наши лыжи могли хоть как-то помочь, сменяли его и сами шли впереди.

В 11 часов утра мы наткнулись на старый след собачьей упряжки, вероятно, направлявшейся к устью Алдомы за тюленьим мясом, которое является единственной пищей для собак, которую можно было достать этой зимой. По этим следам мы проследовали вниз по реке Мукучи до Алдомы (ширина последнего в месте слияния достигает двухсот футов), а затем вдоль Алдомы в северном направлении до 4 часов дня, после чего поднялись на длинный холм неправильной формы на западном берегу реки, где надеялись найти корм для оленей, но оказалось, что там прошёл пожар, и олений мох был уничтожен на большой площади.

Без корма для оленей разбивать лагерь было бессмысленно, поэтому были вынуждены идти до семи часов вечера. Последний час нам пришлось пробираться уже ощупью в темноте, часто спотыкаясь о обугленные пни и брёвна, и мы не смогли найти корма, пока не переправились на западный берег реки Иркани. Этот ручей, как рассказали нам гиды, является притоком другой, названной ими Танчи, которая, в свою очередь, впадает в Алдому. Ночью было ветрено, но не холодно, термометр показывал  $-13^{\circ}$ .

9 февраля было всё ещё тепло, и тёмные тучи над головой заставили нас ожидать снежной бури, но ночью снова было ясно. Мы покинули лагерь только в 10 часов утра, так как Василий, один из проводников, сказал, что в тот день мы не сможем пройти больше двадцати пяти вёрст из-за отсутствия корма для оленей на большем расстоянии.

Перевалив через невысокий хребет, мы достигли Танчи выше устья Иркани. Эта речка имеет здесь около двухсот футов в ширину и течёт по прямой линии на юго-юго-восток. Снега в этом месте было меньше фута глубиной, вероятно, из-за хребтов, прикрывающих долину от ветра. Мы продвигались вверх по Танчи до 15:30 и достигли устья притока под

названием Улайкан, текущего с северо-востока; оттуда вверх по Улайкану четыре-пять вёрст до предполагаемого места кормёжки; но с того времени, как Василий был здесь несколько лет назад, пожар побывал и в этом районе, и только после долгих поисков мы нашли подходящее место для лагеря.

Почти все долины в этой местности некоторое время назад были охвачены сильными пожарами, причины которых туземцам неизвестны, и там, где бушевал огонь, долгое время оставалось очень мало корма для оленей.

В Аяне мне рассказывали, что на реке Танчи было найдено золото, но в столь малых количествах, что добывать его было невыгодно. Летом до всех этих рек можно добраться по морю, и большинство из них пригодны для плавания на вельботах и лодках.

На следующее утро, 10 февраля, мы отправились в путь в 8 утра и продолжали подниматься по Улайкану до его истока, а затем пересекли высокий горный хребет и оказались в верховьях притока реки Качи. Эта река течёт сперва на север, а затем впадает в Улкан, которой течёт на восток и впадает в Охотское море.

Подъем на тот хребет был таким пологим, а снег таким твёрдым, что мы без особых трудностей добрались до вершины, после чего встали на лыжи и, оставив наших оленей с Иваном и проводниками, спустились по крутому склону, подолгу скользя без остановок и особых усилий, кроме как для сохранения равновесия.. В полумиле ниже вершины мы оказались в лесу, и в 4 часа дня обнаружили остатки старой хижины. Рядом, между двумя деревьями, была натянута верёвка, с привязанными на ней лоскутками ткани и оленьей кожи, некоторые из которых, судя по их внешнему виду, висели там очень долго. Мы не могли понять их назначения, пока не прибыли наши проводники и не сказали, что это подношения, сделанные охотниками духу горы, с которой мы только что спустились. Обычно, рассказали они нам, эту гору очень трудно преодолеть, и охотники, либо собираясь пересечь её, либо только что совершив переход, делают здесь подношения, чтобы умиловить духа, или в знак благодарности за благополучный переход. К тому времени, как прибыли проводники, мы уже отвязали верёвку с лоскутками от деревьев, чтобы показать им и расспросить о их назначении, но они сочли это ужасным святотатством и страшно волновались до тех пор, пока мы не вернули всё на место. Затем, чтобы окончательно успокоить их, Махуд привязал туда ещё обрывок от своих старых красных трусов, которые, наверное, теперь будут там болтаться много лет. Утром температура была немного ниже нуля, но к ночи опустилась до  $-28$  градусов.

11 февраля. — Некоторые люди говорят, что выше пятидесятой параллели не бывает воскресений, и в нашем случае это, кажется, так и есть. Дни проходят один за другим, и, если бы не наши записные книжки и дневники, мы бы скоро перестали замечать, чем они отличаются друг от друга — так мало разницы между вчера, сегодня и завтра. Сегодня мы продолжили путь до Качи, а затем вдоль неё в направлении 70° (северо-восток) до 12:30 дня, после чего поднялись по одному из притоков Качи, текущему с северо-запада.

Снег был очень глубоким и рыхлым, особенно на этом последнем ручье, и передвигаться было чрезвычайно тяжело, настолько, что олени от усталости едва волочили ноги. Нам самим было не лучше из-за того, что мы весь день шли на лыжах. Кроме того, возобновились боли в лодыжке, которую я растянул на реке Киран; всё это сделали скорый привал очень желанным, и уже к четырём часам дня мы снова расположились в нашей уютной палатке. В течение дня столбик термометра колебался от  $-20^{\circ}$  до  $-28^{\circ}$ .

Вблизи этого места Джугджурский хребет выходит на побережье, высокий и труднодоступный, но его необходимо пересечь, чтобы достичь некоторых притоков великой Лены.

Готовясь к этому, мы предвидели большие трудности и с нетерпением следили за каждым изменением температуры и облачности, опасаясь, как бы не появились какие-нибудь признаки шторма; но утро 12 февраля выдалось ясным и тёплым, а термометр показывал всего  $-22^{\circ}$ . Мы все радостно надели лыжи, чтобы ещё раз пройтись по глубокому мягкому снегу, который так измучил нас накануне, и вышли из лагеря в 8 утра в приподнятом настроении от того, что выдался такой прекрасный день. Путешествие, однако, оказалось мучительным в худшем смысле этого слова, так как мы шли по руслу узкого извилистого ручья, заваленного крупными шаткими валунами, покрытыми неглубоким свежим снегом. И мы, и олени постоянно спотыкались о них, рискуя не только получить травмы, но и переломать ноги. В конце концов нам пришлось пойти по берегу, который тоже был не очень ровным и представляли собой череду крутых гребней и глубоких расселин поперёк нашего пути. Вдобавок к этим трудностям, под снегом скрывалось месиво из кривых сучковатых стволов и ветвей кедрового стланика, о которой я уже писал. Это досаждало, пожалуй, ещё больше, чем валуны в ручье; но, к счастью, пройдя несколько вёрст, мы вышли из леса и оказались у подножия главного хребта, где наст был достаточно твёрдым, чтобы выдержать наш вес.

От Качи мы постоянно поднимались вверх по её притоку и были уже на значительной высоте. В ущелье, в котором течёт ручей, подъём был очень плавным, а снег с прочным настом покрыл все неровности, сделав дорогу ровной и твёрдой, за исключением нескольких мест, где со склонов ущелья сошли лавины и завалили его огромными снежными глыбами. По ущелью дул пронизывающий ветер, неся нам в лицо тучи снега, но это только напоминало нам о том, с какими трудностями мы бы столкнулись, если бы день был менее благоприятным. Оказавшись на вершине хребта, мы постояли на снегу, который, превратившись в воду, в конечном итоге окажется в Охотское море, а уже через двадцать шагов были на снегу, который, пропутешествовав тысячи миль по обширным равнинам Сибири, в конце концов найдёт свой путь к вечным льдам Арктики. Со всех сторон вокруг нас возвышались горные вершины, но в целом хребет здесь был менее изрезанным, чем в районе Аяна.

Спускались мы по пологому западному склону очень быстро, несмотря на мягкий и глубокий снег. Местность очень отличалась от той, что лежала к востоку от хребта. Вместо глубоких, узких ущелий здесь были широкие, неглубокие котловины, равномерно покрытые лиственным лесом.

Мы прошли около двенадцати вёрст на северо-запад и пересекли небольшое замёрзшее озеро или болото. От него, следуя курсом 20° (северо-северо-восток) около шести вёрст, мы добрались до другого озера или болота шириной около двух миль<sup>1</sup>. От него мы прошли на северо-восток-восток (65°) до 16:30 и разбили лагерь на берегу речки под названием Малтан, которая петляет по широкой равнине, где почти весь лес был сожжён сильным пожаром. Везде из-под снега, который был не более фута в глубину, торчали чёрные обугленные пни. Теперь, впервые после Алгазеи, мы могли смотреть поверх суши на горизонт, не заслоняемый горными хребтами. На севере и западе в тусклых сумерках виднелась бескрайняя равнина.

15 февраля. — Прошлой ночью, когда мы разбивали лагерь, горизонт был слегка затянут туманом, и мы не заметили поблизости никаких гор, но сегодня утром сквозь дымку мы разглядели высоко в небе несколько светлых полос, которые мы определили, как гребень какой-то горной вершины, освещённой солнцем. Она находилась примерно в двадцати пяти верстах в направлении на северо-северо-восток (20°). Поскольку наши проводники не знали её названия, мы называли её горой Балкли<sup>2</sup>, в

---

<sup>1</sup> Таких больших озёр (>3 км) в этих местах нет. Скорее всего, это тоже было болото или обширная наледь. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Это гора Нерури высотой 1606 метров. — *прим. перев.*

честь главного инженера нашей экспедиции. Некоторое время она казалась отдельной вершиной, но когда туман рассеялся, мы обнаружили, что это восточная оконечность высокого хребта, тянущегося на запад и образующего северную границу большой котловины, по которой мы двигались с тех пор, как перевалили через Джугджур. Значительную часть этой котловины занимает бассейн Малтана. Река извивается между невысокими холмами примерно в четырёх верстах к востоку от горы Балкли, после чего её общее направление становится северным, хотя в некоторых местах она течёт прямо на юг. В конце концов она впадает в Северный Уй, последний — в Маю, Мая — в Алдан, а тот — в Лену, согласно сведений от наших проводников. Они также рассказали, что другая река, называемая Улкан, берёт своё начало в этих же местах, но течёт на восток среди отрогов Джугджура и впадает в Охотское море.

Василий, один из проводников, сказал нам, что мы найдём старого тунгуса, у которого сможем раздобыть свежего мяса, на Малтане, в шестидесяти верстах — в том направлении, куда мы направлялись. Желая добраться до этого места засветло, мы отправились в путь пораньше и весь день ехали по замёрзшему, покрытому твёрдым снегом ручью. Дорога было настолько хорошей, что мы смогли часть пути пустить наших оленей рысью, что нарушило обычную монотонность путешествия. По мере того как мы продвигались на север, олени становились всё более активными и энергичными, а иногда даже довольно агрессивными. Вероятно, это было связано с их бóльшим числом и, следовательно, сравнительно малой нагрузкой. Те немногие, которые были у нас в районе Удского, не выдержали тягот путешествия и погибли или были забиты, или брошены.

Утром мы наблюдали удивительное проявление непокорного нрава одного из оленей. Медуза ехал верхом на большом белом животном. Устав от постоянных ударов посоха своего наездника, который принуждал его двигаться быстрее, животное заупрямилось и вообще отказалось идти. Медуза разозлился и огрел оленя посохом между рогов, за что мгновенно был сброшен в сугроб. Он снова вскочил на спину оленя и опять был сброшен ударом его задней ноги, но продолжал держаться за повод. Третья попытка закончилась с тем же результатом и, убедившись, что ехать верхом не получится, Медуза жестоко избил животное и пошёл впереди него пешком, ведя его на поводу. Зверь покорно последовал за ним в двух шагах, и вдруг затем, опустив голову, бросился вперёд и боднул Медузу ниже поясицы с такой силой, что тот с головой зарылся в снег. Изумление, отразившееся на его залепленной снегом

физиономии, когда он поднялся, было такое, и, несмотря на сочувствие бедняге, мы не могли сдержать смеха.

В конце концов ночь настигла нас прежде, чем мы смогли добраться до юрты, хотя мы прошли вверх по течению около шестидесяти вёрст, следуя всем изгибам ручья, и мы бы продолжали путь в темноте, если бы два наших оленя совсем не выбились из сил.

## ГЛАВА XIX

С тех пор как мы отправились в это зимнее путешествие по дикому, почти необитаемому краю, мы часто задумывались о том, какой катастрофой было бы, если бы кто-нибудь из нас серьёзно заболел или произошёл какой-нибудь несчастный случай. Такого рода путешествия чрезвычайно сложны даже для человека, находящегося в полном здравии и бодром духом, то каково же это будет для человека со сломанной конечностью или беспомощного из-за болезни? Ни дорог, ни медицинской помощи, жестокие холода и труднопроходимые горы — одна мысль об этом заставляет содрогнуться!

В наших разговорах на эту тему мы приняли единственный план, которого решили придерживаться в случае такой чрезвычайной ситуации. Запас провизии, в котором мы были ограничены с самого начала, не позволил бы нам задержаться в пути надолго, и нашим планом было предусмотрено соорудить некие носилки, которые могли бы нести два оленя, идущие друг за другом. Но на крутых обледенелых горных склонах, на которых и люди, и олени постоянно поскользываются; или густого леса или стланика, скрытого под снегом; или подъёма по неровному, усеянному валунами руслу замёрзшего ручья, скорее всего, были бы предпочтительны обычные ручные носилки. Мы не взяли с собой многих лекарств, отчасти из-за того, что были ограничены по весу груза, отчасти из-за незнания как их применять, но главным образом из-за нашего крепкого телосложения и непоколебимой уверенности в благотворном воздействии чистого холодного воздуха и энергичных физических упражнений. Мы строго придерживались правила раздеваться перед сном до нижнего белья, а утром и вечером умываться снегом, независимо от температуры. Этому мы, вероятно, были обязаны тем, что легко переносили холод; и хотя я спал в нашей лёгкой брезентовой палатке или на открытом воздухе без огня, укрывшись лишь одним одеялом из кроличьих шкурок, я не помню, чтобы когда-нибудь страдал ночью от холода, за исключением пары случаев, когда, проснувшись, обнаруживал, что обморозил себе нос.



Несмотря на обилие свежего воздуха и энергичные упражнения, последние два дня я испытывал определённые неудобства из-за сильной простуды, а утром 14 февраля проснулся с мучительной головной болью, которую, однако, приписал отчасти густому дыму, которым наполнилась наша палатка прошлым вечером, когда готовился ужин. Я хорошенько растёр лицо и руки снегом, и мне немного полегчало, и к 8 часам утра мы снова были в пути, наполняя лёгкие освежающим холодным воздухом при температуре  $-29^{\circ}$ .

Вскоре мы снова встретили наших старых друзей — белых куропа-ток, которых не видели с самого Аяна, а на одной из излучин реки вспугнули нескольких крупных тетеревов, каких мы видели осенью вблизи Тугура. Они поднялись из снега, в котором прятались от холода, и с шумом улетели в лес прежде, чем мы успели выхватить ружья. Вообще местность здесь буквально кишела куропатками.

Через полтора часа мы добрались до места, где на восточном берегу реки недавно паслось множество оленей. Весь снег под деревьями был разрыт копытами этих животных в поисках мха, но самих их не было видно.

Ещё через полчаса мы вышли к юрте старого тунгуса, который оказался братом старого Ефрема, охотника на медведей, которого мы видели на реке Нангтар. Юрта его расположена примерно в двадцати верстах по прямой к югу от горы Балкли и в двух днях пути — примерно в восьмидесяти верстах — выше впадения Малтана в Северный Уй<sup>1</sup>. В юрте был ещё один старый тунгус, который слыл очень богатым, а также пожилая женщина и двое мальчиков; они оказали нам самый радужный приём, сопровождавшийся настойчивыми просьбами остаться до следующего дня. Наши олени были сильно утомлены вчерашним переходом, и, чтобы дать им отдохнуть, мы с готовностью приняли приглашение.

Вскоре мы наслаждались вкуснейшим мясом, какое я не пробовал уже много дней, — мясом молодого оленя, таким жирным, сочным и нежным, что в любом другом климате, кроме холодного, мы бы вряд ли стали его есть, но здесь оно было выше всяких похвал, а в сочетании с прекрасным чаем и оленьими языками являлось угощением, которое оценили бы самым привередливые гурманы.

В ответ на наши расспросы о том, сколько оленей у старика, он ответил, что «не знает, он не умеет считать так долго». С осени он потерял

---

<sup>1</sup> Автор, очевидно, ошибается в оценке расстояний, т.к. от «горы Балкли» (Нерури) до устья Малтана всего 9 вёрст. Соответственно, юрта должна находиться на расстоянии  $9+20=29$  вёрст от устья Малтана, а не 80 вёрст (2 дня пути), как утверждает автор. — *прим. перев.*

более сотни оленей, которые были задраны волками или убежали с дикими оленями, но были частично возмещены тем, с того же времени он подстрелил двадцать пять диких оленей, пасшихся среди его стада. Он уверял нас, что беден по сравнению с некоторыми другими, у которых такие многочисленные стада, что они даже не пытаются за ними уследить. Оленя, который в Удском стоил бы тридцать рублей, здесь можно купить за маленькую бутылочку водки.

Удивительно, как все люди во всех странах мира подвержены страсти к крепким напиткам. Это самое мощное оружие Сатаны и его эмиссаров для свершения зла на Земле. Страсть эта заставляет подвластным ей расстаться со всем, что у них есть, едва ли не за исключением жизни, хотя думаю, что злодейское зелье стоило многим и их жизни.



Самострел на медведя

Охота на медведей была, по-видимому, любимым занятием не только Ефрема, но и его брата, судя по шкурам и медвежьим копьям, которые валялись повсюду. Эти последние были изготовлены якутами и

свидетельствовали о мастерстве и вкусе в изготовлении подобных вещей, которые сделали бы честь нашим ремесленникам. Обоюдоострые лезвия имеют длину около десяти дюймов и инкрустированы красивым орнаментом в виде завитков и узоров из латуни и меди. Копье, однако, используется редко, только в случаях, когда нужно добить животное, попавшее в ловушку или раненое.

Эти люди используют два вида ловушек. Одна из них представляет собой треугольный загон, сооружённый из толстых брёвен; одна сторона оставлена открытой, но крыша, поддерживаемая спусковыми устройствами, чем-то напоминающими цифру 4, устроена так, что при падении она запирает эту сторону, и косолапый оказывается во власти своих врагов. Другая — это просто мощный лук, прикреплённый к стволу дерева или раздвоенному столбику на обочине медвежьей тропы; тетива, натянутая поперёк тропинки и прикреплённая к спусковому крючку, закреплена таким образом, что в тот момент, когда нога медведя задевает за неё, тетива освобождается, и длинная стрела вонзается в бок животного. Но иногда это не мешает животному, пока остаются силы, двигаться дальше. Порой медведь проходит несколько миль, прежде чем упасть, а нередко и вовсе остаётся жив. Такие самострелы также используются для горных баранов и диких северных оленей, хотя для последних достаточно простой петли, подвешенной над тропой, так как их рога почти наверняка запутаются в ней.

Утро 15-го было довольно холодным,  $-32^{\circ}$ . Отдых никак не сказался на моей простуде, и, отправляясь в путь, я с большим трудом оседлал своего оленя из-за сильной головной боли с лихорадкой. Даже лёгкие толчки от ходьбы животного, делали езду верхом почти невыносимой пыткой. Поэтому я старался идти пешком там, где это было возможно. Снег был глубокий, и идти было трудно, но через несколько километров мы наткнулись на старую тропу, ведущую в нужном нам направлении, что значительно облегчило наше продвижение. Мы шли на север вверх по небольшому притоку Северного Уя и, достигнув его истока в два часа дня, пересекли невысокий хребет и подошли к истоку другой речки, которую Василий назвал Налбондя.

С вершины хребта нам открывался вид на местность, по которой мы двигались от горы Балкли, вершина которой теперь отчётливо виднелась далеко на юге. В 16:30 мы разбили лагерь на Налбонде, пройдя за день около двадцати пяти миль. Тропа, по которой мы шли, была проложена богатым старым тунгусом, когда он искал своих оленей.

Ночь прошла для меня мучительно, но, поскольку я не хотел признавать себя больным и очень надеялся преодолеть недомогание, на следующее утро мы продолжили путь, как обычно. Переход был очень утомительным, но ближе к вечеру я чувствовал себя гораздо лучше. Мы продолжили наш путь на север, вниз по Налбонде, по-прежнему следуя тунгусской тропой, но вскоре недалеко от лагеря следы прервались, и мы снова были вынуждены прокладывать себе дорогу.

Ещё через несколько вёрст мы вышли на обширное замёрзшее болото, на котором дул пронизывающий западный ветер, несущий тучи мелких снежинок. Дважды во время перехода у меня замерзал нос, но каждый раз я быстро восстанавливал его, потеряв снегом. В этом месте Налбонда поворачивает строго на запад<sup>1</sup> и течёт вёрст десять между невысокими холмами, после чего впадает в речку под названием Тотта.

В час дня мы вышли на берег реки Тотта в том месте, где недавно стоял тунгусский чум. Каркас всё ещё стоял, а рядом на высоких шестах висели куски оленьего мяса и кухонная утварь, говорящие о том, что люди покинули это место лишь на время. Рядом валялись две мёртвые вороны и как бы служили напоминанием о том, какая участь ожидает того, кто посмеет покуситься на запасы мяса. Это место, по-видимому, было долговременным стойбищем какой-то семьи, поскольку поперёк реки тянулись две плетёные изгороди, в которой было несколько промежутков для установки рыбных ловушек, подобных тем, что мы видели у Соловьёва на реке Ал.

Переправившись через Тотту, мы начали подъем на длинный низкий гребень, но продвигались довольно медленно из-за глубокого снега и на половине подъёма наткнулись на хорошую тропу, идущую откуда-то от реки.

С реки этот хребет казался совершенно безлесым, но, оказавшись на нём, мы обнаружили, что он покрыт густой порослью низкорослых елей, которые были скрыты под таким толстым слоем снега, что даже на небольшом расстоянии их было не разглядеть. Мы перевалили через хребет как раз в тот момент, когда солнце опускалось в янтарного цвета небосклон на юго-западе, и я никогда не видел более чарующего зрелища. Вершина хребта сияла золотом в прощальных лучах заходящего солнца на фоне ярко-синего восточного неба, в то время как нижняя часть была погруженная в холодные пепельные тона надвигающейся

---

<sup>1</sup> Судя по карте, Налбонда в нижнем течении, до впадения в Тотту, называется Нельбачан. — *прим. перев.*

темноты. Термометр показывал  $-28.5^{\circ}$ , воздух был наполнен кристалликами льда, золотистой дымкой искрящимися в лучах солнца на фоне сумеречного пейзажа.

С хребта мы спустились в долину Омтаги, где в 16:15 разбили лагерь. До этого у меня, к моему большому огорчению, в третий раз за день замёрз нос. Василию удалось подстрелить трёх белок того же вида, который мы видели ранее; шкурки он продаст купцам.

Одной из главных особенностей северного оленя, о которой я считаю уместным упомянуть, поскольку это одна из самых странных черт этого малоизученного животного, является его чрезвычайное влечение к человеческой моче. Её запах приводит их в совершенное безумие, они бросаются на него, позабыв всё на свете. За этим неизменно следует всеобщая драка с ударами копытами и треском рогов, а человеку приходится убегать, а то и отбиваться какой-нибудь дубинкой. Тунгусы часто пользуются этим, чтобы поймать животное, которое отбилося от каравана и не хочет возвращаться: человеку достаточно просто сделать вид, что он мочится, как олень побежит к нему.

На следующее утро в 8 часов термометр показывал  $-35^{\circ}$ . Я часто замечал, что во время восхода или захода солнца становится холоднее, чем в любое другое время суток.

В северо-восточном направлении от лагеря выступал над горизонтом пик, названный нашими проводниками Меньигун<sup>1</sup>, от которого в северном направлении отходил низкий хребет, в котором берет своё начало небольшой приток реки Омтаги; мы проследовали до его истока, продолжая вчерашний маршрут. В одном месте мы наткнулись на совершенно свежий след каравана оленей, ведущий на юг, что сначала немного встревожило нас, так как мы опасались, что это может быть отряд, посланный из Охотска на наши поиски. Но вскоре после этого мы наткнулись на их оставленный лагерь, по виду которого мы поняли, что это туземцы. Кроме того, в караване было много оленей без груза, что убедило нас в том, что он не был рассчитан на длительное путешествие.

Перевалив через гребень примерно в двух верстах к северу от горы Меньигун, мы спустились в долину небольшого притока<sup>2</sup> реки Нёт, по которому следовали в северном направлении до его устья, а затем направились на северо-восток вверх по Нёту, встречая по пути множество старых стоянок.

---

<sup>1</sup> Меньигун высотой 1471 м. (57.907734, 137.665721) или немного выше соседняя, 5 км. севернее, г. Исполин 1567 м. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Этот приток Нёта, очевидно — ручей Северный. — *прим. перев.*

Около 4 часов Василий удивил нас сообщением, что ещё до наступления ночи мы доберёмся до того старика-тунгуса, до которой он обещал нас довести. Мы ожидали этого только на следующий день, но найденные нами старые тропы значительно сократили путь. И теперь у нас была широкая, хорошо протоптанная дорога на следующие десять километров, наши олени двигались по ней быстрой рысью, как будто зная, что их путешествие почти закончено. Снег по обе стороны маршрута на многие мили был изрыт копытами этих животных, что указывало на близость очень большого стада. С наступлением темноты мы добрались до юрты, похожей на ту, которую покинули три дня назад, но обнаружили, что она пуста. Однако мы были уверены, что семья не могла быть очень далеко, поэтому расположились в ней на ночь. Днём было несколько теплее, чем утром,  $-30^{\circ}$ .

Утро 18-го было ещё холоднее, чем накануне,  $-36^{\circ}$ . Выбрав тропу, которой, по-видимому, пользовались совсем недавно, мы продолжили наше путешествие вверх по Нёту быстрой рысью, но не проехали и семи вёрст, как наткнулись на пару чумов, разбитых на склоне невысокого безлесого холма. Лай собак разбудил обитателей стойбища, и через минуту нас окружила пёстрая толпа мужчин, женщин, детей, собак и оленей, которым было любопытно узнать, кто мы такие. Они уже кое-что слышали о нас, так как за шесть дней до этого через стойбище в Нелькан проследовал казак в сопровождении туземца с депешами для нас от майора Абазы, который прибыл в Охотск незадолго до этого. Больше нам ничего не удалось узнать. К сожалению, мы разминулись с ними, так как пошли разными путями.

Туземцы были очень гостеприимны, но нам не терпелось добраться до старика старосты, чум которого был всего в трёх верстах далее, поэтому мы извинились и уже через полчаса быстрой езды прибыли на место. Здесь было четыре чума и соответствующее количество туземцев, собак и оленей, но староста, как нам сказали, жил отсюда в четырёх днях пути. Однако двое его сыновей пригласили нас к себе и пообещали, что доставят нас до чума их отца. Поскольку надо было ждать до следующего утра, мы согласились переночевать у них.

Эти тунгусы живут в жилищах, несколько отличающихся от тех, что используют южнее Аяна. Они также имеет коническую форму и покрыты шкурами, но установлены на цилиндрическом основании примерно в четыре фута высотой, также покрытом шкурами<sup>1</sup>. Они гораздо вместительнее и удобнее, но их не так легко и быстро соорудить. В центре жилища, в котором мы остановились, находился огромный медный

---

<sup>1</sup> Такие жилища называются ярангами. — прим. перев.

котёл, в котором можно было приготовить целого оленя. Размеры его говорили о подлинном гостеприимстве хозяев. Конечно, обитателям яранги такой большой котёл только для себя был не нужен, из чего мы сделали вывод, что гостей, как правило, бывает достаточно, чтобы им такой понадобился.

Эти богатые старые тунгусы, несмотря на грубый нрав и не слишком приятные привычки и одежду, являются образцом гостеприимства. Ни один человек никогда не выходил из их палатки с пустым желудком, и никто никогда не входил в неё без того, чтобы его не заставили поесть и оставить на ночлег. Не успели мы разгрузить оленей, как Егор, наш хозяин, зарезал одного из самых жирных животных в своём стаде, и вскоре яранга наполнилась восхитительным запахом сочного нежного мяса, варившегося в большом котле.

Мы замечательно поужинали вместе с хозяином, но удовольствие от еды было ничто по сравнению с тем, что мы испытали, наблюдая, как тунгусы расправляются с огромной кучей мяса, разложенной перед ними на больших деревянных блюдах. Ножи были их единственными столовыми приборами. Каждый из них, взяв по огромному куску оленины, помещал в рот столько, сколько мог, а затем ловким движением ножа снизу вверх отрезал мясо у самых губ, так что лезвие едва ли не касалось кончика носа. Маленькие дети обращались с ножами не хуже взрослых, и, хотя я постоянно боялся, что кому-нибудь отрежет себе нос, котёл был опустошён без единого происшествия.

Тунгусские женщины, в большинстве своём, внешне далеко не привлекательны; на самом деле, я не могу представить себе людей с более уродливыми лицами. У многих скулы занимают большую часть лица, а глаза представляют собой просто узкие щёлочки, из которых смотрят два маленьких бесстрастных чёрных шарика. Так же, как и мужчины, они, за редким исключением, почти не обладают интеллектом, о чём свидетельствуют их низкие, узкие и скошенные лбы. Но чувства их очень сильны, а их добрые сердца с лихвой компенсируют многие из их умственных недостатков.

Увидеть красивую тунгусскую девушку или женщину было примечательным событием в наших путешествиях — настолько, что мы никогда не забывали отмечать это в наших дневниках. Насколько бы необычно это ни казалось, но войдя в ярангу, мы оказались лицом к лицу с двумя красавицами — прекрасными оазисами в пустыне уродства, которая их окружала. Их ясные, полупрозрачные смуглые лица, румяные щеки, большие выразительные глаза и безупречные зубы украсили бы любую женщину; вероятно, именно этим объяснялись столь многочисленные



гости, которых принимал их отец. Все их черты были чисто монголоидными, но их было достаточно, чтобы придать их красоте дикое первозданное очарование. Их одежда соответствовала их достатку, а они были богатыми наследниками и происходили из хороших семей. Их наряд составляли новенькие щеголеватые кафтаны прямого кроя из пятнистых оленьих шкур, а ноги были обуты в красивейшие меховые сапожки; их голенища, а также маленькие переднички и другие детали одежды были украшены затейливыми узорами из бисера. В дополнение к большим серебряным кольцам в ушах и на пальцах они обычно носили на шее широкие серебряные ошейники с красивой гравировкой, каких мы раньше не видели. Но, — увы! — всему земному есть конец, и я обнаружил, что очарование, которому моя впечатлительная натура слегка поддавалась при первом взгляде на этих красавиц, тоже закончилось, когда всех пригласили к ужину и они первыми оказались у блюд с мясом, и более искусного обращения с ножами и быстрого уничтожения съестных припасов я никогда не видел.

Здесь мы расстались с нашими проводниками, которые заявили, что выполнили своё соглашение и довели нас до половины пути, но Егор сказал, что нам потребуется ещё двадцать дней, чтобы добраться до Охотска. Если это так, то это значило, что Василий нас обманул; но он был настолько честен с нами во всех других отношениях, что мы предпочли отнестись к этому как к нечаянной ошибке, а не преднамеренному обману.

Мы отправились в путь на следующее утро, 19 февраля, при температуре  $-38^{\circ}$ , со свежими оленями и по хорошо проторённой тропе. Егор и старый тунгус, который всю дорогу стонал от желудочных колик, сопровождали нас в качестве проводников. Поднявшись на несколько вёрст по Нёту, мы пересекли его и до темноты двигались на север, пока не достигли стойбища с двумя семьями. С одной из них мы вполне комфортно провели ночь, несмотря на неприятный запах, слепящий дым и постоянные стоны нашего бедного старого проводника.

На следующее утро было намного теплее,  $-29$  градусов. Выйдя из лагеря, мы перевалили через невысокий поросший лесом хребет и спустились в долину Маямкана, притока Нёта. Переправившись через замёрзшее озеро, образовавшееся в результате разлива Маямкана, мы несколько вёрст шли по выжженной земле, а затем, перевалив через другой хребет, спустились к Иникану, притоку Май.

Перейдя через Иникан, мы поднялись ещё на один хребет, достигнув его вершины в 3 часа дня. Здесь были хорошие места для кормления, и наши проводники решили разбить лагерь здесь, так как на протяжении



следующих пятнадцати вёрст местность была выжжена дотла, и до следующего пастбища мы бы добрались слишком поздно. Они заверили нас, что, если выступим на следующий день пораньше, то сможем добраться до старосты в тот же день; и, опасаясь, что охотский казак опередит нас со своими донесениями, мы решили разбить лагерь. Мы не сомневались, что казак поспешит вернуться по своему следу, как только услышит о нашем отправлении в Нелькан.

На следующее утро, преодолев пожарище и два невысоких хребта, к нашему большому удивлению, мы уже в 11 часов утра мы вышли к стойбищу, где жил староста. Теперь стало ясно, что Василий нас не обманывал, а это туземцы прибавили расстояние, чтобы получить больше за аренду своих оленей. Путешествие, которое, по их словам, потребует четыре дня, на самом деле заняло чуть более полутора.

Стойбище, которое представляло собой четыре чума, находилось среди лиственничного леса с небольшой примесью елей. Весь снег вокруг был испещрён следами оленей, около сорока их бросились на наш караван, когда мы подъехали к палаткам, но были отогнаны. Услышав шум, десятка два туземцев во главе со старостой Иваном вылезли из своих палаток и очень радушно встретили нас. Иван провёл нас к чуму другого туземца, за что старик извинился, объяснив это тем, что накануне вечером он стал прадедушкой. Мы решили остаться здесь до тех пор, пока казак не догонит нас, и немедленно отправили Ивана и проводников установить нашу палатку неподалёку. Мы тем временем сидели, скрестив ноги, на еловом лапнике в чуме старосты и смаковали с хозяином содержимое большого чайника; но когда мы поднялись после первых трёх чашек, он очень изумился и шутливым тоном спросил, достаточно ли хорош его чай. Мы заверили его, что чай превосходный, и, потратив немало слов, дали ему понять, что американцы не привыкли к чаю и не могут пить его в большом количестве. Это, казалось, его очень позабавило, и он рассказал нам, что много раз поодиночке выпивал по два чайника за раз — около шести литров. У нас не было причин сомневаться в этом; но, чтобы доставить удовольствие старику, выразили огромное удивление и, как могли, похвалили его за такое достижение. Он, казалось, очень хотел узнать о нас буквально всё: наши имена, где мы живём и всё, что угодно об Америке и американцах. Мы отвечали на все вопросы как можно подробнее, что было немаловажно, поскольку и вопросы, и ответы переводились по очереди на четыре разных языка. Шварц переводил их с английского на русский, Иван с русского на якутский, а Егор — с якутского на тунгусский. В тот момент, когда мы сели

пить чай, староста ненароком сделал нам очень суровый и, вероятно, заслуженный выговор, который несколько озадачил нас, и я, признаюсь, не знал, что ответить. Он, по своему религиозному обычаю, прежде чем сделать первый глоток, благоговейно склонил голову и, пробормотав короткую молитву, перекрестился перед небольшим образом, подвешенным в чуме. Заметив, что мы не сделали того же, он некоторое время помолчал, но потом спросил: «А у американцев есть Бог?» Мы сразу поняли, чем вызван этот вопрос и ответили: «Да». Услышав ответ, он, казалось, был очень озадачен и некоторое время снова молчал, о чём-то размышляя. Затем он снова поднял голову и спросил: «А у французов есть Бог?» Наш положительный ответ, казалось, озадачил его ещё больше, и, чтобы мы смогли понять, почему он задал тот же вопрос о французах, нам понадобилось какое-то время, когда мы узнали, что почти у всех туземцев сложилось очень плохое мнение о французах, основанное на преувеличенных рассказах о варварстве этих людей во время их войны с Россией. Трудно сказать, как эти рассказы дошли до столь отдалённых мест, но у них определённо сложилось дурное мнение о французском народе, и старик, вероятно, подумал, что если у американцев, которые проявляли так мало религиозности, был Бог, то, возможно, он был и у французов.

Не зная, как долго мы здесь пробудем, и поскольку у нас закончилось мясо, мы за сущие гроши купили прекрасного молодого оленя, которого наши друзья-тунгусы предложили забить для нас. Животное было очень пугливым, и его пришлось заарканить. Тунгусы испытывают суеверный страх перед пролитием крови животного, и поэтому предают его смерти удушением — привязывают к дереву один конец кожаного ремня, обматывают его вокруг шеи оленя и, туго затянув, привязывают другой конец к другому дереву; затем натягивают ремень, навалившись на него всем весом. Поначалу мы не поняли что они собираются делать с животным, но, как только мы обнаружили их намерения, Иван выхватил свой нож и прикончил его. Тунгусов это встревожило и возмутило, но, почувствовав, что с них снимают всякую ответственность за случившееся, они вскоре успокоились.

Мы сильно удивились, обнаружив, что игра в мяч, описанная доктором Кейном<sup>1</sup> как популярная у гренландских эскимосов и более известная среди нашей американской молодёжи как «шинни», здесь очень распространена. Всё утро стайка маленьких тунгусов, одетых в меха, забавлялись этой игрой рядом со стойбищем.

---

<sup>1</sup> Доктор Элиша Кейн руководил в 1853 году американской экспедицией по поиску потерянной экспедиции Джона Франклина 1845-1847 годов. — *прим. перев.*

С самого начала нашего путешествия среди тунгусов мы мечтали увидеть мистические ритуалы их шаманов, но, поскольку эта практика расходится с недавно принятой ими религией, они редко прибегают к ней, разве что потихоньку и там, где это не станет известным. Тем не менее, они безоговорочно доверяют своим шаманам и почти всегда, в случае болезни или несчастья, обращаются к ним чтобы они договорились со злыми духами о выздоровлении или снятия заклятия. Их первоначальная вера (которой подавляющее большинство до сих пор придерживается) заключалась в разнообразных добрых и злых духах, последние ассоциированы каждый с отдельным видом болезни. У них есть некоторое представление о Высшем Существо, но они верят, что оно всегда доброжелательно, и поэтому не считают нужным оказывать ему какое-либо особое почтение.

Главной целью их поклонения является умиротворение духов, как добрых, так и злых, на которые, как они верят, их шаманы имеют большое влияние. Но с тех пор, как среди них распространилось православие, многие из них обнаруживают полную неспособность понять, во что верить. Подобно планетам, удерживаемым на своих орбитах двумя великими силами противоположных направлений, они пребывают в смущении и неопределённости: суеверные верования и языческие доктрины их отцов, которым их учили с младенчества, влекут в одном направлении, а чистые, облагораживающие доктрины христианства — в противоположном. К несчастью для распространения христианской веры среди них, многие из священников, к которым они обращаются за наставлениями, совершенно неспособны к столь ответственному служению из-за невежества и прискорбного отсутствия всех тех добродетелей, которые предписывает их религия. Они, по-видимому, считают свою ответственность за каждого туземца исчерпанной, когда им удаётся убедить его принять крещение, пообещав табак или какие-нибудь безделушки.

На следующее утро мы подумали, что наше желание увидеть шаманский ритуал будет удовлетворено, так как старый Иван пришёл к нам и сказал, что в стойбище есть больной человек, который хочет, чтобы шаман провёл над ним обряд, и попросил нашего разрешения на это. Мы так и не смогли понять, зачем ему понадобилось спрашивать нашего согласия, но с готовностью дали его и, в свою очередь, попросили разрешения присутствовать. Вскоре Иван вернулся, сказав, что «доктор» не желает, чтобы у него были зрители, так как это разрушило бы действие заклинаний, поэтому нам пришлось довольствоваться тем, что мы слышали из своей палатки.

Вскоре мы слышали из чума больного совершенно ужасные бормотания, шипения и вопли, сопровождаемые барабанным боем, сначала тихим и размеренным, а затем внезапно усиливавшимся, пока звук не стал таким громким, что мог бы, наверное, превратить самого здорового человека в больного. Барабанная дробь вдруг стихла, а стоны и крики усилились, сопровождаемые тихим, быстрым бормотанием, как вдруг все остальные звуки снова были заглушены громом барабана. Всё это продолжалось в течение трёх часов, к концу которых нас всех уже тошнило от шаманизма, а пациенту, как нам сказали, стало намного лучше.

Пациент этот был очень беден, у него было всего два оленя, одного из которых он должен был отдать «доктору» в качестве гонорара за лечение. Многие из этих шаманов — совершенные негодяи, и, пользуясь доверчивостью своих пациентов, иногда вымогают у них всё, что у них есть. Власти сурово наказывают таких, что является одной из причин их скрытности.

Казак прибыл только на третий день — в пятницу, 23 февраля. Из доносений мы узнали, что майор Абаза был в Охотске один, мистер Кеннан с мистером Доддом, который присоединился к отряду в Петропавловском после нашего отъезда оттуда, оставив майора в Гижиге, поселении на северо-восточной оконечности Охотского моря, направились на север, к Берингову морю в поисках отряда мистера Макрея, который, как ожидалось, был высажен в устье реки Анадырь. Майор пробыл в Охотске несколько недель и, ничего не слыша о нас, отправил казака с переводчиком-туземцем на наши поиски. Все были в полном здравии, и их изыскания были успешны.

Во время нашего трёхдневного отдыха температура колебалась от  $-29^{\circ}$  до  $-36^{\circ}$ .

## ГЛАВА XX

Там, где олени содержатся такими большими стадами, как у старого Ивана, большая их часть находится в полудиком состоянии, и, хотя они не убегают при приближении человека, из-за свойственной им крайней пугливости их очень трудно поймать. Подобно овцам, они всегда держатся вместе и считают определённых животных своими вожаками. Куда бы ни пошли эти вожаки, они следуют за ними, и их редко можно заставить идти впереди лидера, разве что после тщательной тренировки. Тунгусы всегда стараются сначала выдрессировать этих ведущих оленей и приучить их к присутствию человека, после чего те служат для

остальных пастухами и не дают им разбредаться. Эта их способность сильно уменьшает необходимость владельцам заботиться о стаде, хотя остаётся повышенная бдительность, чтобы защитить стадо от волков, которые постоянно рыщут поблизости. Для этого один-два человека постоянно несут усиленную охрану стада, что весьма непросто в холодные и ненастные ночи.

Оленей для нас надо было отделить от остального стада, в котором более трёхсот голов, и для этого на помощь были призваны все мужчины, женщины и дети стойбища. Это было совершенно новое для нас зрелище — стадо выглядело как живой лес рогов, которые движутся, сталкиваются друг с другом и издают непрерывный стук, как будто деревянными палками сражаются две армии. Тут и там в водовороте стада мелькали туземцы всех возрастов, они кричали во весь голос, стараясь отогнать нужных оленей в сторону, в то время как другие мужчины стояли наготове с длинными ременными лассо, чтобы поймать тех, кому предстояло отправиться с нами. Наконец всех, кого надо, поймали, запрягли, и мы продолжили наше путешествие.

Не успели мы проехать и 300 ярдов, как позади послышался стук копыт, и, оглянувшись, мы увидели, что за нами мчится всё стадо. Ничего не оставалось, как остановиться и ещё раз позвать жителей. Полчаса беготни и криков хватило, чтобы отогнать оленей, после чего мы могли спокойно ехать дальше. Нас сопровождали четверо тунгусов, которые по очереди прокладывали дорогу. Теперь мы, вместе с ними, казачьим сержантом и его переводчиком составляли довольно внушительный отряд. Дорога была хорошей, мы ехали довольно быстро, чтобы не мёрзнуть, хотя холод был и не был таким сильным, как в течение многих дней,  $-32^{\circ}$ , но всё же довольно жгучий, особенно после трёх дней в помещении.

В двух верстах к северу от стойбища мы вышли на небольшой ручей, который течёт на запад и впадает в реку Нудыми, которая, в свою очередь, впадает в Маю. Вверх этому по ручью мы прошли на восток около десяти вёрст, а затем последовали примерно три версты по небольшому притоку, текущим с северо-востока. Здесь нам пришлось пересечь низкий, безлесый хребет, где сильный, пронизывающий ветер дул нам в спину, и спуститься к истоку ручья, текущего на северо-восток<sup>1</sup>. Мы прошли по этому ручью примерно пятнадцать вёрст и разбили лагерь на ночь недалеко от того места, где сержант останавливался по пути на юг. До сих пор мы шли по его тропе, но, поскольку маршрут его был очень

---

<sup>1</sup> В тексте он назван Асунгорун (Asungorun), но ничего похожего в этом районе на картах не обнаружено. Вероятно, это старое экенкийское название было заменено на современное. — *прим. перев.*

извилистым, на следующий день мы намеревались свернуть с него и пойти прямым курсом к жилищу тунгуса по имени Алексей, у которого мы намеревались купить свежих оленей.

На следующий день, в воскресенье, 25 февраля, было всё ещё довольно холодно,  $-32^{\circ}$ . Мы продолжали двигаться на северо-восток по долине, прокладывая свой собственную тропу. Этот медленный процесс, сопровождавшийся кознями одного из наших вьючных оленей, сильно задержал нас. Это животное никогда раньше не было вьючным и каждые несколько минут упорно старалось лечь в снег и упрямо не хотело идти, что сбрасывало поклажу с впереди идущего оленя, к которому было привязано. Тогда караван приходилось останавливать, чтобы поправить груз, потому что, как только он перемещается с плеч на спину, животное его не выдерживает. Это было причиной значительных задержек во время всей нашей экспедиции, особенно в горах; в среднем каждые полчаса какой-нибудь тюк смещался и требовал переукладки.

Другой олень, на котором ехал один из проводников, также был не совсем объезжен, и это вызвало задержки, но мы были вознаграждены возможностью стать свидетелями прекрасной верховой езды. Животное было крупным, сильным и активным и прибегало ко всевозможным уловкам — брыкалось, вставало на дыбы и приседало, но не могло избавиться от всадника. Для нас казалось совершенно невероятным, как наездник удерживается в седле, потому что, несмотря на наш приличный опыт езды на оленях, каждый день кто-нибудь из нас выпадал из седла.

В 14:30 наши люди захотели разбить лагерь и в качестве оправдания сослались на то, что впереди корм для оленей был уничтожен пожаром. Мы уже давно поняли, что это было излюбленным предлогом тунгусов, чтобы остановиться и разбить лагерь, и несколько раз мы были сильно обмануты: пожарище простиралось не так далеко, как они утверждали. Не доверяя в данном случае чему-либо подобному и не желая терять время, мы были готовы продолжить путь, но один из проводников, внук старого Ивана, заявил, что пусть его завтра подвергнут порке, если он неправ, и это убедило нас в том, что нас не обманывают.

На следующее утро, открыв глаза и высунув голову из-под кроличьих одеял, я сразу почувствовал, что в нашей маленькой брезентовой палатке необычайно холодно. Маленькая кучка пепла в центре давно остыла, по краям отверстия наверху, через которое выходил дым, белели кристаллики льда. Вокруг стояла мёртвая тишина. Три груды мехов и одеял вокруг меня указывали на места, где лежали мои спутники,

погруженные в сон, их тёплое дыхание тонкими струйками клубилось над маленькими снежными кратерами. Я окликнул Ивана и быстро накрылся с головой, чтобы дождаться, когда разожгут костёр и готовят наш обычный завтрак из чая и оленины.

Нам было жалко бедного Ивана по утрам, но он, казалось, не слишком возражал против этого. Он никогда не раздевался перед сном, поэтому вставать ему было очень просто. Но потом возникала трудность — развести огонь. Поскольку у нас не было спичек, чтобы просто зажечь его одним движением, иногда мы несколько минут слышали, как кресало ударяет о камень, и время от времени раздавались русские ругательства. Затем мы слышим, как он дует, пытаясь разжечь стружку от тлеющего трута... все звуки смолкают... опять негромкие ругательства... и снова звон кремня и стали. Но мы не шевелимся, пока не услышим недвусмысленный треск горящего дерева. Вскоре иней на усах и бороде Ивана, пока он разводил огонь, таял, чайник начинал петь, а добродушное «пора вставать!» вызывало всеобщее восстание одеял. Затем, минуты три, не больше, стуча зубами и дрожа всем телом, мы одеваемся. После этого ожидающий нас горячий чай быстро приводит нас в состояние относительного комфорта.

Выйдя из палатки, вы увидели, что всё вокруг покрыто крупным хрустальным инеем. Деревья, вчера ещё тёмные, едва можно различить на фоне окружающей белизны. Эффект был очень впечатляющим и настолько леденящим, что вызывал непроизвольную дрожь одним своим видом.

А когда, наконец, солнце взошло над холмами и осветило окрестности своими первыми лучами, каждая веточка, каждый прутик и иголочка — всё вокруг, словно по волшебству, засверкало, как будто усыпанное жемчугами и бриллиантами.

Термометр, который висел рядом с палаткой, всё объяснял, показывая 43 градуса ниже нуля! Это была, безусловно, самая холодная погода, которую кто-либо из нас когда-либо испытывал.

Поскольку нам предстоял дальний продолжительный переход, мы вышли из лагеря в 7:30 утра и пересекли долину ручья, по которой спустились до этого почти два дня. Отсюда мы поднялись на невысокий хребет, густо покрытый мёртвым лесом, по которому прошли около пяти вёрст, а затем вышли к речке шириной около двухсот футов, которая течёт на запад через довольно широкую долину, перемежающуюся небольшими участками тундры. Нигде не было видно ни единого живого дерева или куста. Со всех сторон мёртвые, обугленные стволы деревьев

свидетельствовали о страшном пожаре, бушевавшем тут когда-то. Всякий раз, когда наш караван останавливался, олени инстинктивно утыкались мордами в снег в поисках мха, но тут же отдёргивали их с разочарованным видом.

Мы двигались через эту долину по диагонали на северо-восток до 14:30 и миновали ещё один низкий водораздел, ведущий к какому-то притоку Маи. Перейдя его, мы поднялись по небольшому притоку, текущему с северо-востока, и двигались до 5:30 вечера, пока не вышли из района пожарища и нашли корм для оленей. Мы были в пути десять часов, пройдя около сорока пяти вёрст, несмотря на глубокий снег и необходимость прокладывать тропу. Излишне говорить, что проводник заслуженно избежал порки. К ночи температура значительно изменилась, столбик термометра показывал  $-37^{\circ}$ .

На следующее утро, 27 февраля, снова стало холоднее ( $-40^{\circ}$ ), и мы стали свидетелями великолепного явления, которые наблюдали у истока Маймакана новогодним утром. Паргелий — ложное солнце — соперничал с сиянием самого солнца (которое было приглушено морозной дымкой, висевшей над землёй), а дуги и круги света переливались самыми яркими цветами радуги.

Покинув лагерь в 8:30 утра, мы прошли несколько вёрст по вчерашнему притоку, а затем пересекли невысокий хребет и вышли к одному из притоков<sup>1</sup> реки Мати, которая впадает в Маю и в конце концов в Лену. Мы обнаружили, что практически невозможно получить правильное представление о направлении и поворотах бесчисленных рек и ручьёв, которые текут по этой огромной территории. Сведения, которые мы получали от тунгусов, во многих случаях были настолько противоречивыми, что нам пришлось отказаться от всяких попыток проследить их путь, мы также обнаружили, что у разных туземцев одни и те же водоёмы называются по-разному. Единственной достоверной информацией, которую мы могли получить в отношении многих из них является то, что все они в конечном счёте впадают в Лену.

Мы продолжали спускаться по этому притоку весь день в северо-восточном направлении до 4 часов, когда случайно встретили тунгусского охотника, который оказался братом Алексея, человека, которого мы искали. Охотник не видел Алексея с прошлого лета, хотя и жил в одном дне пути от него, и выразил сомнение в том, что у последнего хватит

---

<sup>1</sup> Этот приток Мати, как следует из текста, «тунгусы называют Оунене (Ounene)». В реку Мати с западной стороны впадает больше десятка рек и ручьёв, и среди них нет с названием, похожим на «Оунене». Очевидно это старое тунгусское название какой-то из этих речек. — *прим. перев.*



олений, чтобы перевезти нас дальше. Чтобы избежать ненужной задержки, мы немедленно отправили его на поиски брата, чтобы уведомить его о нашем приближении и попросить собрать для нас необходимое количество оленей у других туземцев, если у него не будет достаточно своих. Здесь мы разбили лагерь на ночь. К ночи наш термометр показывал  $-34^{\circ}$ .

28 февраля, в 7 часов утра, температура  $-35^{\circ}$ . Сразу после завтрака мы отправили двух наших людей вперёд прокладывать тропу, а сами последовали за ними через полчаса. Из лагеря мы направились на восток вниз по реке, время от времени пересекая небольшие участки тундры, и, пройдя около восьми вёрст, вышли к Мати, которая в этом месте текла прямо на север. На восточном берегу, вдоль подножия невысокого хребта, мы обнаружили хорошую широкую тропу, протоптанную оленями. Последнее животное, которое прошло тропой, ушло вниз по течению, в сторону от нашего курса, и только следы одного вели вверх по реке.

Юрта, в которой, как сказали нам проводники, обычно жил Алексей, находилась неподалёку. Туда мы и направились, предварительно пошлав человека узнать, есть ли в ней кто-нибудь. Вскоре мы встретили его, он возвращался, не найдя там никого. Не зная, в какую сторону идти, мы решили остановиться здесь и отправить проводников — одного вверх по тропе, другого вниз по реке, а третьего на поиски охотника, которого мы встретили накануне, так как было очевидно, что он ещё не отправился на поиски Алексея, так как его следов нигде не было видно. А он должен был прийти сюда раньше нас.

В 14:00 прибыл тот, кого отправили на поиски охотника, и привёл с собой его с семьёй, встретив их по дороге; а в 18:00 вернулся наш проводник с верховьев реки, приведя с собой Фёдора, ещё одного брата Алексея, а третий вернулся только в 8 вечера и тоже привёл с собой трёх туземцев. Так что там, где утром не было ни одного, к вечеру собралось семнадцать человек. Я был очень удивлён встречей двух братьев. Хотя с тех пор, как они виделись в последний раз, прошли месяцы, никто из них не выказал ни малейшего удивления, ни радости, они просто поприветствовали друг друга, согласно обычаю, троекратным поцелуем и, не произнеся ни слова, уселись и принялись набивать трубки табаком. Была ли эта сдержанность вызвана нашим присутствием или это традиция их племени, я не могу сказать.

От этого места, по мнению проводников, нам было бы лучше подняться по Мати до её истока, а затем снова пересечь хребет Джугджур к

реке Улья, которая впадает в Охотское море примерно в ста сорока верстах южнее Охотска. Из устья Ульи мы могли бы продолжить наше путешествие на собаках, но, поскольку их там могло не оказаться в достаточном количестве, Махуд решил заранее отправиться туда на следующее утро с сержантом, его переводчиком и тремя туземцами.

Алексей жил ещё дальше вверх по реке, чем Фёдор, и, поскольку без его помощи мы не могли получить достаточно оленей, нам пришлось подождать ещё некоторое время. Поскольку ночи стояли ясные и лунные, мы снова отправили двух проводников на поиски Алексея. Термометр ночью показывал  $-34^{\circ}$ . Теперь мы находились совсем близко от самого холодного места на земле, по крайней мере именно здесь были зафиксированы самые сильные морозы, когда термометр показывал  $-60^{\circ}$ , тогда как самая низкая температура, которую наблюдал доктор Кейн, была  $-56^{\circ}$ .

1 марта — утром Махуд отправился в путь с пятью оленями, температура была  $-38^{\circ}$ , что облегчало его передвижение. Два наших проводника вернулись только в 12 часов дня. Они, однако, привели с собой Алексея и ещё одного тунгуса, оба согласились сопровождать нас, но их семьи и олени прибыли довольно поздно, и мы были вынуждены перенести наш выход на следующее утро. У тех двоих проводников была довольно тяжёлая ночь. Найдя Алексея, все трое отправились искать других тунгусов, чтобы раздобыть у них оленей, но, когда нашли, те отказались оказать какую-либо помощь — это был у нас первый и единственный подобный случай с тунгусами.

К 8 часам следующего утра наши олени были готовы, и мы двинулись вверх по Мати в юго-восточном направлении. В 10:30 мы прибыли к стойбищу Фёдора, где ненадолго остановились, чтобы покурить и поговорить, а затем двинулись дальше, преодолев по льду реки около восьми вёрст, где покинули Мати и, пробираясь через лес в северо-восточном направлении, вышли к одному из её притоков<sup>1</sup>. Вверх по этому ответвлению, почти прямо на север, мы двигались до 5 часов вечера, миновав стоянку Махуда, где он ночевал прошедшей ночью, и прошли около сорока вёрст по его следу. В тот день мы сделали большой крюк, но гиды сказали, что мы не могли выбрать более прямой маршрут, так как пришлось бы пересекать высокий и труднопроходимый хребет.

На следующее утро снова было довольно холодно,  $-39^{\circ}$ . Поскольку мы намеревались совершить большой дневной переход и пересечь хребет Джугджур, мы выехали раньше обычного. В нескольких верстах от лагеря мы вышли на обширную тундру, по которой петляла река.

---

<sup>1</sup> По всей видимости этот приток Мати — р. Бирандя. — прим. перев.

Пройдя некоторое расстояние по тундре, мы отчётливо увидели на расстоянии около двадцати вёрст перевал через хребет. Никто не узнал бы в этой цепочке холмов перед нами хребет Джугджур, который ещё недавно воздвигал перед нами такие препятствия. Фактически, вся местность, по которой мы проезжали к западу от хребта, имеет большую высоту и настолько пологие склоны в сторону Лены, что многие ручьи имеют очень слабое течение и петляют так, что местами текут практически в обратном направлении. Не заметив почти никакого подъёма, к часу дня мы оказались у водораздела, за ним местность имела совершенно другой вид. Крутые скалистые горы, глубокие пропасти и ущелья вместо широких холмистых котловин, по которые пролегал наш путь в течение последних двух недель.

Здесь мы, удовольствия ради, снова встали на лыжи и помчались вниз по заросшей густым лесом ложине с головокружительной быстротой. Часто, чтобы избежать столкновения с деревьями, нам приходилось на ходу падать на снег во весь рост, чтобы погасить скорость. Мы радовались смене ландшафта и тому факту, что наша задача почти выполнена.

В 3 часа мы миновали вторую стоянку Махуда, на который он был прошлой ночью. Угли его костра всё ещё были горячими.

В 5 часов вечера мы разбили лагерь на берегу речки, по которой спускались с момента перехода через водораздел. Она является притоком Нюта, который, в свою очередь, впадает в Амку и затем в Улью. К востоку от хребта снег был гораздо глубже. Температура ночью  $-34^{\circ}$ .

На следующее утро снова стало намного холоднее,  $-39^{\circ}$ . Мы продолжили путь вниз по речке, достигнув её впадения в Нют в 10 часов, а затем проследовали по течению последнего почти строго на восток и в 13:00 подошли к тунгусскому стойбищу. Здесь мы остановились всего на несколько минут. От обитателей мы узнали, что Махуд остановился у них накануне вечером и послал туземца в Амку<sup>1</sup>, поселение на реке Улья, примерно в сорока верстах выше её устья, подготовить собак для его дальнейшего пути. В этом месте мы покинули Нют и, пройдя около пяти вёрст по небольшому ответвлению, пересекли водораздел, ведущий к ответвлению реки Амки, по которому спустились к её устью, а от туда вниз по Амке к Улье.

В 6 часов вечера мы прибыли к заброшенной юрте, где решили остановиться до 10 часов вечера, чтобы дать оленям отдохнуть, а затем при лунном свете двинуться дальше к селению Амка. Здесь мы угостились

---

<sup>1</sup> Несуществующее ныне поселение возле устья р.Амки у впадения её в Улью. Обозначена на некоторых старых (середина XX в. и ранее) картах. — прим. перев.

прекрасной мороженной форелью, которую бывшие обитатели юрты припасли для себя. Однако мы конфисковали немного в качестве «военной необходимости».

В 10 часов, после короткого сна, мы продолжили маршрут при ярком свете луны до 2 часов ночи, пока не набрели на пару юрт в тополиной роще. Это была Амка, но в ней стояла мёртвая тишина, и мы начали опасаться, что жителей нет; наконец, на наше ауканье слабым лаем отозвалась старая собака, которая выползла из-под одного из домов. Жители проснулись, вышли и пригласили нас войти. Они ожидали нас только следующей ночью. Махуд, прибывший рано вечером и обнаруживший, что собаки готовы, направился к устью реки, не делая остановки.

Мы сами и олени были совершенно измучены долгим переходом, преодолев более семидесяти вёрст — самое длинное, которые мы когда-либо совершали с оленями за один день. Хотя я не жалел, что меняю их на собак, должен признаться, что за время наших долгих путешествий с оленями сильно привязался к ним, и теперь чувствовал себя так, словно расстаюсь со старыми друзьями.

Здесь нас ожидали четыре собачьи упряжки, но сани были маленькими, а животные такими слабыми, что их было недостаточно, чтобы довести нас до устья реки. Объединив собак, мы получили две приличные упряжки. На них мы со Шварцем отправились в путь утром, взяв половину нашего багажа и предоставив Ивану следовать за нами с остальным на оленях. Улья — точная копия Кирана по размерам и характеру. Снега было очень мало — настолько, что в некоторых местах нашим собакам было довольно тяжело передвигаться. Мы добрались до юрты у моря в 4 часа дня. Вечером из Урака<sup>1</sup>, деревни в ста верстах к северу, прибыл на санях якут. Он встретил Махуда по пути и, по его просьбе, пришёл нам на помощь. Мы рассчитывали подождать здесь два-три дня, пока придут остальные наши сани, но теперь, имея в своём распоряжении три нарты, я решил отправиться дальше с тем багажом, который смогу взять, оставив Шварца следовать за нами с остальным транспортом. Иван добрался до юрты только в час следующего дня.

Мы отправились в путь на трёх санях рано утром, направляясь на север по обширной тундре между морем и хребтом Джугджуром, который здесь довольно низкий. По пути пересекли несколько небольших речек, впадающих в море; леса почти нигде не было видно, за исключением отдалённых горных склонов. Весь день по тундре дул сильный, пронизывающий ветер с позёмкой, что делало путешествие не очень приятным.

---

<sup>1</sup> Покинутый ныне посёлок на берегу Охотского моря, недалеко от устья р. Урак. — *прим. перев.*

Мой каюр рассказал мне, что в этих равнинных местах в пургу легко заблудиться, поэтому в качестве ориентиров по всему маршруту через небольшие промежутки установлены деревянные треноги.

К 8 часам вечера мы преодолели сто вёрст и прибыли в Урак, якутское поселение из десятка юрт, окружённое чахлыми елями. Меня тут же провели в дом старосты, и я не мог не отметить, насколько в ней чисто, по сравнению с жилищами тунгусов. Опрятно одетые женщины немедленно занялись приготовлением чая и ужина, которые они накрыли на чистый стол. Но больше всего меня порадовала большая чаша свежего, жирного, настоящего коровьего молока.

Юрты этих якутов были намного больше, чем у других местных племён, и построены с большим вниманием к удобству. По периметру жилища, как обычно, располагались ороны — спальные места в виде рундуков, а внутреннее пространство заполняла различная самодельная мебель, такие как стулья и столы. В добротном сложенном камине приветливо потрескивал огонь, и всё здесь говорило о бережливости и трудолюбии его обитателей. Я обнаружил только один недостаток в этом жилище — это был сильный запах скота и хлева. Вскоре это объяснилось мычанием коров в соседнем помещении, отделённого от жилого низкой деревянной перегородкой.

Якуты, безусловно, являются самым многочисленным племенем Восточной Сибири. Они живут оседло и придерживаются традиций домашних хозяйств. Лошади и коровы — их постоянные спутники, последние даже живут с ними в одном доме. И те, и другие высоко ценятся за своё мясо, а коровье молоко составляет основу их питания. Сливочное масло они перетапливают и используют как в качестве кулинарного жира для жарки, так и обычного бутербродного масла; оно долго не портится, его также охотно используют местные русские. Якуты обладают недюжинным умом и проявляют немалую сообразительность при заключении сделок, но особенно замечательны они своей мастерством в изготовлении ювелирных изделий, украшений и всевозможных изделий из металла, а также в резьбе по слоновой кости на манер китайцев и японцев. Некоторые из их произведений исключительно красивы. Город Якутск, расположенный в 1000 верстах отсюда, был построен ими около трёхсот лет назад и насчитывает около 6000 жителей, в основном их соплеменников.

Русским потребовалось много времени, чтобы завоевать их, но после этого они переняли русский язык, обычаи, религию и стали довольно набожными, хотя многие из них всё ещё сохраняют веру в шаманизм.

Они довольно высокого роста, и у них более правильные черты лица, чем у любых других туземцев, которых мы встречали. Кроме того, цвет их кожи, как правило, светлее, а у многих женщин — мертвенно-бледный. Это не может быть связано с плохим здоровьем, поскольку оно у них отменное<sup>1</sup>. «Якуты» — это название, данное им русскими, по какой причине, я не знаю. Раньше они называли себя Уранхай, по имени одного из своих князей, и состояли из десяти различных племён, насчитывавших в общей сложности более тридцати тысяч душ. Первоначально они были объединены с бурятами, многочисленным племенем, жившим в районе Байкала, но впоследствии отделились от них и поселились на берегах Лены. Их религия была очень похожа на религию других сибирских племён, хотя они и не поклонялись деревянным идолам, как тунгусы. Они приносили жертвы одному великому невидимому Богу, изображение которого было у каждого племени, с набитым мешком вместо тела, увенчанном огромной устрашающей головой. Все деревья они рассматривали как на священные, а те, которые чем-то отличались от остальных, украшали разными мелкими подношениями духам. По словам Мюллера<sup>2</sup>, в случае смерти князя у них был обычай приносить в жертву или хоронить заживо вместе с ним его любимых слуг, но других умерших они иногда оставляли на улицах Якутска на съедение собакам. Одна из их природных особенностей, которую они до сих пор сохраняют, — это их ненасытный аппетит. На пирах они обычно раздевались догола, чтобы их желудки не сдерживались одеждой, и нередко случалось, что некоторые умирали от переедания.

Ни один правоверный мусульманин, приближаясь к Мекке, не испытывал большего восторга от предвкушения осуществить мечту своей жизни и завершить паломничество, чем я, обнаружив, что всего двадцать пять вёрст отделяют меня от места назначения. С момента нашего отъезда из Николаевска прошло почти пять месяцев, и, наконец, цель была почти достигнута, несмотря на предсказания наших амурских друзей, которые, без сомнения, думали, что мы уже давно отправились к праотцам. Пройденное расстояние составило около 1200 миль, но по затраченному времени и преодолённым препятствиям можно считать его раза в три больше.

---

<sup>1</sup> Общение с русскими значительно улучшило положение якутов, в чем можно убедиться, обратившись к переводу Г. Мюллера, опубликованному в 1761 году в Лондоне Томасом Джеффрисом и озаглавленному «Путешествия из Азии в Америку для завершения открытий Северо-западного побережья Америки».

<sup>2</sup> Герард Фридрих Мюллер (1705–1783) — русско-немецкий историк, историограф, естествоиспытатель и путешественник, руководитель Академического отряда «Второй Камчатской экспедиции». — *прим. перев.*



Якут



Якутка

Моё нетерпение поскорее отправиться в путь было так велико, что на этот раз я не стал пить чай, и рассвет застал нас уже несущимися по пустынному берегу моря. Через полтора часа мне показалось, что мы уже можем разглядеть Охотск. Перед нами, по крайней мере, на протяжении двадцати вёрст, простиралась сплошная ровная тундра с едва видимой грядой белых холмов далеко впереди. Не было видно никаких признаков города, монотонную белизну равнины нарушал разве что некий тёмный предмет, оказавшийся при приближении торчащим из снега обгоревшим стволом дерева. Я был доволен, что обманулся относительно расстояния, но, видимо, выказал некоторые признаки недовольствия, потому что каюр тут же понимающе ухмыльнулся и, указав на обгоревший ствол, воскликнул: «Охотск!»

Мы приближались к нашей цели, Мекка моя постепенно являла себя, и я, наконец, смог разглядеть небольшое скопление низких, грязных деревянных домиков, с маленькой церковью посередине. Вокруг в радиусе нескольких миль не было ни деревца, ни кустика — ничего, что могло бы укрыть городок от ярости ветров. Я никогда не видел ничего более безотрадного, и вряд ли стоит говорить, что я испытал полнейшее разочарование. Мы подъехали к городу с юго-запада, но из-за слабого льда на реке Охоте были вынуждены сделать крюк и въехать в него с севера. Каюр подвёз меня к низкому бревенчатому дому, перед которым стояли несколько нарт, и два-три десятка прекрасных ездовых собак. Я спешил, и на том моё путешествие закончилось. Ни майор Абаза, ни Махуд не ждали меня раньше следующего дня.

Охотск когда-то был весьма важным городом, но когда появился Николаевск, он был почти заброшен. Отсюда Беринг начинал свои исследовательские экспедиции, здесь были построены и спущены на воду все его суда. В городке примерно тридцать домов, расположенных без всякого порядка, посреди них, на открытом пространстве, стоит церковь, невзрачное деревянное строение. Старые дома, свидетели расцвета Охотска, в основном разобраны на дрова. Сейчас здесь около трёхсот жителей — русских, казаков и якутов. Здесь же живёт исправник; он вместе с торговцами мехами составляет местную аристократию.

Городские улицы, если их можно так назвать, буквально кишели воронами и сороками — на многие мили вокруг для них не было другого пристанища.



Собаки за ловлей рыбы

Однако летом, как впоследствии сообщил мне исправник, это место имеет гораздо более жизнерадостный вид и довольно приятно для проживания. Здесь в изобилии водится всевозможная дичь, от медведей до куропаток, а в августе Охота буквально кишит нерестящейся рыбой, так что на какое-то время её воды становятся непригодными для питья из-за привкуса мертвечины. Рыба составляет основную пищу туземцев и



крестьян, их тысячами сушат и запасают на зиму как для себя, так и для собак. Здесь можно выращивать картофель, правда, небольшого размера, и некоторые овощи, но жители не очень склонны к сельскому хозяйству. Собаки прекрасной крупной породы — одна из особенностей этих мест. Летом они сами ловят рыбу в реке, и редко остаются без добычи.

Благодаря любезной помощи исправника нам быстро нашли жилье, и вскоре мы с комфортом расположились в ожидании весеннего прибытия судов, а до этого времени мы рассчитывали вести праздный образ жизни. Перспективы её, правда, были отнюдь не радостными, поскольку город и однообразная окружающая местность предоставляли для этого не много возможностей, и я вскоре начал сожалеть о завершении нашего путешествия. Майор намеревался немедленно отправиться обратно в Гижигу, чтобы встретиться с Кеннаном и подготовиться к строительству телеграфной линии как только туда придут суда с людьми и материалами.

Тем временем пришло, к сожалению, время расстаться с нашим Иваном. Мы щедро заплатили ему за службу деньгами и подарками, и он направился на юг, в Удское, чтобы наконец воссоединиться со своей семьёй. Бедняге предстоял нелёгкий путь, и мы ему определённо не завидовали.

## ГЛАВА XXI

Едва я уверился в том, что мои зимние странствия закончились, и только-только начал примиряться с мыслью провести следующие четыре месяца в унылом, скучном маленьком городке, как однажды утром ко мне пришёл Вьюшин, казак майора, с сообщением от него, что завтра он отправляется в Гижигу и просит меня сопровождать его.

Я охотно согласился не только для того, чтобы удовлетворить своё любопытство относительно северо-востока Сибири и её жителей, но и потому, что за семь дней жизни в Охотске он мне порядком надоел, и я почувствовал, что самое трудное путешествие будет явно лучше безделья и депрессии, в которую я, несомненно, впал бы в результате длительного пребывания в этом городе. Кроме того, путешествие в Гижигу было бы более приятным по сравнению с только что завершённым, поскольку теперь мы будем пользоваться не оленями, а менее трудными, более удобными и быстрыми собачьими упряжками на почтовых трактах.

В каких-то странах для подготовки к 1200-мильному маршруту хватило бы и одного дня, но наш сибирский гардероб, поначалу и так весьма скудный, сократился теперь почти до нуля — три или четыре пары старых носков с кое-как залатанными дырками, да пара комплектов ношеного нижнего белья, обтрёпанного на локтях и коленях. При езде на оленях одежда, как оказалось, очень быстро изнашивается.

Я быстро раздобыл новых меховых носков и рукавиц, надел всё, что было из нижнего белья, и на этом мои приготовления завершились. Около 9 часов утра 15 марта с громким лаем наших собак мы тронулись в путь под прощальные крики наших американских и русских друзей.

Мы думали, что наша первая поездка на собаках по реке Уда останется в нашей памяти как идеальное зимнее путешествие, но удобнейшие «повозки», на которых мы ехали в этот раз, превзошли всё, что я когда-либо видел запряжённым в собачьи упряжки. Эти повозки — низкие, длинные и узкие, как и обычные нарты, но имеют корпус, сделанный из тонких досок и обшитый тюленьими шкурами, что делает их почти непроницаемыми для холода и осадков; и, кроме того, изнутри они полностью выстланы мягкими медвежьими или волчьими шкурами, так что путешественник почти утопает в мехах. Кузов простирается на всю длину саней, внутри путешественник лежит или сидит, откинувшись и просунув ноги под покрытую часть, которая служит каюру сиденьем. Задняя часть повозки имеет верх, как у кабриолета, также подбитый мехом, который можно поднимать или опускать по желанию ездока. В ненастную погоду можно также развернуть кожаную шторку, прикреплённую к кузову, и закрепить наверху таким образом, чтобы полностью укрыть пассажира внутри; но у каюра нет никакой защиты.

Повозка, несмотря на то, что очень удобна, используется очень редко, только состоятельными людьми, которые могут позволить себе нанять возницу, поскольку невозможно управлять собаками, лёжа внутри. Почти все местные жители предпочитают самостоятельно ездить на собачьих упряжках, что обычно требует определённых физических усилий и движений и, следовательно, поддерживает циркуляцию крови, тем самым согревая ездока. Поскольку обычные нарты намного легче и ими легче управлять при езде по горной или пересечённой местности, они всегда отдают предпочтение именно им. Они также гораздо удобнее для перевозки грузов.

К каждой из наших упряжек было от пятнадцати до двадцати прекрасных крупных собак, очень свежих и настолько ободрённых утренней прохладой, что каюрам приходилось сдерживать их от слишком

быстрого бега на ровных участках, таких, как морской берег, по которому мы как раз ехали. Малейшее шевеление какого-нибудь сухого листика или любого другого предмета на снегу привлекало их внимание, и тогда начиналась бешеная погоня за ним, приводившая обычно к общей свалке и запутыванию всех ремней и сбруи. Это происходит из-за их полуголодного состояния, в котором собак держат на время поездки. В это время они готовы сожрать всё, что проявляет хоть какие-нибудь признаки жизни.

Приближающаяся весна и солёный ветер с моря уже начали влиять на снег, и во многих местах начали появляться высокие тундровые кочки, представлявшие собой довольно серьёзное препятствие для упряжек. В таких местах люди помогали собакам тащить тяжёлые сани, и делали это с готовностью, видя, как наши славные малыши старались изо всех сил. Каждый их мускул напряжён до предела, языки свисают изо рта, отрывистые повизгивания как бы подбадривают товарищей. К счастью, по пути было лишь несколько таких мест, и путешествие в целом проходило очень хорошо.

Первую половину дня наш маршрут пролегал по самой кромке берега. Вода была покрыта рыхлым солёным льдом, под действием волн он разбивался на куски и в беспорядке громоздился друг на друге. Лёд простирался, насколько хватало глаз, перемежаясь небольшими участками открытой воды, на одном мы увидели одиноко плывущую утку — она первой вернулась к своему старому месту обитания после долгой арктической зимы и была желанным предвестником приближающейся весны для нас, уже уставших от вездесущего снега и льда. В некоторых местах мы проезжали совсем близко от неимоверно огромных глыб льда, некоторые из них достигали сорока футов в толщину. Я был поражён такой неестественной толщиной этих льдин, но при ближайшем рассмотрении обнаружил, что они состоят из нескольких слоёв, наложенных друг на друга. Многие из них можно было принять за каменные или земляные из-за песка и гравия, налипшего на них, когда их катало по мелководью прибоем, прежде чем они нашли своё последнее пристанище.

В полдень, добравшись до небольшой юрты, мы остановились, чтобы подкрепиться чаем и подождать, пока подъедут наши грузовые нарты, которые не поспевали за остальными. Такого рода юрты представляют собой добротные бревенчатые постройки, возведённые за государственный счёт на постоянных маршрутах в качестве убежища для путников во время непогоды в зимнее время. В каждой юрте с одной сто-

роны находится низкий помост, на котором путешественники расстилают свои постели; а в углу — чувал, похожий на тот, что мы видели у Соловьёва на реке Ал. В них никто не живёт постоянно, и, как правило, они содержатся в хорошем состоянии<sup>1</sup>.

От юрты мы повернули вглубь берега, к подножию хребта Джугджур, который в этом месте ниже, а затем продолжили наш путь на восток параллельно побережью до 10 часов вечера, когда достигли наполовину русского, наполовину якутского поселения Иня. Лай собак, когда мы приближались к посёлку, был самым желанным звуком, так как за последние два часа у меня сильно замёрзли ноги и руки, а необходимость лежать в одном положении в течение всего дня делала путешествие очень утомительным.

После медленных и коротких дневных переходов на оленях, это путешествие показалось нам очень быстрым, и так оно и было на самом деле. За последние двенадцать часов мы преодолели сто четырнадцать вёрст, или около семидесяти двух миль.

Мы были очень радушно приняты в доме русского врача, у которого майор останавливался по пути в Охотск. На следующий день все уже были на ногах рано утром, готовясь к дальнейшему путешествию в Тауйск. Наши уставшие упряжки были заменены на свежие, и это были великолепные собаки, от десяти до двадцати на каждую нарту.

Новость о том, что в Ине появился американец, разнеслась среди жителей мгновенно, и, поскольку большинство из них только слышали об этих существах, но никогда не видели их, то выходя утром из дома, я сперва услышал гудение толпы, а, подняв глаза, обнаружил всё население деревни, собравшееся у выхода, чтобы посмотреть на меня. Я был внимательно осмотрен с головы до ног, а за каждым моим движением следили с такой сосредоточенностью, словно были уверены, что я сейчас же совершу какой-нибудь неслыханный подвиг. Они, тем не менее, были очень вежливы, и каждый человек, вплоть до самого маленького ребёнка, откинул свой меховой капюшон и по-русски пожелал мне доброго утра. В Ине, как и в большинстве подобных небольших селений, нет ничего, что могло бы привлечь внимание путешественника, она точно такая же, как и все другие деревни, которые я видел в этой стране.

Утро было тёмным и теплее, чем обычно, а небо затянуто мутными, хмурыми облаками. По этим признакам наши каюры предсказывали плохую погоду, но, поскольку мы были уверены, что в случае пурги сумеем добраться до какой-нибудь юрты, мы не испытывал никаких колебаний выйти на маршрут.

---

<sup>1</sup> Общепринятое название таких общественных юрт — поварни. — *прим. перев.*

Наши приготовления были закончены только к 9 часам, и тогда, по поданному сигналу, мы бросились вниз по крутому склону, а полдюжины туземцев придерживали наши повозки, чтобы они не опрокинулись. Затем мы крикнули им «прощайте!», и вскоре деревня скрылась из виду. Мы продвигались в восточном направлении, двигаясь теперь по извилистому руслу какого-то замёрзшего ручья, а затем через лиственный лес, пока примерно в 3 часа дня не добрались до юрты на реке Заворот, где обнаружили несколько саней, груженных вялым лососем на корм собакам, который прислали нам навстречу из Тауйска.

В этом месте маршрут отходит от реки, пересекает высокий горный хребет и ведёт к верховьям реки Кава. Пурга в это время бушевала уже в полную силу, но юрта была так плотно окружена деревьями, что мы совершенно не ощущали ветра. Здесь мы остановились, чтобы попить чая, намереваясь к ночи перевалить через хребет и добраться до юрты на другой стороне, примерно в двадцати верстах отсюда. Как только каюры узнали о наших планах, они собрались и всей толпой стали упрашивать майора не пытаться пересечь хребет в такую пургу, так как они могут заблудиться и погибнуть или их снесёт со склонов гор в пропасть. К этим доводам они прибавляли рассказы о том, что в подобных попытках гибли целые отряды, и почти убедили майора не ехать. Но такая непогода длится иногда несколько дней, постоянно усиливаясь, и, поскольку ни у нас, ни у собак не было достаточно еды, чтобы задерживаться, мы пришли к выводу, что лучше всего будет ехать как можно скорее. Но некоторые из каюров взбунтовались и заявили, что не тронутся с места, и майор, не стесняясь в выражениях, сопровождаемых отборными русскими ругательствами и угрозами, а также присутствием трёх грозных и исполнительных казаков, преодолел их упрямство.

На склоне неистово бушевал ураганный ветер, и, хотя мы были несколько прикрыты лиственным лесом, снег летел такой плотной тучей, что мы не могли различить передних собак наших упряжек. От старой тропы не осталось и следа, и выбирать дорогу приходилось буквально на ощупь.

Двое или трое нарт немного отстали и тут же потеряли наш след, им удалось найти нас только через полчаса по крику людей, которых мы послали за ними вереницей на расстояние оклика друг от друга.

Снег набивался внутрь наших повозок так быстро, что мы прикрыли кожаные занавески, зная, что всё равно не можем помочь каюрам находить дорогу. Снаружи царил полный хаос, но повозки были хорошо защищены от ветра, мы внутри и почти ничего не слышали, кроме завывания ветра, сквозь которое иногда могли различать крики каюров,

подгоняющих собак. Время от времени нарты сильно ударялись о дерево или чуть не переворачивались, наезжая на какое-нибудь занесённое снегом бревно, но всё обошлось, и никто не пострадал. В конце концов после двухчасового соперничества с природой караван остановился, и каюры с непроницаемыми лицами собрались вокруг наших повозок, чтобы сообщить нам, что они заблудились. Им не удавалось найти ни следов старой тропы, ни каких-либо ориентиров, указывающих на то, где мы находимся. В таких обстоятельствах мы решили, что единственный выход — разбить лагерь там, где мы были, пока буря не утихнет; но как раз в этот момент ветер немного стих, и мы разослали людей на лыжах во все стороны, чтобы ещё раз попытаться выяснить где мы. Через несколько минут мы услышали далеко в стороне радостный крик, и вскоре все уже всюду трудились, помогая собакам тащить сани вверх по крутому склону. Оказавшись на вершине, мы почувствовали истинный облегчение, потому что с этого момента наш маршрут к следующей юрте лежал вниз по склону. К тому же на восточной стороне хребта не было ветра.

Здесь же я не мог не отметить полное отсутствие деревьев или какой-либо растительности. Перед нами, насколько позволял видеть падающий снег, не было ничего, кроме матовой белизны, в которую наши собаки, немного передохнув, бросились во весь опор с громким, возбуждённым лаем. Склон был очень крутым, а наш спуск таким стремительным, что казалось, мы падаем с воздушного шара. Не зная, какие препятствия могут быть впереди, каюры сдерживали скорость своих собак остолы, вонзив их железные концы в снег между полозьями или тормозя ногами. Остолы поднимали такие тучи снега, что упряжки полностью скрывались в них.

Эти меры предосторожности были приняты весьма своевременно, ибо в следующий момент мы внезапно оказались на краю снежного обрыва высотой около пятидесяти футов, который мы едва успели миновать, направив упряжки в сторону. Но некоторым каюрам не удалось сделать это в полной мере, и они свалились с обрыва в месте, где высота его составляла футов двенадцать, отделавшись сломанными нартами и одной раненой собакой, которую поцарапало обломками. Сани были вскоре починены, и наше путешествие продолжилось, хотя и в более умеренном темпе. Маршрут наш пролегал по узкому ущелью, в котором снег, сдуваемый ветром с окружающих вершин, местами достигал глубины более ста футов. Состояние пути было отличным, за исключением мест, подобных тем, что мы только что миновали. Такие обрывы возни-

кают из-за действия ветров, дующих в ущелье с такой силой, что выдувают большие полости в массе скопившегося снега, с отвесными стенами высотой в семьдесят футов, плотными, как лёд. В других местах ветер формирует многотонные снежные козырьки, нависающие прямо над тропой. Эти массы время от времени обрушиваются, делая путешествие весьма опасным, не говоря уже об обширных снежных завалах, которые время от времени преграждали нам путь. Мой каюр рассказал мне, что совсем недавно один человек погиб вместе со своими собаками под одной из таких глыб. В 8 часов вечера мы прибыли к юрте на реке Шилкан и с благодарностью воспользовались ей на ночь.

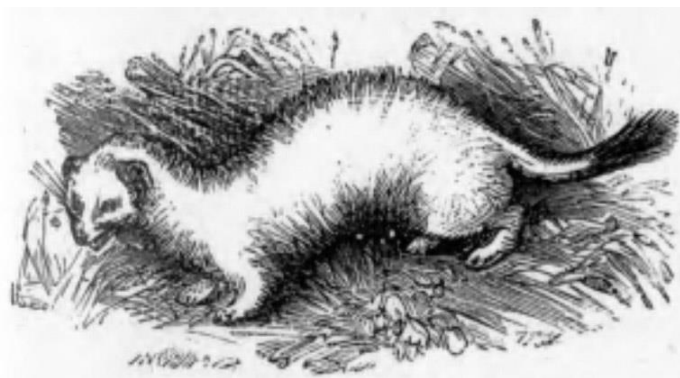
На следующее утро перед отъездом каждый каюр, согласно обычаю, припрятал в укромном месте дневную норму рыбы для своих собак, чтобы воспользоваться им на обратном пути. Это очень разумная мера предосторожности, поскольку нередко случается так, что в результате какого-либо несчастного случая они теряют или вынуждены расстаться с частью своих запасов, и, если бы не эти резервы, они, возможно, никогда не вернулись бы домой, или вернулись ценой потери многих своих собак, которых они очень высоко ценят.

Хотя в каждом населённом пункте обитает множество этих животных, многие из них практически ни на что не годятся. По этой причине самые породистые и умные из них практически бесценны. Хороший вожак, обученный поворачивать направо и налево по команде голосом, если он ещё и силён, стоят иногда восемьдесят рублей, то есть около 60 долларов. Для этих бедных людей, чьи потребности так незамысловаты, это уже почти целое состояние. Цена обычной собаки составляет от пяти до пятнадцати рублей, в зависимости от состояния животного. Каждые два-три года в этих местах среди собак вспыхивает какая-нибудь разновидность чумки, которая почти всегда приводит к смерти; иногда сотни их погибают за одну неделю. В такие времена выживших не купить ни за какие деньги.

Наш путь пролегал по холмистой местности с редким лесом на восток к реке Кава, которая впадает в Тауйскую бухту примерно в двухстах пятидесяти верстах восточнее. День был приятный и довольно тёплый, термометр показывал  $-18^{\circ}$ , и путешествие было бы приятным, если бы не плохая дорога. Дело в том, что караваны собачьих упряжек движутся, по возможности, всегда по одной и той же тропе, при каждом новом выпадении снега утрамбовывая его на старых следах, так что ближе к концу зимы тропа становится твёрдой и узкой, высотой два-три фута над землёй, в то время как по обе стороны снег такой глубокий и рыхлый, что человек может провалиться по пояс.

Из-за этой особенности дороги, мы испытывали большие неудобства, особенно из-за того, что из-за недавнего снегопада старая тропа была не видна, и нарты постоянно съезжали с неё и проваливались в глубокий снег. Каждый раз требовалось два-три человека, чтобы поднять их обратно на тропу. Чтобы избежать этого, мы послали вперёд двух человек на лыжах, которые ощупывали дорогу палками и показывали остальным путь. Во второй половине дня снова пошёл снег, сопровождаемый сильными порывами ветра, но затемно мы были уже в юрте на берегу реки Кава. Река в этом месте имеет около ста футов в ширину, а берега густо заросли тонкими лиственницами — ни одна из них не превышает десяти дюймов в диаметре.

На следующее утро всё ещё дул сильный встречный ветер, который особенно досаждал каюрам, но сама тропа стала намного лучше. Мы продолжали наш путь на восток по широкой и густо поросшей лесом долине Кавы, иногда двигаясь по самой реке, но в основном более прямым путём через лес, чтобы избежать длинных и частых излучин реки. В полдень, по нашему установившемуся обычаю, мы остановились в очередной юрте, чтобы пообедать. Обычно такие обеды проходили на скорую руку и без особых изысков. Пока готовился чай, Вьюшин, старший казак, доставал замороженного лосося и ножом нарезал его тонкими ломтиками, чтобы есть с солью. Поначалу мы ели такую рыбу с замороженным чёрным хлебом, нарубленным на порции топором, но, обнаружив, что грызть замороженный хлеб не очень приятно, и его надо было размораживать в горячем чае, мы впоследствии решили разогревать его на огне на тарелке и нарезать на кусочки. Для разнообразия мы иногда ели юколу из лосося, которой кормили наших собак, и который, если правильно приготовлен, был очень вкусным.



Горностай

В тот день я сидел, скрестив ноги, в юрте и ел, когда моё внимание привлёк маленький белый зверёк, по-видимому, из семейства ласк, который метался взад и вперёд под грудой дров в углу; движения его были



столь стремительными, что я не мог разглядеть его как следует. После того, как он появился несколько раз, я спросил Вьюшина, кто это. К моему большому удивлению, если не сказать разочарованию, оказалось, что это маленькое жалкое существо, прячущееся в старых чурках, было императорским горностаем, который, по моим детским воспоминаниям, ассоциировался у меня с королями и дворцами. Воистину, «всё суета сует», и этот скромный символ царственного великолепия по крайней мере на одну ступень снизил моё почтение к королевскому величию.

Каждые несколько вёрст по пути следования мы находили мёртвых собак, которые умерли от голода или были брошены зимой и замёрзли на дороге. Однако, когда на нартах есть хотя бы немного места, каюр никогда не оставит выбившееся из сил животное и будет везти его до тех пор, пока оно не восстановит силы.

В 6 часов вечера мы прибыли к другой юрте на берегу Кавы, но, поскольку до наступления темноты оставалось ещё некоторое время, а нам не терпелось добраться до Тауйска, мы двинулись к следующей, которой достигли в 22:30, хотя некоторые из самых тяжело нагруженных упряжек добрались до неё только к полуночи.

До Тауйска нам предстояло проехать ещё более ста двадцати пяти вёрст, и, чтобы успеть сделать это за один день, мы были в пути уже в 5 часов утра. Поездка в тот день была вполне обычной, дорога хорошей, но наши собаки слишком устали в предыдущие дни и бежали не очень быстро. Большую часть дня мы ехали по льду реки, достигнув её устья незадолго до наступления темноты. Здесь мы снова столкнулись с солёным льдом — устье реки было полностью завалено льдинами, которые нанесло сюда приливами. Чтобы обогнуть скалистый мыс, выступающий в залив на восточном берегу реки, нам надо было пробираться через эти торосы, и путь этот оказался очень трудным. Каждую из нарт приходилось переносить по отдельности, силами четырёх или пяти человек, которые волокли их через беспорядочное нагромождение льдин; нарты опрокидывались и ломались, собаки поскальзывались и проваливались в расселины, и тогда начинался жалобный визг и вой, когда какой-нибудь бедняга застревал. Расчищать путь приходилось топором, обрубая им выступающие острые обломки, и этот звук, смешанный с криками людей, лаем, воем и визгом ста пятидесяти собак... можно представить, каким бедламом это звучало! Закончили мы всё это уже в темноте, да и то только за счёт нескольких сломанных нарт и раненых собак, но, поскольку нам оставалось всего пятнадцать вёрст, а впереди

была хорошая дорога, мы кое-как подлатали сани и отправились дальше. До Тауйска добрались около 9:30 вечера.

## ГЛАВА XXII

В Тауйске, расположенном недалеко от бухты с таким же названием, насчитывается около двадцати жилых домов, начиная от вполне респектабельных бревенчатых и заканчивая простыми хижинами. Население представляет собой смесь русских, якутов, казаков и ламутов, отличить которых друг от друга довольно сложно<sup>1</sup>. Все они говорят на русском языке и приняли русскую религию и обычаи. В прежние времена Тауйский залив часто посещали американские китобои, они обычно сходили на берег и обменивали всякие безделушки на меха, так что мы обнаружили, что местные жители хорошо знакомы с американцами, а некоторые из них даже понимали английские слова и фразы. Тем не менее, узнав, что в городе американец, они дали волю своему любопытству, и всё время наблюдали за нами через щели в перегородке, отделявшей нашу комнату от других помещений дома. Они также весьма равнодушны к картинам и украшениям. Я был немало удивлён, обнаружив на стенах многих домов иллюстрации, вырезанные из иллюстрированных журналов Harper и Frank Leslie.

В тот же день, когда мы приехали в Тауйск, туда прибыл почтальон с письмами из Камчатки и Гижиги, среди которых было письмо от мистера Кеннана из маленького городка под названием Анадырск, расположенного на реке Анадырь, далеко на северо-востоке. Когда он писал, он как раз направлялся к устью реки в поисках Макрея и его отряда, которые должны были высадиться на берег моря в этом районе.

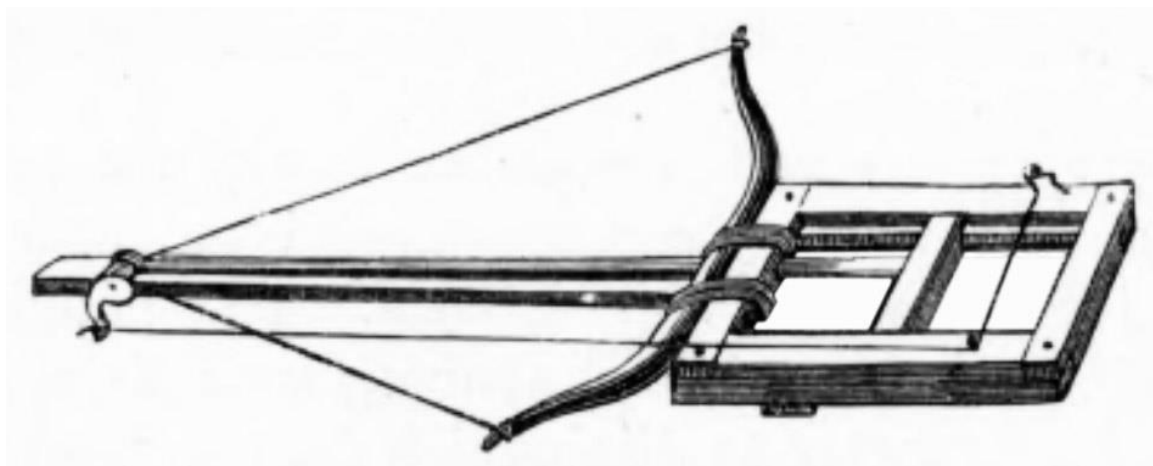
Из разговора со старостой, в доме которого мы остановились, я, к своему удивлению, узнал, как мало эти люди ценят горностая. Эти животные стоят у торговцев так дёшево (около шести центов за штуку), что мало кто на них вообще охотится; их ловят в основном только чтобы заплатить небольшой церковный налог. Так, у местного священника скопилось около пятидесяти шкурок, которые он охотно согласился продать мне за ничтожную сумму в пять рублей.

Он также показал мне ловушку, в которую обычно ловят этих животных. Устройства эти довольно любопытны и демонстрирует немалую изобретательность. Оно состоит из небольшой прямоугольной деревянной рамки, в которой сделана перекладка, скользящая по пазам с

---

<sup>1</sup> Как и многие иностранцы того времени, автор, очевидно, считал казаков отдельной национальностью. — прим. перев.

двух сторон, как лезвие гильотины. К верхней части рамы прикреплён небольшой тугой лук, стрела которого прикреплена к скользящей перекладине таким образом, что, когда лук срабатывает, стрела быстро и сильно прижимает перекладину к нижней стороне рамы. Ловушку располагают таким образом перед входом в жилище горностаев, что животное, чтобы войти или выйти, должно пройти между перекладиной и нижней частью рамы и при этом нажать на тонкую нитку, натянутую поперёк отверстия и ведущую к спусковому крючку. Нитка освобождает тетиву лука, и, прежде чем зверёк успеет проскочить, перекладина убивает его без повреждения шкурки.



Ловушка на горностаев

На следующее утро в 6 часов мы отправились из Тауйска в Армань, или Добратаун («добрый город»), как называли его китобои, и, хотя расстояние составляло всего полдня пути, мы взяли свежих собак. Поездка среди прибрежных торосов и валунов была очень трудной, и я бы сказал, что моя упряжка была сборищем самых ленивых четвероногих, которые когда-либо имели несчастье быть запряжёнными вместе. Я сильно подозреваю, что это вошло у них в привычку из-за нерадивости их каюра, точной копии Толстяка Джо<sup>1</sup> из Диккенса. С моей стороны требовалась постоянная забота о том, чтобы этот парень не заснул и не свалился сам и не опрокинул повозку на кочках, поэтому, когда мы выехали, наконец, на ровную дорогу, я испытал огромное облегчение.

Джо (как вы поняли, этим именем я прозвал моего каюра) тут же свернулся калачиком и сладко заснул на повозке, предоставив собакам следовать за другими упряжками. Мне стало любопытно, и я решил посмотреть, к чему это приведёт. Собаки, не слыша позади себя ни звука,

---

<sup>1</sup> Персонаж «Записок Пиквикского клуба» Ч.Диккенса. Потреблял огромное количество пищи и постоянно засыпал в любой ситуации в любое время суток. В медицине в его честь *синдром альвеолярной гиповентиляции при ожирении* был назван «синдромом Пиквика». — прим. перев.

начали оглядываться и, увидев, что каюр спит, постепенно замедлили бег и, наконец, совсем остановились и тоже стали сворачиваться клубочками на снегу, чтобы спокойно вздремнуть. Тут терпение моё кончилось, и, схватив остол, который без дела лежал тут же, рядом с каюром, я сильно ткнул его в бок, изобразив подобие боевого клича апачей. При этом звуке собаки мгновенно вскочили на ноги, но на парня это не произвело особого впечатления — он только лениво повернулся ко мне и слегка обозначил жирными губами страдальческую улыбку.

С большим трудом ему удалось произнести: «а-а-а... начальника» на сносном английском, после чего он начал медленно сворачиваться калачиком, чтобы снова заснуть. Опасаясь, что он снова заснёт, я поспешил завязать с ним какой-нибудь разговор. В ответ на мой вопрос: «Ты по-английски понимаешь?» на несколько мгновений на его лице застыло недоумение, затем он ответил: «Не знать». Не желая сдаваться, я изменил форму своего вопроса и спросил: «Ты знаешь американский?», на что он сразу же ответил: «Моя маленько знать», и затем стал перечислять китобоев, которых он видел в Тауйске. Поскольку он постоянно повторял одни и те же имена, он не закончил перечислять их до тех пор, пока мы не прибыли в Армань около 12:30 ночи.

Это селение также расположено на берегу Тауйского залива и настолько похоже на город Тауйск, что их трудно отличить друг от друга. Представьте себе, что в большой ящик для игры в кости положили дюжину добротных деревянных домов, высыпали их на берег моря, да так и оставили там, где упали — и вы получите представление о таком поселении. Для полноты картины, которую мы там застали, всё это должно быть щедро припорошено снегом, а пространство вокруг посыпано полуголодными собаками, воронами и сороками. Этих птиц никто никогда не беспокоил, и к ним настолько привыкли, что я видел, как они ежедневно делят с собаками еду из одной кормушки.

Во время своего предыдущего приезда майор Абаза послал приказ нескольким богатым ламутам, чтобы они встретились с ним здесь по возвращении, так как хотел переговорить с ними о покупке оленей для строительства телеграфной линии. По прибытии мы застали их в сборе, одетых в свои лучшие одежды из оленьих шкур, украшенных бусами и всевозможными безделушками. У одного из них, благожелательного на вид старика, на шее висела огромная серебряная медаль, которой его наградил царь за помощь в спасении умирающих от голода оседлых туземцев.

Эти люди питаются главным образом рыбой, но нередко случаются неурожайные годы, когда они не в состоянии обеспечить достаточный

запас рыбы, чтобы прокормить себя и собак в течение долгих зимних месяцев. Они в значительной степени зависят от своих собак, отправляясь по соседним селениям и стойбищам в поисках пищи, и делятся с ними последней рыбой; после чего им приходится зависеть от щедрости ламутов или питаться корой, кореньями и ягодами. Именно за помощь, оказанную в одном из таких случаев, старик был награждён. По его словам, он ценил свою медаль «даже больше жизни».

Голод случается здесь каждые три-четыре года, причиняя страшные страдания и часто приводя к смерти; но самое странное состоит в том, что этих людей никак не учит прошлый опыт. Как только голод заканчивается, они полностью забывают о своих мучениях и не делают никаких запасов на случай бедствий подобного рода в будущем. Обычно рыбы так много, что, приложив немного больше усилий, они могут сделать запасы, которых хватит на два-три года; но как только они вылавливают достаточно на одну зиму, они оставляют свои сети и предаются пиршествам и танцам, довольные сегодняшним днём и готовые предоставить завтрашнему дню самому позаботиться о себе. Ламуты очень похожи на тунгусов, у них такая же внешность, язык и обычаи, единственное отличие, которое мне удалось обнаружить, заключается в их названии<sup>1</sup>.

Ламуты, с которыми мы встретились, вели себя с большим достоинством и с величайшей серьёзностью уселись, чтобы выслушать предложение майора. У них было много оленей, и они были готовы продать их в любом количестве, при условии, что они будут использованы для каких-либо других целей, но не для строительства телеграфной линии, которую они, очевидно, не поощряли. Полагая, что они не совсем понимают назначение линии и что она собой представляет, майор объяснил им это, сказав, что она будет просто состоять из ряда столбов, расставленных по их территории, и тонкой проволоки, натянутой между ними. Он также рассказал, какие преимущества они получают, если будут иметь наши фабрики и станции в своей местности, где они смогут покупать припасы, одежду и всё необходимое, но ничто из сказанного, казалось, их не удовлетворило. Наконец один из них спросил, в каком направлении будет проходить линия, и, услышав ответ, они окончательно помрачнели и стали ещё более несговорчивыми. Мы не могли понять, почему они были так против этого проекта, пока один из них, словно осенённый новой идеей, не спросил, как далеко друг от друга будут стоять столбы.

---

<sup>1</sup> Эвенки (старое название: тунгусы) и эвены (ламуты) действительно родственные, очень близкие народы. Различия состоят в основном в образе жизни: эвенки — таёжные жители, охотники и оленеводы, а эвены — оседлый приморский народ, рыбаки и оленеводы. — *прим. перев.*

Когда им ответили, их лица вдруг просветлели, и они были готовы поделиться оленями. Они знали, что линия пересечёт их обычные маршруты передвижения, но предполагали, что столбы будут расположены так близко друг от друга, что они не смогут пройти между ними со своими оленями. Без дальнейших колебаний они пообещали нам весной двести оленей по два с половиной рубля (около 1,87 доллара) за каждого. Поскольку мы намеревались без промедления отправиться в путь, тут же были заказаны свежие собаки для поездки в Ямск, находившийся примерно в четырёхстах верстах от нас.

Во время нашего короткого пребывания все больные и бездельники селения приходили к нам попросить лекарства от своих различных недугов, зная, что у нас с собой есть аптечка. При их лечении медицинские знания вовсе не были нужны, поскольку они были готовы проглотить всё, что им давали — от мышьяка до порошков от простуды. Но на всякий случай мы ограничились последним, но я не сомневаюсь, что эффект был таким же благотворным, если бы мы использовали первое.

Среди них было много болезней, вызванных, вероятно, общением с китобоями. Значительная часть жителей была поражена ими безнадежно, а под рукой у нас не было средств остановить их распространение. Некоторые просто разлагались заживо, на них невозможно было смотреть без содрогания. Лёгочное кровотечение также, по всей видимости, довольно распространённое явление. Нередко встречались мужчины с лицами сплошь покрытыми шрамами от зубов и когтей медведя, иногда со следами оспы.

От Армани мы могли бы пройти по льду Тауйского залива, значительно сократив расстояние, но в это позднее время года лёд был очень ненадёжным, так что это было по крайней мере опасным. Всего за три года до этого несколько туземцев, пересекая залив в этом же месте, внезапно обнаружила, что их уносит в море на льдине, оторвавшейся от берега. Но им повезло, и после четырёхдневного плавания льдину прибило к берегу недалеко от Охотска. С тех пор исправник запретил кому-либо из своих людей предпринимать подобные попытки. Поэтому мы выбрали путь по хорошо проторенной тропе по реке Армани, что с нашими свежими собаками позволило нам продвигаться очень быстро.

В нескольких верстах от поселения мы встретили ламута, который ехал верхом на олене и вёл за собой другого, увидев наши упряжки, он свернул к берегу, надеясь, что наши собаки его не обнаружат. Однако их острое зрение и чуткое обоняние вскоре обнаружили присутствие оленей, и в одно мгновение их волчий инстинкт дал себя знать. Совер-

шенно обезумев от возбуждения, весь караван упряжек из почти двухсот собак яростно бросился к оленям с таким громким лаем и визгом, что он полностью заглушал крики каюров. Удержать их было невозможно, и, хотя большинство погонщиков перевернули свои тяжёлые сани, чтобы снизить скорость, но, несмотря на все их усилия, три упряжки настигли заднего оленя как раз в тот момент, когда он намеревался подняться на берег реки, и тут разыгралась самая дичайшая и жесточайшая сцена. Десяток собак мгновенно набросились на бедное животное и повалили его на снег, но каюры не отставали и в тот же миг оказались среди них, нанося крепкие удары направо и налево своими тяжёлыми остолами. Собаки упрямо продолжали атаковать, и олень, до этого времени скованный страхом, поднялся на ноги, вновь обретая самообладание, испуг сменился яростью, и он смело бросился в самую гущу своих врагов, подпрыгивая и нанося яростные удары всеми четырьмя копытами. В конце концов туземцы отогнали собак. Олень, потеряв своего товарища, который скрылся среди деревьев на берегу, в отчаянии бросился на середину ручья, и через мгновение свора снова набросилась на него, и, прежде чем собак удалось отогнать, олень был мёртв. В это время большая часть собак, которых удерживали их каюры, выли, прыгали и рвались, пытаясь освободиться.

Мы все очень сожалели о случившемся, сочувствуя бедному оленю за его страдания и ламуту за его потерю; но щедрое возмещение ущерба вполне удовлетворило последнего, и мы продолжили наше путешествие без дальнейших происшествий до самой темноты, когда разбили лагерь прямо в лесу, так как поблизости не было ни одной юрты. На ночь мы расположились в небольшом корякском пологе, который майор привёз с собой из Гижиги.

Полог представляет собой небольшую квадратную конструкцию, изготовленную из толстых оленьих шкур с мехом, и подвешиваемую за четыре верхних угла внутри корякских жилищ. Он имеет размер примерно шесть на шесть футов и высоту четыре фута, каждый из них служит отдельной квартирой для каждой из семей, проживающих совместно в одном жилище. Уходя спать, семья берёт с собой в полог небольшую лампу из неглубокой деревянной чашки, наполненной тюленьим жиром, в котором плавает фитиль из пучка мха. Это обеспечивает не только свет, но и тепло в тесной, замкнутой атмосфере полога, и вскоре в нём становится невыносимо жарко. Мы установили полог, зажгли лампу и легли спать, но вскоре жара и зловоние от горящего масла, стали столь невыносимы, что мы поспешили поднять кожаную занавеску и подышать чистым холодным воздухом.

Путешествие в Ямск не представляло особого интереса: обычная холмистая местность, густо поросшая лиственницей и елью, с множеством небольших ручьёв. Мы ехали днём и ночью, останавливаясь обычно в юртах и лишь для того, чтобы дать нашим собакам и каюрам отдохнуть. Для нас это не имело большого значения, так как наши удобные повозки позволяли нам спать в пути, а поскольку мы намеревались найти в Ямске новых каюров и собак, то надеялись, что наши нынешние могут выдержать небольшое недосыпание в течение трёх-четырёх дней. Но тяжело нагруженные нарты и непрерывная работа были слишком изнурительными для некоторых собак. Поверхность снега из-за частичного таяния днём и последующего замерзания ночью стала шершавой и до крови ранила лапы наших собак. Однако каюры на такие случаи имеют маленькие кожаные носочки, которые они надевают собакам на лапы, и нередко можно увидеть целые упряжки, обутые в такие башмачки.

В это время года неровный снег очень вреден для берёзовых полозьев нарт. В холодную погоду, чтобы защитить их от быстрого износа и улучшить скольжение, каюр каждые два-три часа в течение дня переворачивает нарту и смачивает полозья водой с помощью куска оленьего меха. Вода тут же замерзает, и они становятся гладкими. Если в дороге трудно раздобыть воду, они носят её в бутылке под одеждой, чтобы не замёрзла. Однако весной ледяное покрытие быстро изнашивается и не обеспечивает достаточной защиты, поэтому, если путешествие обещает быть особенно трудным, они обивают полозья полосками кости, вырезанными из рёбер китов.

В гравии в некоторых ручьях нам попадались агаты. Туземцы используют их как кремь для добывания огня. Трут изготавливают из гриба, растущего на берёзах, путём варки его в щёлочи. Некоторые добывают огонь трением деревяшек. Серу, по словам местных жителей, можно найти, в частности, на севере Камчатки<sup>1</sup>. Каждый туземец носит с собой подвешенный на шее мешочек с трутом и маленький костяной или деревянный сосуд, в который кладут трут, когда он затлеет, и раздувают пламя.

Во время странствий по Сибири у меня было множество возможностей для изучения особенностей и характера собак, и я не раз ловил себя на том, что наблюдаю за ними не только с любопытством, но и с восхищением. Их характеры так же разнообразны, как и у людей, и мне часто казалось, что я замечаю сходство собак с людьми, которых я когда-то видел. Они обладают немалым интеллектом и сообразительностью, часто способны перехитрить своих хозяев. Некоторые из них сдержанны

---

<sup>1</sup> Сера облегчает воспламенение трута. — прим. перев.



и исполнены достоинства, полностью осознают возложенные на них обязанности и относятся к ним с добросовестным старанием. Их ставят во главе упряжки, чтобы они подавали пример следующим за ними молодым олухам с добрыми, честными намерениями, но которые, будучи не очень сообразительными, нуждаются в мудром наставнике, который направлял бы их. За ними следуют «разгильдяи» — хитрые, остроносые ребята, которые всегда одним глазом смотрят через плечо, наблюдая за каюром, и старательно работают в упряжке, когда он наблюдает за ними, и тут же расслабляются, как только он отвлекается. Но их уловки часто разоблачаются и тогда им хорошо прилетает остолом, так что как только каюр поднимает свой грозный посох над головой, они жалобно вопят, как будто их убивают, и бросаются «добропорядочным» собакам под брюхо в поисках защиты. Они с удовольствием затевают драки с другими упряжками и, как только схватка становится всеобщей, выходят из игры и наблюдают со стороны; или ночью, когда их кормят, побыстрее съедают свою рыбу, а затем отнимают ужин у слабого соседа. Они всегда готовы повеселиться, прыгают за каждой взлетающей куропаткой и пытаются побудить своих товарищей пуститься в погоню, но работают только тогда, когда выбора нет. В конце упряжки, куда каюр может легко достать остолом, находятся те, кто и ленив, и глуп. Когда упряжка спускается с холма, они, похоже, считают своим долгом тормозить так, чтобы обязательно попасть под нарты. На коротких дневных привалах они тут же засыпают, а наступлению ночи просто рады. По утрам, когда все уже готовы тронуться в путь, их приходится вытаскивать из снежных постелей и пинать с полдюжины раз, чтобы разбудить.

Но самыми лучшими из них, хотя и упомянутыми в последнюю очередь, являются вожаки. Умные, активные, сообразительные и осторожные, они хорошо управляются голосовыми командами и своими действиями сдерживают остальных собак упряжки. Я помню, как однажды мы ехали по тропе, на ней показалась лиса и бросилась прочь на глазах у всей упряжки. Все собаки, кроме вожака, пришли в неистовство и бросились в погоню, увлекая вожака за собой. Он боролся с ними изо всех сил, но противостоять всем им не мог. Тогда он вдруг наострил уши и, посмотрев в другую сторону, несколько раз взвизгнул и бросился бежать, как будто преследуя другую дичь. Тут же все остальные повернули за ним, и он уверенно повёл их быстрым шагом обратно на тропу, где спокойно свернул на неё, и мы продолжили путь без дальнейших происшествий.

На третьи сутки после отъезда из Армани мы ехали всю ночь напролёт по хорошей дороге и рано утром следующего дня добрались до

юрты как раз в тот момент, когда началась сильная пурга. Юрта оказалась в очень ветхом состоянии и полностью занесена снегом, так что нам пришлось снова установить полог. Густой лиственный лес защищал нас от ветра, но снегопад был такой сильный, что, когда мы проснулись через шесть часов, то обнаружили, что всё скрыто под снегом, остались видны только верхушки нарт. За это время температура стала выше, и снег сменился дождём, увлажнив снег, а затем снова стало холодно, и на поверхности снега образовалась прочная ледяная корка.

Уже вскоре после остановки наши люди и собаки, измученные усталостью, улеглись спать. Утром, когда мы выползли из полога, на месте наших четвероногих друзей виднелись только маленькие холмики снега, похожие на могилки. От нашего крика одна за другой на холмиках ломалась ледяная корка, и мохнатые головы показывались на поверхности, словно мертвецы, восстающие из могил. Для нас зрелище было забавным, но, наверное, изрядно переполошило тех, кто этого не ожидал. Криков, однако, было недостаточно, чтобы поднять всех собак, то ли из-за ледяной корки, то ли из-за того, что они были вполне довольны своим положением, я не знаю. Во время сна они сворачиваются калачиком так, что даже холмики не всегда указывают где они находятся, и, чтобы найти их, нам пришлось, взявшись за потяг упряжки, к которому они все привязаны, проследить по ремням, где они лежат. После этого каюр дёргает за ремень, корка ломается, оттуда выскакивает собака, совершенно очумелая со сна и неожиданности. Два-три основательных пинка, за которыми следует зевок и хорошая потягушка, немедленно приводят пса в чувство, и он с явным удовольствием наблюдает, как эта процедура повторяется с каждым из его товарищей. В некоторых случаях требовалось три-четыре рывка за ремень, чтобы сломать корку, настолько она была крепкой.

Казак Вьюшин рассказал мне, что однажды ему пришлось разбивать кору топором, чтобы вытащить своих собак. Казалось бы, люди или животные, погребённые в снегу таким образом, испытывали бы трудности с дыханием, но это не так, поскольку свежее выпавший снег настолько рыхлый, что содержит или пропускает необходимый объём воздуха.

Эти люди, как правило, очень грубы, а иногда и жестоки в обращении со своими собаками, но это единственный способ держать их в подчинении. Привязанность — редкая черта характера у этих животных, они мало ценят доброту. Одна из собак моей упряжки, прекрасный, крупный кобель, был слепой на один глаз, и как-то, когда я обедал в дороге, я заметил, что бедняга не увидел ни одного из брошенных ему объедков. Я

ему посочувствовал, и, будучи убеждённым сторонником гуманного отношения к животным, протянул псу кусочек сушёной рыбы, а он тут же схватил рыбу вместе с моей рукой, оставив на ней пару отметин от зубов, видимо, в знак благодарности. Его всегда учили ловить брошенную пищу на лету, и в этот раз он, видимо, ожидал того же. Самцов, из-за их своенравной дикарской натуры, приходится перевоспитывать, чтобы использовать в упряжке. К некоторым упряжкам незнакомцу очень опасно приближаться.

24 марта мы прибыли в Ямск, небольшое село на берегу Ямского залива, с населением около ста пятидесяти человек. Почти все жители были коряками (племя, с которым я раньше не встречался) и переняли русский язык и обычаи, так что я не смог обнаружить в них ничего отличного от других полуцивилизованных туземцев побережья. Это место также часто посещали китобои, у которых туземцы покупали яркие краски для украшения интерьеров своих домов. Я думаю, что это селение превосходит другие по доброте и опрятности своих домов, а его жители весьма трудолюбивы и зажиточны. В подтверждение своего трудолюбия со времени первого визита майора они срубили много деревьев для телеграфных столбов.

Мы намеревались отправиться в путь на следующее утро, но, проснувшись, обнаружили, что на улице пурга — ураганный ветер гонит тучи снега, из-за чего было очень трудно переходить даже от одного дома к другому. Отправляться в путь в такую погоду было бы верхом безрассудства, так как мы не смогли бы пройти и версты, не заблудившись, поэтому мы отложили наш отъезд до утра 26-го.

В нескольких верстах от Ямска начиналась обширная тундра, по которой тянулся ряд треног из тонких жердей, служившие вешками во время пурги. Но дальше наш путь лежал в основном по лесистой местности, иногда мы проезжали по побережью, где время от времени попадались какие-нибудь жилища, а затем подъем по ручью в подходящую точку, откуда можно перевалить через горный хребет, и так далее, и каждый день повторял предыдущий. Следующим местом, где мы остановились, было село Туманы, расположенное в ста пятидесяти верстах от Ямска по прямой, но мы проехали путь гораздо длиннее. По дороге к этому месту не произошло ничего интересного, если не считать инцидента, который, хотя и незначителен сам по себе, свидетельствует о возмутительной наглости некоторых из этих каюров. Утром мы отправились в путь очень рано, и, будучи несколько утомлённым долгой дорогой накануне, я застегнул полог своей повозки и вскоре крепко заснул. Не знаю, как долго я находился в таком состоянии, когда проснулся от

удара и, открыв глаза, обнаружил, что повозка перевернулась. Я смирно лежал, каждую секунду ожидая, что каюр поставит её на место, но, не услышав снаружи никаких звуков, указывающих на такое намерение, я крикнул Егору, в некотором нетерпении, и получил в ответ «Сейчас!». Я уже знал, что русское «сейчас» не означает буквально «в течении часа», но используется этими людьми в смысле «немедленно». Я сдерживал своё негодование ещё минуту или две, удерживая равновесие на голове и правом плече и приподняв всё остальное тело под углом в сорок пять градусов, но в конце концов, решив, что Егор имеет в виду «сейчас» в буквальном смысле, я кое-как частично освободился и, выглянув наружу, увидел своего каюра, удобно прислонившегося к большому ледяному бугру и сладко покуривающего трубку со своим приятелем-каюром. Кажется, он бы волновался больше, если бы у него на глазах перевернулись нарты с дровами. В любом случае у меня нет слов, чтобы выразить мои чувства по этому поводу.

Когда мы подъехали к нескольким неказистым домикам, составляющих Туманы, стая голодных собак бросилась нам навстречу так быстро, насколько могли нести их слабые ноги, и, учуяв запах сушёной рыбы на нартах, бросилась к ним, чтобы захватить её. Один бедолага юркнул у меня между ног и, схватив рыбу, торчавшую из-под груза, попытался её вытащить. Я пнул его, чтобы отогнать, но он, не ослабляя хватки, только слабо взвизгнул и повис на рыбе с ещё бóльшим отчаянием. Наши собаки немедленно набросились на чужаков и сильно покусали их; бедняги были так обессилены, что, жалобно повизгивая, подчинились без сопротивления, стараясь тем временем дотянуться до рыбы.

На снегу лежали несколько окоченевших собачьих трупов, два изголодавшихся пса вцепились зубами в один из них, пытаясь утолить свой голод. Это было ужасное зрелище, он поразило всех нас особенно потому, что наш запас собачьего корма был слишком ограничен, чтобы мы могли им поделиться. Один из туземцев вышел и, отвечая на наши расспросы о собаках, сказал, что это почтальон, возвращаясь из Гижиги, попал в сильную пургу сразу за Вилигскими горами и был вынужден провести десять дней в юрте. За это время его собаки съели почти всю свою еду, и после того, добравшись до Туманов, он, не имея возможности раздобыть рыбу, был вынужден оставить сорок животных умирать там от голода. Бедняги не ели уже шестнадцать дней подряд.

Мы зашли в один из домов и увидели картину крайней нищеты, столь же плачевной, как и та, что была снаружи. Провели нас внутрь двое взрослых мужчин с измождённой внешностью, очень медлитель-

ные. Там находились три женщины и несколько маленьких детей, превратившихся от голода в жалкие тени. Исчерпав свои зимние запасы рыбы, последние дни они питались только корой и кореньями и теперь изо всех сил пытались выжить до весны, когда они забудут о своих зимних страданиях и будут наедаться рыбой, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. Положение женщин и детей было плачевным, и всё из-за лености мужчин, и, будь это в моей власти, я бы без малейших угрызений совести наказал последних.

Голод в Туманах случается ежегодно, и невзгоды одной зимы — это всего лишь повторение предыдущих. И в то же время, как мне сказали, ни в одном другом месте на побережье нет такого богатого улова самой лучшей рыбы, которую можно поймать со столь малыми усилиями. Часто двух недель хорошей работы с лихвой хватает, чтобы запастись на зиму, а ещё несколько дополнительных дней позволили бы жителям сделать запасы, которые навсегда избавили бы их от страданий; но, несмотря на все эти природные преимущества, никто на побережье не страдает больше, чем они. Кажется, их девиз — это забвение прошлого, расточительство в настоящем и беспечность о будущем.

Правительство снабжает их бечёвкой и волосом для изготовления сетей и неводов, но вместо того, чтобы самим их изготавливать и заниматься рыбной ловлей, они отдают бечёвку ламутам за то, что последние снабдят их рыбой на долгую зиму. Затем, как только наступает зима, они предаются пиршествам, съедая все свои запасы в первые несколько месяцев и до весны пользуясь щедростью племён, живущих в глубине страны. Но они часто ошибаются в своих расчётах, как это случилось в этом году.

## ГЛАВА XXIII

Когда мы добрались до Туманов, было уже поздно, и мы остановились там на ночлег, а рано утром следующего дня, оставив все припасы, без которых могли обойтись, голодающим жителям, продолжили наше путешествие. Вилигские горы, возле которых почтальона постигло несчастье, представляют собой высокий отрог, спускающийся к морю от Джугджурского хребта, который тянется здесь вдоль побережья и в конце концов исчезает в цепочке низких холмов в тундре далеко на северо-восток от нашего нынешнего местоположения. Путешественники всегда с опаской приближаются к этим горам, не столько из-за их скалистых склонов, сколько из-за сильных ветров, которые почти непре-

рывно дуют по их ущельям. Есть три маршрута, по которым путешественники проходят через Вилигские горы. Первый заключается в том, чтобы двигаться у подножия скал, которыми горы заканчиваются на побережье; но это не всегда возможно из-за солёного льда, по которому проходит часть пути. Второй способ, и самый лучший в хорошую погоду — это прямой маршрут через горный хребет; но из-за скалистых крутых склонов путь этот очень опасен, за исключением тех дней, когда погода благоприятствует. Третий маршрут — самый безопасный и длинный, поскольку для его прохождения необходимо сделать крюк вглубь страны, пересекая горный хребет примерно в сорока милях от побережья.

Мы решили следовать последним маршрутом не только из-за его простоты, но и для того, чтобы выбрать место для телеграфной линии, поскольку другие варианты не подходили для этой цели. Таким образом, от Туманов мы направились вглубь страны по холмистой и густо поросшей лесом местности, по пути следования останавливаясь в юртах. Остановки эти были очень короткими, обычно не более пяти часов.

Во всех этих юртах на стенах висели небольшие деревянные распятия, перед которыми наши каюры неизменно крестились при входе. В одной юрте, прямо под крестом, прошлым летом свила гнездо ласточка, укрепив его прямо на брёвнах. В хижине было так много уголков и ниш, лучше приспособленных для строительства гнёзда, что выбор птичкой для выведения своих птенцов места под сенью креста казался очень мудрым и предусмотрительным, и в этом свете наши люди и рассматривали его. Чтобы проверить их веру, я сделал вид, что собираюсь содрать гнездо, но они в ужасе замахали руками от моего святотатства, и я не думаю, что смог бы сделать это, не испытав угрызений совести.

На второй день после отъезда из Туманов, благодаря прекрасной погоде, мы без труда преодолели хребет, хотя из-за отсутствия тропы были вынуждены прокладывать её для наших упряжек с помощью лыж. Местность была лесистая и во всех отношениях идеально подходила для телеграфной линии. На восточной стороне хребта мы вышли на исток одного из притоков реки Вилига, по которому спустились почти до побережья, и вышли к юрте, где задержался почтальон, около 5 часов вечера. Не будучи уверенными, что хорошая погода продлится долго, мы решили поскорее покинуть это место и двигаться дальше без остановок. Наш курс шёл параллельно побережью, на расстояние от трёх до пяти вёрст от берега, и пролегал по обширной холмистой тундре, которая постепенно повышалась по мере удаления от побережья и в нескольких верстах заканчиваясь низким хребтом. Когда нас застигла

темнота, поблизости не оказалось леса, подходящего для лагеря, поэтому мы решили пробираться в темноте до следующей юрты. С наступлением ночи на землю опустился лёгкий туман, скрывший от нашего взора звёзды и окутавший тундру так, что мы не могли определить, где кончается снег и начинается небосклон. Наши нарты, казалось, парили в пелене тумана.

Мы больше не могли различать рельеф тундры более чем на несколько шагов в любом направлении, все предметы, небо и снег, были одного и того же неопределённого пепельного цвета, и через несколько часов наши проводники объявили, что заблудились. Взяв по компасу курс на восток, мы решили следовать по нему до тех пор, пока не найдём достаточно дров, чтобы вскипятить чай, и там разбить лагерь на ночь. Шли часы, и в конце концов, после крутого подъёма, в четверти мили впереди мы увидели длинную тёмную линию деревьев — первое, что мы увидели этой ночью. Наши проводники сразу же узнали местность, и через полчаса, в 3:30 утра, мы оказались перед юртой.

Но тут возникло ещё одно препятствие: хижина была почти полностью завалена снегом. Каюры тут же принялись энергично разгребать лыжами снег, и ещё через полчаса мы уже топили свои ночные страдания в чашках, полных вкусного чая. Мы все были слишком измучены, чтобы дожидаться ужина, и даже многие из наших собак, хотя ничего не ели со вчерашнего вечера, немедленно свернулись на снегу калачиками и уснули, не успев получить свою дневную норму сушёной рыбы.

Выносливость этих маленьких животных просто поразительна. Две упряжки из нашего отряда сопровождали майора от Гижиги до Охотска, расстояние в тысячу двести миль, и, отдохнув всего три недели, отправились с нами в обратный путь, таща тяжело нагруженные сани и большую часть пути возглавляя обоз. Собаки других наших упряжек менялись не менее четырёх раз, но эти две упряжки, несмотря на долгие переезды, стойко держались на ногах. По истечении ещё трёх-четырёх дней они преодолеют две тысячи четыреста миль, последние тысячу двести — за короткий промежуток в девятнадцать дней.

На следующее утро мы двинулись дальше к реке Таватум, где была ещё одна юрта, занесённая снегом, но, поскольку по некоторым признакам начиналась пурга, а наши собаки ещё не оправились от вчерашнего, мы решили остановиться здесь на ночь. На этой реке, недалеко от юрты, находятся горячие серные источники, рядом с которыми стоит старый полуразрушенный дом. Хотя днём температура воздуха составляла минус 26°, температура источников была +55°. Однако, выходя на поверх-

ность, вода недолго сохраняет своё тепло: ручей, вытекающий из источника, замерзает в двухстах ярдах от своего истока. Выехав рано утром на следующий день, 1 апреля, мы прибыли в Наяхан<sup>1</sup>, очень маленькое поселение всего в ста верстах от Гижиги, нашего пункта назначения. Почти на всём протяжении путь наш пролегал по холмистой тундре.

Утром 2 апреля мы двинулись в путь на отдохнувших собаках, рассчитывая к ночи добраться до Гижиги. Около полудня нам повстречалась вереницу нарт, шедших из этого места, и один из туземцев передал нам пачку писем от Кеннана, посланных из Анадырска. Тот писал, что, получив от местных чукчей косвенную информацию, что некий отряд из пяти человек высадился недалеко от устья реки Анадырь. Он раздобыл несколько упряжек и отправился на их поиски. После пятнадцати дней тяжёлого пути в сильные морозы он добрался до места, где ожидал застать отряд, но никаких признаков их присутствия не было обнаружено.

Усталый, замёрзший и разочарованный, он уже собирался прекратить поиски, как один из его каюров, проезжая по большому сугробу, обнаружил торчащую из него печную трубу. Это было единственное указание на местонахождение отряда, которое им повезло увидеть. В отряде под начальством Макрея были Арнольд, Робинсон, Смит и Хардер, но в жилище обнаружили только трое последних, а Макрей и Арнольд отправились в путь более месяца назад с несколькими чукчами в Анадырск, куда они рассчитывая добраться за десять дней и вернуться за оставшимися тремя. После этого Кеннан вернулся в Анадырск, прихватив с собой этих троих, но до момента написания письма от Макрея и Арнольда не поступало никаких известий, и он начал опасаться за них. Не зная, в каком направлении их искать, он не смог принять никаких мер, чтобы помочь им, если бы они оказались в опасности. Чукчи считаются самыми воинственными из всех племён Восточной Сибири. Кеннан и Додд (последний присоединился к отряду в Петропавловском Порту) были первыми, кто добрался зимой до устья Анадыря, хотя однажды это попытался сделать русский купец Филиппеус, но он не завершил своё путешествие из-за опасения встречи с дикими чукчами на побережье.

Письмо Кеннана было очень кстати, хотя и оставило нас в большой тревоге за безопасность Макрея и Арнольда.

---

<sup>1</sup> Наяхан — ныне не существующее село близ устья реки Наяхан в 17 километрах к западу по берегу Наяханской губы от современного пос. Эвенск.. — *прим. перев.*





Гижига

Около двух часов дня мы подъехали к двум-трём хижинам на краю высокого берега моря. Здесь мы съехали на прибрежный лёд Гижигской губы и ехали по нему несколько миль, пока не достигли устья реки Гижига. Ещё через два часа мы увидели довольно большое селение, расположенное на высоком восточном берегу реки<sup>1</sup>. Дома были обращены фасадами к реке и тянулись на некоторое расстояние вдоль берега. Посреди них стояла деревянная церковь, увенчанная башенкой с куполом. Наше путешествие наконец завершилось, и я без малейшего сожаления вылез из своей повозки, чтобы ещё раз насладиться жизнью в помещении. Мы с собаками преодолели тысячу двести миль за девятнадцать дней, включая остановки. Такое же расстояние, пройденное на оленях, заняло у нас четыре с половиной месяца.

Гижига расположена на краю тундры, которая простирается от реки далеко за пределы видимости, и совершенно открыта всем ветрам, поскольку на многие мили вокруг нет ни деревца, ни кустика, ни холмика, за которым можно было бы укрыться. Из-за этого на подветренной стороне каждого дома образуется огромный снежный занос, в которых прокопаны глубокие проходы, ведущие к дверям и окнам. Снега, однако, много со всех сторон домов, поскольку ветры переменчивые и сугробы

---

<sup>1</sup> Гижига в то время находилась не там, где расположено современное село Гижига, а на 25 км. выше по реке. Поселение тогда имело статус города и называлось Гижигинск. Ко времени описываемых событий оно уже потеряло своё значение и население (максимум 700 человек в 1805 г.). В 1920-х годах город был упразднён, и всё население переехало в устье реки в село Кушка, которое переименовали, и оно стало современной Гижигой. От старого города сохранились только остатки кладбища с несколькими надгробиями. — прим. перев.

образуются везде — и за каждой постройкой, и за каждым углом, и на открытых местах. Но это, хотя и придавало городу холодный, заброшенный вид, не было лишено своих преимуществ, поскольку дома были хорошо защищены от холода и ветра толстым слоем снега. В городе около пятисот жителей, в основном казаков и полукровок. Первых было около пятидесяти, вместе с исправником, унтер-офицерами, врачом и священниками.



Гижигский маяк

Гижига имеет большое значение, поскольку здесь находится правительство округа, охватывающего обширный регион северо-востока Сибири. Здесь также держат свои склады и лавки все полурусские скупщики пушнины, которые ездят отсюда по окрестностям для торговли с местными жителями. Находясь на единственном сухопутном пути из Камчатки в сибирские города, он имел то преимущество, что ежегодное почтовое сообщение, отправляющееся из Петропавловского с почтальоном в начале зимы, доходило до Якутска весной. Это было одно из самых ранних русских поселений на Охотском море, здесь ещё в 1728 году был основан острог, когда экспедиция из ста пятидесяти человек, состоявшая из казаков и тунгусов, под командованием молодого офицера по имени Афанасий Шестаков, была направлена сюда против коряков. Но, пройдя около двухсот вёрст, они потерпели сокрушительное поражение; ночью большой отряд коряков напал на их стоянку, застав их врасплох. Шестаков был убит вместе с большей частью его войска.

Несмотря на своё изолированное положение, город и его жители производили впечатление более цивилизованных, чем другие места и люди на Охотском море. Здания были добротными и удобными, в некоторых полы покрыты коврами и стены оклеены обоями, ещё несколько находились в процессе строительства; бревна для них были сплавлены примерно за двадцать миль по реке Гижига. Люди здесь умные и трудолюбивые. Мужчины обычно большую часть зимы путешествуют с торговцами мехами, перевозя их товары для обмена и возвращаясь с добытой пушниной. Женщины дубят кожи и шьют различные одежды, украшают их красивыми узорами, вышитыми разноцветными шёлковыми и шерстяными нитями, которые они покупают у торговцев. Все они чрезвычайно любят развлекаться, и вечеринки с танцами случаются почти каждую ночь.

Обширные тундры в этой части Сибири не так богаты пушниной, как лесные районы, к тому же та пушнина, которая здесь добывается, стоит очень дорого, поскольку местные жители весьма опытны и хорошо разбираются в ценности разных видов пушнины. Соболя и выдру добывают на Камчатке, а в тундре — в лесах, растущих по берегам рек. Бобров покупают у чукчей, которые, в свою очередь, выменивают их на олени шкуры у сородичей на восточном берегу Берингова пролива. Наиболее многочисленны лисы нескольких видов и белки, особенно первые, поскольку они встречаются повсеместно. Добытая за зиму пушнина отправляется через Охотск в Якутск, откуда расходится по рынкам Европы и Китая в соответствии со спросом на различные сорта. Китай всегда занимает значительную долю рынка и платит весьма высокие цены.

Когда мы приехали, жители были заняты приготовлениями к приближающейся Пасхе, которая наступает на двенадцать дней позже нашей из-за разницы в способах вычисления<sup>1</sup>. Было время Великого поста, и все с нетерпением ждали того времени, когда смогут наесться досыта, не испытывая угрызений совести. Но из-за скудости и однообразия продуктов питания, священники не строги к ним, за исключением последних двадцати четырёх часов, когда не разрешается брать в рот никакой пищи. Церковь украсилась по этому случаю новыми иконами, доставленными из Санкт-Петербурга. Вся она подвергалась тщательной чистке босоногими женщинами, которые прекрасно справлялись с работой, несмотря на холод. Хотя температура было не очень низкой,

---

<sup>1</sup> В 1866 году православная Пасха была 8 апреля по новому стилю, по которому идёт повествование (27 марта по старому), а католическая Пасха — 1 апреля. То есть разница составляла 7 дней, а не 12, как утверждает автор. Ошибка эта обусловлена, видимо, тем, что он учитывал только разницу в календарях (12 дней), а не разницу в способах вычисления даты Пасхи в католической и православной церквях — *прим. перев.*

погода была довольно промозглой, чтобы напомнить о том, что зима ещё не совсем ослабила свои объятия.

В это время года качели — любимое развлечение всех сословий, в Гижиге на берегу реки их было установлено несколько, на каждой могла поместиться дюжина человек. Их раскачивали местные жители и казаки в серых мундирах, и все распевали свои мелодичные русские песни. Эти люди — прирождённые музыканты. Они очень любят музыку, и у большинства из них, и у мужчин, и у женщин, прекрасные голоса.

Ночь перед Пасхой, до самой полуночи, была посвящена пиршествам и приготовлениям к предстоящему посту Великой Субботы; как только наступил этот час, все застыли, как замороженные, и лица жителей сразу же приняли мрачное, полуголодное выражение, и, без сомнения, многие из них были в панике, некоторые из них уже чувствовали себя ужасно голодными, хотя поели всего полчаса назад.

Богослужения проводились весь день и продолжались до полуночи; они были очень интересными, но я не стал дожидаться их окончания, так как сразу после того, как прозвучат слова о Воскресении, принято, чтобы все присутствующие поприветствовали друг друга тремя поцелуями, к чему я не особенно расположен, когда речь идёт о людях всех возрастов, размеров и полов. Когда служба закончилась, все поспешили домой, где их ожидало застолье.

Я поселился в большом уютном доме, который частично занимала семья торговца мехами. В ту ночь я уже лежал в постели, и последними звуками, достигавшими моих ушей перед тем, как заснуть, было деловитое позвякивание ножей и вилок. Неожиданно я проснулся от того, что дверь моей комнаты распахнулась, и я увидел перед собой трёх бородачей, в меховых одеждах с капюшонами, покрытыми инеем. По голосам я узнал Кеннана и Макрея, но голос Арнольда, который только что оправился от тяжёлой болезни, был неузнаваем. Через несколько дней после того, как Кеннан написал своё последнее письмо, эти джентльмены прибыли в Анадырь, пробыв в пути от своего жилища в устье Анадыря шестьдесят четыре дня. Сразу же по прибытии в Анадырь все трое отправились в Гижигу, проделав этот путь примерно за пятнадцать дней.

Нижеследующий отчёт о том, что пережили Макрей и его отряд я привожу почти в том виде, в каком он был рассказан мне этими джентльменами:

Когда отряд высадился в устье реки Анадырь, была уже поздняя осень — настолько поздняя, что у них едва хватило времени разгрузить

свои припасы и обустроить себе жилье до наступления зимы. Их высадили на берег как можно выше по реке, чтобы максимально сократить их зимнее путешествие. На берегах реки совсем не было леса для постройки жилища, за исключением нескольких стволов выброшенного на берег плавника, а на корабле нашлось всего несколько досок, так что они с самого начала столкнулись с серьёзными трудностями. В конце концов им пришлось вырыть землянку глубиной около пяти футов и размером девять на восемнадцать футов, над которой соорудили конструкцию со стенами из брёвен. Щели между ними они законопатили ветвями стланика, которым изобиловала тундра по берегам. Снаружи стен они насыпали землю и дёрн, сделав их непроницаемыми для ветра и холода, а в качестве крыши использовали те доски, которые нашлись на корабле. Хорошая печь с порядочным запасом провизии обеспечили им тепло и еду, но в качестве дров им приходилось полагаться на стланик и плавник, которые они находили на берегах. Кроме того, в составе их снаряжения был хороший вельбот, на котором они собирались продолжить изыскания по реке следующей весной<sup>1</sup>.

Когда хижина была закончена, все усердно занялись заготовкой дров на песчаной косе, на которой построили хижину, используя в качестве тягловой силы крупного ньюфаундленда, который был с ними. Они также приняли меры предосторожности, соорудив на эскимосский манер туннель для входа в жилище, обложив его дёрном. Едва они закончили приготовления, как наступила зима и поднялся сильный ветер с обильным снегопадом.

Постепенно они оказались изолированы в снегах, исключавших всякую возможность передвижений и оставлявших им только один выбор — встретить надвигающуюся зиму в неизвестности, с какими бы несчастьями или удачами она ни была для них уготована. Положение их было незавидным. Пятеро мужчин, впервые оказавшиеся в условиях арктической зимы, в чужой местности, оказались на территории племени, которое считалось диким и воинственным, о языке и обычаях которого они не только не имели никакого понятия, но и без всякой надежды, чтобы они их поняли. Они знали, что когда-то в верховьях Анадыря было небольшое русское поселение, но существовало ли оно до сих пор, у них даже не было возможности выяснить. Им было приказано проследовать к верховьям реки, а затем, по возможности, спуститься к Охотскому

---

<sup>1</sup> Это место, которое далее в тексте будет именоваться «лагерем Макрея», находится, по всей очевидности, в районе мыса Американская Кошка (64.886 176.243). Название мысу дали местные жители как раз после работы там этой экспедиции. «Кошкой» сибирские казаки называли косу или отмель на взморье. Интересно, что с этого мыса «официально», по лоции МО СССР, начинается река Анадырь, это её «нулевой километр». — *прим. перев.*

морю, чтобы встретиться там с нашими отрядами; но, поскольку они остались без средств передвижения, им оставалось только ждать появления чукчей, а затем принять наилучшее решение. Но до того времени им предстояло пребывать в мучительной неопределённости, в надежде, что рассказы об варварстве чукчей преувеличены, и в то же время опасаясь, как бы все эти рассказы не оказались правдивыми. Однако они были хорошо вооружены револьверами и карабинами, как и все наши отряды.

В конце концов, на их жилище набрели несколько чукчей во главе с туземцем по имени Акакий. Они были очень миролюбиво настроены, и с ними быстро установились дружеские отношения. Туземцы жили примерно в двадцати пяти милях от них, на юг по заливу, и, когда им множеством жестов удалось объяснить, что отряд желает подняться вверх по реке, их вождь также знаками сообщил, что через столько-то лун он заедет за ними и отвезёт их на оленях. Макрей попытался купить оленей и сани для перевозки своего отряда, но туземцы не захотели продавать ни одного из своих животных живыми, испытывая какие-то суеверные опасения по этому поводу, хотя и снабдили отряд всем свежим мясом, какое те только смогли пожелать. Через некоторое время прибыл большой отряд чукчей, которые гнали свои стада в горные и лесные районы на юге, подальше от зимних штормов, царящих в северных тундрах. Все они казались вполне дружелюбными, и, за исключением пропажи после их ухода топора, лопаты и другой мелочи, их присутствие не причинило никаких неудобств. Ещё в начале зимы Макрей и Робинсон пешком отправились на поиски поселения Акакия, чтобы купить там оленей. Они вышли из хижины ранним утром, взяв с собой ружья, и намеревались к ночи быть у чукчей. День был тихим и ясным, а лёд гладким и прочным, что позволило им пройти прямо вниз по реке и пересечь залив. Они без труда преодолели двадцать пять миль и около пяти часов вечера прибыли в искомое место, но, к своему большому разочарованию, обнаружили, что поселение чукчей заброшено.

Усталым и голодным, им нужен был отдых, но, понимая, что этой ночью туземцев им не найти, а у них не было с собой ни еды, ни спичек, они были вынуждены повернуть назад и постараться как можно скорее добраться до хижины. К несчастью, стало ещё холоднее, и подул сильный встречный ветер. Через двадцать миль они обнаружили, что по гладкому льду идти почти невозможно. Их нижняя одежда стала мокрой от пота ещё в начале дня, и теперь они чувствовали, что она начинает застывать на их телах. Они поняли, что если ослабят свои усилия, то за этим наверняка последует смерть, и, хотя и шатались от усталости, но

мужественно боролись, чтобы дойти до берега, где надеялись найти какое-нибудь укрытие.

Наступила ночь — тёмная, ненастная и очень холодная, — а они ещё не проделали и половины обратного пути. Они уже едва волочили смертельно уставшие ноги и спотыкались на малейших неровностях дороги. Наконец Робинсон лёг на землю и признался, что дальше идти не может, и ему суждено замёрзнуть, но Макрей забрал у него револьвер и ружьё и помог подняться на ноги. До ближайшего берега оставалось ещё несколько миль. Час шёл за часом, а ветер и холод всё усиливались. Только какие-то сверхчеловеческие усилия могли спасти их; и, полностью осознавая грозящую им опасность, они взаимно поддерживали друг друга и продолжали бороться. Мучения от холода сменились сильной сонливостью, они с трудом держались на ногах. Наконец они добрались до берега, но до хижины оставалось ещё шесть миль, а Робинсон заявил о своём намерении остаться здесь на ночь. Заснуть в таких обстоятельствах было равносильно смерти, и Макрей, зная это, вынужден был прибегнуть ко всем средствам, чтобы заставить своего спутника идти. Наконец, после долгой и отчаянной борьбы, в 3 часа ночи они оказались перед входом в свою хижину, почти мёртвые, но ньюфаундленд не узнал их и не позволял войти через туннель. Это задержало их на некоторое время пока кто-то из хижины не пришёл им на помощь. Оба сильно замёрзли, и, когда с них сняли одежду, на телах был толстый слой льда. Робинсон не мог оправиться от последствий в течение трёх недель и большую часть времени был прикован к постели. Они прошли без остановок более пятидесяти миль, проводя в пути двадцать три часа.

Наконец наступил срок, когда должен был прибыть Акакий. Однако прошло ещё некоторое время, прежде чем он появился, и у него был транспорт только для двоих. На расспросы Макрея о городе Анадырске он ничего не смог ответить, вероятно, никогда и не слышал этого названия, но он слышал, что в десяти днях пути вверх по реке есть поселение под названием Ваеги<sup>1</sup>, где живёт священник. В доказательство этого он

---

<sup>1</sup> В оригинальном тексте название этого селения — Wewoki. Есть две версии, какой населённый пункт имел ввиду автор:

1. Ваеги (63.971790, 170.707904, чук.: Вааргын, коряк.: Ваевви) — несуществующее ныне селение в устье реки Ваеги, притока реки Майн (притока Анадыря, на котором и находился в то время Анадырск). Причём, это не современное село Ваеги (64.166656, 171.041368), а т.н. Старые Ваеги, откуда в 1951 году жители переехали в современные Ваеги. Старые Ваеги остались только на старых картах начала XX века.

2. Вакарево (64.888462 171.608583) — несуществующее ныне селение на реке Майн ниже по течению современного села Ваеги. На современных картах отмечено как нежилое. — прим. перев.



продемонстрировал документ, написанный на русском языке, и небольшое распятие. Один из членов отряда понимал русский язык, и, поскольку документ подтверждал показания туземца, Макрей и Арнольд решили поехать с ним и послать за остальными членами отряда сразу же по прибытии в поселение.

На случай непредвиденных задержек они взяли с собой в дорогу пятнадцатидневный запас провизии. Позабывшись о том, чтобы как следует вооружиться и раздобыв у туземцев подходящую одежду, они, наконец, отправились в путь, спустившись по Анадырю к заливу, а затем поднявшись по другой довольно большой реке, текущей с юго-запада<sup>1</sup>, которой Макрей дал название «Арнора», по тому, как чукчи произносили имя Арнольд. Они шли очень короткими дневными переходами, иногда ночью им удавалось увидеть то место, которое они покинули утром. Однако, поскольку они были в меньшинстве и полностью зависели от чукчей, им оставалось только подчиняться, и по истечении десяти дней они обнаружили, что их припасы закончились, хотя путешествие только-только началось.

С самого начала они занимали полוג в палатке Акакия, и, поскольку хозяин питался также и их запасами, они вскоре были вынуждены есть то, что едят сами чукчи. Полупрожаренное мясо и суп из содержимого оленьего желудка сменили их собственный, тщательно подобранный рацион. Наконец они добрались до главного места встречи чукчей, расположенного далеко на юге, где жил старый «вождь оленей». Они задержались здесь на несколько дней, и многие туземцы употребили всё своё влияние на Акакия, чтобы попытаться убедить его отказаться везти их в поселение. Туземцы не знали цели экспедиции, а Макрей не мог им это объяснить, поэтому они опасались, что эти американцы могут оказаться шпионами, и боялись навлечь на себя неудовольствие русских за то, что помогали им. Время от времени демонстрируя свои мундиры и документы, адресованные российским чиновникам, исследователи внушали дикарям мысль о том, что они выполняют важную миссию; но даже это не полностью защищало их от хамства и попыток обмануть. Иногда они думали, что придётся прибегнуть к оружию, хотя это, несомненно, оказалось бы фатальным для них самих; тем не менее, они понимали необходимость проявить самообладание. После бесчисленных досадных задержек и мелочных ссор и после того, как они были вынуждены более пятидесяти дней вести образ жизни чукчей со всеми их отвратительными привычками, на шестьдесят четвёртый день они добра-

---

<sup>1</sup> Очевидно, это река Великая (другое название: Онемен). – прим. перев.



лись до поселения. Каково же было их удивление, когда они обнаружили там не только Кеннана и Додда, но и трёх своих людей, которых оставили в устье Анадыря.

С тех пор как я в последний раз видел Кеннана в Петропавловском перед нашим расставанием, он также пережил много тяжёлых испытаний и завоевал себе завидную репутацию благодаря энергии, настойчивости и выносливости. Но его путешествия были настолько продолжительными и полными интересных подробностей, что я не буду пытаться их описывать, а отсылаю читателя к собственному рассказу о них мистера Кеннана, который уже представлен широкой публике<sup>1</sup>.

Наша задача наконец была выполнена, и вся территория, лежащая между рекой Амур и Беринговым морем, была пройдена, и маршрут линии определён.

Почти две недели после прибытия из Анадырска мы предавались всем удовольствиям, которые мог предложить этот городок. Прогулки на санях и лыжах заполняли дневные часы, а вечера были посвящены вечеринкам, карточным играм и обсуждениям наших впечатлений. Весна быстро наступала, и увеличение солнечного дня и температуры обещало нам вскоре ещё раз увидеть зелёную траву и бегущие ручьи.

Упряжки из Анадырска, доставившие Кеннана и его спутников, спешили покинуть Охотское побережье, опасаясь, как бы им не помешало вскрытие рек, через которые нужно было переправляться. Солёный южный ветер и тёплые лучи солнца уже оказали немалое воздействие на снежный покров тундры.

Я уже в очередной раз решил, что мои зимние путешествия завершены, и начал спокойно наслаждаться оседлой жизнью, как получил приказ от майора о назначении меня руководить постройкой участка линии между Гижигой и Беринговым морем. Мне было велено немедленно отправиться в Анадырск с отъезжающими туда упряжками, а от туда спуститься по реке к устью, чтобы встретить суда, которые придут туда весной. Макрей был назначен командующим Анадырским участком — частью моего участка, которая простиралась вдоль реки Анадырь, и должен был сопровождать меня.

У нас был всего один день, чтобы подготовиться к отъезду. Однако времени этого было вполне достаточно, так как наши вещи были полностью готовы, и не надо было ничего другого, кроме как добавить кое-что из меховой одежды, чего нам не доставало. Я оставил свою повозку и взял обычные лёгкие нарты, к которым в задней части мой каюр при-

---

<sup>1</sup> Дж. Кеннан «Кочевая жизнь в Сибири», пер. с англ. А. Дуглас, 2019 г. — прим. перев.

делал очень удобную опору для спины. У Макрея было такое же средство передвижения. Майор обещал последовать за нами через несколько дней. Из Анадырска он намеревался вернуться с Доддом и Робинсоном, которых он назначил на работу в округа, которыми командовали Кеннан и Махуд.

## ГЛАВА XXIV

В среду, 18 апреля, утро выдалось ясным и благоприятным для начала путешествия. Температура была достаточно низкой, чтобы на снегу образовался твёрдый наст, а собаки после отдыха выглядели отлично. Поскольку путь ожидался непростым, к полозьям нарт были прикреплены костяные пластины, а наши дорожные припасы были тщательно упакованы. Мы попрощались с друзьями и бодрой рысью двинулись в тундру вверх по пологому склону возвышенности за городом. Через несколько минут Гижига скрылась из виду.

Когда мы отправились в путь, было уже довольно поздно, так что перед остановкой на ночь мы собирались пройти не более тридцати вёрст.

Проехав около десяти вёрст, мы достигли лесистого берега Мальмовки, небольшого притока Гижиги. Недалеко от этого места мы остановились в юрте, где жил якут. У него были коровы, и мы намеревались купить у него несколько фунтов молока в дорогу.

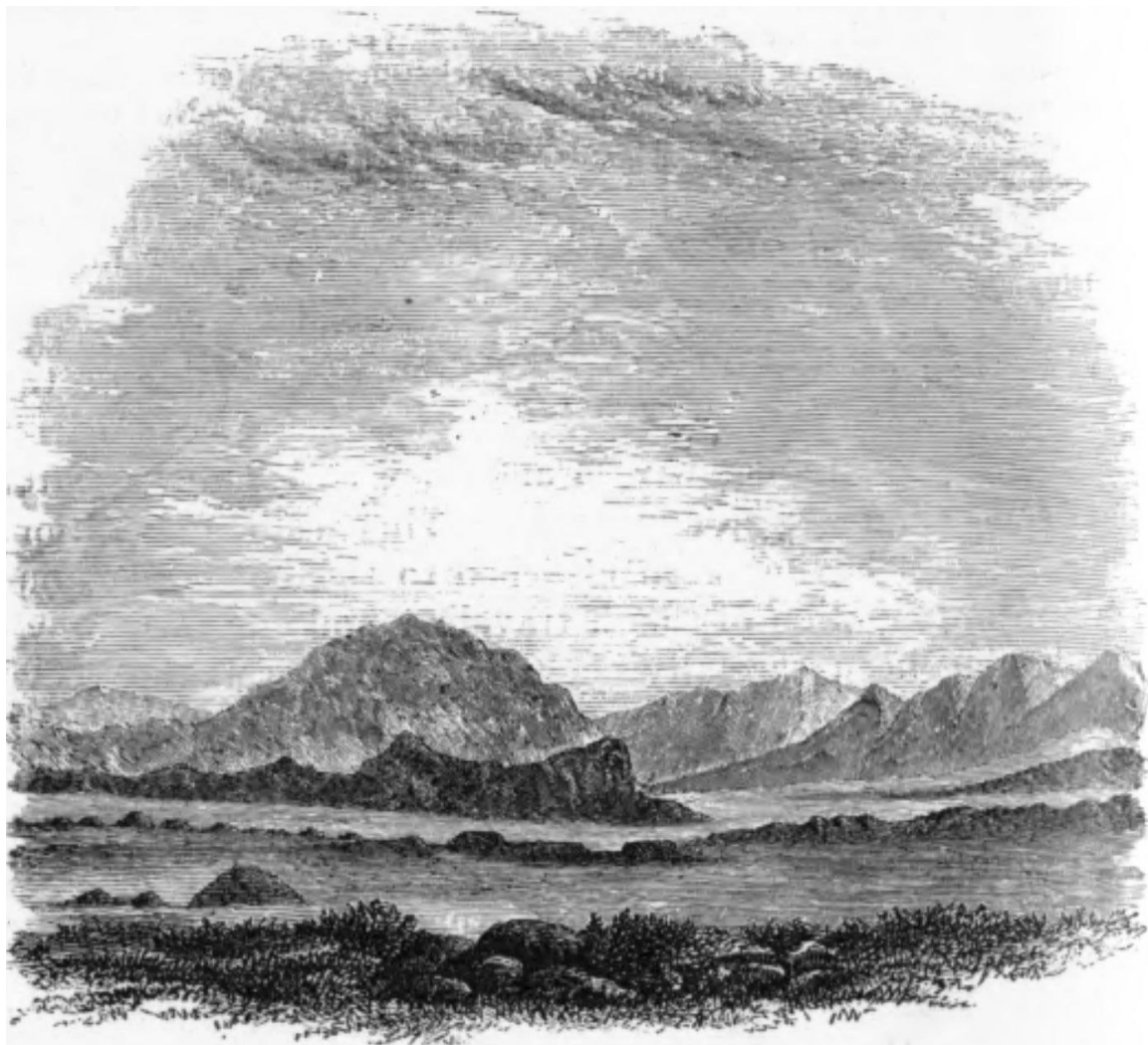
Может показаться странным говорить о покупке молока фунтами, но в это время года этот продукт покупается и продаётся в замороженном виде, и его можно хранить в обыкновенном мешке. При необходимости от большого куска просто отрубают топориком или ножом сколько надо.

От якута мы отправились вверх по Мальмовке через красивый лиственничный лес и только с наступлением темноты добрались до небольшой придорожной юрты, в которой и расположились на ночь.

В доме якута чуть было не повторилась сцену, свидетелем которой я был на берегу Армани, но в данном случае жертвой была корова, а не олень. Собаки набросились на животное и повалили его на землю, но быстрое вмешательство каюров предотвратило причинение большого вреда.

К четырём часам следующего утра мы снова были в пути, взяв курс на восток по обширной ровной тундре, оставив позади всякие следы древесной растительности. Снег в тундре, который в течение нескольких дней подтаивал под лучами солнца, представлял собой гладкую по-

верхность, от которой солнечный свет отражался с такой ослепительной яркостью, что мы были вынуждены побыстрее надеть защитные очки, иначе бы тут же ослепли. Но даже этого едва хватало, чтобы защитить наши глаза, и только с болью мы могли смотреть на снег. Каюрам повезло ещё меньше, так как им надо было управлять собаками, а их защитные очки были не столь эффективны, как наши. Они состояли из полосок жести с маленькими отверстиями или с узкими прорезями. Некоторые были сделаны из дерева с такими же прорезями для каждого глаза.



Тундра

Через два часа пути тёмная полоса леса позади нас полностью исчезла, и мы обнаружили, что едем без всякой тропы по слегка волнистому снежному пространству, простиравшемуся до самого горизонта. Эта холодная безжизненная и безмолвная пустыня вызывала у меня странное ощущение, которое я не мог преодолеть, — ощущение, как будто на нас вот-вот обрушится какое-то страшное бедствие. Я испыты-

вал страстное желание увидеть хоть какое-нибудь движение на девственно чистой белой поверхности, хоть какого-нибудь сухого листа, или если бы из-под снега показался хоть какая-нибудь мёртвая веточка — каким бы это было огромным облегчением! Но нет, перед нами лежало холодное неподвижное гладкое пространство, само воплощение Природы, по безжизненной поверхности которого бесшумно летели наши упряжки. Уже больше двух часов я не слышал ни слова, произнесённого человеком, ни звука, издаваемого животным. Казалось, все были под чарами этого предчувствия.

Через десять часов пути мы вышли к небольшой речке посреди тундры, называемому Осиновкой, на берегах которой росла дюжина довольно крупных, с грубой корой, старых осин, от которых река и получил своё название. Здесь мы собрали сухие ветки, чтобы приготовить ужин, и остановились на пару часов, чтобы дать нашим людям и собакам возможность отдохнуть. В 5 часов вечера мы продолжили наш путь, миновав цепочку небольших замёрзших озёр, и в 10 часов вечера, сразу после захода солнца, спустились к реке Парень, потока шириной около ста футов, берега которого окаймлены узкими полосами прекрасного леса, состоящего из лиственницы, ели, берёзы и какой-то разновидности тополя. Прямо из нашего лагеря у этой реки я насчитал на верхушках деревьев шесть орлиных гнёзд.

В 3 часа ночи я проснулся от того, что на лицо мне падал снег (мы не взяли с собой палатки), и, открыв глаза, увидел, что уже совсем рассвело, но небо наполовину затянуто тёмными тучами. Опасаясь пурги и чтобы поскорее добраться до корякского поселения Куюл<sup>1</sup>, до которого оставалось ещё примерно тридцать вёрст, до того, как на нас обрушится пурга, мы наскоро попили чаю и отправились в путь. Выбравшись из полосы леса на восточном берегу Парени, мы поднялись по длинному ровному пологому склону и снова оказались на слегка волнистой равнине, похожей на ту, по которой мы ехали накануне. По этой тундре мы двигались несколько часов, в течение которых унылое однообразие вокруг не нарушалось появлением ни малейшей кочки, ветки или даже какой-нибудь травинки. Даже следы проехавших ранее нарт были засыпаны выпавшим за ночь снегом, и во все стороны до горизонта простираясь неизменная, ничем не нарушаемая белизна. Я не могу представить себе ничего более скучного и неприветливого, чем эти тундры зимой.

Погодные условия на этот раз были гораздо лучше — тепло и безветренно, а нависшие облака защищали нас от ослепительных лучей

---

<sup>1</sup> Куюл (62.491539 163.253726) — бывшее корякское поселение в устье одноименной реки на берегу Пенжинской губы. Существовало по крайней мере до начала XX века (В.И.Йохельсон). — прим. перев.

солнца. Но сама тишина была зловещей, и мы всё время ожидали, что вот-вот почувствуем первые признаки неминуемого приближения пурги. Постоянные крики каюров и их попытки заставить собак бежать быстрее говорили о том, что они полностью осознают угрозу.

Около 10 часов утра, на вершине небольшой возвышенности, каюр обратил моё внимание на едва различимую тёмную полосу на горизонте, пробормотав при этом слово «Куюл», и сразу же собаки, по-видимому, почуяв близость жилья, пустились во весь опор. Но это оказалось состязание с непогодой, потому что тут же мы увидели, как вдали в тундре начали подниматься клубы снега, и через пару минут мы оказались в плотном снежном облаке, которое накрыло равнину со скоростью лавины, сопровождаемой яростным, пронизывающим ураганом холодного ветра. Наши собаки едва удержались на ногах, а нарты накренились от удара стихии.

Как только мне указали направление на Куюл, я взял направление на него по компасу, и хорошо, что сделал это, поскольку остаток пути нам пришлось полагаться на его стрелку, хотя некоторые каюры выказывали немалый скептицизм, что маленькая коробочка могла знать о их стране больше, чем они сами. После часовой борьбы с пургой ветер внезапно стих, и прямо перед нами сквозь пелену снега проступили несколько больших тёмных силуэтов, в которых мы узнали жилые дома Куюла. Но таких жилищ я никогда раньше не видел, и, если бы не был подготовлен к странному зрелищу рассказами других, которые были в этих местах раньше, я бы затруднился понять их назначение.

Передо мной была группа деревянных строений, которые больше напоминали огромные песочные часы, чем что-либо другое, с чем я мог бы их сравнить. Это сходство создавалось тем, что бóльшая часть такого дома находилась под землёй, и видно было чуть более, чем коническая крыша. На вершине её возвышается ещё одна крыша примерно такого же размера, но перевернутая, из длинных жердей, которые выступали по внешнему краю конструкции. Несколько мёртвых собак, принесённых в качестве жертв языческим богам, висели на них, насаженные шеями на заострённые концы. Рядом с каждым домом на столбах, в нескольких футах над землёй, на недоступной для собак высоте, были возведены конусообразные и пирамидальные строения, служившие кладовыми. Вокруг были развешаны рыболовные сети, собачья сбруя и всё остальное, необходимое для содержания множества ездовых собак, живших в поселении.



Жилища коряков

Когда мы въехали в деревню, жители тут же столпились вокруг нас и расселись на крышах юрт, как стайка воробьёв — всем было любопытно, кто мы и зачем приехали. Я решил войти в жилище, перед которым мы остановились, и стал обходить вокруг юрты, в надежде найти вход, но никак не мог его найти и растерялся, не зная, что делать. Тут ко мне подошёл большой, круглолицый, добродушный коряк, и сделал мне знак следовать за ним. Мы взобрались на крышу по длинному бревну, в котором был прорублен ряд отверстий в виде ступенек — что само по себе уже было немалым подвигом — и оказались в похожей на перевёрнутый конус конструкции. Она была выложена тюленьими шкурами и завалена кусками вонючего тюленьего жира, снегоступами, собачьей сбруей и прочей всячиной. Там же лежало несколько трупиков щенков, задушенных пучками соломы, их тоже приносили в жертву языческим богам. В центре конуса находилось тёмное отверстие диаметром в два фута, ведущее в какое-то подземное логово, из которого поднимались клубы дыма и самая ужасная смесь самых отвратительных запахов.

Сопровождавший меня коряк — это был хозяин юрты по имени Чекин — оглянулся и, убедившись, что я следую за ними, с ободряющей улыбкой просунул ноги в отверстие и, ухватившись за торчащий оттуда

столб со ступеньками, быстро скрылся внизу. Я последовал за ним, стараясь действовать осторожно, поскольку ничего не видел в дыму и не представлял, что там меня ждёт. Я сползал всё ниже и ниже, тщетно вытягивая ноги через каждую пару ступенек в надежде коснуться дна, и уже почти решил, что это, должно быть, вход в какую-то бездну, когда обнаружил, что стою на твёрдой поверхности.

В этот момент из непроницаемого мрака со всех сторон донеслись приветствия, на которые я ответил теми же словами и таким же тоном: «Зда-ро-о-о-ва!», но ещё несколько секунд не мог различить кто это со мной поздоровался. Когда, наконец, мои глаза привыкли к темноте, я увидел сидящего невдалеке Макрея, который успел попасть сюда, пока я бродил вокруг дома в поисках двери; и затем, постепенно, мне открылось устройство жилища.

Помещение было восьмиугольной формы, около двадцати пяти футов в диаметре, сложено из брёвен, покрытых чёрной блестящей копотью. Отверстие, через которое мы спустились, находилось примерно в двадцати пяти футах над земляным полом и было едва различимо сквозь густой дым, заполнивший верхнюю половину комнаты. По периметру помещения, примерно в двух футах над землёй, возвышался широкий помост, заваленный грудami грязных шкур, на которых сидели и полулежали пятнадцать-двадцать коряков обоого пола, от отвратительных беззубых старух до пухлых младенцев, все в тюленьем жиру и грязи. Над платформой было подвешено несколько пологов, служащих отдельными комнатами, и в общей сложности, при коряжской манере спать, могли вместить около пятидесяти человек. В центре помещения, прямо под входным отверстием, горел огонь для обогрева, и тут же, на нескольких больших камнях, стоял огромный медный котёл, в котором они готовили себе пищу из тюленьего и китового мяса.

Та часть помоста, которая находится ближе всего к подножию бревна со ступеньками, по которому мы спустились, считается почётной и всегда, когда есть гости, используется для них; в остальное время её занимает хозяин дома. Прежде чем разместиться на новом месте, мы позаботились о том, чтобы убрать старые шкуры и заменить их нашими постельными, поскольку нам не понравились, что коряки рядом с нами делают подозрительные телодвижения, которые убедили нас в присутствии у них неких живых существ, с которыми у нас не было никакого желания знакомиться.

Коряки — очень своеобразный народ, как внешне, так и по своим обычаям. Мужчины хорошего телосложения, крупные и крепкие, с пол-



ными добродушными лицами, маленькими черными глазами, выступающими скулами, широкими носами и пухлыми губами. Они бреют себе макушки, оставляя лишь кайму жёстких чёрных волос, свисающих на глаза и уши, что придаёт им сходство с монахами. У женщин те же черты лица, но они наносят на свои лица татуировки в виде линии на лбу, носу и подбородку, а щеки покрывают замысловатым узором из завитков. Когда они расчёсывают волосы на пробор посередине, то обычно заплетают их двумя косичками на спине, вплетая в них нитки бисера.

Они шьют одежду из хорошо выделанных оленьих шкур мехом внутрь, узоры на ней во многом такие же, как у тунгусов. Чистоте не уделяется никакого внимания. Они едят всё, что могут добыть, будь то мясо китов, тюленей, северных оленей или рыба, этот рацион, по-видимому, их вполне удовлетворяет, поскольку в нём нет недостатка в жире. Они от природы смелы и независимы, мало беспокоятся о смерти и, как правило, гостеприимны, но, говорят, при возможности могут предать.

Приём, который оказал нам Чекин, был таким, какого можно только пожелать, и, воспользовавшись его гостеприимством, мы без дальнейших церемоний расположились поудобнее, чтобы дожидаться окончания пурги, и решили не жаловаться на то, что нам предстояло видеть, есть и обонять. Казак Василий, сопровождавший нас от Гижиги, быстро приготовил обед, которым мы поделились с хозяином; после чего мы раскурили трубки и откинулись на наших ложах, чтобы насладиться новизной нашего положения и сделать заметки о корякских обычаях.

Вскоре под большим котлом развели огонь и сварили несколько больших кусков тюленьего мяса, после чего объявили о начале трапезы. Туземные обитатели жилища, большие и маленькие, вооружившись ножами, собрались вокруг деревянных чаш, наполненных дымящимся кусками, и приступили к еде.

В недостатке аппетита их нельзя было заподозрить даже после того, как один из младших использовал одну из чаш для совершенно другой цели. После трапезы женщины вернулись к своим занятиям — выделывали шкуры и укладывали младенцев спать, в то время как мужчины достали свои трубки с маленькими чашечками и собрались вокруг нас, с величайшим любопытством наблюдая за каждым нашим движением. Чирканье спички и немедленно вспыхнувший огонь удостоились возгласов почтительного удивления; но по-настоящему величайшее восхищение вызвали несколько колец дыма, которые мастерски испустил Макрей, и они обступили его со всех сторон, чтобы ещё раз стать свидетелями этого замечательного трюка. Каждые несколько секунд в течение дня в помещении становилось темно из-за того, что какой-нибудь



дородный коряк пролазил через отверстие наверху, перекрывая поток света. Каждый из прибывших приносил лисьи шкуры или что-нибудь ещё, что они хотели обменять на табак, ножи или какие-нибудь безделушки, которые мы привезли с собой.

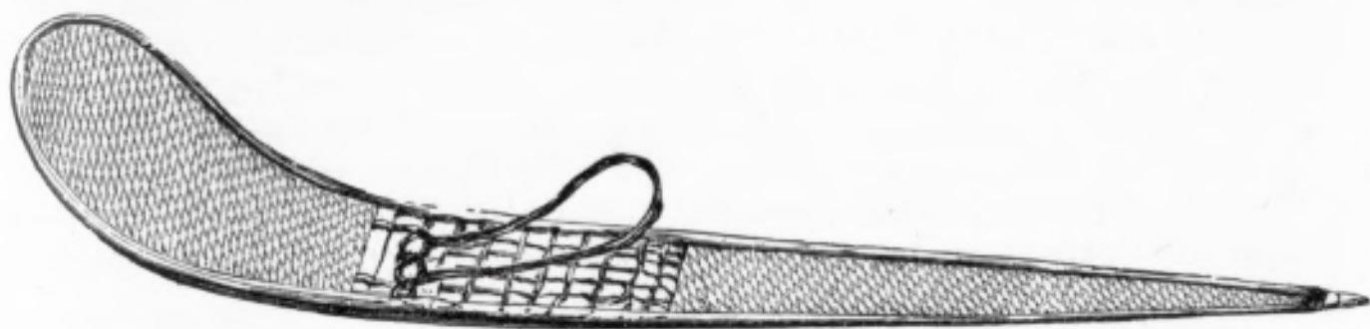
Мы завоевали вечную дружбу двух-трёх чумазных красоток, подарив им несколько ниток разноцветных бус, а они, в свою очередь, угостили нас одним из своих традиционных танцев, который очень трудно описать словами — настолько он кажется странным. Выйдя на середину, они начали с того, что издали низкое гортанное рычание, которое, казалось, исходило из самой утробы, сопровождая эти звуки быстрыми приседаниями, волнообразно раскачивая при этом туловищем взад-вперёд и размахивая руками. Так они продолжали некоторое время, постепенно ускоряя движения и меняя тональность своего ворчания. Они так увлеклись этим занятием, что вскоре уже прыгали, корчились, извивались и гримасничали так, что в них едва можно было узнать человеческие существа. Всё это время они стонали, рычали и визжали, казалось, всеми частями своего тела, и аккомпанировали себе хрустом суставов. Представление продолжалось до тех пор, пока танцующие насквозь не вспотели и не охрипли настолько, что уже не могли издать ни звука, и тогда, совершенно измученные, они повалились на землю. Увидев это, я невольно вспомнил замечание китайского чиновника, которого в один жаркий день пригласили на бал, который был дан в китайском порту Амой для наших военно-морских офицеров, находившихся там с визитом. Сановник сидел с нашим консулом и несколькими офицерами на подиуме, возвышавшемся над залом, и на его бесстрастном лице не отражалось никаких следов удовольствия или неприязни. Гости кружили в вальсе под звуки оркестра в лёгких летних одеждах и вытирали обильный пот со своих лиц. Консул повернулся к чиновнику и спросил, нравится ли ему это зрелище. «О, очень хорошо, — ответил он, — но я думал, вы заставите своих слуг делать это за вас». И я подумал об этом танце: для зрителей всё это очень хорошо, но увольте, чтобы я сам участвовал в этом!

В Куюле живёт около трёхсот человек; расположен он на низком берегу Пенжинского залива. Ближайший лес растёт на реке Парень, поэтому жителям приходится полностью полагаться на плавник, который служит и топливом, и материалом для строительства домов. А в своих пологах, как я уже говорил, они жгут для света и тепла тюлений жир.

Есть три разновидности коряков: цивилизованные или обращённые в христианство, которых я уже описывал, живущие в поселениях вдоль

побережья к западу от Гижиги — в Ямске, Туманах и Наяхане<sup>1</sup>. Их трудно отличить от других цивилизованных народов. Два других вида до сих пор сохраняют свои древние варварские обычаи и языческие верования. Первые из них известны как оседлые коряки, они постоянно проживают у Пенжинского залива и, подобно эскимосам, питаются почти исключительно продуктами моря. Эти коряки, за исключением нескольких отдалённых жилищ, сосредоточены в четырёх поселениях - Куюле, Микино, Шестаково и Каменское<sup>2</sup>. У них почти нет ружей, и они полагаются на луки и стрелы, копья с костяными наконечниками и гарпуны для охоты на китов и другую крупную дичь. Тюленей они обычно ловят очень большими неводами, сделанными из ремней, а для мелкой рыбы используют нитяные неводы, которые покупают в Гижиге.

Они используют два вида лодок. Первые имеют лёгкий каркас из берёзы, на который натянута тюленья кожа, сшитая сухожилиями, а швы замазаны смолой. Они открыты сверху, и самые крупные из них могут вместить сорок человек. Другие очень похожи на гренландские каяки, рассчитаны на одного-двух человек и полностью закрыты, за исключением круглых отверстий, в которых сидят гребцы. Для передвижения зимой они используют обычные собачьи упряжки с нартами, а вот их снегоступы отличаются от уже описанных тунгусских лыж. Они состоят из деревянных луков, закруглённых и приподнятых спереди и заострённых сзади, которые оплетены сеткой из тюленьих ремней. Они очень неуклюжие и не так хорошо держат на снегу, как лыжи, что используются якутами и тунгусами.



Корякский снегоступ

<sup>1</sup> Наяхан — несуществующее ныне поселение в устье одноименной реки. В 1950-х годах его население перешло в село Эвенск в 17 километрах к востоку. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Каменское (в тексте: Каменой) — несуществующее ныне село на северном берегу Пенжины в её устье. На старых картах до 1953 года обозначен немного западнее села Первореченское (в устье Первой Речки), по-видимому на месте, где на современных картах обозначено поселение Усть-Пенжино (нежил.). Здесь же недалеко (8 км. западнее) в Пенжинскую губу впадает речка Каменная, берущая начало на горе Каменная (756 м.). В 1953 году название «Каменское» перешло к селению «Пенжинская культбаза» (62.467443, 166.207956, после 1937 г. — «Корякская культбаза») на р. Пенжина в 70 км выше устья, сейчас это центр Пенжинского района. — *прим. перев.*

Они язычники, поклоняющиеся духам, с которыми они общаются через своих шаманов. Когда им угрожает болезнь или несчастье, они приносят в жертву этим духам своих лучших собак. У них обычно есть определённые скалы и горы, на которые они смотрят с суеверным трепетом и мимо которых они никогда не проходят, не сделав какого-нибудь подношения духам. Как почти все дикари, они питают сильную страсть ко всему опьяняющему. Они готовы пожертвовать чем угодно ради крепкого напитка, но, поскольку достать его трудно, они изготавливают для себя настой из мухомора, который русские используют для уничтожения насекомых. Гриб этот ценится среди них очень высоко, но его редкость и, как следствие, дороговизна делают его недоступным для бедных. Однако эти последние, благодаря одному весьма неоднозначному способу, всегда могут стать участниками пирушек у тех, у кого есть возможность их достать. Настой готовится путём простого вымачивания грибов и может употребляться в довольно больших количествах без каких-либо вредных последствий. Через несколько минут счастливики становятся совершенно пьяными и выпивают столько, что вынуждены избавляться от излишков, и тут уже бедные стоят наготове с чашками, чтобы собрать жидкость, которую они тут же выпивают и, в свою очередь, становятся пьяными. Таким образом, иногда целое поселение пьянеет от настойки, выпитой одним человеком.



Корякский парень и девушка

Следующее описание ухаживания и брака у коряков, полученное мною от казака Василия — это нечто весьма оригинальное в этой области:

Когда молодой человек влюбляется, он сообщает о своей страсти отцу избранницы и выражает желание добиваться её руки. Немедленно заключается своего рода контракт, по которому молодой человек обязывается служить отцу несколько лет, по истечении которых он может иметь удовольствие узнать, выйдет за него дочь или нет. Таким образом, если отец является счастливым обладателем красивой дочери, у него одновременно может быть несколько мужчин, готовых служить ему. Когда срок подневольного труда истекает, выбирается одна из самых больших юрт, и все местные старухи, вооружённые палками и ремнями, устраиваются наготове в её пологах. Затем появляется дочь, укутанная в кожаные одежды, и её возлюбленный, который начинает преследовать её по кругу через пологи. Чтобы завоевать невесту, он должен догнать её и оставить след своего ногтя на её теле. Старухи во время гонки всячески препятствуют влюблённому, избивая его палками и ремнями, ставя подножки и хватая за одежду, когда он пробегает мимо.

Все преимущества на стороне девушки, и если она не хочет стать женой своего преследователя, то может без труда избежать его. Напротив, если он ей нравится, она умудряется споткнуться и упасть или сообщает о своём желании старухам, которые тогда только делают вид, что мешают преследователю. Иногда влюблённый настолько отчаянно влюблён, что, едва потерпев неудачу, снова приходит к отцу и связывает себя обязательствами ещё на несколько лет ради возможности пройти испытание снова.

Третья группа коряков, известная как оленные коряки, также сильно отличаются от других. Это кочевой народ, живущий в жилищах из шкур, как тунгусы, и владеющий огромными стадами северных оленей, которых они перегоняют с места на место в поисках корма.

Пурга продолжалась без перерыва весь день, а также в течение следующего, так что нам пришлось довольствоваться вынужденным перерывом и стоически переносить отвратительные зрелища и запахи, которые предлагает это место. Не последним из наших несчастий были немилосердные нападения десятков видов паразитов, питавших особую любовь к американским телам и настоятельно требовавших удовлетворения своего ненасытного аппетита.

Здесь я неожиданно узнал, что у каюров кончился собачий корм, так как они выехали из Гижиги с запасом всего на два дня, рассчитывая раздобыть у коряков рыбу и тюлений жир, чтобы добраться до селения

Пенжино<sup>1</sup>, где они могли бы снова пополнить запасы. Но у коряков почти не осталось продуктов, и поэтому теперь мы были вынуждены полагаться на жителей Микино или Шестаково.

На второй день время тянулось особенно медленно, и каждые несколько минут кто-нибудь из нас поднимался на крышу, надеясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки того, что пурга стихает.

Туземцы, казалось, совершенно не обращали внимания на метель, наверное, привыкнув к ней, и всё утро маленькие мальчишки стреляли на улице из луков в цель. Чтобы проверить их мастерство, я прикрепил несколько русских медных монет на палку, чтобы они стреляли по ним, а те, кто попадал, получали деньги, но стрельба их была очень рискованной. Так, случилось происшествие, которое хорошо говорит о мужественном и хладнокровном характере этого народа, присутствие которых в столь молодых людях нас очень удивило. За мишенями, по которым они стреляли, примерно в сорока футах, у деревянного строения стояли две девушки. Во время стрельбы одна из стрел отрикошетила в их сторону, они не успели отскочить в сторону, но нагнулись, чтобы избежать попадания. И в следующее мгновение стрела вонзилась в бревно и задрожала прямо над головой одной из них. Я невольно вздрогнул, когда увидел это, но маленькие язычники даже глазом не моргнули и, едва удостоив взглядом девушек, продолжали стрелять с полным спокойствием.

После этого мужчины продемонстрировали нам свои спортивные достижения в борьбе и беге. Они — сильный, атлетически сложенный народ, а их мастерство и ловкость заставили бы устыдиться некоторых наших гимнастов. Для борьбы они обнажились по пояс, и, невзирая на снег и ветер, схватили друг друга одной рукой за волосы, а другой за толстую складку жира на боку, переступали, извивались, дёргали и толкали друг друга до тех пор, пока один из участников не оказался в сугробе. После одной из таких схваток побеждённый держал в руке приличных размеров клочок черных волос, который он вырвал у своего противника, а у нескольких участников на боках были синяки и царапины, из которых текла кровь. Одним из их любимых приёмов — это схватить противника за шею обеими руками и удушающим приёмом заставить его сдаться.

Воскресенье, 22 апреля, всё ещё было ветренным, но, поскольку появились признаки того, что шторм стихает, мы продолжили путь. Мы следовали вдоль залива, двигаясь то по солёному льду, то по краю

---

<sup>1</sup> Имеется в виду ныне несуществующее селение Пенжино на впадении р. Чёрной в р. Пенжину. Обозначено на некоторых старых картах середины XX века и ранее. — *прим. перев.*

тундры, погода менялась от внезапных снежных шквалов до периодов солнечного света. В 7 часов вечера мы достигли поселения Микино, которое во всех отношениях похоже на Куюл, только в нём меньше домов. Наши собаки так устали, что мы были вынуждены остановиться на ночлег. Здешние коряки были не так гостеприимны, как коряки в Куюле, и имели подчёркнуто независимый вид. Несмотря на то, что у них было много корма для собак, они отказались продать нам его ни за какие деньги, и нам пришлось одолжить его всего на одну ночь у одного из проезжих.

Не желая оставаться здесь дольше, мы поспешили отправиться дальше в 4 часа утра следующего дня, взяв курс через тундру на восток, и в 9:30 прибыли в корякское селение Шестаково, расположенное в устье небольшой реки с таким же названием.

Недалеко от этого места молодой русский офицер Шестаков со своим отрядом был застигнут врасплох и убит в начале прошлого века. Мы остановились здесь лишь для того, чтобы купить корм для собак, туземцы охотно продали его нам, и, покинув морское побережье, мы взяли курс на север, вверх по реке Шестакова. Эта река во многих местах уже начала вскрываться, из-за чего нам пришлось наводить переправы.

Только на закате мы достигли истока реки и поднялись по длинному пологому склону, известному как хребет Шестакова. Дальше, на протяжении более двадцати вёрст, нельзя было раздобыть дров для костра, и мы были вынуждены продолжать путь до 10 часов вечера. Как только мы перевалили через хребет, температура резко упала. За последний час пути, пробираясь уже в темноте, мы все сильно замёрзли. Термометр показывал  $-34^{\circ}$ .

На ночь мы разбили лагерь на небольшом притоке реки Оклан, где можно было найти сухих веток для костра. Снег в этом месте был глубиной в шесть футов, и какие-то путники до нас вырыли в нём яму до земли, достаточно большую для костра и места для ночлега.

Мы с признательностью воспользовались этой ямой и уютно устроились в ней, полностью защитившись от холодного пронизывающего ветра, а свет и тепло большого костра, отражаясь от окружающих нас снежных стен, делало наше убежище очень уютным.

В это время я отказался от своей привычки раздеваться перед сном и перенял обычай туземцев, которые, ложась спать, вместо того чтобы снимать с себя что-либо из одежды, наоборот, надевают на себя все имеющиеся у них меха. Перед отъездом из Гижиги я запасся «ночным халатом» и носками для сна. Первый представлял собой огромную меховую

двухслойную кухлянку, доходившую мне до щиколоток, с толстым просторным капюшоном с оторочкой из густой волчьей шерсти, чтобы снег не попадал на лицо во время сна. Облачившись в это и надев меховые спальные носки, каждый из которых был размером с небольшую корзину, я смог бросить вызов Дедушке Морозу, и всё, что ещё требовалось мне для полного комфорта, — это постелить на мягком снегу медвежью шкуру в качестве матраса. Однако мы сочли крайне необходимым заранее снимать перед сном внутренние меховые носки и менять их на свежие сухие. В течение дня они неизменно в той или иной степени становятся влажными и, если их не сменить, то ночью ноги замёрзнут.

Мы вышли в путь только в 7 часов утра и взяли курс напрямик через тундру на север к реке Оклан, до которой оставалось вёрст десять. Эта речка достигает здесь двухсот футов в ширину, по берегам растёт лес, она течёт около пятидесяти вёрст на восток и впадает в Пенжину. Река Пенжина, бассейн которой простирается на несколько сотен миль, впадает в Пенжинский залив к востоку от Шестаково. Реки эти изобилуют рыбой, а лес на их берегах служит убежищем для разнообразной дичи, включая медведей, волков, лис, соболей и зайцев.

Почти не останавливаясь — разве что один раз для того, чтобы привести в чувство одну из задних собак, которую сбили тяжёлые нарты, когда упряжка катилась вниз с крутого берега реки, — мы проехали около полумили через лес и снова оказались в тундре. «Приведение в чувство», практикуемое здешними каюрами, не совсем соответствует нашим цивилизованным представлениям о подобных вещах. Пёс этот принадлежал к разряду ленивых, о которых я писал ранее, а уздечка, которой он был привязан к центральному потягу, была небольшой длины. Когда сани начали спускаться по склону, бедолага попал под нарты, остановить их было невозможно, а уздечка не оборвалась, так что тело собаки на протяжении всего спуска волочилось под полозьями, как тормозной башмак под железнодорожным вагоном. Когда его вытащили, в нём не было никаких признаков жизни; но несколько неслабых пинков и бесцеремонное валяние в снегу весьма скоро привели его в чувство, и, от души потянувшись, он как ни в чём ни бывало встал в строй. Самым замечательным из всего этого является то, что эти существа не извлекают никакого урока из подобных происшествий и в следующий раз, будьте уверены, он непременно повторит сей кульбит.



## ГЛАВА XXV

За Окланом перед нами простиралась ровная снежная долина шириной от пятнадцати до двадцати пяти миль, ограниченная с двух сторон грядами невысоких холмов, которые постепенно сходились вдали, на севере. В некоторых местах на них из снега выступали чёрные гряды скал, но не было видно никакой растительности. Вершина одной из гор была увенчана большой, правильной формы скалой с отвесными склонами, напоминавшей старинный замок с башенками и шпилями. Этой горе мы дали название Дворцовой. Снег в долине отражал солнце с такой яркостью, что мы вынуждены были надеть не только солнцезащитные очки, но и маски из оленьей кожи, чтобы наши лица не получили солнечный ожог. Наш путь по долине продолжался двенадцать часов, пока мы не оказались у подножия невысокого водораздела, который местные жители называют Ушканий хребет<sup>1</sup>. Здесь мы разбили лагерь на берегу небольшого, поросшем редким лесом притоке Оклана. В тот день мы пересекли два подобных ручья.

Во время этого дневного перехода у многих наших собак появились такие явные признаки усталости, и, казалось, им было так трудно тащить сани, что мы решили провести расследование. Вскоре причина была раскрыта: заглянув под наш небольшой багаж, мы обнаружили, что каюры без нашего ведома упаковали под ним несколько сотен фунтов припасов для собственного пользования. Предполагалось, что перевозка их будет за наш счёт. Но теперь было уже слишком поздно что-либо изменить, и нам пришлось довольствоваться тем, что мы выразили на очень плохом русском своё негодование, и негодяи с трудом скрывали свои улыбки, потому что отделались только испугом, что мы выбросим их груз.

В конце путешествия туземцы прибегли к одной уловке, чтобы подбодрить собак и заставить их двигаться быстрее. Уловка эта была довольно жестокой, но, тем не менее, весьма эффективной. Состояла она в том, что лучшая упряжка ставилась впереди, за ней следовали остальные в порядке их работоспособности, а затем позади каждой нарты подвешивали сушёную рыбу, запах которой, достигая следующих за ней голодных упряжек, заставлял их удвоить усилия в надежде догнать её.

25 апреля. — У нас осталось собачьего корма всего на один день, а до селения Пенжино, ближайшего населённого пункта, оставалось ещё более ста вёрст. В 4 часа утра начали подниматься на Ушканий хребет. За

---

<sup>1</sup> Ушканий хребет простирается от г.Округлая (868 м., 63.3171 166.5654) на северо-северо-восток до г.Острая (831 м., 63.8794 167.0614) у впадения р. Хиузная в р.Пенжину. — *прим. перев.*



этим хребтом мы попали в другую тундру, похожую на ту, что была днём ранее, по ней протекают три небольшие реки, называемые Ушканья 1-я, Ушканья 2-я и Ушканья 3-я, которые впадают в Пенжину выше устья Оклана. С Ушканьего хребта они выглядели, как три тёмные ленточки, извивающиеся на огромном снежном пространстве. На наш курс указывал хорошо заметный ориентир — небольшой конусообразный пик<sup>1</sup>. Мы двинулись в северо-восточном направлении и в 4 вечера достигли другого низкого хребта, простиравшегося на запад<sup>2</sup>. С него мы увидели другую равнину, пересечённую речками с поросшими редким лесом берегами. Далее, вдоль невысокой гряды холмов, виднелась река Пенжина, на которой и расположено селение Пенжино.

Но прежде чем мы добрались до этого места, нам предстояло преодолеть ещё много скучных однообразных вёрст, и, чтобы не терять времени даром, мы поскорее спустились вниз. Равнина была изрезана небольшими оврагами, которые вместе с зарослями багульника изрядно замедляли наше движение, и ночь, тёмная и холодная, с угрожающими признаками надвигающейся непогоды, опустилась на нас прежде, чем мы преодолели половину пути. Оставалось ещё около двадцати вёрст, и мы подгоняли наших собак, чтобы найти укрытие до того, как на нас обрушится шторм. Но через полчаса повалил снег, подгоняемый яростными порывами холодного ветра прямо нам в лицо. Мой компас помогал мало, так как я не знал, в каком направлении находится селение, а туземцы тоже, казалось, знали об этом месте так же мало, как и мы.

Вскоре упряжки потеряли друг друга в пурге и темноте. Наши крики не могли пробиться сквозь завывание ветра, мы не могли собраться вместе и были вынуждены, поодиночке или парами, держать курс, насколько это было возможно, на север, поскольку многие из нас ориентировались только по ветру, который дул с нужного нам направления. Нашей главной надеждой было найти укрытие среди деревьев на берегу реки. Спустя несколько часов две наших нарты, которые держались вместе, нашли реку, но выше или ниже поселения — мы не могли сказать. Мы бы разбили лагерь, но у нас не было еды для собак, а нарт Василия, на которой были наши припасы, нигде не было видно. На всякий случай мы решили поискать деревню вверх по течению, и на нашу удачу, нашли ещё четыре наши упряжки. Ещё через пару часов блужданий на ощупь по руслу реки мы вышли на тропу и в 2 часа ночи въехали

---

<sup>1</sup> В тексте пик назван Ичигемской горой. Горы с таким названием на картах нет, но, судя по описанию, это безымянный пик 558 м. (63.359N 167.217E) в верховьях р.Ичигемская. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Очевидно, Ичигемский хребет. — *прим. перев.*

в Пенжино. Некоторые упряжки добрались до места только после полудня.

Пенжино — это небольшое поселение, похожее на Тауйск и Ямск, хотя большинство домов здесь довольно неказистые. В деревне проживает не более пятидесяти человек, состоящих в основном из казаков и обрусевших чуванцев и юкагиров, хотя кровь у всех них более или менее смешанная. По прибытии мы обнаружили несколько анадырских упряжек с грузом провизии, которые на несколько дней опередили нас из Гижиги.

От этого места до Анадырска по кратчайшей дороге не более четырёх дней пути, но мы намеревались направиться на восток, к реке Майн, крупному притоку Анадыря, текущему на север, и исследовать её до устья, чтобы выяснить возможность проложить там маршрут для линии и убедиться, что там можно заготовить столбы. Кеннан в своём путешествии на север шёл из Пенжино тем же маршрутом, но, пройдя половину пути вниз по Майну, был вынужден отказаться от этого из-за нехватки корма для собак и отправиться в Анадырск прямым путём.

Пурга продолжалась без перерыва 26-го и 27-го апреля, бушуя с такой яростью, что мы не раз поздравляли себя с тем, что так удачно отделались. Однако здесь мы столкнулись с очень серьёзным препятствием на пути осуществления наших планов, которое едва не расстроило их окончательно. Предлагаемые изыскания должны были пройти в труднодоступной и почти неизвестной даже туземцам местности и могло занять много времени. По всей вероятности, мы встретим глубокий снег, и, поскольку у нас не было проводников по этому маршруту, за исключением его небольшого участка, наше продвижение неизбежно было бы медленным.

Для успеха в таком деле очень важны хорошие свежие собаки и хороший запас корма для них. Я навёл справки и выяснил, что в Пенжино можно достать только одну упряжку, а сушёной рыбы там было так мало, что можно было заготовить не более ста пятидесяти рыбин — этого хватило бы трём упряжкам всего на пять дней. А отправляться в путь меньшим составом с таким ограниченным запасом корма было бы безумием, и я был вынужден, хотя и очень неохотно, на время отказаться от этого проекта. Тем не менее вместо этого мы решили попытаться добраться до кочевых коряков, которые жили где-то к востоку от Майна, и затем, если удастся раздобыть у них оленины хотя бы на несколько дней, мы продолжим исследование.

Мы составили две сносные упряжки из наших лучших собак и из тех, что нашли в Пенжино. Затем, сократив наши дорожные припасы и личный багаж до минимально возможного, мы послали оставшееся в Анадырск прямым путём, а сами утром 28 апреля отправились к корякам. Наша маленький отряд состоял из Макрея, меня, наших каюров и казака Василия, который сопровождал нас в качестве повара и интенданта.

Из Пенжино мы взяли курс на юго-восток-восток и проехали по безлесой холмистой местности около двадцати вёрст, пока не добрались до реки Слаутная, притока Пенжины — небольшой, с редким лесом по берегам, речкой, которая берет начало в гряде холмов, отделяющих её от реки Майн.

К востоку от Слаутной мы миновали низкий водораздел близ приметной остроконечной вершины, известной как Лисья сопка<sup>1</sup>. С этой точки нам открывался великолепный вид на долину Майна, простиравшуюся на восток и запад примерно на пятьдесят вёрст и видимую в северном направлении почти вдвое дальше. Долина расстилалась перед нами сплошным снежным покровом, нарушаемой двумя цепочками чёрных пятен, обозначающих русла рек. В месте их слияния, дальше к северу, начинается Майн<sup>2</sup>.

Но самым заметным ориентиром был неровный конусообразный пик высотой около пяти тысяч футов, вздымающийся над грядой белых холмов, окаймлявших долину с востока. Это была гора Палпал<sup>3</sup>, одна из самых больших вершин в этом регионе. За этой горой мы и надеялись найти коряков. Пройдя в этом направлении ещё десять вёрст, мы расположились на ночлег на берегу первой реки.

Утро следующего дня было довольно холодным, в воздухе висела морозная дымка. Мы вышли в путь в 3:30 утра, направляясь прямо к горе Палпал. Вершина казалась видимой как будто сквозь тусклое стекло; но внимательно всматриваясь в неё и пытаясь определить причину, я внезапно увидел, что она стала такой отчётливой, что, казалось, приблизилась к нам на десяток миль. В следующее мгновение перед нашими глазами, казалось, вздыбилась земля и снег на её вершине, и прежде чем мы успели вскрикнуть от удивления, на ней появилась высокая правильная башня, по меньшей мере пятьсот футов высотой. Ещё через несколько секунд башня уменьшилась наполовину, как вдруг, словно по мановению волшебной палочки, на её сторонах появились два крыла, и

---

<sup>1</sup> На современных картах обозначена как гора Яёлтунуп (иногда Яёлтунун) 684 м. (63.3543 168.8596) от корякск. *яёл* (лиса) + *тунуп* (гора). — прим. перев.

<sup>2</sup> Две реки, которые имеет в виду автор — это Майн и его приток Большой Куйвиеем (Куйбивеем). Автор считает, что Майн начинается от слияния этих двух рек. — прим. перев.

<sup>3</sup> Высота горы Палпал (62.956 169.465) — 1093 м. (≈3600 фут.) — прим. перев.

я бы вряд ли удивился, если бы всё это взлетело в воздух. Постепенно крылья превратились в квадратные приделы, и перед нами оказалось превосходное воплощение старинного собора. И снова, собор вдруг исчез, но тут же на его месте возникли зубчатые стены с башнями, флигелями, бастионами и контрфорсами. Я почувствовал себя так, словно внезапно перенёсся к подножию какой-то увенчанной замком скалы в Старом Свете, и уже ожидал увидеть часового, совершающего обход, как вдруг всё исчезло, и гора снова приняла свой естественный облик. Пока я рассматривал всё это, среди холмов дальше к северу возникло некое мерцание. По всему гребню вырастали башни и стены и так же внезапно исчезали. Время от времени один из них, более высокий, чем его окружение, возвышался ещё более и бесшумно скользил милую или две, как вдруг, словно сотрясаемый землетрясением, превращался в беспорядочную массу обломков, но вскоре вновь обретал какую-нибудь правильную форму. Хребет являл собой то город с плоскими и двускатными крышами, высокими и низкими трубами, башнями, шпилями и застывал на нескольких мгновений, то вдруг все его здания начинали перемещаться и меняться местами, поднимаясь и опускаясь, то исчезая без следа, то внезапно появляясь где-то в другом месте. Иллюзия постоянно менялась, перетекала из одной картины в другую и кружилась, как в танце, пока внезапно мы снова не увидели перед собой естественных очертаний холма, и не обнаружили, что протираем глаза и пытаемся убедить себя, что это не сон.

Но нет, это был не сон, потому что, в следующее мгновение старый Палпал начал корчиться, словно в смертельной агонии. Середина горы начала сужаться, а вершина — расширяться, как будто гора перетекала снизу-вверх, как песок в песочных часах. Наконец огромный конус горы оказался разрезан надвое, и казалось, что верхняя часть его вот-вот отломится и с грохотом упадёт, но перед нами вдруг снова предстал седой Палпал в том виде, в каком его сотворил Всевышний. Этот мираж был первым из тех, что я видел в этой стране, и значительно скрасил однообразие нашего путешествия.

Пройдя ещё двадцать вёрст, мы вышли на берег реки Палпальской, которую видели накануне с холма. Мы поднялись по ней, взяв курс на юго-восток и обогнув основание горы с южной стороны. Пройдя ещё сорок вёрст, мы были очень воодушевлены, обнаружив тропу коряков, ведущую на север вдоль гряды безлесых холмов. Мы последовали по ней, надеясь засветло добраться до их стойбища, но не успели пройти и десяти вёрст, как наступила ночь, а за ней последовала сильная, влажная снежная буря. У нас не было иного выбора, кроме как разбить лагерь,

хотя вокруг не было видно ни веточки, чтобы развести костёр, к тому же мы даже не взяли с собой палатки. К счастью, у одного из каюров был старый ветхий полог, который он одолжил нам для укрытия, и, связав двое нарт вместе и используя остолы, нам удалось соорудить каркас, к которому мы подвесили наше убежище. Затем мы разгрузили третьи сани, и Василий отправились на них к соседним холмам, чтобы попытаться найти сухих веток для костра. Через полчаса он вернулся, привезя около десяти фунтов дров.

После ужина мы забрались в наше убогое убежище, в котором едва могли разместиться трое из нас, а каюры надели свои спальные кухлянки с большими капюшонами, вытащили руки из рукавов, прижав их к телу, и уселись в нарты, чтобы скоротать ночь в сидячей позе.

К утру пурга почти утихла, и Василий с утра пораньше пошёл на поиски хвороста. Решив, что бесполезно пытаться догнать коряков с нашими тяжёлыми нартами, мы разгрузили их и отправили каюров по следу и попытаться раздобыть оленьего мяса. День был пасмурный, и к ночи пурга обрушилась на нас с ещё большей яростью. К девяти часам каюры так и не вернулись, и мы начали тревожиться за них, но через полчаса услышали лай наших собак, и вскоре они подъехали к лагерю, освещённые светом костра, а на каждой нарте лежала пара прекрасных, больших, только что убитых северных оленей. Это было радостное зрелище! Минуту спустя подъехали семь красивых статных коряков, вооружённых длинными копьями и одетых в нарядную меховую одежду, запорошенную снегом.

Коряки приехали на нартах, запряжённых оленями. В пути они были вынуждены держаться подальше от наших собак, а прибыв лагерь, отвели своих оленей на безопасное расстояние, за соседний холм. Тем временем всюду свирепствовала пурга, а наш маленький полог был битком набит гостями, которым любопытно было посмотреть на этих таинственных «американцев», о которых им рассказали наши каюры. Мы напоили их чаем и дали каждому по горсти табака и паре иголок, и они ушли в одиннадцать часов, несмотря на пургу, очень довольные результатом своего визита. Они очень высоко ценят наши стальные иглы, которые намного превосходят их костяные, которые они обычно используют при шитье. Но, несмотря на то, что шить одежду с помощью их примитивных инструментов довольно утомительно, стежки у них получаются тонкими и ровными и никогда не расходятся. Нитки они изготавливают из сухожилий северного оленя. Мы обнаружили, что эти люди намного лучше коряков, живущих на берегу залива и в оседлых районах.

Благодаря своей неприхотливой кочевой жизни и отсутствию контактов с более цивилизованными народами, они не знают хитростей и плутовства своих оседлых соплеменников и отличаются великодушием и доверчивостью.

Их язык и верования такие же, как у других, но образ жизни совершенно иной. Некоторые из них очень богаты. Мне рассказывали об одном старике, который владел не менее чем пятнадцатью тысячами оленей. У них нет определённой формы правления, они просто подчиняются законам природы и справедливости. Каждый из них сам себе хозяин, а в случае совершения преступления несёт ответственность только перед пострадавшим, который имеет право сам выбирать ему наказание. Они твёрдо верят в законы возмездия соразмерно вине. Если кто-то совершает убийство, то очень вероятно, что его в свою очередь убьют друзья покойного. Иногда дело этим и заканчивается, но часто семейные распри передаются из поколения в поколение. Они очень ревностно относятся к своим правам, но и стараются не ущемлять права других.

Я сказал, что у них нет установленной формы правления, но существует определённое влияние, которым обладают богатые люди на тех, кто зависит от них в плане еды и одежды. Эти последние, не имея собственных оленей, нанимаются к богатым пасти стада своего господина в обмен на еду, одежду и кров. Если у кого-то много оленей, он держит их отдельными стадами в 1000-1200 особей в разных местах, чтобы сохранять корм для оленей от вытаптывания. Северный олень — источник жизни для этих людей. Они обеспечивают их пищей, одеждой, транспортом и крышей над головой. Как уже говорилось, из сухожилий они делают нитки, а кости и рога служат материалом для разных мелких приспособлений, необходимых для жизни, и даже для изготовления оружия, когда они не могут купить железо у торговцев.

Оленьи рога также используются при изготовлении лёгких нарт для оленьих упряжек. Эти нарты — очень красивые ажурные конструкции, некоторые из них — просто образцы прекрасного мастерства. Длинные лёгкие полозья, красиво изогнутые в передней части, обычно изготавливаются из берёзы. На них опираются от шести до двенадцати арок, иногда из дерева, но чаще из оленьих рогов. На арках покоится лёгкий остов с закруглённой спинкой и изогнутыми подлокотниками, как у кресла, всё это тщательно обработано и отполировано и аккуратно скреплено на стыках узкими полосками чёрного китового уса.



Северные олени

В каждые нарты впрягают по два оленя, запряжённых так же, как те, что используются на почтовом тракте в Аяне; а у каюра в руках лёгкий заострённый остол, которым он погоняет их. У них есть ещё один тип нарт: большие, тяжёлые и сравнительно неуклюжие, на которых они перевозят груз. Поскольку, в путешествиях со своими стадами и домочадцами они передвигаются медленно, такие нарты подходят для любых целей.

Олени, которые привезли нам коряки, были уже разделаны и весили от восьмидесяти до ста фунтов. Хотя в сложившихся обстоятельствах это было вполне приемлемо, мы пожалели, что не смогли вместо этого купить для наших собак сушёной рыбы. Однако наши люди также заготовили на три дня рыбы и тюленьего жира, которого, вместе с олениной, хватит нам на пять-шесть дней. Большим преимуществом рыбы в дороге является её лёгкость и удобство упаковки. Мы подсчитали, что двадцать фунтов сушёной рыбы заменяют семьдесят фунтов оленины.

Это была страшная ночь, ветер с воем метался над нашим незащищённым ночлегом с такой яростью, что мы вряд ли удивились бы, проснувшись и обнаружив, что находимся совсем в другом месте. Всю ночь снег набивался к нам в полог сквозь бесчисленные щели и прорехи, и, проснувшись, мы обнаружили, что все покрыты слоем снега в два дюйма толщиной. Это было 1 мая, и я никогда и не мечтал увидеть такое. Мы с Макреем попытались представить себя в весёлой компании, по-летнему одетые, девушек, украшенных яркими лентами и венками из живых цветов; мы шли по зелёным лугам и тенистым рощам к месту

празднества у Майского дерева. Мы пытались представить себе тёплый, благоухающий воздух, ясное голубое небо, яркий солнечный свет и нежный ветерок, напоенный ароматом цветов, но... так и не смогли! Порывы ветра следовали друг за другом быстрой чередой, с воем, свистом и рёвом, как будто желая уничтожить всё живое на своём пути. Я приподнялся со своей медвежьей шкуры и, приложив глаз к щелке, посмотрел наружу. Несмотря на дневное время, было довольно темно, и я смог различить только хаотичную массу кружащегося снега. За ней на мгновения появлялся только один объект, хотя и на расстоянии всего шести футов. Там, на санях, безмолвная и неподвижная, словно в гробу, сидела закутанная в меха фигура одного из наших каюров, у которого с подветренной стороны скопился большой сугроб снега. Я поёжился и улёгся обратно. За ночь мои часы остановились, и проснувшись, мы не могли определить время. Тем не менее Василий выполз наружу и попытался развести костёр, но, потерпев в этом полную неудачу, забрался обратно в полог с сушёной рыбой, которую мы разделили между собой.

Мы не знали, как долго проспали, да и не хотели даже думать об этом, и тем более чтобы пошевелиться. Прошло ещё несколько часов без всяких признаков того, что пурга стихает. Несмотря на то, что мы выспались, нас с Макреем сильно клонило в сон, и нам с величайшим трудом удавалось держать глаза открытыми. Мы стали курить и болтать, потому что знали, что если снова заснём, то проведём следующую ночь без сна, и, по обоюдному согласию, всякий раз, когда один из нас проявлял признаки дремоты, другой пихал его и пытался вступить с ним в разговор. Мы продолжали это в течение нескольких часов, пока не пришёл один из наших каюров и не сообщил, что шторм стих, хотя мы это и так слышали. Мы ничего не ели со вчерашнего вечера, кроме вяленой рыбы, поэтому сразу же развели костёр, чтобы поужинать перед отходом ко сну. Солнце только садилось, хотя, должно быть, было уже около 9 часов вечера.

После ужина мы отправились обратно в полог, когда один из водителей спросил нас, не хотим ли мы продолжить путь. На это мы ответили, что «не поедем до утра». С удивлением посмотрев на нас, он сказал: «Но сейчас утро!». Мы подумали, что он шутит или что-то путает, но остальные утверждали то же самое. Мы сверились с компасом и, определив направление на солнце, обнаружили, что оно не садится, а восходит. Мы, стало быть, не спали всю ночь напролёт. В это время дни стали уже такими длинными, что ночью было только сумеречно, да и то мы списали это на пургу.



Воспользовавшись затишьем, мы немедленно вышли в путь, взяв курс на север по компасу. Несмотря на полное незнание местности и отсутствие проводников, мы были уверены, что рано или поздно выйдем либо на Майн, либо на какой-нибудь его приток. Вскоре шторм возобновился, но на этот раз ветер подул с юга нам в спину, так что мы не испытывали особых неудобств до тех пор, пока ближе к вечеру не вышли к притоку Майна и не последовали по его течению в северо-западном направлении.

Часа два мы шли вдоль притока, пока ветер не стал таким сильным, что нам пришлось укрыться за густыми зарослями ольхи. Вскоре уже повсюду пылал костёр, а чайник своей бодрой песенкой веселил окрестности, а Василий принялся готовить ужин. Внезапно Макрей оставил свою трубку и, выхватив из ножен нож, направился к грузовым нартам.

«Сегодня вечером я буду готовить. — сказал он. — У нас будет настоящий праздник в стиле «Скалистые горы», и если ты не скажешь, что он великолепен, я клянусь никогда больше не надевать фартук и не брать в руки поварёшку!»

Макрей в своё время пересёк Скалистые горы и по-особому ценил хорошую кухню, так что я знал, что не буду разочарован. Через мгновение он вернулся с целым оленьим боком с толстым слоем жира, сделал из веток кустарника шампур и, насадив на них мясо, принялся его жарить. Вскоре на угли закапал жир, под него подставляли чайную кружку, и время от времени выливали обратно на дымящиеся рёбрышки. Они пахли так великолепно, что одним только ароматом можно было насытиться! Наконец, долгий кропотливый процесс был завершён, Макрей торжественным тоном пригласил на ужин, и мы поспешно набросились на угощение. Хотя и без соли и перца, без тарелок и вилок, и, по сути, без всего остального, кроме мяса и наших ножей, я думаю, что никогда ещё не пробовал ничего более вкусного. Поразительно: мы больше не замечали ни холода, ни ветра, ни снега, а чувства наши были столь возвышены, что мы тут же устроили общее собрание из двух человек и единогласно постановили назвать это место «Лагерем Жареных Рёбрышек».

Ближе к ночи мы снова вышли на маршрут, но, пройдя пять вёрст, опять были вынуждены укрываться от непогоды. В половине третьего утра следующего дня мы снова были в пути, и на этот раз нас привет-

ствовали ясное небо и яркое солнце. В 10 часов мы прибыли к месту впадения нашей реки<sup>1</sup> в Майн и направились вниз по нему на север по узкой долине, окаймлённой грядами безлесых холмов. Берега реки поросли тополями, ивами и багульником, но лиственница не встречалась.

До этого времени на поверхности снега был твёрдый наст, по которому было легко двигаться, но в этот день к полудню солнце размягчило его, и нарты стали так глубоко вязнуть, что пришлось остановиться часа на три, чтобы снег снова подморозило. Один из каюров чуть не ослеп от солнца, и все мы тоже пострадали. Мой нос, который я не защитил должным образом, покрылся волдырями, и не прошло и шести часов, как снова стало холодно, и он, к несчастью, замёрз. Воздействие на этот орган этих двух противоположностей легче представить, чем описать. Местные жители в качестве средства от снежной слепоты используют табачный сок, который, хотя и чрезвычайно жгучий, действует очень эффективно.

На следующее утро мы отправились в путь рано и весь день спускались по руслу реки по хорошему твёрдому насту. На закате мы добрались до устья реки Орловки, впадающей в Майн с запада. В этом месте Кеннан, проводивший свои изыскания, направился прямым путём в Анадырск, так как у него заканчивался корм для собак.

Пройдя ещё несколько вёрст, мы оказались в лесистой местности с редкими берёзами, елями и лиственницами. Последние были высокими, прямыми и прочными и прекрасно подходили для телеграфных столбов. Здесь снег, защищённый от зимних ветров, был глубоким и мягким, и нам пришлось встать на снегоступы, чтобы прокладывать дорогу. После этого мы переправились на восточный берег реки и ехали по тундре до 10 часов вечера, после чего разбили лагерь. Днём мы видели медвежьи следы, а над нашими головами пролетели несколько гусей и лебедей, направляясь на север; всё это указывало на приближение весны.

К востоку от нашего лагеря лежала широкая, живописная долина, простиравшаяся в юго-восточном направлении. Она была настолько большой, что мы поняли, что на ней должна собирать свои воды река немалых размеров, и пришли к выводу, что это Алган, большой поток Майна, по которому Макрей и Арнольд спустились к Анадырску, во время своего долгого путешествия с чукчами. Теперь мы поздравили себя с тем, что впереди нас лежит уже известная местность.

---

<sup>1</sup> Позже мы узнали, что во время своего путешествия на север Кеннан дал этой речке название «Обратная». [На самом деле это река Майн в её верхнем течении. — прим. перев.]

Следующим утром, 5 мая, отойдя от лагеря на восемь вёрст, мы наткнулись на длинную полосу густого леса, через который нам пришлось пробираться. Это было непростой задачей, так как снег в лесу оставался глубоким и мягким, а местами нам приходилось прорубать путь для упряжек через густой подлесок. Внезапно мы вышли к большой реке шириной около трёхсот футов, который, как сразу же заявил Макрей, не был Алганом. Она была больше, чем та, по которой мы спустились, поэтому мы сразу решили, что это и есть Майн, и, чтобы отличить их друг от друга, назвали другую реку Абаза, под этим названием она впоследствии и была известна<sup>1</sup>. Спускаясь на лёд, мы испугнули пару очень крупных лебедей, а также обнаружили свежие медвежьи следы возле небольшой полыньи, где косолапый высматривал свою утреннюю добычу. Также было очень много зайцев и белых куропаток.

Но что нас больше всего поразило, так это свежий след двух собачьих упряжек, поднимавшихся по Майну в юго-восточном направлении. Сначала мы подумали, что кто-то из жителей Анадырска отправился в этом направлении на поиски коряков, чтобы добыть оленьё мясо, но каюры заверили нас, что они никогда не ездят в те места, так как добыть оленя можно гораздо ближе в других направлениях. Нашей следующей мыслью было, что майор Абаза прибыл в Анадырск и, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, отправил эти упряжки на наши поиски. Но тот факт, что они поднимались по этой реке, а не по другой, навёл нас на мысль, что это маловероятно. В конце концов мы решили, что майор сам, не имея возможности дольше откладывать свой отъезд из Анадырска из-за тёплой погоды, выбрал этот маршрут для обратного пути в надежде встретиться с нами, но шёл не по той протоке, и потому мы не встретились. Это показалось нам наиболее вероятным, и мы повернули бы назад в надежде догнать его, но понимали, что с нашими уставшими собаками это будет бесполезно; кроме того, нельзя было терять времени, так как у нас едва хватало еды, чтобы добраться до места назначения. Поэтому мы продолжили наш маршрут по этим следам, по руслу реки. Берега её густо заросли лиственницами и елями и служили убежищем для множества дичи. В одном месте лисица имела наглость усесться на берегу реки, у всех на виду, и облаять наших собак, когда они пробежали мимо. Очевидно, она никогда не встречалась с охотниками.

В 13:30 мы сделали двухчасовой привал, чтобы дать собакам отдохнуть и спастись от дневной жары, но в 3 часа были вынуждены продолжить путь, так как похолодания не предвиделось. Снег был глубокий и

---

<sup>1</sup> Вероятно, это была река Берёзовая, впадающая в Майн практически в том же месте, что и Алган. Река Абаза в этих местах неизвестна. — *прим. перев.*

влажный, передвигаться было очень трудно. Мы все надели снегоступы и прокладывали тропу для нарт, но даже тогда упряжки могли двигаться не быстрее, чем со скоростью пешехода. При таких темпах наш собачий корм закончился бы задолго до того, как мы бы раздобыли другой. К счастью, в то время солнце садилось поздно, и мы могли продолжать путь до 10 часов, поэтому старались компенсировать медленное продвижение большим временем в дороге.

В тот день, несмотря на пятнадцать часов в пути, мы прошли не более тридцати вёрст. Река во многих местах уже начала вскрываться, и каждые полчаса мы натывались на свежие медвежьи следы, но ни одного зверя не видели. Один раз видели орла, и даже комар прожужжал над моей головой. В воскресенье, 6 мая, в 21:30 мы разбили лагерь на небольшом острове.

Всю ночь, впервые с начала зимы, таяло, и мы обнаружили, что дальше по реке двигаться невозможно, поэтому свернули с тропы и пошли по левому берегу, через прекрасный лиственничный лес. В час дня мы достигли места, где берег резко обрывается к реке, и остановились, чтобы дать отдых собакам и поужинать. После ужина я поднялся на обрыв, чтобы сориентироваться и получить лучшее представление о местности, по которой мы ехали. Долина Майна в этом месте имеет около сорока вёрст в ширину, и вся, казалось, представляла собой сплошной лиственничный лес.

В последнее время мои глаза настолько привыкли к безлесым пространствам тундры, что зрелище такого обширного леса было удивительным, а с точки зрения телеграфа и совершенно прекрасным. Кеннану берега реки Анадырь показались совершенно лишёнными деревьев, но здесь было достаточно древесины, чтобы обеспечить столбами линию от Гижиги до самого Берингова моря, и долгое время поддерживать её в рабочем состоянии. Судя по промерам, которые я время от времени делал через отверстия во льду, мы знали, что там достаточно воды для сплава. Мы называли эту местность «Утёс Изыскателя». Течение реки здесь было строго на магнитный север.

В 14:00 мы продолжили идти на снегоступах по холмистому редколесью на западном берегу реки. На вершине небольшого возвышения Макрей радостно закричал: «Лалума! Лалума!», указывая на северо-восток. Посмотрев в ту сторону, я увидел высокий конусообразный пик, едва различимый вдали, в котором Макрей узнал старого знакомого. В течение многих дней, когда они путешествовали по Чукотке, этот пик

высотой около шести тысяч футов служил им ориентиром<sup>1</sup>. Его появление в этот момент было очень кстати, поскольку позволило нам определить наше местонахождение. Мы разбили лагерь с наступлением темноты, пройдя за день всего тридцать пять вёрст.

Корма для наших собак оставалось всего на одну ночь, а по нашим расчётам нам предстояло ещё два дня пути. Чтобы облегчить нарты, мы скармливали собакам мясо оленя как можно скорее, и теперь к концу подходили наши собственные запасы еды. Вдобавок к этому, чрезвычайно трудно было идти по тяжёлому мокрому снегу, большую часть времени на снегоступах, к тому же мы мало спали (обычно около трёх часов в сутки), а наши глаза были ослабленные снежной слепотой. Мы все так сильно загорели, что в нас едва можно было узнать белых людей.

На следующее утро в 3 часа, когда мы собирались выступить из лагеря, позади нас послышался шум, и вскоре мы увидели три нарты. Они оказались теми, по чьему следу мы шли, а каюры сообщили нам, что Абаза, который прибыл в Анадырск за три дня до этого, отправил их на наши поиски. А встретились мы недалеко от устья реки, которую называли в честь нашего майора. Они обнаружили наш след и ехали день и ночь, чтобы догнать нас. Мы отложили наш отъезд на пару часов, чтобы дать им возможность отдохнуть. Поскольку их собаки ничего не ели целые сутки, мы отдали им нашу последнюю рыбу.

Этих собак мы запрягли к нашим нартам, а своих отправили вперёд с пустыми нартами прокладывать дорогу, но вскоре догнали их. В десяти верстах от лагеря мы проехали мимо ещё одного утёса на берегу реки, которая здесь очень узкая, а верстой ниже достигли устья Алгана, на семьдесят вёрст ниже того места, где ожидали его найти. Это место мы называли «Телеграфным Утёсом», поскольку оно было самое подходящее для того, чтобы протянуть провода через реку. Здесь стояла старая заброшенная хижина, а вблизи росли прекрасные лиственницы, но ниже устья Алгана лес заканчивался. С соседней возвышенности<sup>2</sup> мы могли проследить течение реки на многие мили к северу. Она была чрезвычайно извилистая.

Поскольку еда у нас кончилась, мы отправились напрямик через гряду холмов, окаймляющих долину Майна на западе, и взяли курс через обширную тундру на северо-запад к поселению Крепость, которое вместе с тремя другими деревнями составляет Анадырск. Эта тундра

---

<sup>1</sup> Скорее всего речь идёт о горе Остряк (1047 м. 64.5623, 171.9098). Согласно «Топонимическому словарю Северо-Востока СССР» (В.В.Леонтьев, К.А.Новикова, Магадан, 1989): «ОСТРЯК — гора в Алганском кряже. Возвышается над сопками острым правильным конусом. Является приметным ориентиром для оленеводов и охотников (Э.В.Гунченко)». — прим. перев.

<sup>2</sup> Очевидно, это гора Открытая (398 м. 64.345617, 171.326594). — прим. перев.

находится в долине реки Анадырь. С горы мы видели саму реку, извивающуюся в туманной дали на север и запад. За рекой тундра продолжалась до самого горизонта. Переход был долгим и утомительным, а путь пролегал по долине — неровной, с глубоким снегом и зарослями багульника. В то же время наши открытия намного превзошли наши ожидания и указали на реки Майн и Абаза как на предпочтительный маршрут телеграфной линии.

## ГЛАВА XXVI

Деревня Крепость расположена на южном берегу Анадыря, на возвышенности примерно в тридцать футов над рекой. В ней около дюжины старых домов и амбаров на столбах примерно в шести футах над землёй. Название своё деревня получила потому, что именно здесь находилось первое русское поселение на Анадыре, основанное Дежнёвым и его отрядом, которые поднялись по Анадырю в 1649 году и построили здесь небольшой форт, обнесённый частоколом.

Годом ранее Дежнёв отправился на трёх судах из Колымы в плавание вокруг восточной оконечности Азии, и в октябре того же года, после того, как два его судна потерялись, его собственное было выброшено на берег недалеко от устья Анадыря, где он перезимовал и следующим летом стал подниматься по реке. Здесь он встретил племя анаулов, ветвь юкагиров, которых он попытался заставить платить дань, но они оказали сопротивление и в последовавшем сражении были почти все убиты.

В 1650 году казак Семён Мотора совершил первое сухопутное путешествие из Колымы в Крепость, после чего связь с фортом была налажена, и в нём разместили постоянный гарнизон. Постепенно здесь поселились некоторые жители Колымы, и время от времени здесь жили представители племён чуванцев и юкагиров, которые, обнищав из-за потери своих оленей из-за болезней или войн с чукчами, были вынуждены перейти на оседлый образ жизни и питаться рыбой. В конце концов, на Анадыре также возникли поселения Марково и Покоруков, одно в пятнадцати, а другое в тридцати пяти верстах выше Крепости. Все три вместе взятые называются Анадырск<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Анадырск в то время состоял из четырёх деревень: Марково (центральная), Покоруков, Псолкин и Крепость. — прим. перев.

О ранней истории этих мест абсолютно достоверных сведений очень мало. Среди местных жителей ходят рассказы о битвах с чукчами, которые передаются из поколения в поколение, преувеличиваясь с каждым разом, пока не превратились в эпические грандиозные сражения.

От Герхарда Мюллера мы узнаём, что в 1710 году три казака из Анадырска сообщили якутскому воеводе Дорофею Трауэрнихту, что в 1701 году некоторые из юкагиров, которые были данниками русских, пожаловались коменданту в Анадырск, что они подвергаются нападению чукчей и просили прислать русских, чтобы помочь им в войне с врагами. Отряд из двадцати четырёх русских и ста десяти юкагиров направился к морскому побережью и, обнаружив тринадцать поселений чукчей, потребовал от них сдаться и заплатить дань. После их отказа последовало сражение, в котором десять чукчей были убиты, а несколько мужчин с женщинами и детьми были взяты в плен. Мужчины, вместо того чтобы попасть в плен, убили друг друга. Однако некоторым удалось спастись, и они собрали войско в триста человек у Чукотского Носа<sup>1</sup>, который выступил против русских и потерял в бою около двухсот убитыми. На следующий день уже три тысячи чукчей, вооружённых только луками, пращами и копьями, напали на русских. Сражение продолжалось весь день, в результате чего многие чукчи были убиты, а у русских и юкагиров было только десять раненых. Затем чукчи окружили своих врагов и держали их в осаде в течение пяти дней, но им удалось бежать и благополучно вернуться в Анадырск.

Двадцать девять лет спустя, в 1730 году, в Крепость прибыл капитан Павлуцкий и на следующий год возглавил экспедицию против чукчей, в состав которой входили двести пятьдесят русских, сто шестьдесят коряков и шестьдесят юкагиров. Они направились на север, к арктическому побережью, которого достигли после двухмесячного путешествия со скоростью десять вёрст в день. Затем они в течение двух недель продвигались вдоль побережья на восток и 7 июня встретили большой отряд чукчей, которые отказались покориться и были разбиты, но с какими потерями, не сообщается. После восьми дней отдыха они около двух недель продвигались на восток и 30 июня разгромили ещё один отряд. Отсюда, после трёхдневного отдыха, они двинулись к Чукот-

---

<sup>1</sup> Здесь под Чукотским мысом имеется ввиду не современный мыс Дежнёва (тогда — Северный Чукотский мыс), а так называемый в то время Южный Чукотский мыс, который сейчас называется просто мыс Чукотский (64.241794 -173.108877), расположенный на восточном берегу Анадырского залива между бухтой Провидения и лагуной Кивак. — *прим. перев.*

скому Носу, который пересекли, чтобы добраться до Анадырского залива. В этом месте они также разбили и перебили большое количество чукчей, но так и не смогли покорить их.

Среди трофеев было найдено несколько вещей, которые принадлежали Афанасию Шестакову, который был убит, а его отряд разбит в прошлом году у Пенжинского залива. Общие потери русских и их союзников в этой экспедиции составили трое русских, одного юкагира и пяти коряков убитыми. 21 октября 1730 года экспедиция вернулась в Крепость.

В дополнение к этим рассказам туземцы рассказали мне, что много лет назад (вероятно, во времена Мюллера) чукчи очень большим отрядом напали на Крепость и обратили русских в бегство, загнав их на холм в двух днях пути от них, на дороге в Пенжино, который с тех пор называется Русский Хребет. Здесь чукчи снова напали на них и полностью разгромили, убив очень многих. Если это правда, то произошло это раньше, чем помнит кто-либо из стариков-туземцев, которые мне об рассказывали. Конечно, в Крепости уже много лет нет гарнизона, а от укреплений старого форта не осталось и следа.

Нынешние жители в основном являются потомками тех первоходцев, и, хотя они причисляют себя к разным племенам: чуванцам, юкагирам, ламутам и русским, все они настолько переняли русский язык, что забыли свой собственный, так что теперь невозможно отличить членов разных племён друг от друга.

Марково было одной из самых непривлекательных деревень, которые я когда-либо видел, в ней было не более полудюжины убогих деревянных домов и маленькая церковь; но утром 8 мая, когда я въехал в город, я был так измучен, что был рад любом обитаемому месту. Мы подъехали к дому старого чуванца по имени Авраам, где остановились Додд (компаньон Кеннана), Робинсон, Хардер и Смит из отряда Макрея. Было раннее утро, и все ещё спали.

Я разбудил их и спросил об обстановке, после чего повалился на кровать, чтобы уснуть, но из-за крайнего изнеможения не смог этого сделать. Из-за наступления весны нельзя было терять времени, поэтому майор и исправник решили отправиться в Гижигу на следующий день.

Моим намерением было, как только будут сделаны необходимые приготовления, отправиться с местными рабочими на Майн к устью Алгана, чтобы нарубить брёвен для сплава по рекам Майн и Анадырь во время весенних паводков, чтобы распределить их по Анадырю, поскольку берега этой реки полностью лишены леса. Таким образом, если суда компании прибудут в устье реки в надлежащее время, мы сможем



немедленно приступить к строительству линии; в противном случае мы можем задержаться ещё на год, так как лето очень короткое, и на этом участке трассы ничего нельзя будет сделать, пока не будут сплавлены брёвна.



Марково

Перед своим отъездом исправник собрал всех жителей со старостами и поручил последним предоставить нам всю необходимую помощь, будь то люди для работы или собаки для упряжек в зимнее время, а также, по моей просьбе, назначил казачьего старшину Кошевина, имевшего большой авторитет среди туземцев, в качестве моего помощника, вместе с полудюжиной казаков. Наделённые этими полномочиями и располагая почти пятьюдесятью крепкими мужчинами, мы питали большие надежды на то, что к лету сможем выполнить значительную часть работ.

В это время года лучше путешествовать по ночам, чтобы избежать дневной жары, поэтому вечером 9 мая майор и исправник вместе с Доддом и Робинсоном, а также ньюфаундлендом Куком попрощались с нами. Кук, как и остальные, ехал в нартах, так как у него сильно болели ноги после путешествия вверх по Анадырю с Кеннаном.

Бедный Кук! Участь его была нелёгкой, ему пришлось немало потрудиться, чтобы убедить ездовых собак, что он ничем не хуже их. Всю дорогу вверх по Анадырю он был привязан позади одной из нарт, и все остальные собаки, когда представлялась возможность, то ли завидуя размерам Кука, то ли полагая, что он какой-то дальний родственник

медведю, нападали на него и вообще плохо с ним обращались. По прибытии в Марково ему пришлось передрасться со всеми собаками в округе, и поодиночке, и с целыми сворами, и только после того, как он убил одну и тяжело ранил ещё нескольких, они начали его уважать. По прибытии в Гижигу и близлежащие селения ему, конечно, пришлось пройти через всё это заново. Перед отъездом из Марково он был уже полноценным сибиряком; он так же сознательно, как и все остальные, подчинялся командам и хорошо выполнял свою работу. Его обязанностью было таскать дрова и бочки с водой из проруби на льду реки. Поначалу он не одобрял собачьего воя, но в конце концов, когда деревенские собаки начинали свой ежевечерний хор, голос старого Кука слышался громче всех и был легко узнаваем по той неуклюжей манере, с которой он пытался им подражать. Каюру, который вёз Кука, не понравилась идея служить кучером у собаки.

Наши запасы провизии на весну состояли из чая, сахара и ржаной муки, которые мы привезли с собой из Гижиги. Двух первых продуктов у нас было в избытке, как для нас самих, так и для местных жителей, которых мы могли бы нанять, но муки было сравнительно мало. Эти люди, однако, редко едят хлеб, так как их основная пища — это мясо северного оленя и рыба. Рыбы мы не могли достать вообще; поэтому больше всего полагались на оленину, которую надеялись добыть у коряков или чукчей. Нам потребуется много мяса, чтобы прокормить всех наших работников, да к тому же кормить ею собак.

Чтобы раздобыть столько мяса, на следующий день после отъезда майора, 10 мая, я отправил казака Кошевина к корякам на верхний Майн с пятнадцатью нартами и приличным запасом черкасского табака, чтобы купить восемьдесят оленей, а также поручил ему уговорить коряков перегнать свои стада поближе к устью Алгана, где будет работать полевой отряд. Опасаясь, что Кошевину не удастся добыть необходимое количество оленей, я на всякий случай на следующий день послал другого казака, Толстихина, в другом направлении, также за мясом, зная, что нам понадобится всё, что мы сможем купить.

Поскольку теперь все трудоспособные мужчины уехали с казаками, мы были вынуждены отложить наш собственный отъезд на Майн до тех пор, пока кто-нибудь из них не вернётся.

Марково расположено на берегу протоки Марковки, примерно в полумиле от её впадения в Анадырь. Полоса леса, простирающаяся на милую-другую от этих рек по обоим берегам, обеспечивает жителей строительной древесиной и дровами, а также защищает город от вет-

ров. В лесу в зимние месяцы обитает множество белых куропаток. У туземцев почти нет ружей, да и они редко пользуются ими из-за нехватки пороха и свинца, поэтому выстрелами этих птиц редко беспокоят, но сотни птиц ежедневно попадают в ловушки, подобные тем, что ставят на лисиц. Эти ловушки, поскольку они лёгкие, устанавливаются прямо на снег; приманкой служат молодые почки тополиного дерева, которые куропатки очень любят. До нашего приезда туземцы кормили себя и собак в основном куропатками, но наступившая тёплая погода и таяние снега сделали их ловушки бесполезными, и им пришлось искать пропитание у соседних племён. Наше прибытие оказалось для них очень своевременным, так как мы снабдили их табаком, необходимым для покупки мяса, без которого им пришлось бы полагаться только на щедрость своих более диких собратьев.

Река Анадырь выше устья Майна течёт по обширной равнинной тундре, изрезанной бесчисленными протоками, некоторые из которых летом пересыхают, хотя в большинстве из них вода есть круглый год. Пойма реки на многие мили от основного русла, представляет собой мозаику островов самых разных размеров. И Марково и Крепость расположены на таких островах. На протяжении многих миль выше Марково и вплоть до Крепости главное течение Анадыря направлено почти строго на восток, но у Крепости оно меняется на северо-восточное и делает большой круг далеко на север, после чего река снова течёт почти строго на юг до впадения в неё Майна. Территория, расположенная в пределах этого круга, также является большим островом, и две протоки тянутся от Анадыря близ Крепости до Майна. Одна из них впадает в Майн примерно в сорока верстах выше его устья, в месте Вакарево, и известна как Вакарьева протока. Другая, которая впадает в Майн чуть выше по течению, называется Майнская протока. Кеннан, отправляясь в Анадырский залив, следовал по Вакарьевой протоке и, таким образом, вместо того чтобы идти вдоль реки, сэкономил два дня пути.

В дополнение к сплаву брёвен вниз по реке, мы также хотели сплавить десять или двенадцать юрт, которые должны были быть установлены на некотором расстоянии друг от друга по берегам реки для укрытия во время путешествия зимой. Имея это в виду, мы с лейтенантом Макреем взяли собак и отправились вверх по реке на тридцать вёрст от Марково, чтобы осмотреть несколько летних поварен, которые владельцы предложили нам купить. Они были построены местными жителями для рыбалки. Отобрав шестнадцать лучших для наших целей, мы по возвращении заехали в селение Покоруков.

Единственное, что заинтересовали нас здесь, были несколько лодок-«веток», которые остались лежать на берегу реки после таяния снега. Они были такими маленькими и лёгкими, что мы не могли представить, как человек может на них плавать. Однако старый Аврам, мой каюр, заверил нас, что, хотя управление ими требует большого мастерства и долгой практики, их часто используют для длительных плаваний, где нужна скорость. Они созданы специально для охоты на диких северных оленей, переплывающих реки во время их ежегодных осенних миграций из северных тундр в южные горные районы, а также весной, когда они возвращаются на север, спасаясь от полчищ комаров, которыми кишат южные леса. В тундре этих кровопийцев не меньше, но из-за сильных ветров они доставляют меньше хлопот. Ветки, которые мы видели, были длиной пятнадцать футов и шириной один фут, плоскодонные, сделанные из трёх досок, вытесанных топором. Нижняя доска была толщиной в три четверти дюйма и заострена с обоих концов. Каждая сторона состоит из одной доски шириной от восьми до десяти дюймов и толщиной не более четверти дюйма. Они были пришиты к нижней доске и друг к другу на концах оленьими сухожилиями, швы тщательно заделаны смолой. Две тонкие палочки в середине лодки распирают тонкие стенки и предотвращают их деформацию. Гребец садится прямо на дно и гребёт лёгким двухлопастным веслом. Под каждой веткой на берегу лежали такое весло и лёгкое копье длиной около двенадцати футов, которым охотятся на оленя.

Здесь мне подарили прекрасного щенка эскимосской лайки, которого я назвал Ник в честь дарителя, чьё имя было Николай. Но туземец очень встревожился, узнав, что я дал собаке его имя, и сказал, что с ним случится беда, если его не изменить. Однако, когда я заверил его, что в Америке мы часто называем собак в честь людей, и ничего не случается, он был совершенно удовлетворён.

На обратном пути в Марково мы видели несколько гусей и лебедей и тысячи куропаток. Некоторые из них спали посреди тундры, и снег покрывал их так, что были видны только головы. Другие были вообще полностью погребены под снегом и с шумом взлетали при нашем приближении.

Для перевозки людей, собак и домашнего скарба летом местные жители используют большие лодки, способные вместить десятки человек, которые называется карбасами. Эти карбасы имеют днища, выдолбленные из толстых стволов и развёрнутых при нагревании над огнём и обработке кипятком, с двумя широкими досками в качестве бортов. Борта и дно скреплены сухожилиями, а щели законопачены мхом. Эти суда

считаются очень опасными в бурной воде, так как мох иногда вымывается; но, за неимением лучшего, люди ими пользуются. В Марково мы купили себе летнюю одежду, какую носят местные жители, сшитую из тонкой выделанной оленьей кожи, прокопчённой с одной стороны, чтобы она не задубела после намокания. Главным элементом летней одежды является «камлея», или «камлейка» — длинная рубашка, плотно облегающая запястья и шею, с капюшоном, плотно облегающим голову, оставляя открытым только лицо. Это для защиты головы от гнуса. В дополнение к этому — штаны из оленьей кожи, рукавицы, плотно облегающие запястья, и сапоги из того же материала, с подошвой из толстой медвежьей шкуры. Кроме этих сапог, предназначенных для сухой погоды, есть и другие, из тюленьей или конской кожи, которые, если их тщательно смазывать жиром, становятся водонепроницаемыми. Вооружившись ими и сетями от комаров, а также изготовив для себя шапки из оленьей кожи (летом туземцы их не носят), мы чувствовали себя в состоянии противостоять любому гнусу, который мог на нас напасть. Тут я привожу два портрета реальных ламутов в их летних одеждах.

Понемногу начали возвращаться туземцы, которые ездили за мясом для своих семей, правда, многие из них потерпели неудачу.



Иван Ермешков



Фёдор Чаян

Мы договорились с Кошевиным и Аврамом об изготовлении двух карбасов и невода для ловли рыбы, которые будут готовы к тому моменту, когда река вскрыется, и оставили распоряжение Кошевину, чтобы он разобрал шестнадцать юрт, которые мы купили, и сплавил их по Майнской протоке к реке Майн туда, где мы должны встретить их на

наших плотях. 22 мая мы отправились в путь со всеми нашими припасами и грузом, с шестнадцатью мужчинами и десятью нартами. Позже должны были прибыть ещё люди и привезти ремни из тюленьей кожи для вязки плотов, поскольку у нас не было с собой ни дрелей, ни других приспособлений для постройки плотов. Полагая, что, возможно, мы больше не увидим Кошевина до самой зимы, я также отдал ему распоряжение отправить двенадцать нарт к устью реки, как только откроется санный путь, чтобы в случае чего доставить нас на судно, которое должно туда приплыть.

Мы прибыли в Крепость во время сильной пурги, из-за которой задержались до вечера, затем снова двигались всю ночь и до 3 часов пополудни следующего дня, прежде чем достигли устья Алгана. Путешествие было чрезвычайно трудным, особенно на реке Майн, где несколько наших саней провалились сквозь рыхлый лёд. В некоторых местах ехать было особенно тяжело. Каждой упряжке приходилось пересекать реку по отдельности, так как лёд под ними прогибался и трескался, и за нартами тянулась полоса открытой воды. Очень часто нас спасала только скорость испуганных собак, иначе бы нас неминуемо унесло течением под лёд. По дороге мы подстрелили нашего первого гуся.

На следующий день рабочие принялись за строительство большого бревенчатого дома для жилья, который впоследствии предполагалось использовать и как склад. Это было бы сделано за пять дней, но 26 мая от Кошевина прибыли две нарты, которые привезли всего двенадцать оленей, которых хватило бы для наших собак всего на два дня, и обескураживающее известие о том, что больше на Майне добыть невозможно. Туземцы, несмотря на их желание, не могли пригнать оленей на Алган, так как был сезон отёла, и самки не могли идти. Он, тем не менее, отправился на поиски коряков, живущих к западу от Пенжины. О казаке Толстихине пока ничего не было слышно.

Обнаружив, что мы не сможем прокормить здесь собак, в понедельник, 28 мая, я отправил их всех обратно в Анадырск с Хардером, которому я поручил привести всех рабочих, которых он сможет найти, вместе с карбасом, чтобы мы могли переправляться через реки и протоки, если нам придётся возвращаться в Марково из-за недостатка еды. До сих пор, чтобы сберечь оленину для наших собак и всех прокормить, нам удавалось добывать достаточно гусей. Это, к тому же, было прекрасное развлечение. Каждый вечер, в 11 часов, когда было ещё совсем светло и гуси начинали летать, мы надевали снегоступы и переправлялись на болота за Майном. Там мы занимали позиции в разных местах, всякий раз,

когда стая или одиночные птицы пролетали на расстоянии выстрела, начиналась канонада, и к часу дня мы набивали столько, сколько могли унести. Но вскоре гуси начали искать другие водоёмы, а лёд на Майне стал такой, что мы больше не отваживались переправляться по нему.

29-го числа священник-якут из Марково, обладающий всеми пороками их сословия в Восточной Сибири, прибыл с пятнадцатью оленями и рассказал, что Кошевин сейчас в Марково. Вообще он добыл двадцать оленей, но, решив, что нам придётся туда вернуться, оставил там пятерых, чтобы мы могли прокормиться во время весеннего половодья. Толстихин также вернулся в Марково, ничего не добыв. Вдобавок к этому, бедняга пережил серьёзные трудности. Он и его спутники не ели четыре дня, если не считать ремня из тюленьей кожи, которое они сварили и съели за один раз, а их собаки ничего не ели в течение пяти дней.

Казалось, само провидение ополчилась против нас. Во-первых, многие жители находились в крайне бедственном положении или не могли работать из-за болезней, так что мы могли собрать лишь горстку людей, которые могли бы сопровождать нас на Майн, не лишая свои семьи единственного кормильца. Так, я был вынужден отослать обратно троих мужчин, чтобы они смогли заработать где-нибудь ещё, поскольку не смог обеспечить их мясом, как обещал. Другим препятствием было некоторое недопонимание, возникшее между соседними племенами чукчей и чуванцев по поводу снабжения нас мясом, в результате чего они отказались оказывать какую-либо помощь. А потом, вдобавок к тому, что мы не смогли добыть оленей на корм собакам, нам не удалось раздобыть достаточное количество кожаных ремней для постройки плотов. Было очевидно, что нам надо уезжать с Майна, и, не желая этого делать, ничего не добившись, мы отправили всех мужчин на работу — валить деревья и готовить брёвна для телеграфных столбов.

30 мая Хардер вернулся из Марково без рабочих, но он привёл с собой карбас по одному из самых крупных протоков, через который нам предстояло переправиться на обратном пути. Он сообщил, что все реки вот-вот выйдут из берегов и что, если мы немедленно не вернёмся, то скоро вообще не сможем этого сделать.

1 июня Макрей и Хардер отправились в Марково с нашими вещами и теми немногими припасами, которые у нас были, с предписанием прислать обратно нарты, которых хватило бы, чтобы перевезти нас всех, а на следующий день на Майне начал таять лёд, и вода в нём очень быстро поднялась. Это было великолепное зрелище — наблюдать, как восьми-месячные скопления льда и снега проносятся со скоростью шести миль в час, с шумом, грохотом и в пене, как огромные льдины сталкиваются

и громоздятся друг на друга. За несколько часов русло наполнилось до краёв, и река начала выходить из берегов, угрожая затопить нашу стоянку, но своевременное прибытие нарт 3 июня позволило нам спастись вместе с инвентарём, хотя снег местами был уже полностью пропитан водой. После перехода через хребет в долину Анадыря ехать стало намного легче. Чтобы пересечь одну из речек, нам пришлось переправиться на льдине, и там, где был оставлен карбас, протока была полностью свободна ото льда.

Путь до Марково был чрезвычайно трудным. Если бы мы поехали даже на день позже, то вообще могли бы не доехать. Непрерывно двигаясь днём и ночью, мы достигли селения 4 июня в 11:30 вечера, проведя в пути тридцать шесть часов.

По возвращении мы обнаружили, что Анадырь ещё не вскрылся, за исключением небольших участков, но полыньи в этих местах были уже давно. На них водилось множество гусей, уток и лебедей, но они были так осторожны, что их не удавалось подстрелить, да и наш небольшой запас боеприпасов был почти весь истрачен на Майне. Мы, однако, воспользовались этой открытой водой, чтобы потренироваться в плавании на ветках, и только после того, как каждый из нас испытал несколько леденящих купаний, мы научились в них сидеть.

Для нас это были необычные дни, на самом деле полные сутки, поскольку за все двадцать четыре часа не было достаточно темно, чтобы были видны звёзды. Когда мы ложились спать, было ещё совсем светло, а когда просыпались, было уже совсем светло, и даже если мы совсем не спали всю ночь, всё вокруг было залито солнечным светом, за исключением короткого промежутка в пару часов между закатом и восходом. Ещё через несколько дней это время сократилось до менее чем часа. Хотя солнце чуть скрывалось из виду на это короткое время, во время его отсутствия небеса на севере сияли самыми великолепными оттенками золотого, малинового, фиолетового, оранжевого — всеми самыми красивыми и нежными оттенками, сливающимися в один гармоничный цельный и придающий неописуемую красоту пейзажу цвет, который в другое время казался холодным и безжизненным. Временами это многоцветье было скрыто тяжёлыми тёмными облаками в сверкающей бахромой лучей заходящего солнца.

Один из таких полуночных закатов на Анадыре я никогда не забуду. По своему великолепию он превосходил всё, что я когда-либо видел, и продолжался с неизменной и неизмеримой красотой почти два часа. В это время по небу величественно проплыла тяжёлая грозовая туча, и её изломанные зигзаги ярких молний пронизали разноцветную завесу



света, висевшую за ней. Грозы в этих краях случаются довольно редко, и по этому случаю туземцы начали креститься и бормотать молитвы. Когда мы рассказали им, что используем молнии для передачи сообщений по телеграфу, они сочли это кощунством и пришли в ещё больший ужас.

Во время этого немеркнувшего света было неважно, когда мы ложимся спать и когда встаём, но мы выбирали для нашего «дня» часы, которые на самом деле были ночью. В эти часы было тише, а воздух прохладнее, что было немаловажным, поскольку к этому времени дневная жара уже давала о себе знать. Мы могли отчётливо видеть в любое время, и читать и писать в помещении.

Что меня больше всего поражало, так это регулярность, с которой птицы и животные соблюдали часы отдыха и активности. Когда мы выходили из наших жилищ, то в какой-то момент всё было полно жизни и деятельности, из глиняных труб вился дым, туземцы сновали взад-вперёд на нартах, груженных хворостом, которые тянули упряжки бодрых собак. Женщины шли за водой и возвращались с наполненными до краёв бадьями, подвешенными к коромыслам на плечах, а деревенские собаки бродили между домами, ловили полевых мышей и соперничали с воронами за какой-нибудь ошмёток кожи. На деревьях куропатки и множество других птиц порхали с ветки на ветку, склёвывая свежие почки и наполняя воздух своим щебетом. Тут слышался стук топора, там крики каюров, смех и песни девушек, направлявшихся к реке. Всё вокруг было живым и бодрым.

Несколько часов спустя я снова выхожу из своего жилища, и, хотя солнце светит так же ярко, как и раньше, всё затихло, царит мёртвая тишина. Не видно ни дыма, ни людей. Тут и там, свернувшись калачиком и прикрыв морды пушистыми хвостами, дремлют деревенские собаки; вороны, с опущенными хвостами и закрытыми глазами, сидят, поклёвывая носом, на нартах и крышах домов. В голых ветвях деревьев ни малейшего движения, но везде сидят белые куропатки, спрятавшие головы под крылья и плотно прижавшие белоснежные крылья к бокам, чтобы согреться. С точностью часов природа засыпает, и с такой же точностью просыпается каждое утро.

Сразу же после нашего возвращения с Майна мы принялись закреплять на берегу купленные мной юрты, чтобы их не унесло паводком. Утром 6 июня лёд на протоке Марковке начал расходиться длинными трещинами, через которые стала прорываться вода, заполняя реку так быстро, что несколько туземцев на противоположном берегу едва успели вернуться в деревню. Вскоре давление снизу вспучило лёд по

всему течению, толстый зимний лёд разломился с тяжёлым грохотом и треском, на поверхность бушующего потока хлынула пена. Уровень воды в протоке стремительно повышался, но течение пока было затруднено массами льда, зажатыми между островами ниже. Вода всё прибывала и прибывала, и внезапно ледяная плотина прорвалась, и множество льдин, тесня друг друга устремились вниз по протоке. Бурлящая ледяными осколками поверхность была усеяна брёвнами и целыми деревьями, вскидывающими к небу свои покрытые шрамами изломанный руки, словно моля о помощи, но... безнадежно... и они уносились дальше и пропадали в грохочущей ярости соседнего Анадыря. И другие занимали их места в движущейся перед нашим взором панораме.

Это было захватывающее зрелище. Все жители собрались на берегу, крестились и, согласно их ежегодной традиции, стреляли холостыми зарядами из старых кремневых ружей. Этот обычай — пережиток их старых языческих суеверий, форма поклонения духу вод, от щедрости которого зависят их запасы рыбы на зиму.

Уже через полдня после начала ледохода вся местность превратилась в огромное озеро, многим жителям пришлось покинуть свои дома и вместе с семьями и собаками спасаться на крышах или укрыться на редких островах, оставшихся незатопленными. К счастью, наши апартаменты находились как раз вне досягаемости воды, но, чтобы добраться куда-либо, нам приходилось пользоваться лодками.

Это самое голодное время года. Поскольку долгая зима подошла к концу, у местных жителей все запасы истощены. Половодье загнало туземные племена в горы, и всякое сообщение с ними прервано. И даже все водоплавающие птицы улетели от беспокойного ледохода и нашли себе более тихие воды в тундре. Рыбу поймать невозможно, куропаток нигде не видно. Все они улетели на холмы в тундре, чтобы вить гнезда. Несмотря на то, что этой весной ситуация была лучше, чем в предыдущие годы, страданий от голода всё же было много. Одной семье пришлось настолько ограничить себя, что они ели теперь только раз в два дня. Наше оленьё мясо, которое мы припасли с зимы, испортилось, как только наступила тёплая погода, и мы не могли его есть, а так как туземцы готовы есть практически всё, что угодно, мы охотно раздали его, но и его было слишком мало, чтобы как-то облегчить их положение. Один туземец пришёл ко мне со слезами на глазах и поведал, что его семья находится в крайней нужде. Они уже несколько дней питались собачьей упряжью, которую они разваривали в воде. Другие питались оленьими шкурами. Наши собственные припасы сократились до мешочка

ржаной муки и немного чая и сахара, которого едва хватит, чтобы добраться до устья реки, поэтому мы могли оказать им лишь совсем незначительную помощь. Собаки были в ужасном состоянии. Многие из них питались исключительно трупами своих умерших от голода товарищей.

В Крепости некоторые предприимчивые жители спасали свои семьи тем, что добирались на лодках до островков в тундре и убивали палками зайцев — они во множестве спасались там от наводнения.

Как только река достаточно освободилась ото льда, все голодающие сели на карбасы со своими собаками и домашним скарбом и отправились к устью Майна ловить рыбу и караулить оленей на переправе через реку, оставив Марково почти безлюдным.

Во время паводка Кошевин и Аврам закончили постройку двух карбасов. К 19 июня вода спала так, что возле большинства юрт, которые мы намеревались взять с собой, глубина воды была по пояс. Мы немедленно приступили к их разборке и постройке плотов, и к ночи 20 июня у нас было восемь юрт, каждая в виде отдельного плота, и все они были связаны вместе так, что при необходимости каждую можно было отвязать от остальных. Тем временем Хардер был послан вверх по реке за другими домами, но из-за наводнения смог раздобыть только два, которые были также спущены на воду и прикреплены к основной связке. Теперь у нас оставалось ржаной муки только на два дня для нас самих и восьми туземцев, которые должны были нас сопровождать, и почти не было чая и сахара. Мяса мы не пробовали уже много дней. Поскольку всё было готово, и мы не могли достать другой еды до того, как достигнем устья Майна, то нельзя было терять ни минуты, и 22 июня мы отправились в путь.

## ГЛАВА XXVII

Нам предстояло преодолеть почти пятьсот миль по рекам и протокам, прежде чем достичь Берингова моря, и, поскольку ни мы, ни кто-либо из нашей туземной команды совершенно не были знакомы с последними тремя сотнями миль плавания и к тому же были неопытны в сплаве, это не обошлось без некоторых трудностей. В такой двойной неопределённости мы отчалили от берега и медленно поплыли по протоке к быстрому течению Анадыря. Вода в реке была ещё на пятнадцать футов выше летнего уровня и неслась со скоростью шести узлов. Теперь нам оставалось только убеждать себя в том, что всё будет хорошо, и мы

не разобьёмся вдребезги о какой-нибудь из многочисленных островов, лежащих на нашем пути.

От Крепости мы намеревались проплыть до Майна по Вакарьевой протоке и таким образом избежать длительного кружного пути Анадыря на север.

Наши проводники заверяли нас, что от слияния Майна с Анадырем до устья реки Белой, — крупного притока, текущего с севера, — плавание будет благополучным, но дальше их знания реки заканчивались.

День был ясный, тёплый и во всех отношениях, кроме одного, благоприятствовал плаванию. Этим одним был сильный северный ветер, который дул с левого берега реки в груды коры для крыш, лежащие на плоту, и постоянно прижимал нас к подветренному берегу, несмотря на все наши усилия на вёслах. Только с величайшим трудом нам удалось избежать, чтобы нас не выбросило на берег.

Мы промчались под нависающим берегом реки и в трёх верстах от места отправления оказались в другой протоке с ещё более мощным течением. Прямо перед нами, менее чем в двухстах ярдах, показался остроконечный остров, о который разбивалось течение, и к нему с бешеной скоростью приближался наш плот. Все бросились к вёслам, но ветер и течение были такими, что не успели мы сделать и полдюжины гребков, как последовал удар, от которого почти все упали. Прочность нашего плота подверглась серьёзному испытанию, но крепления из тюленьих ремней выдержали, и, если не считать нескольких сломанных брёвен, он не пострадал.

После столкновения нас развернуло и понесло в узкую протоку, где плот застрял.

Сильное течение не позволяло нам вытащить плот из западни с нашими нынешними силами, но мы находились всё ещё недалеко от Марково, и один из мужчин отправился туда за помощью на ветке. Вскоре к нам присоединились семнадцать человек, и с их помощью, после двухчасовой работы верёвками и шестами, мы вытащили плот на двести ярдов выше острова. Ветер стих, и наша вторая попытка была успешной, хотя даже и тогда плот немного задел остров. Проток между Марково и Крепостью ожидалось очень много, поэтому мы оставили с собой несколько человек на случай подобных ситуаций.

Наконец, после почти двадцати часов самой неистовой и захватывающей гонки, мы выплыли из хаоса островов чуть выше Крепости на широкую, открытую реку с быстрым, но плавным течением.

Это был самый длинный день в году. Между заходом и восходом солнца прошло всего пятьдесят пять минут, и, хотя солнце было скрыто

за горизонтом, света было достаточно для того, чтобы читать даже мелкий шрифт. В 3:30 утра мы проплыли мимо Крепости и послали на берег за помощью, чтобы добраться до Вакарьевой протоки, которая начинается в нескольких верстах ниже по течению. В это время поднялся сильный, против течения реки, ветер. Наш плот скрипел и гнулся на высокой волне, но этот же ветер и помог нам, сдерживая нашу скорость и позволив нам гораздо легче войти в протоку. После этого мы отослали обратно лишних людей и приготовились самостоятельно пробиваться к морю.

С нашего плота, когда мы плыли по протоке, не было видно никакой земли, за исключением двух далёких гряд холмов, до которых было не менее сорока миль. Мы могли судить о русле протоки только по параллельным линиям деревьев, выступающих из воды. Между ними мы и удерживали плот, чтобы, если вода упадёт, не оказаться на мели.

Но! Вместо бешеной скорости, с которой мы неслись по Анадырю, наше продвижение теперь было едва заметным. Это было весьма обескураживающе, учитывая жалкое состояние нашего провианта, который из почти двухнедельного сократился до суточного запаса ржаной муки, чая и сахара. К счастью, люди из Крепости, которые присоединились к нам, взяли с собой немного тухлого оленьего мяса и поделились им с нашей командой. Хотя мы сами и не могли это есть, это всё же отвлекло их от муки, на которой, мы надеялись, если экономить, нам можно будет продержаться несколько дней.

Присутствие в мясе некоторых форм жизни, которые изначально в нём не подразумевались, по-видимому, несколько не смущало наших людей; выковыривая их ножами одно за другим, они выбрасывали их за борт и продолжали трапезу со всей беззаботностью.

В протоке мы поначалу продвигались со скоростью около полумили в час, но заметили, что понемногу набираем скорость, и, хотя протока был длиной около пятидесяти миль, мы всё же надеялись добраться до Майна до того, как у нас закончится мука.

Чтобы плыть днём и ночью, мы разделились на две вахты, которые сменяли друг друга каждые шесть часов, и шести человек было достаточно, чтобы управлять плотом, за исключением очень штормовой погоды. До этого момента мы не спали больше двух суток, если не считать случайного короткого сна. Поскольку мы со Смитом несли вахту первыми, чтобы не заснуть, мы основательно освежились в ледяной воде, здоровье наше при этом несколько не пострадало. Туземцы от нашего купания пришли не только в изумление, но и порядком встревожились, так как почти никто из них не умел плавать, тем более в холодной воде.

Как только мы оказались в воде, они разбудили своих товарищей, и с любопытством наблюдали за нами, восклицая: «Здорово, как утки!». Старый Аврам, который был с нами, слыл лучшим пловцом на Анадыре, и мы уговорили его поплавать с нами. Прежде чем сделать это, он взял в руки две большие щепки, чтобы использовать как весла, и только отчаянно барахтаясь и лупя щепками по воде ему удалось удержаться на поверхности.

Все эти туземцы — самые бесхитростные, простодушные и робкие создания, которых я когда-либо видел. Все свои пороки они переняли у своих священников, которых они считают почти сверхчеловеческими существами и преклоняются даже перед их недостатками. Большинство из них совершенно лишены смелости, и мне с большим трудом удалось уговорить некоторых из них сплавиться с нами до устья Анадыря из-за их страха перед чукчами. С ними может случиться чуть ли не обморок, если им броситьдохлуюмышь; так, один из них, по имени Гаврила, хотя и не умел плавать, во время строительства плота прыгнул в воду, когда на него бросили мёртвого грызуна. Аврам был единственным человеком в округе, обладавшим хоть какой-то храбростью. Он ходил охотиться на медведей, и поэтому соплеменники относились к нему с благоговейным уважением. Но даже он был чрезвычайно робок в некоторых отношениях и очень суеверен.

В первую ночь на протоке Смит нашёл на кочке, выступающей из воды, утиное гнездо с восемью яйцами и подстрелил утку. Это было значительное дополнение к нашему рациону. Старый Аврам тоже решил попытать счастья и отправился поохотиться с ружьём на ветке. Через несколько часов он приплыл к плоту, мокрый с головы до ног, и с глазами, полными смятения. Некоторое время он сидел, ни с кем не разговаривая, с вытянутым серьёзным лицом, явно чем-то встревоженный. Поскольку он не привёз дичи, я подумал, что, может, это и есть причина его беспокойства, и рискнул спросить его, в чем дело. Он хрипло ответил на чукотском: «Камак!» (Дух смерти!), и это было всё, что мы смогли от него добиться. Через час он немного успокоился и, наконец, объяснил, что случилось. Он грёб, высматривая дичь, и внезапно вздрогнул, услышав рядом резкий свист. Посмотрев в том направлении, откуда доносился звук, он ничего не увидел, но в следующий момент свист раздался у него за спиной. Тогда он понял, что это был злой дух, и так испугался, что перевернул свою ветку. Мы сказали ему, что звуки, наверное, издавала какая-то птица, но он не поверил. Бедняге пришлось несколько дней страдать из-за своего суеверия, потому что один из туземцев, весёлый добродушный парень по имени Иван, всякий раз, когда ловил

взгляд Аврама, присвистывал и, показывая пальцем на воду, кивал головой и кричал «Камак!» и весь трясся от смеха. Однако Аврам никогда не достаивал его ответом.

Мы двигались по протоке так медленно, что у нас было достаточно времени, чтобы осмотреть почти каждый остров, и это обычно вознаграждались тем, что мы находили яйца или настреливали гусей, уток и зайцев, обеспечивая себя свежим мясом. Иногда нам приходилось привязывать наш плот, чтобы сильный ветер не потащил нас назад. Тогда мы ставили сети из конского волоса, пытаясь поймать хоть немного рыбы, но безуспешно. Такие сети делаются из волоса из конских хвостов, в каждой нити по четыре волоска. Они были лёгкими и почти невидимые в воде, но в то же время достаточно прочными, чтобы удерживать крупную рыбу. Местные жители предпочитают их всем другим сетям, хотя они легко гниют и требуют тщательного ухода.

Вакарьева протока очень извилиста. Во многих местах она делает очень длинные петли в сторону и почти возвращается назад, чтобы потом сделать такую же петлю в другую сторону, чтобы через несколько миль опять вернуться почти обратно. Однако наша жизнь на плоту была настолько комфортной, что мы могли переносить все эти задержки, пока у нас было достаточно еды. Когда не было сильного ветра, мы ставили небольшую брезентовую палатку, оставшуюся от отряда Макрея — она служила нам укрытием от палящего солнца. Если бы не комары, которые начали тучами летать над нами, мы были бы до поры до времени вполне довольны своей участью. И хотя мы постоянно носили москитные сетки, и были полностью закутаны с головы до ног в оленью кожу и обвязаны шнурками на запястьях, лодыжках, шее и талии, чтобы не оставалось никаких лазеек — мы всё равно сильно пострадали от их укусов. Две наши собаки — Ник, о котором я уже говорил, и Киот, принадлежавший Макрею, — были замучены гнусом до полусмерти. Их единственным спасением был дым костра, который мы разводили на плоту, чтобы готовить еду. Мы тоже пользовались этим дымом, когда раздевались для купания и одевались после него.

В среду, 27 июня, когда уже были съедены последние утки и яйца, мы увидели то, что называется Вакарево — одинокий дом на берегу протоки, примерно в миле от Майна. Не останавливаясь, мы послали людей на берег, чтобы те раздобыли провизии, но через полчаса они вернулись и доложили, что там никого нет. За время их отсутствия нам удалось поймать сетью двух прекрасных больших рыб, называемых муксун, но для двенадцати человек это было почти ничего.

Вскоре мы выплыли на фарватер Майна. В этом месте он представлял собой великолепный поток шириной более мили. Мы измерили глубину, в одном месте она была равна двадцати одному футу; при этом Иван сказал, что в том месте летом было сухо.

Мы проплыли по реке совсем немного, как один из мужчин восторженно закричал: «Олени! Олени!» — и мы увидели с дюжину диких оленей, которые неторопливо паслись на берегу, хотя мы ожидали, что они попытаются переплыть её. Все были очень возбуждены, но наши приготовления к охоте прошли без малейшего шума. Плот был немедленно причален к берегу и привязан, и все четыре ветки, которые были у нас на плоту, спущены на воду, после чего в них осторожно уселись охотники, вооружённые длинными лёгкими копьями, и быстро направились к противоположному берегу, чтобы ждать там оленей. Затем они намеревались внезапно выплыть навстречу животным и, окружив их, заколоть всех копьями. Желая поучаствовать в этом, я взял карабин Макрея и свою ветку и вскоре был на противоположном берегу, где готовился стрелять в тех оленей, которые случайно избегут охотников с копьями и выберутся на берег. Прождав там добрый час и совершенно замученный комарами, я плюнул, и, рассерженный, переплыл обратно через реку, где обнаружил, что остальные уже давно там. Оказалось, что олени по какой-то причине передумали или чего-то испугались и убежали, так что мы остались не только без добычи, но и без удовольствия от охоты. Известен случай, когда шестеро опытных охотников окружили стадо из трёхсот оленей и закололи их всех копьями, не дав убежать ни одному. Иногда, когда реку переплывает очень большое стадо, к охоте присоединяется все обитатели селения, кто на ветках с копьями, а кто на карбасах ниже по течению, чтобы подбирать туши убитых. В таких случаях все, кто сидит в карбасе оставляют себе всё, что они добудут, а те олени, которым удаётся добраться до берега, принадлежат копейщикам. Поэтому они стараются ранить самых больших и жирных животных таким образом, чтобы они ещё могли доплыть до берега перед тем, как умереть. Тех, что похуже, они убивают в воде, и их подбирают те, кто на карбасах. Иногда окружённые олени от отчаяния бросаются на ветки и могут перевернуть их и утопить гребцов, обычно не умеющих плавать.

Мы были разочарованы тем, что надежды наши не оправдались, но вдруг снизу прозвучало несколько выстрелов, и вскоре к нам подплыла ветка, и мы узнали, что обитатели Вакарино находятся неподалёку, и мы можем купить у них и свежую, и вяленую оленину. Мы подплыли к их стоянке, который представлял собой обычную хижину, где были



очень радушно встречены — в нашу честь был даже дан салют из ружей, как старым знакомым. Здесь расположились лагерем две семьи, их жилищем был старый полог, а ещё одно было сделано из перевёрнутого карбаса и оленьих шкур. Поскольку это было время миграции оленей, они выбрали место на северном берегу Майна среди густых зарослей кедровника, чтобы их не видели олени, плывущие с другого берега. В этот день они уже закололи копьями шестнадцать особей. Комары роились вокруг нас и мучили чуть не до смерти, а маленькие туземцы в то же время бегали полуголыми и, казалось, не обращали на них никакого внимания.

Ночь была тихая и ясная, и, не желая упускать благоприятную возможность, мы тут же вернулись на плот, захватив с собой двухдневный запас вяленого мяса и поплыли дальше. Вяленое мясо готовят, просто нарезаая тонкими полосками и подсушивая на солнце. А вот толстые куски мяса портятся ещё перед вялением и становятся пригодными для употребления только туземцами, но мы с радостью пополнили наши запасы и такими. Майн в этом месте имеет ширину более полумили и течёт в северо-восточном направлении между грядой невысоких холмов на северо-западе и холмистых тундр с участками кедрового стланика на юго-востоке. Глубина реки нигде не была меньше восемнадцати футов, а на фарватере часто бывала и десять сажень<sup>1</sup>; но теперь река поднялась на двадцать футов выше своего обычного уровня. С этого места Кеннан, направляясь в лагерь Макрея, направился на восток через тундру и вышел на Анадырь у небольшого поселения под названием Утёсики, сэкономиив таким образом день пути. От устья Майна Анадырь делает ещё одну большую излучину к северу.

Иван рассказал мне, что в этой тундре местные жители довольно часто находят кости и бивни мамонтов, а в одном месте есть целая роща окаменевших деревьев. Бивни имеют до пятнадцати футов в длину и продаются русским торговцам в обмен на табак и другие товары.

В полдень 18 июня мы прибыли к месту впадения Майна в Анадырь. Эти две реки на протяжении многих миль текут близко друг к другу, как одна река, и после слияния объединённым потоком резко сворачивает на восток. В это месте находится один из самых больших переходов северных оленей осенью, когда они большими стадами отправляются на юг, и ежегодно их убивают здесь сотнями. А весной они возвращаются на север поодиночке или небольшими группами, поэтому в это время года их убивают меньше.

---

<sup>1</sup> 10 морских сажень = 60 футов ≈ 18 метров. — прим. перев.

Здесь же находится довольно большая летняя деревня, где местные жители живут во время сезона миграции, но в это время она пустовала. Ниже места слияния Анадырь представляет собой внушительный поток шириной до двух миль, на котором есть несколько островов, поросших кедровым стлаником. На этих островах стланик растёт ближе всего к реке на протяжении многих миль.

В восьми верстах ниже устья Майна мы причалили к берегу в месте, где жители Марково собрались для ловли рыбы. Их временные жилища были построены из всего, что только можно было использовать для этого. У бедняков теперь были гораздо более радостные лица, чем когда мы видели их в последний раз, теперь они ни в чём не нуждались, а впереди была пора сытости и достатка. Они уже наловили достаточно для ежедневного употребления, а некоторые уже вялили часть рыбы про запас. Рыба эта просто восхитительна — плотное мясо с нежным вкусом и настолько жирное, что при вялении на солнце из неё сочится жир. Её можно даже жарить на собственном жиру. Здесь мы остановились на два дня, чтобы пополнить наши запасы для дальнейшего путешествия, но наловили ровно столько, что хватило только на эти два дня. Утром 30-го поднялся сильный ветер и разогнал такую волну, что она грозила разрушить наш плот. Мы спустились к подветренной стороне острова, чтобы переждать ветер, и снова двинулись в путь в 7 часов вечера. Из-за сильного обратного течения продвигаться было очень трудно. Пришлось высаживать людей на берег и отбуксировать плот из протоки, в котором мы укрывались от волны.

Следующие двенадцать часов мы шли очень хорошо. Река была шириной в среднем в милю, с сильным течением, а ночами было светло и безветренно. Мы плыли с полным комфортом, не испытывая никаких забот, кроме как курить трубки и любоваться постоянно меняющейся панорамой берегов, то сияющих в последних тёплых лучах заходящего солнца, то искрящихся под его лучами, предвещающие наступление утра ещё до того, как с северных небес сошёл вечерний румянец.

Ночью два оленя попытались переплыть реку примерно в миле от нас, за ними погнались несколько человек на ветках, и были уже в тридцати ярдах, как они выбрались на берег и скрылись.

Примерно в двадцати верстах ниже места рыбалки река меняет своё направление почти строго на восток, 25° к северу. Примерно в этом направлении она продолжает течь ещё на протяжении сорока вёрст между грядами высоких холмов, которые буквально усеяны дикими оленями, мигрирующими на север. Олени в это время года выглядят по-

чти белыми, так как начинают сбрасывать свой густой зимний шерстяной покров. В 6 часов утра к нам присоединился старый коряк, направляющийся в устье реки со своей семьёй и четырьмя собаками. Все они помещались в байдаре — большом каноэ из моржовой кожи. У них была также небольшая байдарка из того же материала, способная вместить одного человека и полностью закрытая сверху, за исключением круглого отверстия, в котором сидит гребец. К 7 часам мы прибыли к устью реки Белой, которая впадает в Анадырь с севера. Этот приток получил своё название из-за своих вод, которые гораздо светлее, чем в Анадыре. Местные жители утверждают, что это вызвано мягкой белой породой, по которой течёт река. На её берегах также встречается самородная ртуть, образцы которой чукчи иногда привозят в Анадырьск<sup>1</sup>.

Здесь ещё одно излюбленное место переправы оленей, и так как дул сильный ветер, а неподалёку была стоянка нескольких семей, мы остановились, чтобы наловить рыбы и раздобыть оленьего мяса. Комары едва не сожрали нас, несмотря на нашу одежду и сетки. Тундра здесь пестрела полевыми цветами самых разнообразных видов и оттенков. Как только мы причалили, несколько человек отправились за мясом, но вскоре вернулись ни с чем, так как в этом месте его не было, но им сообщили, что в двух днях пути вверх по Белой один туземец заколол копьём более сотни оленей. Поскольку у нас не было уверенности в том, что мы добудем мясо ниже этого места — ниже поселений на Анадыре не было, — я послал карбас с Хардером и двумя туземцами вверх по Белой, надеясь, что за это время как раз стихнет ветер. Мы обнаружили, что передвигаться при сильном ветре мы совершенно не можем. Груды коры на плоту создавали такую парусность, что нас постоянно выбрасывало на берег. Мы всё время старались держаться середины реки, а при первом же порыве ветра добраться до берега, но ветер обычно налетал так внезапно, что нам это редко удавалось. Здесь погода задержала нас до 3 часов следующего утра, 2 июля. За это время несколько человек отправились на берег, чтобы попытаться подстрелить оленей, но им не удалось сделать ни одного выстрела. Также некоторые отправились охотиться на ветках, но не вернулись к тому времени, когда нам надо было отчаливать. Мы сделали несколько выстрелов, и они догнали нас, привезя прекрасного крупного оленя, которого они закололи копьём. Это, вместе с полудюжиной крупных сигов, которых мы поймали во время стоянки, избавило нас на какое-то время от нужды. К сожалению, погода была тёплой, и эти продукты не могли долго храниться, поэтому мы

---

<sup>1</sup> Вообще в тех местах известны два месторождения ртути — Западно-Палянское и Тамватнейское, но они расположены гораздо севернее и южнее реки Белой. — *прим. перев.*

были вынуждены избавиться от них как можно скорее и надеяться, что в будущем всё как-нибудь само собой образуется. У нас закончилась мука, а запасы чая и сахара сократились до одного фунта каждого.

От устья Белой Анадырь делает крутой поворот и течёт на юго-восток (145°) примерно сорок миль до Утёсиков. До этого места река усеяна бесчисленными островами, между которыми вода несётся с бешеной скоростью, пенясь и низвергаясь почти каскадами. Шесть часов у нас была захватывающая гонка между этими островами. Никто не знал, с чем мы столкнёмся в следующее мгновение, и, миновав одно опасное место, мы тут же обнаруживали, что сломя голову мчимся прямо в другое. Напрягая каждый мускул и работая изо всех сил вёслами, мы проносимся в паре ярдов от одного острова, чтобы увидеть, что вот-вот воткнёмся в следующий. Эти острова в основном покрыты низкорослыми тополями и ивами, хотя берега в основном безлесы. Южный берег реки представляет собой высокий обрыв, дальше местность постепенно поднимается, пока в трёх верстах от реки не превращается во внушительную гряду высоких холмов. Северный берег равнинный и тянется примерно на сорок вёрст, где ограничен протяжённой горной грядой, тянувшейся примерно с запада на восток. В этой части реки, которую мы называли «Тысяча островов»<sup>1</sup>, мы обнаружили глубину в четырнадцать морских саженей.

Как только кончались острова, один из мужчин крикнул: «Олень!», и в двух милях впереди мы увидели оленя, который как раз входил в реку. Мы втроём сразу же запрыгнули в ветки и пустились в погоню. В последовавшей гонке, я, хотя и старался изо всех сил, вскоре оказался далеко позади. Однако это было чудесное зрелище — видеть, как мои спутники несутся впереди на своих миниатюрных лодочках, за каждой из них тянется длинный след, а влажные лопасти их весел вспыхивают солнечными зайчиками то с одной, то с другой стороны. Олень уже приблизился к берегу, и гонка казалась безнадёжной, когда Василий, чуванец, добывший того последнего оленя, метнул свою ветку вперёд животного и повернул его обратно к середине реки. Теперь у бедняги не оставалось никакой надежды, а туземцы продолжали плыть с двух сторон от него, ожидая, пока подоспею я. Они хотели, чтобы я проткнул его копьём, но у меня не хватило духу сделать это, настолько беспомощным и испуганным выглядело это существо. Я извинился, сказав Василию, что это его добыча, так как он догнал её. На мгновение длинное копье замерло напротив бока оленя; затем последовал короткий, быстрый бросок вперёд, и дело было сделано. Из бока животного хлынула густая струя

---

<sup>1</sup> Так называется архипелаг на р. Св.Лаврентия у её истока из оз. Онтарио в США. — прим. перев.

крови, окрасив воду на несколько ярдов вокруг, и после нескольких судорожных движений олень медленно перевернулся на бок, а голова его скрылась под водой. Тело всплыло и, возможно, продолжало бы плавать ещё полчаса, но иногда они тонут раньше, и, чтобы быть уверенными, мы с Егором поставили наши ветки рядом (одной было недостаточно) и поддерживали его за рога, а Василий вернулся к плоту за карбасом. Это был крупный самец, но очень слабый, так как комары замучили его до полусмерти.

Примерно в десяти верстах от Утёсиков, на правом, южном берегу, к реке подступают холмы, которые заканчиваются на берегу высокими обрывами. У подножия такого обрыва и стоят Утёсики. На северном берегу реки, ширина которой здесь составляет около мили, мы обнаружили четыре чукотские яранги, и вскоре к нам, качаясь на волнах, присоединились две байдарки. Управляли этими маленькими судёнышками вёслами с двумя лопастями, похожими на наши, хотя и более грубо сделанными. К одному концу этих вёсел у них прикреплено короткое копьё для охоты на оленей.

Когда они поднялись на борт плота, один из наших людей указал мне на одного из них, высокого, добродушного на вид парня по имени Янденкай, который оказал Кеннану большую помощь во время его путешествия вверх по реке из лагеря Макрея. По прибытии в Утёсики у Кеннана закончился весь собачий корм, а раздобыть другой по пути не было никакой возможности. Янденкай, узнав о его трудностях, отдал ему двадцать оленей из своих собственных зимних запасов без всякой оплаты, поскольку в то время у Кеннана не было с собой ничего, что он мог бы дать взамен. Мы сказали ему, что наслышаны о его щедрости, и подарили ему пороха, свинца и табака, что ему очень понравилось.

Но особой целью его визита было пригласить нас в свою ярангу на ужин, который он специально для нас приготовил. Он узнал о нашем приближении от коряка, который опередил нас у устья Белой.

Не желая обидеть его отказом, мы привязали плот и, взяв наш большой карбас, направились к другому берегу, где стояли яранги.

Над четырьмя грязными, почерневшими от дыма жилищами из шкур кружили тучи прожорливых комаров. Рядом, совершенно не обращая на них внимания, играли с полдюжины маленьких голых дикарей. Яранги по форме напоминали тунгусские и не были для нас чем-то новым, хотя длинный ряд помостов на столбах, протянувшихся вдоль берега и нагруженных мясом более чем ста оленей, был не только необычным, но и обнадёживающим зрелищем. Около двадцати других, только что убитых копьями, лежали в воде, в ожидании, когда их разделают.

Хуже было то, что среди жилищ кучами валялись олени внутренности на всех стадиях разложения.

В яранге Янденкая нас встретило плотное облако дыма, почти невыносимое; нам пришлось лечь поближе к земле на кишасшие паразитами олени шкуры и подождать в течение получаса, за это время принесли угощение — большой деревянный поднос с дымящимися оленьими головами, и было объявлено о начале пира. Одним только видом голов наш аппетит был полностью утолён, а деревянный поднос оживил воспоминания о коряках, и мы, как могли, извинились, но наши люди и не подумывали отказываться и вскоре от всего, что было на подносе, осталась только груда обглоданных черепов.

На прощанье чукчи подарили нам свежего оленьего мяса и жир, на чём его поджарить. Они также наполнили наш карбас вяленым мясом для наших мужчин, которым оно понравилось ещё больше, потому что было «с душком».

Вернувшись на плот, мы немедленно отчалили и прибыли в Утёсики в 7 часов вечера 2 июля. Поселение это представляет собой несколько ям, в которых были устроены зимние хижины. Из-за какого-то суеверия чукчи каждое лето сносят свои жилища, а осенью отстраивают их заново.

В этом месте мы остановились и поставили нашу первую юрту, строительство которой закончили к ночи 4 июля. Она была сделана для зимнего использования, с хорошей крышей из брёвен, дерна и коры и чувалом из тонких жердей, обмазанных тремя слоями глины, каждый из которых хорошо обжигали перед нанесением следующего.

Во время нашего пребывания в этом месте мы довольно успешно рыбачили; некоторые из рыб весили по пятнадцать фунтов. Комары были ужасные! У многих из нас лица так распухли от укусов, что мы с трудом узнавали друг друга; и это при том, что мы день и ночь были одеты и носили противомоскитные сетки. Погода стояла очень тёплая, и в наших одеждах из оленьих шкур нам было невыносимо жарко, но это всё равно было предпочтительнее, чем терпеть комаров. При постройке юрты нам пришлось развести костры со всех сторон, чтобы защититься от них; а наши бедные собаки (которых теперь было пятеро, три присоединились к нам ниже устья Майна) бродили по берегу и скулили день и ночь напролёт, не в силах ни есть, ни спать. Две из них чесались так, что остались почти без шерсти по бокам. Обычно она служит хорошей защитой от гнуса, и единственные уязвимые места — это кончики лап и веки. Я как-то видел, как девять комаров одновременно впились в одно веко Ника. Бедняга жалобно скулил, стараясь избавиться от них.

Иван рассказал нам, что в летние месяцы здесь водятся три основных кровососущих насекомых. Сначала появляются комары, на которых туземцы обращают мало внимания. Затем появляется очень маленький кровосос с крапчатыми лапками, называемый мошка. Про них местные жители говорят: «шибко худо», что на их языке означает высшую степень зловредности. Они появляются позже, чем комары, и целыми тучами. Никакая одежда не защитит вас от них, поскольку они заползают в самые маленькие отверстия и даже между волос на голове. Их укусы не только очень болезненны, но и опасны тем, что вызывают сильный отёк. Они часто смертельны для собак, которым заползают в ноздри и уши, а жалят изнутри. Во время сезона мошки люди берут своих собак в дома, в которых устраивают дымокуры. Мы были рады узнать, что мошка не доставляет особых хлопот на морском побережье, и искренне надеялись добраться до устья реки раньше, чем они появятся. Третьи называются мокрецы, но они не так уж плохи.

Исходя из нашего опыта, все мы, как один, предпочли бы зиму с её холодами анадырским комарам. А если мошка ещё хуже — то избавьте! В последние четыре дня, проведённых в Утёсиках, мы столкнулись с необходимостью постоянно находиться в густом дыму, на грани удушья; и поскольку выбор был только из двух зол, то мы выбрали дым. Оленья кожа — единственный доступный материал, который они не могут проколоть, но они проявляют удивительную смекалку и изобретательность в поиске швов и отверстий от иголок.

Никто из нас, отправляясь в эту страну, не подумал о том, чтобы резервировать в нашем списке северных несчастий место для комаров, хотя в какой-то степени знали об их существовании. После того, как мы подверглись их нападениям во всех Соединённых Штатах и в тропиках, мы и не думали испытывать какие-либо серьёзные неудобства от стайки вялых замороженных особей, но, увы! мало что мы знали о том, с чем нам придётся встретиться. Мы никак не предполагали, что в стране, где восемь месяцев в году царят лёд и снег, вообще какие-нибудь насекомые могут хорошо себя чувствовать. Но если для их существования необходима лишь вода, то здесь она есть. Тундра почти сплошь покрыта озёрами, озёрками, лужами и лужицами, а земля, на несколько дюймов ниже поверхности насквозь промёрзшая, удерживает влагу так, что лужи остаются навечно. Обычно, как рассказывали нам чукчи, морские приливы влияют на течение реки вверх по течению вплоть до самых Утёсиков, но в это время года к морю течёт такое громадное количество воды, что эффект, если и имел место, то был незаметен.

Хардер и его компания присоединились к нам вечером 4 июля с пятью оленями, которых он добыл на Белой. Спускаясь обратно, они погнались ещё за одним на своём карбасе, но не смогли его поймать. Иван, сопровождавший Хардера, принёс мне образец камня, который, как утверждают местные жители, придаёт цвет воде в Белой. Я сразу узнал в нём асбест очень высокого качества. Мы также нашли много образцов медной руды у Утёсиков. В них было очень высокое содержание металла.

## ГЛАВА XXVIII

Мы отчалили от Утёсиков 15 июля, но, проплыв десять вёрст, были вынуждены пришвартоваться из-за сильного ветра, который задержал нас на полтора дня. На протяжении двадцати вёрст ниже посёлка река течёт строго на магнитный юг, на ней есть несколько островов. Прибрежные утёсы отступают вглубь правого берега, а местность становится низменная и болотистая — настолько, что нам было трудно выбрать подходящее место для следующей юрты. В конце концов мы выбрали небольшое возвышение на правом берегу, примерно в двадцати пяти верстах ниже предыдущей юрты. Здесь Макрей и Хардер остались с пятью мужчинами возводить юрту, которую мы потом назовём «Одиноким курганом», а остальные двинулись на плоту дальше, предполагая, что они догонят нас на своём карбасе прежде, чем мы доберёмся до мыса Чикаевский, где намеревались поставить ещё одну. Однако, мы столкнулись с таким сильным ветром, что добрались до мыса только вечером 8 июля, по пути сев на мель и с большим трудом снявшись с неё.

Здесь же Янденкай покинул нас и направился на байдаре к устью Анадыря. Мы предполагали, что судно, возможно, туда уже прибыло, и потому передали с ним письма, в которых сообщали, где мы находимся, что делаем и когда рассчитываем прибыть в устье.

Мысом Чикаевским заканчивается гряда невысоких холмов на правом берегу реки. На вершине его когда-то было русское поселение, там до сих пор можно различить два дома и два деревянных креста. Должно быть, они были возведены очень много лет назад, поскольку никто из нынешних жителей не помнит того времени, когда русские сюда прибыли. Один старик, которому было за шестьдесят, сказал мне, что кресты поставили ещё до его рождения. Немного выше мыса в Анадырь впадает водный поток, который мы сначала приняли за приток, но потом оказалось, что это протока длиной пятьдесят вёрст, которая начи-



нается немного ниже Утёсиков. Так что можно сказать, что наша последняя юрта оказалась на острове. Мы купили два дома в Чикаево<sup>1</sup>, один из которых мы поставим на холме, а другой будет оставлен для использования в будущем.

Макрей и его спутники не догнали нас, как ожидалось, поэтому мы двинулись дальше, следуя курсом на восток, 20° к югу, примерно двадцать вёрст, петляя между крупными островами и распугивая множество диких гусей. Тут мы прибыли к устью большого потока, текущего с юга, который, как мы предположили, был рекой Красной. От Чикаево до этого места южный берег очень низкий и болотистый (возможно, это ещё один большой остров). Северный берег от самой Белой представляет собой сплошную холмистую тундру с небольшими озёрами. По обоим берегам растут небольшие ивы и много кустарника, но ничего похожего на деревья.

Здесь мы увидели двух чёрных медведей, но они убежали прежде, чем мы успели выстрелить. Местные жители испытывают суеверный страх перед медведями. Когда Смит кричал вслед убежавшим животным, мужчины умоляли его не делать этого, иначе когда-нибудь одно из этих существ сожрёт его. Говоря о них, они редко употребляют слово «медведь», а называют их «Михаил Иванович», что означает «Майкл, сын Джона». Почему было выбрано именно это имя, я не знаю, но они говорят о нём как о человеке.

Устье реки Красной, которое мы увидели 9 июля, оказалось только одним из её устьев. К основному устью мы вышли ещё через версту в 18:30. Оно было шириной не меньше версты.

Мистеру Филиппеусу, русскому джентльмену, который зимой 1862 года отправился к устью Анадыря, по прибытии в Чикаево сказали, что, если он спустится ниже реки Красной, он и его отряд будут убиты чукчами. Это помешало ему двигаться дальше вниз, и отсюда он взял курс на юго-восток к большому озеру под названием Красное, расположенному примерно в одном дне пути. В этом озере берет своё начало река Красная, и, хотя она короткая, по двум её руслам протекает значительный объём воды. Восточный берег озера примерно в десяти верстах от её устья, который мы могли видеть с нашего плота, представляет собой высокий утёс, переходящий к востоку в холмы, в то время как западный — это болотистая низменность. Чуть ниже устья, на правом берегу, мы построили ещё одну юрту и оставили в ней небольшой запас вяленого мяса для группы Макрея. Чтобы обозначить место, мы соорудили рядом треногу из самых длинных брёвен, каких смогли найти.

---

<sup>1</sup> Нежилое ныне селение на левом берегу Анадыря напротив мыса Чикаевский. — *прим. перев.*

Мы отчалили в час ночи 10 июля, но из-за прилива продвигались медленно. От устья Красной Анадырь течёт между высокими берегами около двадцати вёрст на северо-восток-восток. Во многих местах здесь мы не могли достать дна нашим четырнадцатисажённым лотом. В 17:30 мы подошли к высокому скалистому мысу на правом берегу, у подножия которого растёт одинокая белая берёза. По описанию Кеннана я сразу узнал в этом месте «Телеграфный утёс», оно было выбрано им как наиболее подходящее для перехода линии через реку. Противоположный берег, на который мы поставили ещё одну юрту, представляет собой холмистую тундру.

Вернувшись на берег, мы обнаружили, что пока мы занимались юртой, наступил отлив и плот оказался на мели. С помощью рычагов и полчасовой работы нам удалось снова оказаться на плаву. Наш плот состоял теперь из брёвен всего для трёх хижин, и нам становилось тесновато. На преодоление следующих двадцати пяти вёрст ушло тридцать четыре часа, так как мы могли передвигаться теперь только с отливом, и, кроме того, сильный ветер заставлял нас иногда причаливать к берегу.

Пока мы готовили на берегу ужин, в двадцати футах от костра пробежал дикий олень. Москиты так сильно мучили его, что он, видимо, даже не заметил нас, а мы не успели взяться за ружья, как он скрылся.

От Телеграфного утёса река течёт двадцать пять вёрст на восток, затем ещё столько же на северо-восток, а затем поворачивает на юг. Если зимой пересекать в этом месте тундру, а не следовать вдоль изгиба реки, то можно сэкономить вёрст двадцать. На западной стороне этого изгиба мы поставили одну хижину, а оставшиеся две переправили на восточную сторону. Здесь Смит оставил нас и отправился на своей ветке в лагерь Макрея, находившийся примерно в двадцати верстах от нас, с целью пригнать к нам вельбот, так как наш карбас был недостаточно велик, чтобы вместить всех нас с багажом.

На южном берегу реки, напротив этого места, находится куполообразный пик высотой около тысячи футов, которому Кеннан дал название горы Чымчекин<sup>1</sup>. На языке чукчей это означает Близкая гора. Он дал ей такое название потому, что, проходя здесь в поисках лагеря Макрея поздней ночью, замёрзший и уставший, всякий раз, когда он спрашивал своего проводника-чукчу, где находится лагерь, он получал единственный ответ: «чымче!» (близко!).

После выгрузки на берег одной юрты начался прилив и поднялся сильный ветер, из-за чего мы не смогли закончить с другой. Стремясь

---

<sup>1</sup> Вероятно, это гора Круглая (287 м., 64.713, 176.022). – прим, перев.

поскорее добраться до лагеря, мы погрузили всё, что могли, в карбас и, взяв собак, двинулись в путь. Лодка была так нагружена, что мы с трудом плыли по бурной воде. Я сидел в карбасе очень неудобно — сверху на грузе, и моё малейшее движение вправо-влево приводило к тому, что лодка чуть не переворачивалась. Наконец мы поняли, что так продолжать невозможно, и уже готовились причалить к берегу, как из-за поворота реки внизу показалась голубая лодка Смита.

Одного взгляда на выражение его лица было достаточно: кораблей пока нет и, следовательно, нет и еды. Но, по его мнению, это было ещё не всё и не самое худшее. Первыми словами, которые он произнёс при встрече, были: «Черт бы побрал этих вшивых чукчей! Жаль, что их тут нет, я бы их всех выбросил за борт на съеденье рыбам!»

— Почему, что случилось? — спросил я.

— Всё плохо! Знаете, капитан, прошлой зимой, когда мы с мистером Кеннаном покидали лагерь, эта лодка осталась, и с ней было всё в полном порядке, ничего не сломано. Но когда я приплыл туда прошлой ночью, то обнаружил там полный бардак. Эти негодяи, которые прошлой зимой украли у нас топор и лопату, залезли в наш дом и унесли всё, что им понравилось, а то, что им не было нужно, расшвыряли всё вокруг! Но больше всего меня разозлило, когда я отправился готовить к спуску синюю лодку. Эти нехристи утащили балер руля и шпрюйт, но потом им показалось мало, и они отломали крепления руля, так что мне пришлось рулить вот этим веслом. Я надеюсь, что какой-нибудь их олень перевернёт их сани и они этим шпрюйтом проткнут себе желудки! Но я думаю, им запомнится, как вламываться в чужие жилища, потому что там осталась баночка со средством от обморожений, и она тоже пропала — надеюсь, что они подумают, что это американское виски, и выпьют его, а в нём серная кислота, свинцовый сахар и тому подобная дрянь; а ещё они унесли банку мышьяка, которую мистер Макрей держал, чтобы делать чучела птиц.

Однако мы были рады узнать, что синяя лодка пострадала не более, чем потеряла руль, и, перенеся на неё наш багаж и собак, мы со Смитом отправились дальше, предоставив туземцам доставить оставшуюся юрту и остальной багаж со следующим отливом.

Это было прекрасное плавание, особенно освежающее после нашего неспешного путешествия на плоту. Смит, прирождённый моряк, был в своей стихии и во время путешествия коротал время, рассказывая о своих приключениях у Кейп-Кода; время от времени он прерывал своё повествование, чтобы указать на разные места, где они заготавливали бревна на зиму и строили своё жилище прошлой осенью. Выше устья

Красной плавника было немного, но ниже берега в некоторых местах были буквально завалены им. Исходя из этого, мы решили, что на берегах Красной леса больше, чем на Анадыре.



Сплав по Анадырю

В 4:30 утра 13 июля мы свернули за нижнюю часть длинной узкой песчаной косы в устье ручья на северном берегу, и вытащили лодку на берег напротив хижины Макрея. Место выглядело ужасно. Земля перед входом была усеяна засохшими солёными огурцами, а три оставленных здесь бочонка с говядиной и свининой были вскрыты, и то, что осталось от содержимого, разбросано по песку. Подпол внутри дома был частично заполнен водой, в которой плавали несколько американских армейских одеял, порванных и частично сгнивших. Туземцы распотрошили в поисках чего-то даже несколько матрасов с травяной набивкой. Одеяла были когда-то совсем новыми, но туземцы побоялись забрать их, опасаясь, наверное, что их узнают.

Должно быть, зимой эта коса была неподходящим местом для жилья. Когда-то здесь жили чукчи. Ещё можно было разглядеть остатки двух или трёх жилищ, а несколько куч старых, покрытых мхом оленьих рогов указывали на места, где были сожжены останки кого-то из прежних обитателей и захоронен пепел. Чукчи обычно сжигают своих покойников.

Но больше всего я был удивлён, обнаружив поляну с кустами цветущей красной и белой смородины. Больше мы нигде не видели и ни от

кого не слышали о них в этих местах. В этом месте Анадырь имеет более мили в ширину и очень глубокий и извилистый фарватер.

В течение дня прибыла другая юрта, а на следующий день к нам присоединились Макрей и его спутники. Они поставили все юрты, кроме одной, в устье Красной, которую они так и не увидели.

Мы установили нашу брезентовую палатку и немедленно приступили к постройке дома. Комаров было много, но, к счастью, сильный ветер дул почти постоянно, а в ветер эти насекомые прячутся в траве, за исключением тех, которое садятся на людей с подветренной стороны, а они это умеют делать. Мы делали так, чтобы в течение дня наша палатка была постоянно прокурена дымом, а перед тем, как лечь спать тщательно заделали все щели, но даже тогда они всё равно находили, как пролезть внутрь.

К этому времени у нас закончились все продукты, кроме говядины и свинины, рассыпанных по земле. Эта солонина была очень кстати, но без хлеба, чая и сахара была довольно невкусной. Мы постоянно ставили сети из конского волоса, и в некоторые дни нам удавалось наловить рыбы на весь день, в то время как в другие дни вообще ничего не попадалось, и тогда мы целыми днями ели только солонину.

Вскоре наш отряд из тринадцати неутомимых едоков уничтожил все запасы, и мы остались без провизии. Рыбы было очень мало. Лосось, от которого туземцы в основном зависят в своём пропитании, ещё не начал подниматься на нерест. На озёрах в тундре было много гусей, но у нас не было патронов.

В конце концов эти птицы начали линять и потеряли способность летать, тогда нам открылся другой ресурс. Линька происходит сразу после вылупления птенцов. В этот период птицы собираются на озёрах, где они могут укрыться от хищников. Один из мужчин обнаружил около сотни гусей на небольшом озере в двух-трёх милях от нас, и мы все отправились на охоту, взяв с собой две ветки, собак, пару специальных *гусиных копий*, и вооружившись крепкими толстыми палками. Мы знали, что, как только мы приблизимся, они устремятся к воде, а потом нужно будет выгнать их на берег.

Как только мы подошли к озеру, тундра ожила: птицы гурьбой побежали к воде. Выбрав лучшее место для их ловли, двое туземцев спустили ветки на воду на противоположном берегу, а остальные подобрались к предполагаемому месту входа птиц из озера как можно ближе, стараясь не спугнуть их. Наши собаки пришли в неистовство, и долго не могли успокоиться, но в конце концов мы поймали их и держали на коротких поводках.

Когда всё было готово, ветки двинулись вперёд, но гуси, вместо того чтобы направиться к нам, подпустили их совсем близко. Охотники стали метать в них гусиные копьё, каждый раз метко поражая птицу. Затем туземцы подгреба́ли на вёслах к добыче и, схватив за шею, бросали в свои ветки. Эти гусиные копьё представляют собой очень лёгкие копьё длиной около пяти футов с тремя железными остриями, напоминающими трезубец, но зубья у них расположены не в ряд, а расходятся в разные стороны. Для метания их туземец использует дощечку длиной около восемнадцати дюймов, один конец которой, с отверстием для большого пальца, он держит в руке, а на другом конце есть выступ, в который упирается тыльная сторона копьё. Перед метанием эту дощечку держат горизонтально за правым плечом, а древко, упирающееся задним концом в выемку, лежит вдоль дощечки, зажатое между большим и указательным пальцами. При метании дощечка работает как праща, удлинняя руку и придавая копьё бóльшую скорость<sup>1</sup>.

Наконец, теснимая ветками, стая направи́лась к берегу. Когда все они высадились на него и направились к другому озерку, началась настоящая охота. Сначала спустили собак, а через минуту уже вся наша компания носилась среди птиц, кричала и раздавала во все стороны пинки и удары палками. Тут мы добыли только двадцать гусей, но, преследуя их до другого озера, убили ещё тридцать восемь; вместе с двумя убитыми копьёями на озере, их было шестьдесят — неплохо для одного дня охоты. Эти гуси — не просто гуси, в них больше, я бы сказал, от опоссума. Я несколько раз видел, как птицы, которые были сбиты с ног ударом палки и, казалось, должны быть убиты, как только охотник отворачивался, как ни в чём ни бывало вскакивали и спасались бегством. Мы несколько раз соревновались с этими птицами в беге, и в основном проигрывали, но та драматическая гонка, в которой участвовали Макрей и один взрослый гусак, затмила все остальные. Птица, вытянув шею и хлопая крыльями, бежала изо всех сил, перепрыгивая через кочки; за ней мчался Макрей, с поднятой над головой палкой в одной руке и москитной сеткой в другой, отчаянно пытаясь сократить отставание в четыре фута, которое сохранялось неизменным между ним и его добычей. Оба были выносливыми бегунами, забег был долгим и упорным, и расстояние сокращалось понемногу, дюйм за дюймом, и смертоносная палка была уже зане-

---

<sup>1</sup> Такие копьёметалки известны с древности и использовались на всех континентах. В Австралии они назывались «вумера», у греков — «анкули», у римлян — «аментум», у ацтеков — «атлатль». У чукчей, эскимосов и ительменов они описаны многими авторами (Богораз, Йохельсон, Крашенинников, Паллас и др.). На Колыме такие приспособления назывались «шати́на» (сатина, сачина). — *прим. перев.*

сена над головой несчастного гуся, как какая-то презренная кочка зацепила Мака за ногу и полностью расстроила его замысел, а заодно и его самого, окунув с головой в небольшую лужу.

Казалось бы, шестидесяти гусей должно хватить надолго, но через три дня от них не осталось и следа, а больше мы не могли поймать, так как все гуси по соседству разбежались после того большого набега на их сообщество. Да ещё сразу после этого из Марково приехал священник с несколькими спутниками, которые охотно помогли нам избавиться от гусяного мяса. Священник решил воспользоваться нашей поездкой в устье реки, чтобы крестить там чукчей, по крайней мере, попытаться, и, как я узнал позже, ему это удалось, хотя один новообращённый отказался окунаться в реку, не получив подарка побольше, чем он уже получил. Он не верил в обучение плаванию методом «полного погружения».

К нашему удивлению, никто из старых друзей-чукчей Макрея не пришёл к нам, хотя они, несомненно, слышали о его прибытии. Мы всё время надеялись на это, так как надеялись раздобыть у них оленины; но, поскольку они не пришли, мы решили найти их сами, и 28 июля Макрей с четырьмя матросами отплыл к ним на синей лодке. Через четыре дня он вернулся с шестью оленями и радостным известием, что в будущем мы сможем получить от них всё, что захотим.

Как рассказал Макрей, по прибытии в стойбище никто не только не вышел встретить его, как это бывало в прежние времена, но, увидев приближающуюся лодку, все куда-то пропали. Это странное и невежливое поведение очень удивило Макрея, и он не знал, что об этом и думать, пока Акакий, с которым он путешествовал зимой, не решился подойти к нему. На вопрос Макрея о том, что происходит, Акакий объяснил, что его люди боялись, что их заподозрят в том, что они разграбили ту хижину, и что Макрей застрелит их. Наконец, увидев, что Акакий не убит на месте, начали подходить другие туземцы и, узнав, что миссия его отряда не была карательной, оказали Макрею всяческое гостеприимство.

Акакий рассказал, что это чукчи с северного побережья напроказничали в хижине, возвращаясь с зимовки в горах к югу от Анадыря, и что двое из них выпили что-то, что, по их мнению, было виски, и один из них помер. Из описания пузырька Макрей сделал вывод, что они выпили средство от обморожения, но о мышьяке ничего узнать не удалось.

Через несколько дней дом был достроен, нары установлены и то, что осталось от старой печи Макрея, поправлено так, что на ней можно было готовить. Для крыши мы использовали доски, которые были сложены у старой хижины. На окнах были натянуты противомоскитные сетки, и мы несколько дней разводили внутри дымокур, пытаясь избавиться от

гнуся, но безуспешно. Все дыры и щели вплоть до мельчайших были заделано мхом, и мы были в полном недоумении, откуда берутся эти твари. Наконец, рассмотрев с фонарём дерновую кровлю, мы обнаружили, что промежутки между досками кишат мириадами насекомых, которые только что вылупились и начали летать. По всей видимости, они ещё прошлым летом отложили яйца на доски, которые мы использовали для кровли, иначе они никак не могли бы пробраться внутрь.

После поездки Макрея чукчи часто навещали нас, иногда привозя мясо, но в конце концов перестали. К этому времени лосось стал попадаться в количествах достаточных, чтобы прокормить нашу компанию. Казалось, ничто так не забавляло туземцев, как наши купанья. Во время этого все они, мужчины, женщины и дети, обычно толпились на берегу и с восторгом наблюдали за нами. Когда кто-нибудь из нас нырял и выныривал целым и невредимым, они хором восклицали: «Оккой!» — это у них такой возглас удивления. Один старик сказал, что ему «не хотелось бы воевать с такими людьми, которые могут нырнуть и снизу проделать дыры в днищах их кожаных лодок и утопить их всех».

Также большое любопытство вызывали у них наши револьверы, они полагали, что мы можем стрелять из них целый день без перезарядки. Мы не стали их в этом разубеждать.

Чукчи очень похожи на коряков и внешне, и во многих своих обычаях. Они также бреют макушки, а женщины делают на своих лицах татуировки. Они поклоняются духам при посредстве шаманов, а в жертвоприношениях используют собак и оленей. Они, как и коряки, также делятся на два вида — оленных, или кочевых, и оседлых, которые охотятся на китов, тюленей, моржей и тому подобных. У каждого мужчины столько жён, сколько он может прокормить, и он волен поступать с ними так, как считает нужным, продавать их, обменивать, прогонять или даже, как это иногда случается, убивать. Они мало ценят жизнь, у них есть обычай убивать престарелых и немощных членов племени, а также любого, кто не в состоянии прокормить себя. Они пронзают их копьями, забивают камнями или душат ремнями, часто оставляя выбор за жертвой, а после смерти, если это человек, которого они очень уважали, они сжигают тело, в противном случае оставляют на съедение хищникам. Но, несмотря на все свои варварские обычаи, они весьма сообразительны и обладают многими благородными чертами характера.

Старый чукча рассказал мне об одном случае, произошедшем со старым вождём их племени, который жил много лет назад, а его спартанский героизм достоин упоминания в числе благороднейших деяний человечества.



Это было во времена нашествия оспы, холеры или чего-то из тех эпидемий, которые были столь пагубными во всём мире. Племя чукчей быстро вымирало, хотя шаманы работали день и ночь, пытаясь унять гнев великого злого духа. Десятки собак были принесены в жертву, снег вокруг жилищ стал красный от их крови, но смерть продолжала свирепствовать и опустошать всё вокруг. Потерпев неудачу во всех своих заклинаниях, шаманы со всех концов страны собрались и держали большой совет, чтобы решить, что делать дальше. И решили они, что Великий Дух разгневан очень сильно и что ничто, кроме новых и продолжительных жертвоприношений, не умилоstitивит его. И снова полилась ручьями кровь, сотни оленей были приведены к жертвеннику для заклания. С утра до ночи, день за днём, поселения чукчей оглашались грохотом барабанов, визгом и безумным воем шаманов. Но этого было недостаточно. Их великое племя таяло, как весенний снег, и скоро не останется никого, кто мог бы рассказать потомкам об их бедах. И снова шаманы провели совещание и после долгого и серьёзного обсуждения решили, что ничто не сможет умилоstitивить злого духа, кроме смерти старого вождя. Их слово было законом, и этот указ поразил всё племя, как удар молнии. Все любили старого вождя, и многие предлагали принести в жертву вместо него себя, но мудрецы сказали, что никакая другая жертва не будет достаточным искуплением. Тогда племя решило скорее погибнуть от эпидемии, чем заплатить за свою безопасность требуемую цену. Тогда старый вождь собрал свой народ и умолял их лишиться его жизни, которую он охотно отдаёт за их благополучие, но не нашлось никого, кто смог бы нанести смертельный удар. Тогда старый вождь позвал к себе своего единственного сына — ещё совсем юношу — и, вручив ему копье, приставил острие к своему сердцу и приказал мальчику нанести удар. Он отказывался это делать до тех пор, пока отец не пригрозил ему проклятием, и тогда удар был нанесён, и по всей стране поднялся скорбный плач. Вскоре эпидемия пошла на убыль, что, конечно, было приписано смерти старого вождя.

Некоторые из этих шаманов — весьма искусные фокусники и исполняют на глазах у всех трюки, которые не поддаются разгадке. Среди наиболее распространённых — отрезать себе язык и вонзать в себя ножи. На них смотрят как на сверхъестественных существ и боятся их. Я слышал об их трюках во время всего путешествия, даже на юге, на Амуре, и всегда хотел стать свидетелем какого-нибудь из них, но мне это так и не удалось.

Чукчи — смелый, независимый и воинственный народ, наводящий страх на соседние племена, но сами они ужасно боятся огнестрельного

оружия. Их оружие нападения состоит из копий, луков и пращей, а для защиты от копий и стрел своих врагов они носят толстую одежду из двух слоёв оленьей кожи, набитую песком. Как и коряки, они хорошие спортсмены — любят бегать, прыгать и бороться, и во всех отношениях настолько похожи на этот народ, что их трудно отличить друг от друга, хотя языки их несколько отличаются. Те, кого мы встречали до сих пор — это кочевые чукчи. Зимой они пользуются теми же видами саней и снегоступов, что и кочевые коряки. Летом они используют байдары и байдарки, которые я уже описывал. Для плавания на лодках против течения реки или вдоль морского берега, они используют собачьи упряжки, которые тянут их на длинном ремне. Они заядлые курильщики, как и все эти туземцы, и пользуются необычной на вид трубкой, изготовленной так скорее из соображений экономии табака, чем из чего-либо другого. Чаша, как правило, из свинца или латуни, размером не больше напёрстка, а чубук иногда длиной с человеческую руку. У чубука внизу маленькая, закреплённая смолой, крышечка, которую можно открывать. Они сделаны так из-за нехватки табака, который они всегда используют в смеси с равным количеством мягкой древесины или коры. При курении они набивают полость в чубуке мелкой древесной стружкой, которая со временем пропитывается никотином и затем используется в качестве заменителя табака. Некоторые чукчи питают настоящую страсть к никотину и жуют всё, что его содержит, иногда даже выменивая его у жителей Анадырска.

1 августа священник отправился обратно вверх по реке, и, поскольку кораблей по-прежнему не было видно, а туземцы составили нам компанию только из желания их увидеть, то большинство из них решили поехать вместе со священником, так как пришли к выводу, что корабли вообще не появятся. Кроме того, они хотели вернуться пораньше, чтобы успеть запастись рыбой и олениной на зиму. Мы уговорили только четверых из них остаться, а с остальными послали казаку Кошевину приказ прислать нам, как только откроются зимние дороги, десять-двенадцать собачьих упряжек, если мы не вернёмся раньше.

Мы сами начали волноваться из-за того, что судно не прибыло, подозревая, что с ним могло произойти какое-нибудь несчастье, и в этом случае наше положение было бы незавидным. Нашим намерением было переждать на нашем скудном пайке до тех пор, пока не появится возможность безопасного входа судна в реку, а затем, по возможности, добраться до Утёсиков. Там, мы были уверены, нас ждёт радушный приём и много еды, какой бы она ни была. Но мы также могли дожидаться прибытия анадырских саней. Лосося всё ещё было мало, а наша волосяная

сеть пришла в такое состояние, что удерживала не больше трети пойманных рыб, так что нам приходилось довольствоваться весьма малым. В тундре было много морошки и голубики, это несколько выручало нас.

Одежда наша сильно обветшала. Всё наше нижнее белье, вместе взятое, едва ли смогло бы прикрыть наготу одного человека, а наши кожаные штаны, хотя и были целыми, сильно испачкались от постоянной носки. Хотя воды было полно, но также много было и комаров — так много, что было, мягко говоря, неприятно стирать свой единственный костюм в их присутствии.

## ГЛАВА XXIX

В эти дни мы старались как можно больше времени спать. Благодаря этому нам требовалось меньше еды. Проснувшись, мы первым делом выглядывали наружу в надежде разглядеть на реке долгожданное судно. Правда, мы уже привыкли не обнаруживать на ней ничего достойного нашего внимания, следовательно, и не были разочарованы. Затем мы забрасывали сеть и располагались на усыпанном галькой берегу, ожидая, когда поймается наш завтрак, хотя из-за каких-нибудь задержек это часто превращалось в обед, а иногда и в ужин.

В последние дни мы довольствовались, по необходимости, одним приёмом пищи. Вот рыба поймана, костёр разведён, сковорода разогрета, и рыба уложена в неё для жарки, варки, тушения или какое там ещё название больше всего подходит для этого процесса, а затем, без каких-либо приправ, мы пережёвываем и проглатываем её. Мы не называем это «приёмом пищи», поскольку эти слова подразумевает что-то вроде наслаждения, и эти наши почти рефлекторные действия были совершенно лишены чего-либо подобного; они совершались только по необходимости. Перед тем как лечь спать, мы снова осматривали реку.

Так проходили дни, и каждый из них уменьшал возможность постройки линии в этом году (потому что потерянное лето было потерянным годом), и каждый из них увеличивал наши сомнения относительно прибытия судна.

В ночь на 14 августа мы были в сомнениях более чем обычно и разошлись по своим койкам не в лучшем расположении духа. Рано утром следующего дня я был разбужен громкими разговорами и, открыв глаза, обнаружил, что хижина полна незнакомых людей, в том числе американцев. Мистер Лейборн, главный переводчик экспедиции, был единственным, кого я видел раньше, но мы все быстро перезнакомились, и весь день я был занят общением. За следующие полчаса было

получено и передано больше информации, чем кто-нибудь когда-либо передавал друг другу за тот же промежуток времени. Кроме Лейборна, группа состояла также из Фредерика Вимпера, художника, и второго помощника парохода «Райт» с командой матросов. «Райт» стоял примерно в тридцати милях ниже, у входа в Анадырский залив, куда он пришёл за углём, оставленным здесь в прошлом году. На борту находился полковник Балкли, главный инженер экспедиции, направлявшийся в бухту Пlover, или Провидения<sup>1</sup>, как часто её называют, в которой встречаются разные суда. Он не предполагал найти кого-нибудь в устье Анадыря, но послал сюда людей только для того, чтобы оставить письмо на случай, если кто-нибудь спустится сюда по реке.

После «сытного» завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и патоки, наши туземцы взяли на себя управление синей лодкой, и, оставив Хардера охранять лагерь, мы присоединились к нашим друзьям, возвращавшимся на пароход. Наши туземцы были заинтересованы не меньше нас, они никогда не видели ни парохода, ни вообще какого-нибудь большого судна. Дождь лил, как из ведра, но мы не обращали на него внимания, и после четырёхчасового плавания перед нами в тумане показался чёрный корпус «Райта». При нашем приближении раздался салют из пушки, и вскоре нас окружили внимательные и любопытные друзья, которые с интересом разглядывали наши промокшие насквозь меховые одеяния и задавали бесчисленные вопросы.

Весь уголь был уже взят на борт, и «Райт» готовился к отплытию. Поскольку мне было необходимо отправиться в бухту Пlover, чтобы нанять людей, закупить материалы и провиант для моего участка работ, я с согласия полковника Балкли остался на судне, предварительно послав своим людям приличный запас провизии.

Забавно было наблюдать за нашими туземцами. Они были просто вне себя от изумления. Яркая краска и позолота в каютах, судовые механизмы, высокие мачты, да и всё остальное вызывали у них возгласы восторга, а от пронзительного пароходного гудка они чуть все не прыгали за борт. На пароходе жили две маленькие собачки, одна была самой невзрачной разновидностью рэт-терьера, одетой в серую курточку и обученной выполнять разные трюки. Туземцы сперва долго с любопытством наблюдали за ним, думая, что это кошка, о которых они слышали, но никогда не видели. Узнав, что это собака, они были ошеломлены ещё больше. Когда они смотрели выступление рэт-терьера,

---

<sup>1</sup> На самом деле бухта Пlover (современное название: Славянка) находится внутри бухты Провидения на восточном её берегу за косой Иен. — прим. перев.

другой терьер, по кличке Флора — гладкий, лоснящийся, чёрный с рыжими подпалинами — выпрыгнул прямо перед ними, и они, вздрогнув, отпрянули. Когда им сказали, что это тоже собака, они долго не могли поверить.

— Ну, Николай, — спросил я одного из них, — что ты думаешь о пароходе?

— О, сэр, я не знаю, — ответил он; и так было со всеми. Они были настолько сбиты с толку этим странным зрелищем, что, как позже рассказал мне Макрей, не могли прийти в себя ещё нескольких дней.

В шести милях ниже лагеря Макрея Анадырь расширяется, образуя большой залив<sup>1</sup> протяжённостью более двадцати миль, в который с юга впадает река Арнора<sup>2</sup>, о которой я говорил ранее. Ниже этого залива берега снова сближаются и начинается другая бухта<sup>3</sup>, которой мы впоследствии дали название бухта Золотые Ворота. Ещё ниже находится Анадырский залив<sup>4</sup> Берингова моря. У входа в бухту Золотые Ворота и находился пароход «Райт», когда мы поднялись на его борт.

Как только припасы для лагеря были погружены в лодку, винт пришёл в движение, и мы вышли в открытое море. Мы покинули Анадырский залив 16 августа и прибыли в бухту Пlover 18-го. Погода стояла тихая и ясная, и плавание было просто восхитительным, особенно для меня, после такого долгого перерыва. Почти на всём протяжении пути мы не упускали из виду побережье, вдоль которого, на несколько вёрст вглубь суши, тянется ровная гряда невысоких гор, а между ними и берегом — холмистая тундра.

По мере приближения к бухте Провидения, эти горы постепенно приближались к побережью и заканчивались высокими отвесными скалами, обрывающимися в море. Бухта находится среди этих гор, глубина её примерно двадцать миль и средняя ширина две мили. Вход в бухту Пlover хорошо прикрыт длинной узкой песчаной косой, протянувшейся от восточного берега бухты Провидения, и которая обеспечивает надёжную якорную стоянку для судов. На этой косе было довольно большое поселение чукчей, больше дюжины домов. Здесь жили те самые люди с северного побережья, которые разорили лагерь Макрея. Горы вокруг были высокими, крутыми и изрезанными, сложенными из валунов и неровных каменных глыб всех мыслимых форм и размеров, и ближе к берегам залива они были настолько бесплодны и пустынные,

---

<sup>1</sup> Залив Онемен. — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Река Великая (Онемен). — *прим. перев.*

<sup>3</sup> Залив Канчалан (до конца XIX века имел название Нерпичий залив, также, как и река с современным названием Канчалан, в него впадающая, называлась Нерпичьей). — *прим. перев.*

<sup>4</sup> Анадырский лиман и затем Анадырский залив. — *прим. перев.*

что почти нигде не могли прижиться даже выносливые мхи и лишайники.

В бухте мы обнаружили два судна компании, ожидающих задания на рейс, — теплоход «Найтингейл» и барк «Рутгерс». Барк «Золотые Ворота», который как раз и был назначен в Анадырь, прибыл только через две недели, в результате чего я задержался гораздо дольше, чем рассчитывал. Бухта Пlover расположена за оконечностью большого мыса<sup>1</sup>. Через этот мыс было решено протянуть сухопутную линию протяжённостью около сорока миль, соединяющую два кабеля — один через Берингов пролив, а другой через Анадырский залив. Здесь должна была быть построена станция, люди для этого прибыли зимой, стройматериалы тоже были доставлены, и вскоре после прибытия «Райта» стали выбирать место для строительства. Из Сан-Франциско были доставлены рабочие, которых высадили в разных местах вдоль трассы линии, и вскоре работа закипела — одни носили камни для строительства фундаментов, другие копали землю, в то время как третьи несли с берега пиломатериалы для плотников.

Тем временем мы на «Райте» несколько раз сплавали к устью залива в надежде встретить там «Золотые Ворота», и у нас были возможности посетить поселение чукчей. Эти туземцы во многом похожи на тех, кого я уже описывал, хотя местность без растительности и полное отсутствие плавника вынуждали их использовать другие материалы для своих жилищ и лодок. Их жилища покрыты шкурами моржей, тюленей или оленей и, как правило, имеют овальную форму из-за того, что здесь нельзя раздобыть прямые деревянные жерди для каркаса, и вместо этого они используют изогнутые рёбра китов.

В качестве топлива они используют китовый жир — ворвань. Их байдары покрыты, как правило, моржовой кожей, а каркас их также делается иногда из костей. Эти лодки часто приходится использовать в штормовую погоду, и, чтобы предотвратить их опрокидывание и для поддержания на плаву при затоплении водой, к их бортам прикреплены поплавки из тюленьих шкур, наполненных воздухом. Гребут на них короткими вёслами с одной лопастью. Их зимняя одежда шьётся из оленьих шкур, а обувь — из тюленьей кожи, а летом многие носят одежду из птичьих шкурок с перьями. Для дождливой погоды шьют что-то вроде непромокаемого плаща с капюшоном из рыбьей кожи и китовых или моржовых кишок. Такую одежду часто носят и в сухую погоду. Этот же материал аборигены по всей Восточной Сибири используют вместо

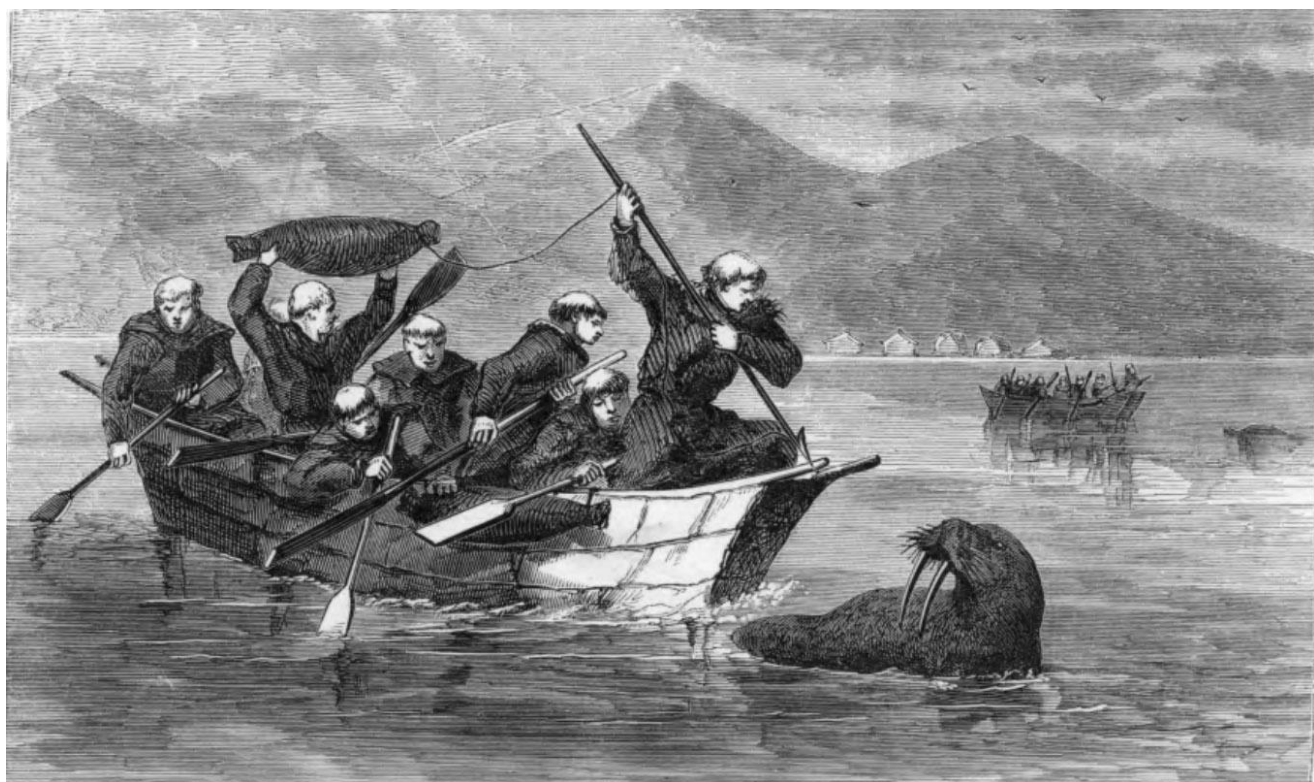
---

<sup>1</sup> Имеется в виду, очевидно, северная оконечность косы Иен — мыс Гайдамак. — *прим. перев.*

оконных стёкол, поскольку он прозрачен и во многих отношениях лучше, чем ледяные пластины.

Киты, тюлени и моржи составляют их почти единственную пищу, и, поскольку животные эти водятся здесь в изобилии, туземцы редко голодают. Кроме того, они ведут довольно оживлённую торговлю с китобоями и торговцами, которые ежегодно посещают их побережье, обменивая моржовые бивни, китовый ус и ворвань на спиртные напитки, ружья, различные орудия труда и всё, что им нужно.

Летом они используют довольно оригинальный способ добычи моржей, хотя и он не всегда бывает удачным. Во время одной из наших поездок на песчаную косу мне удалось стать свидетелем такой охоты. Однажды, когда я осматривал туземные жилища, в море примерно в полумиле от берега показались несколько крупных чёрных животных, которые время от времени появлялись на поверхности воды и с громким всплеском тут же исчезали из виду — это были моржи. Как только их увидели туземцы, они спустили на воду свои байдары, бросив в них по полдюжины гарпунов с костяными наконечниками, к каждому из которых был прикреплён длинный кожаный ремень с поплавком из тюленьей шкуры на конце. Каждый из охотников взял по длинной пластине китового уса и, погрузившись в лодку, быстро поплыли к моржам. На носу каждой лодки стоял туземец с гарпуном наготове. Как только они добрались до места, половина мужчин бросила весла и, схватив пластины китового уса, начали хлопать ими по воде. Это должно было привлечь внимание животных и заставить их снова подняться на поверхность. Как только кто-нибудь из них выныривал, лодки устремлялись к этому месту, и продолжали хлопать по воде, пока морж не оказывался, наконец, на расстоянии броска от одной из лодок и не был пронзён гарпуном — тогда привязанный к нему буй тут же бросается за борт. Животное не может избавиться от гарпуна, попавшего в него. Теперь остальным охотникам сравнительно легко воткнуть в него несколько гарпунов, поскольку плавучий буй указывает его местонахождение. Через несколько минут за моржом уже тянется столько поплавков, что он не может больше нырнуть; тогда кто-нибудь убивает его копьём. В этот раз они добыли двух животных. Такой же способ используется для охоты на китов, за исключением хлопанья по воде, и обычно требуется гораздо больше надутых тюленьих шкур, чтобы удержать огромное животное на поверхности.



Охота на моржей

Во время одного из наших плаваний в устье залива, когда пароход стоял на якоре, мы увидели довольно большую группу туземцев, собравшихся на скалистом склоне горы примерно в полумиле от деревни. Любопытствуя, чем они занимаются, мы спустили шлюпку, и всей компанией отправились на берег. Нам пришлось подняться на несколько сотен футов по усыпанному обломкам скал склону, пока мы не добрались, наконец, до нужного места. Вокруг виднелись человеческие черепа и кости, разбросанные среди камней, и мы сразу поняли, что это то самое место, где они убивают своих стариков и немощных. Мы подумали было, что вот-вот станем свидетелями одного из этих варварских ритуалов, и, признаюсь, у меня было ужасное чувство отвращения и тоски. Но их оживлённая болтовня и смех развеяли наши подозрения.

Там было около сорока человек, от стариков и женщин до самых маленьких, и все они, казалось, пребывали в прекрасном настроении. Посреди них, на небольшом ровном месте, камнями было выложено продолговатое кольцо около шести футов в длину, рядом с которым лежал только что убитый олень, отборные куски мяса которого вместе с пригоршнями табака раскладывали по камням несколько безобразных особей женского пола, которые говорили все одновременно и время от времени разражались смехом. Тогда мы подумали, что они собираются принести жертву духам, и, отозвав в сторону Нан-Кума, одного из туземцев, который немного говорил по-английски благодаря общению с китобоями и торговцами, спросили его что это за ритуал. Указав на кого-



то из туземцев, он ответил: «Смотри, вот тот старик, слепой, его убьют». Посмотрев туда, куда он указывал, мы увидели слепого старика, сидевшего на камне среди сородичей, но на его лице было выражение такого совершенного спокойствия и беззаботности, что я стал искать глазами жертву среди других, думая, что я неправильно понял, на кого мне указывают. Никто не проявлял к нему никакого особого внимания, и ни в его внешности, ни в поведении его спутников не было ничего такого, что могло бы навести на подозрение, что он скоро отправится в мир иной.

— Но зачем его убивать, Нан-Кум? — спросили мы.

— Старик хочет. Старик много оленей. Прошлый год его сын умереть. Старик очень похож на сын и тоже хочет умирать. Он хочет, чтобы его чукча убивал, однако. Старик малыш не хочет, чтобы его убивать. Однако, никто не убивать. Прошлый месяц старик хочет убить себя; сегодня чукча убивать.

Нам было трудно понять, что сказал Нан-Кум, но в конце концов мы догадались, что они собирались убить его по просьбе самого старика. У него было много оленей, и он ни в чём не нуждался, но в прошлом году он потерял своего единственного сына, которого очень любил, и с тех пор жизнь стала для него тяжким бременем, и он хотел, чтобы его племя положило конец его страданиям. Тогда этот день был уже назначен, но его маленький внук так жалобно умолял, что старик согласился остаться в живых ради внука. Но теперь он снова хочет умереть, и его желание должно исполниться.

В ответ на наши расспросы Нан-Кум рассказал нам, как они убивали своих жертв. Если это люди, к которым они относятся с большим уважением, они сначала делают их бесчувственными, давая вдохнуть какое-то вещество — какое именно, я не смог узнать, — а затем вызывают смерть, вскрывая некоторые из основных артерий и выпуская кровь. Рассказывая нам, Нан-Кум указал на различные артерии, которые нужно вскрывать, продемонстрировав при этом прекрасное знание анатомии человека. Тела этих людей обязательно сжигают. Других они забивают насмерть копьями или камнями; а некоторых убивают, накинув им на шею петлю и волоча по камням. Этим последних оставляют лежать среди скал, чтобы они сгнили или были съедены их голодными собаками; возможно, им помогают волки и медведи.

— Это плохо, Нан-Кум, очень плохо, — сказал один из нас.

— Нет плохо. — возразил тот — Чукча очень любит. Все любят. Я старик, убивать и меня. Все то же самое.

Вскоре мы почувствовали некоторое нежелание туземцев продолжать церемонию, и в конце концов они вообще прекратили свои приготовления. Мы поняли, что причиной этого было наше присутствие, а поскольку я и так хотел найти предлог, чтобы уйти, то мы ретировались. Позже Нан-Кум рассказал мне, что старик всё-таки не был убит, поскольку его внук снова убедил его передумать. Вполне возможно, они хотели отложить ритуал до тех пор, пока наши суда не уйдут.

«Найтингейл», прекрасный большой клипер, принадлежавший компании, доставил из Сан-Франциско два небольших плоскодонных парохода, один из которых предназначался для плавания по реке Юкон в Русской Америке, а другой — для плавания по Анадырю. Они были спущены с корабля сразу же после прибытия полковника Балкли, и начались работы по установке на них оборудования и строительству палубных помещений.

Как уже говорилось, барк «Золотые Ворота» приплыл только через две недели после нашего прибытия в бухту, а затем ещё почти две недели ушли на перегрузку и распределение припасов, телеграфных материалов и оборудования между различными судами, направлявшимися в разные места. Наконец, к 12 сентября всё, что требовалось Североазиатскому участку на предстоящий год, было погружено на борт «Золотых Ворот», включая пиломатериалы для строительства станций, плашкоут для разгрузки и доставки грузов на берег, а также провизию на девять месяцев для двадцати пяти человек — до этого числа увеличился мой отряд к этому времени. До следующего лета мы могли выполнить лишь часть работы, и больше людей нам не требовалось.

Как только всё было готово, мы взяли на буксир небольшой пароход «Уэйд» и отправились к месту назначения. «Уэйд» представлял собой небольшое судно с кормовым гребным колесом — «тачку», как называли её матросы, около шестидесяти футов в длину, способное перевозить около двадцати тонн груза. К моменту нашего отплытия из бухты Пlover оно было почти готово к работе, за исключением установки дымовой трубы и гребного колеса. Это последнее инженер Форбс с помощью нескольких матросов сделал при переходе, воспользовавшись тихой погодой.

19 сентября мы вошли в устье Анадыря и направились на север в небольшую бухту, которую, как вы помните, мы называли Золотые Ворота, и которая была выбрана как самое подходящее место для выхода на берег кабеля через Анадырский залив; но мы прошли по этой бухте всего три-четыре мили, как наш барк сел на мель. Я немедленно отправил на

лодке Джереда Нортонa с командой в лагерь Макрея сообщить моим людям о нашем местонахождении, а сам с другим человеком отправился выбирать место для станции. Мы нашли подходящее во всех отношениях в устье небольшой реки<sup>1</sup>, впадающей в залив в пяти милях от барка. Как только судно село на мель, «Уэйд» подтащили к борту, чтобы установить дымовую трубу, и через пару часов он уже был занят работой, пытаясь снять «Золотые Ворота» с мели, но ему не хватало мощности.

Зима стремительно приближалась, и на холмах уже были видны её снежные «шапочки». Мы торопились разгрузить барк и отпустить его до того, как его скуёт лёд. Все матросы были заняты с утра до ночи, и пароход с плашкоутом на буксире непрерывно курсировал да между судном и берегом, но из-за его небольшой мощности, значительного расстояния и времени на погрузку и разгрузку, мы обнаружили, что не можем совершать больше двух рейсов в день. Как только были перевезены пиломатериалы, плотникам вручили план здания, и они немедленно начали строительство.

К 23 сентября было выгружено всё, кроме угля для отопления и для котлов парохода, поскольку на сотни миль вокруг не было никаких дров, а на следующий день барк был настолько облегчён, что во время прилива и при сильном восточном ветре снялся с мели и продвинулся ещё на милю. Это значительно ускорило перевозку грузов, но на следующий день нас постигло несчастье — мы потеряли наш большой плашкоут. Он подошёл к берегу накануне поздно вечером, нагруженный углём, и, поскольку матросы работали с 3 часов утра и были совершенно измучены, судно заякорилось у берега двумя якорями, чтобы разгрузиться на рассвете. Неподалёку стал на якорь пароход «Уэйд». Ночью поднялся сильный восточный ветер, из-за которого якоря обоих судов вырвало из грунта, их канаты перепутались, и, прежде чем можно было что-либо предпринять, сильный прилив унёс их на глубину семи саженей, после чего плашкоут затонул. На следующее утро мы попытались найти его, но безуспешно, и, поскольку времени было в обрез, пока прекратили поиски. С этого момента мы использовали всё светлое время, чтобы закончить разгрузку, и, кроме того, мне не терпелось отправиться вверх по Анадырю, чтобы найти зимовку для парохода, поскольку в бухте Золотые Ворота или на реке Уэйд<sup>2</sup> — так мы называли реку, впадающую в залив возле станции — не было подходящего места.

---

<sup>1</sup> Эта река, которую члены экспедиции называли Уэйд — река Канчалан (в то время называлась Нерпичьей). — *прим. перев.*

<sup>2</sup> Река Канчалан, впадающая в залив Канчалан. — *прим. перев.*

Чтобы завершить список топонимов этих мест, члены отряда окрестили наше новое поселение «Станцией Буша» — название, которое могло показаться непосвящённому загадочным, поскольку в радиусе нескольких миль не росло ни одного кустика<sup>1</sup>.

Наконец, к большому нашему облегчению, 1 октября всё было доставлено на берег, а наш дом почти готов, хотя запасы древесины были настолько ограничены, что пришлось разбирать старые ящики, чтобы получить доски для постройки нар. Одна из шлюпок «Золотых Ворот» оставалась на станции, пополняя свои ёмкости для воды из небольшого пресноводного озера, и, поскольку было уже поздно, мистер Маккенна, первый помощник капитана, решил подождать до утра, прежде чем вернуться на судно. Уже выпал небольшой снег, а несколько последних ночей вдоль кромки воды образовывался лёд, правда, очень тонкий. Однако на следующее утро бухта была заполнена округлыми «блинами» льда, которые постоянно, со скоростью четырёх узлов, выносила в залив река Уэйд. Зима надвигалась со всей очевидностью, и барк уже поднимал паруса, чтобы поскорей ретироваться.

Как только баки были заполнены, пароход взяли шлюпку на буксир и направился к барку, который был уже в пути. Скорость у нас была небольшая, и мы догнали судно уже во второй половине дня. «Золотые Вороты» снова сел на мель, и это случилось во время прилива, так что надежды на то, что они сумеют уйти, было мало. Пока ещё был прилив, малыш «Уэйд» попытался стянуть барк с мели, но безрезультатно, и, поскольку было уже поздно, мы пришвартовались к судну, чтобы продолжить утром. Протяжённость этого залива составляет около десяти миль, и, за исключением очень узкого извилистого фарватера, проходящего через него от реки Уэйд, он чрезвычайно мелководен. «Золотые Вороты» был первым судном, которое когда-либо заходило сюда, капитан Хардинг не был знаком с каналом, а времени тщательно его промерить у него не было. С началом отлива судно накренилось, и во время отлива лежало почти на борту, да так сильно, что мы не могли лежать на койках. Ночью меня разбудил громкий скрежещущий звук, который продолжался несколько часов, судно содрогалось от носа до кормы и вскоре почти выровнялось, а затем упало обратно на борт с таким звуком, как будто в нём всё сломалось. Сразу после этого в каюту вбежал капитан «Уэйда» Эшкомб и сообщил, что пароход тонет. Мы едва могли стоять на палубе, так сильно она была наклонена. Сначала пароход был пришвартован к борту судна со стороны берега, но теперь, во время

---

<sup>1</sup> Фамилия автора, Буш, по-английски означает «куст» (bush). — прим. перев.

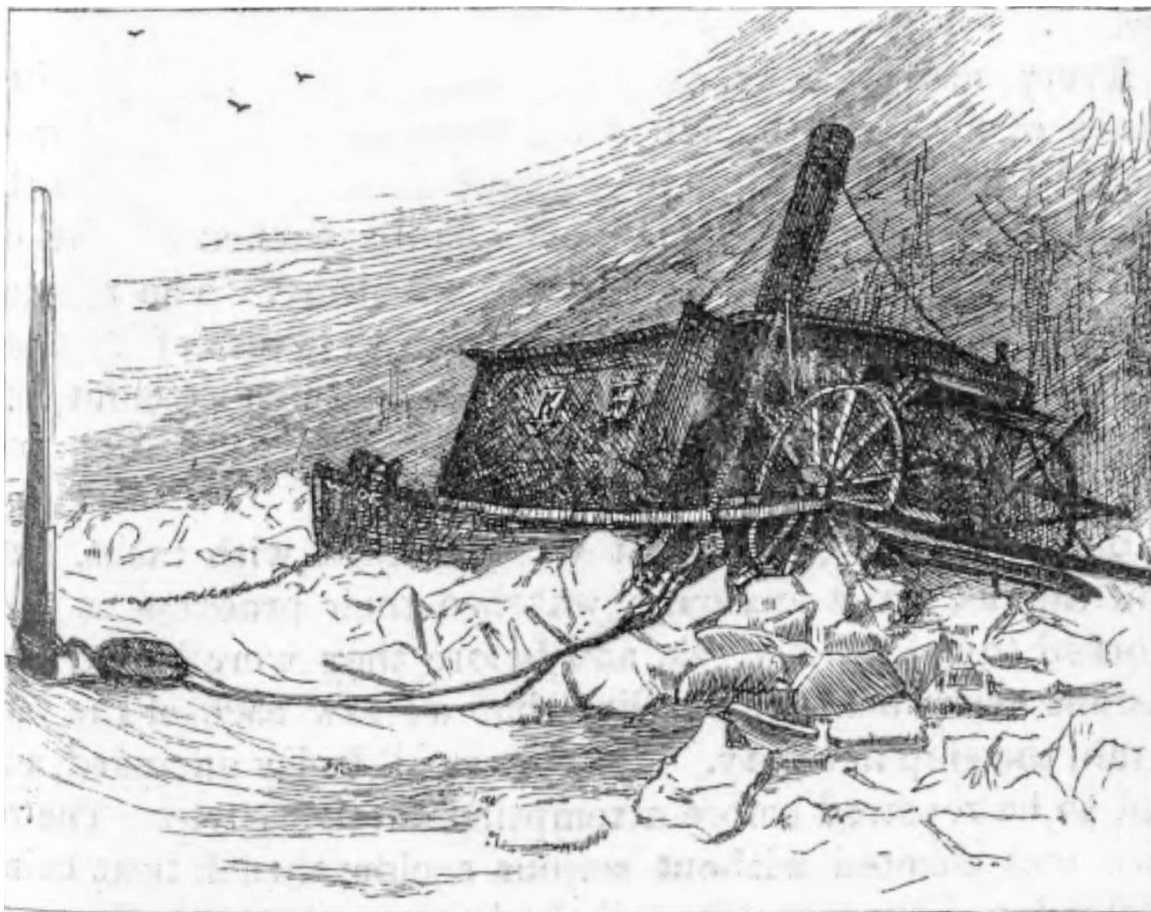
прилива, на него давили тяжёлые массы льда; однако нам вовремя удалось перетащить его на другую сторону барка, где он будет в безопасности до следующего прилива.

Утром мы обнаружили, что весь залив покрыт льдом толщиной в дюйм. Зная, что, если мы немедленно не доберёмся на пароходе до станции, которая теперь находилась в шести милях от нас, он почти наверняка будет уничтожен следующими приливами. После нескольких бесплодных попыток проложить себе путь до лагеря мы обнаружили, что лёд сильно повреждает корпус судна. Поэтому единственным выходом было двигаться задом наперёд, пробивая проход во льду гребным колесом за кормой. Это получилось гораздо быстрее, и, хотя на это ушёл почти весь день, мы наконец благополучно добрались до станции.

Было очевидно, что это был последний рейс «Уэйда» в этом сезоне, и, за неимением лучшего места, мы немедленно начали готовиться к подъёму его на берег. Вдоль всего берега к этому времени образовался сплошной ледяной барьер из битого льда высотой в человеческий рост. Воспользовавшись отливом, все рабочие принялись за работу — кирками и лопатами расчищать проход в этой ледяной стене для парохода. Были вкопаны столбы, подготовлены блоки и канаты, и мы уже собирались затащить судно на берег, как большое поле толстого льда пронеслось мимо и с такой силой подхватило пароход, что вытолкнуло его футов на двенадцать на берег, нагромоздив на него обломки льда почти до самого верха рубки. Теперь он действительно оказался на берегу, и гораздо быстрее, чем мы ожидали, но стихия обошлась с бедным «Уэйдом» не так бережно, как мы хотели. Гребное колесо было сильно покорёжено, но, к счастью, у нас были запасные рычаги и лопасти; корпус судна лопнул в нескольких местах, а механизмы сорваны со своих мест, но, к счастью, не получили серьёзных повреждений. До следующей весны с пароходом больше ничего нельзя было сделать.

Мы все с внимательно следили за барком, надеясь увидеть, как судно расправит паруса и выйдет из бухты, но его положение лёжа на борту даже во время прилива исключало такую возможность. На следующее утро после того, как «Уэйд» был выброшен на берег, мы увидели, как с барка с трудом спустили все шлюпки, которые с большим риском стали пробираться к берегу через дрейфующие льды. Мы собрались на берегу, чтобы встретить их и тут получили неприятное известие, что лёд пробил борт судна, и оно заполнилось водой. Это не оставляло команде барка иного выбора, кроме как зимовать на станции. На борту судна имелся запас провизии для экипажа немногим более чем на два месяца, который, к тому же, был на главной палубе, вне досягаемости воды. Но

что такое двухмесячный запас в начале долгой арктической зимы? Запасов провизии на станции едва хватит, чтобы прокормить мой собственный отряд из двадцати пяти человек до наступления весны, а теперь нас стало сорок шесть человек, и запасы пополнились совсем немного. Даже если мы сможем спасти то, что осталось на судне, наших припасов едва ли хватит на то, чтобы пережить половину зимы.



«Уэйд», выброшенный льдом на берег

Каждый из нас сразу осознал необходимость экономить каждую унцию еды, и тут же в наши четыре лодки уселись добровольцы, чтобы попытаться добраться до судна. Шлюпки с барка сильно пострадали от льдин и нуждались в некотором ремонте. В это время плавать по заливу на лодках было особенно опасно, так как в случае их потопления лёд был недостаточно прочным, чтобы выдержать вес человека, к тому же льдины, подгоняемые приливами и отливами, постоянно перемещались и сталкивались друг с другом.

Перед отплытием каждая лодка взяла с собой куски кровельного железа, парусину и гвозди. Мы с тревогой наблюдали за их продвижением к месту крушения, и не успели они отойти и на полмили, как в каждой лодке стали вычерпывать воду, но все четверо благополучно добрались

до корабля. Все они были сильно повреждены, и их пришлось ремонтировать перед отправлением в обратный путь. Все лодки были хорошо нагружены, и возвращение прошло без серьёзных происшествий. Обшив все лодки медным листом, привезённым с барка, и воспользовавшись приливами, удалось сделать ещё несколько рейсов и спасти всё ценное, что можно было увезти, включая печки и кое-что из мебели. Капитан Хардинг оставался на судне до тех пор, пока не был перевезён последний фунт провизии, а первый помощник Фрост возглавил экипажи шлюпок, состоящие из матросов и помощников с берега.

Мы каждый день ожидали, что увидим, как затонувшее судно разваливается на куски и его уносит отливом в открытый океан, но во время последнего рейса шлюпок обнаружили, что вокруг него нагромодилось столько льда, что образовалась надёжная защита от плавучих ледяных полей. Этого было достаточно, чтобы уберечь барк от дальнейших повреждений до весны, пока не растает лёд.

Среди груза, полученного в бухте Пlover, было пятьсот телеграфных столбов, привезённых из Британской Колумбии для сибирского участка линии. Сначала я счёл их по крайней мере излишними, но теперь они оказались бесценными для строительства жилищ для команды «Золотых Ворот».

Под руководством первого помощника Фроста за пару дней было построено большое удобное помещение тридцати шести футов в длину и восемнадцати в ширину, с койками вдоль стен и корабельными печками для приготовления пищи и обогрева. Когда строительство было завершено, постройку утеплили слоем земли, и оно стало не менее комфортабельным, чем наши собственные. Здание самой станции размером двадцать пять на двадцать пять футов было разделено на четыре помещения, а над ними на чердаке устроен склад продуктов и всякой утвари. Были установлены печи и лежанки, а стены для тепла были сделаны из двух слоёв досок с промежутком в шесть дюймов, заполненным мхом. Снаружи было устроено что-то вроде склада для наших основных припасов, таких как говядина, свинина и патока. Этот склад получил шуточное название «Фарнамская бездна» (в смысле «изобилие»), поскольку мистер Фарнам был нашим интендантом (а по совместительству и квартирмейстером).

В бухте Пlover, помимо всего прочего, мне удалось раздобыть около ста томов поэзии, рассказов о путешествиях, любовных романов и других произведений для станционной библиотеки, заведовать которой взялся мистер Бакстер. Книги были расставлены на полках для общего

пользования и помогли нам скоротать много долгих и утомительных вечеров в последующую зиму.

В помещениях были развешаны большие зеркала, привезённые с корабля; вместе со стульями, столами, занавесками для коек, подвесными светильниками и другими предметами, заимствованными там же, они украсили наши апартаменты в великолепном (для этих мест) стиле и придали комнатам такой нарядный и уютный вид, что люди, все до единого, с нетерпением ждали, когда, наконец, наступит зима и можно будет насладиться всеми этими удобствами.

Теперь, когда мы позаботились об удобствах, наше внимание обратилось на запасы провизии. При умелом содействии мистера Фарнама, всё оно было пересмотрено и проведена полная инвентаризация. Было подсчитано, что вместе с припасами с корабля при строгой экономии мы способны прокормить людей в течение шести месяцев, но всё равно должно пройти ещё четыре месяца, прежде чем мы сможем с уверенностью ожидать помощи от судов весной. Были составлены рационы питания, в которых количество еды для каждого было сокращено до минимально возможного и рассчитано количество каждого вида продукта, которое можно было употреблять еженедельно. Таким образом, мы составили план питания на каждый день недели, который неукоснительно соблюдался, и, хотя меню часто отнюдь не возбуждало аппетит, среди мужчин никогда не было слышно недовольства, которого можно было бы ожидать. С самого начала офицеры и матросы питались одинаково, и все, видя необходимость такого распорядка, приспособлялись к обстоятельствам с величайшим пониманием. Вскоре собственные названия дней недели, по общему согласию, стали обозначаться главным блюдом меню в этот день, например, «день бобов», «день сладкого», «день бекона», «хлебный день», и так далее.

В столовой были вывешены правила внутреннего распорядка станции, чтобы все могли их видеть и знать свои обязанности.

Они предусматривали, среди прочего, еженедельное назначение офицера для надзора за кухонными помещениями, за тем, чтобы кровати проветривались и застилались в определённое время, а также за тем, чтобы жилые помещения были подметены и содержались в порядке, и сообщать о любых нарушениях. Кроме того, каждую неделю назначались два человека, которые подметали помещение, помогали Фарнаму взвешивать дневную норму продовольствия и обеспечивали повара углём и водой.

Наряду с этим было много других требований, некоторые из которых были обязательны к исполнению, и, отдавая должное благоразумию и



исполнительности наших людей, я скажу, что в течение всего года ни одно из этих правил не было нарушено.

Мистер Диксон, наш заведующий лазаретом и единственный медик, помимо своих прямых обязанностей, взял на себя заботу о барометрах и термометрах и вёл метеорологические наблюдения, снимая показания трижды в течение дня: утром, в полдень и вечером.

Среди тех, кто был вынужден переехать к нам на зиму из-за потери судна, были господа Стоддард, Леггетт, Келли и Смит-старший. Эти джентльмены охотно выполняли все свои обязанности по службе и спокойно переносили тяготы и лишения долгой арктической зимы.

Расположение станции было не слишком защищённым от ветра, хотя во всех других отношениях она превосходила любое другое место, которое мы могли бы выбрать. Она располагалась на ровной местности площадью около двадцати акров, ограниченной с одной стороны заливом Золотые Ворота, а с другой — рекой Уэйд. Ширина этого речки в устье достигает шестисот футов. Однако задолго до того, как мы пришли сюда, здесь уже жили и белые, и туземцы. Груды оленьих рогов указывали на могилы последних, а высокий грубый деревянный крест, по-видимому, очень древний, свидетельствовал о том, что христиане тоже посещали это место. Это, несомненно, были русские, но жили ли они здесь, я так и не смог узнать от местных жителей. Дежнёв зимовал где-то в этих местах в 1648 году, когда он впервые поднялся по Анадырю, но я думаю, что вряд ли возможно, чтобы этот крест сохранился с тех времён.

### ГЛАВА XXX

Из-за нехватки провизии наше положение в то время было отнюдь не радостным. Мои собственные чувства постоянно колебались между страхом и надеждой. Когда к нам присоединилась команда корабля, мне пришлось пережить немало тревожных моментов, хотя я старался, насколько возможно, скрывать свои страхи от людей, и всякий раз, когда кто-нибудь из них в очередной раз спрашивал, где мы будем брать еду, я с уверенностью говорил, что у нас не будет никаких трудностей достать припасы у туземцев.

Было две возможности получить помощь, хотя была и вероятность, что обе они не сработают. Первая — от чукчей, которые, как я надеялся, будут проходить мимо станции во время своих странствий на юг. Я надеялся купить у них оленьего мяса, чтобы продержаться до конца зимы, но в этом деле было также и две возможности потерпеть неудачу.

Туземцы могли вообще не отправиться на юг этой зимой, как это иногда случалось; или могли пойти каким-нибудь другим путём, и у нас не будет ни возможности найти их, ни каких-либо сведений об их местонахождении.

Второй возможностью были собачьи упряжки, которые я поручил казачьему старшине Кошевину прислать из Анадырска с началом зимнего пути. С ними, когда они придут, я надеялся либо добраться до чукчей, либо разделить отряд и переправить часть из них к Охотскому морю. Но была и вероятность, что Кошевин не получил присланных ему инструкций или, возможно, у него не будет возможности найти упряжки. Но даже если бы за нами послали упряжки, и они добрались до лагеря Макрея, расположенного в сорока пяти милях от станции, то, никого там не найдя и не зная, где нас искать, они были бы вынуждены вернуться.

И вот, наступило 20 октября, а чукчи так и не появились — возможно, из-за страха перед нами. Чтобы увеличить наши шансы найти кого-нибудь из них и направить собачьи упряжки на станцию, я отправил пеший отряд под руководством мистера Смита-младшего в лагерь Макрея с инструкциями ждать там, пока позволят запасы еды. Через несколько дней часть отряда вернулась на оленьих упряжках с тремя чукчами, которых они там встретили и уговорили поехать на станцию. Они рассказали, что эти чукчи не желали с ними встречаться, думая, что мы хотим начать с ними войну, и с величайшим трудом удалось заставить их приблизиться. «Если, — говорили они, — вы не хотите воевать с нами, почему вы не взяли с собой своих женщин и детей?»

Пришлось сказать им, что наши женщины — хрупкие, утончённые создания, привыкшие к вечному лету, и что они завянут, как цветы в тундре, если хоть на десять минут попадут в такой холод; а что касается детей, то с наступлением зимы они погибнут ещё быстрее, чем комары. Судя по тому, как один старик покачал головой, я уверен, что он был уверен, что мы либо несём полную чушь, либо наши женщины — совершенно бесполезные существа. У них женщины выполняют самую тяжёлую работу и могут переносить любые холода.

Несколько небольших подарков убедили их в том, что мы настроены дружелюбно, после чего они пришли в наилучшее расположение духа и пообещали привести стадо оленей, а мы согласились заплатить за них котелками, топорами, порохом и табаком, поскольку это было то, что они хотели иметь больше всего.

Мы все ликовали, а три дня спустя прибыли туземцы с семьями и привели с собой стадо примерно из восьмисот оленей. Мы заключили с

ними сделку на сто пятьдесят животных, и они начали отбирать и забивать их для нас. Через несколько часов они вернулись недовольные и потребовали большей оплаты. Я сразу понял, что их дополнительным требованиям не будет конца, и сказал, что заплачу за оленей ту цену, на которую они согласились, и не больше, но что, когда олени будут убиты, я сделаю им несколько подарков (назвав их) в знак дружбы. Мы ожидали, что в будущем у нас будет много дел с этим племенем, и хотели дать им понять, что мы будем соблюдать наши соглашения и будем ожидать от них того же. Переговорщики были полностью удовлетворены обещанными подарками и удалились, но через полчаса вернулись, потребовав в придачу оружие и некоторые предметы, без которых мы не могли обойтись. Поскольку другой возможности найти оленей у нас, скорее всего, не будет, я сказал, что, если они сейчас же не заготовят оленей, я буду вынужден послать за ними моих собственных людей. Теперь они поняли, что больше ничего не добьются, и принялись за работу, заарканывая и убивая животных. Перед тем как заколоть каждого из них, туземец бормотал что-то вроде краткой молитвы. Как только все сто пятьдесят были убиты, наши мужчины с помощью чукотских женщин освеживали их и набили снегом, чтобы они не испортились; после чего сложили у здания станции. День был довольно холодный,  $-33^{\circ}$ , но, несмотря на это, женщины, чтобы освободить руки, полностью разделись выше пояса и работали, совершенно не обращая внимания на холод. Их головы также были непокрыты и подёрнулись пушистым инеем.

Здесь я впервые заметил под кожей на спинах этих оленей очень крупные личинки длиной в дюйм, очень похожие на те, что иногда поражают крупный рогатый скот. Женщины принесли несколько пригоршней их в дом, чтобы угостить наших мужчин, а чтобы убедить их в том, что они вкусны, с аппетитом съели несколько на наших глазах, к большому неудовольствию тех, кто не был знаком с сибирскими обычаями. Зеркала в наших комнатах вызвали у этих туземцев настоящий ажиотаж. Они столпились перед ними и целый час с превеликим удовольствием гримасничали и корчили рожи.

После того, как чукчи уехали, приехали ещё несколько человек, которые привезли лисьи и бобровые шкуры и бивни мамонта в обмен на украшения и табак. Некоторые из этих бивней были огромных размеров, а приобрести их можно было за сущие пустяки.

31 октября из Анадырска прибыла дюжина собачьих упряжек, присланных Кошевиным. По сообщениям каюров обстановка там была совсем не обнадеживающей для продолжения наших работ. Местные жи-

тели, даже ещё в начале зимы, были на грани голодной смерти. Прошедшим летом в Анадырь не пришло на нерест ни одного лосося, и у них совершенно не было корма для собак. К тому же, в довершение всех несчастий, среди их собак вспыхнула какая-то эпидемия, унёсшая жизни четырёх пятых всех собак. Несомненно, это была та самая болезнь, которой подверглись собаки доктора Кейна: она почти всегда заканчивалась смертью<sup>1</sup>.

Теперь, когда отряд на станции был полностью обеспечен продуктами, следующей нашей заботой стало начать работу на линии. Вдоль Анадыря ничего нельзя было предпринять, пока не будут сплавлены брёвна для столбов, так что лучше всего было начать с района реки Майн. Самая большая трудность заключалась в обеспечении транспортом и кормом для собак. Если бы их удалось раздобыть, из Гижиги можно было бы привезти припасы, чтобы прокормить отряд на этой реке. Чтобы удостовериться в этом, а также сообщить о потере «Золотых Ворот» и о спасении всех, кто находился на его борту, я решил немедленно отправиться в Анадырск, а оттуда в Гижигу, откуда известие о потере барка можно будет передать по санному пути в Иркутск, а оттуда отправить телеграмму через Санкт-Петербург в Америку, чтобы успокоить тех, у кого были близкие на борту. Оставив Макрея за старшего и взяв Д.С. Нортон (бригадира), Хардера и ещё двоих человек, я 5 ноября отбыл в Анадырск. В это время пошёл снег, и были признаки приближающейся пурги, но мы пустились в путь, взяв прямой курс через тундру к лагерю Макрея. Его мы надеялись достичь к ночи. Но снег в тундре был недостаточно глубокий, и от того дорога неровная, так что продвигались мы довольно медленно. Ночью разразилась сильная метель, в которой упряжки потеряли друг друга. Шестерым из нас удалось держаться вместе, и мы шли до тех пор, пока не набрали на кусты, где развели костёр, приготовили ужин и легли спать. К утру всех людей и собак полностью занесло снегом. На следующий день около полудня мы прибыли в лагерь Макрея, где обнаружили другую нашу упряжку, которая не останавливалась на ночь и добралась до места ещё до рассвета. Для троих из нас, ещё не имевших арктического опыта, это было довольно суровым испытанием, и один из них подошёл ко мне и спросил:

---

<sup>1</sup> Сам д-р Илайша Кейн (1820-1857) в своей книге о поисках экспедиции Джона Франклина писал про эту болезнь так: *«Эта длинная ночь, в продолжение которой мы были объаты мраком, в полном смысле слова непроницаемым, губительно подействовала на всё и всех. Даже наши собаки, постоянные обитатели этих холодных стран, не избежали её губительного влияния; большая часть их околела от странной болезни, причиной которой, кроме необыкновенного холода, был очевидно недостаток света»*. – прим. перев.

«Капитан, как вы думаете, сколько времени нам потребуется, чтобы добраться до Марково?» «Около тринадцати дней», — ответил я. При этих словах на его лице появилось выражение крайнего ужаса, и он воскликнул: «О, Боже! Ещё двенадцать дней!» — и, застонав, ушёл, содрогаясь всем телом.

Из-за сильных ветров нам потребовалось четыре дня, чтобы добраться до юрты напротив Телеграфного Утёса. Из-за непогоды мы потеряли четырёх наших лучших собак — они умерли прямо в упряжке. После юрты на Телеграфном Утёсе погода установилась ясной, хотя и холодной, а дорога вверх по реке была хорошая. До Марково мы добрались 17 ноября, после двенадцати дней пути.

В Утёсиках мы застали Янденка, ожидавшего нашего приезда и державшего для подарка нам отличного жирного оленя. Я привёз с собой карабин и несколько небольших подарков для него, которыми он остался очень доволен. Он очень подробно расспрашивал меня о телеграфной линии, о том, как она будет выглядеть и обо всём остальном, что с этим связано. Когда я закончил рассказывать, он, казалось, почувствовал большое облегчение и сказал, что его люди боялись, что это отпугнёт диких оленей и помешает им мигрировать через реку, лишив тем самым туземцев средств к существованию. «Но теперь, — сказал он очень серьёзным тоном, — если кто-нибудь из моих людей дотронется до телеграфа, я сначала сам выпорю его, а потом сообщу вам». Янденка был очень крупным атлетически сложенным мужчиной, и лучшего защитника нашей линии нельзя было, пожалуй, найти во всей округе. Его племя признавало его одним из лучших, если не лучшим борцом среди них.

Во время нашего короткого пребывания в этом месте мы стали свидетелями оригинальной торговой сделки, в которой предметами обмена стали жёны двух туземцев.

Добравшись до Марково, мы обнаружили, что сообщения о бедственном положении жителей, полученные нами в устье Анадыря от каюров, не были преувеличены. В ожидании суровой зимой многие семьи переехали к устьям рек Майн и Белой, чтобы заняться подлёдным ловом. На Белой мы встретили старого Аврама, охотника на медведей. Один туземец, более предприимчивый, чем остальные, Илья Дьячков, перевёз свою семью на Майн, где прошлой весной он построил нам юрту недалеко от устья Алгана. Из тех, кто остался, многие находились в очень плачевном состоянии, совершенно без еды, и даже в этот ранний период зимы варили суп из старых оленьих шкур. Своих собак они почти всех

съели, а те, что остались, настолько отощали, что были почти непригодными для использования... во всех смыслах. Но даже если бы они были в состоянии передвигаться в упряжках, чукчи и другие племена были ещё далеко от селения, и вряд ли, отправившись на их поиски, можно было быстро разыскать их.

Такой голод случается раз в четыре-пять лет из-за неурожая рыбы; но обычно люди переживают зиму, покупая оленей у кочевых племён и ставя ловушки на куропаток, которых всегда очень много. Но этот год был какой-то особенно неудачный. Копьями удалось добыть всего несколько оленей, а лосося и вовсе не было. Собак почти не осталось, что исключало возможность отправиться к кочующим племенам за оленями, и, как ни странно, почти исчезли куропатки. Их последней и единственной надеждой было то, что кочевники, услышав об их положении, подойдут со своими стадами ближе, и до них можно будет добраться.

Эти несчастья лишили нас возможности получить здесь какую-либо помощь, будь то рабочие или транспорт, для продолжения нашей работы. Пенжино и Гижига были ближайшими поселениями, из которых мы могли рассчитывать на получение того и другого. Без этого, даже если бы мы смогли бы найти в Гижиге необходимые припасы для поездки на Майн, то мало бы что могли сделать с распределением по маршруту столбов, а это было делом первой необходимости. Сразу же после прибытия я отправил Кошевина на поиски чукчей, чтобы купить семьдесят оленей для нас и местных жителей, у многих из которых мы были в долгу. 20 ноября мне удалось набрать собак для двух упряжек и, оставив Д.С. Нортон за главного в Марково, я отправился в Гижигу по кратчайшей дороге через Пенжино. На третий день пути, утром, когда мы пересекли невысокие Русские горы, мы встретили Кеннана, направлявшегося в Анадырск с небольшим запасом провизии и одиннадцатью сотнями сушёной рыбы на корм собакам. Это была радостная встреча, и, поскольку в то время бушевала пурга, мы проехали до места, где маршрут пересекает реку Орловка, и, установив полог, провели весь день, рассказывая друг другу о том, что мы пережили со времени нашей последней встречи, и читая письма из дома, которых у нас было по несколько на каждого. Но самым приятным известием было то, что в Гижиге было очень много провизии, доставленной туда одним из судов Компании, и Кеннан полагал, что у него не будет трудностей с обеспечением необходимого транспорта для её перевозки. На следующий день мы отправились обратно в Анадырск. Кеннан пробыл у нас всего несколько дней и поспешил обратно в Гижигу, чтобы сообщить о крушении брига. Каким бы коротким ни был его визит, сейчас, оглядываясь

назад, он кажется мне единственным светлым пятном во всех мрачных событиях той зимы. Хорошие новости, которые он принёс, на некоторое время рассеяли уныние, вызванное страданиями окружающих нас бедных людей, и несколько укрепили наши надежды на то, что мы сможем выполнить хоть какую-то работу на линии. Мы оба были довольны тем, что удалось поддержать работу отряда на Майне, но самым большим препятствием оставалось приобретение собак и корма для перевозки столбов. Однако, если нам удастся добыть достаточно оленей у чукчей или коряков, то даже это может быть преодолено. Через три-четыре дня вернулся Кошевин, он так и не сумел найти туземцев.



Наш офис в Марково

Было ещё только начало зимы, и, полагая, что в декабре-январе работать на открытом воздухе будет невозможно из-за сильных морозов, я отложил на время поездку на станцию в Анадырском заливе за дополнительными рабочими, хотя тут же снова отправил Кошевина и Толстихина на поиски коряков, снабдив казаков табаком и товарами, которых хватит на покупку двухсот оленей. Через несколько дней они снова вернулись с пустыми руками, и тогда Кошевин отправился в Пенжино, чтобы переправить оттуда припасы, как только они придут из Гижиги.

Декабрь выдался холодным и ненастным, наши спиртовые термометры показывали температуру  $-49^{\circ}$ . Это была самая холодная погода, которую кто-либо из нас когда-либо испытывал, но наши сравнительно

удобные жилища с большим запасом дров надёжно защищали от такого ужасного мороза. Тем не менее, нам пришлось часть времени проводить в верхней одежде даже в помещении, а вода замерзала на расстоянии уже трёх футов от нашего большого пылающего камина. Несколько раз я пытался записывать в свой дневник за столом, расположенным от него в нескольких футах, но был вынужден отказаться.

Я не могу себе представить, как в таких условиях могут жить эти люди, видимо, они как-то по-особому и весьма удачно устроены. К голоду они привыкли и могут выжить на таком скудном питании, какое я раньше не мог себе и представить. Мы делились с ними своими невеликими припасами, насколько могли себе позволить, но наш прошлый опыт научил нас не слишком уповать на будущее. Однажды один бедняк, чья семья была на грани голодной смерти, пришёл ко мне и умолял о помощи со слезами на глазах. У него была большая семья с маленькими детьми, которые два дня ничего не ели — бедные, измождённые создания, почти умирающие с голоду; а его собаки, которых у него было семеро, представляли собой просто живые скелеты. О том, чтобы кормить его собак, не могло быть и речи, но мы дали ему столько еды, сколько смогли, и он отправился домой с облегчением. Через несколько часов другой человек пришёл посоветоваться со мной по вопросу, который, по его словам, беспокоил его уже нескольких дней и который он не мог решить самостоятельно.

«Знаешь, барин, — сказал он, — зима только началась, а у меня жена, семеро детей и семь собак, которых нужно содержать, а я не могу дать им ни кусочка мяса или рыбы. Но у меня есть несколько оленьих шкур и восемь саженой тюленьего ремня, которые я могу сварить. Этого недостаточно, чтобы прокормить семью и собак, пока не придут чукчи, и я не знаю, где взять еду, потому что все мои соседи тоже голодают».

Тут он на мгновение заколебался и прерывающимся от волнения голосом сказал:

«Если мои дети умрут, у меня останутся мои собаки; но если мои собаки погибнут, как я смогу пойти к чукчам за оленями? Тогда у меня не будет ни семьи, ни собак».

Он хотел, чтобы я решил, должен ли он спасти своих детей или своих собак. Таково было отчаянное положение, в котором оказались некоторые семьи. Небольшая порция еды с обещанием дать ещё, когда придёт провизия из Пенжино, вкуче с краткой нравоучительной лекцией о родительских обязанностях, чадолюбии и тому подобном, принесли ему облегчение, и он ушёл ободрённый и, осмелюсь сказать, уверенный в том, какой сделать выбор в случае крайней необходимости.



Эти люди, старые и молодые, — совершеннейшие дети в своих привычках и понятиях. Некоторые из них почти ежедневно приходили к нам, чтобы мы решили какой-нибудь их спор или получить совет по какому-либо вопросу. Всё, что мы им говорили, они воспринимали как абсолютную истину, а наши советы были для них законом. Иногда было довольно забавно выслушивать их споры по простейшим вопросам и выступать в них в качестве арбитра. В одном из таких случаев два старика, младший из которых был на тридцать пять лет старше меня, пришли за каким-то советом. Когда они получили его, то выразили огромную благодарность, а один из них сказал: «Ах! барин, вы нам как отец родной». Тон, которым это было произнесено, вкупе с разницей в нашем возрасте, придавали всему этому определённую комичность.

У них весьма странные представления о времени и возрасте. Одному из членов нашей группы, которому в то время было двадцать три года, один вполне здравомыслящий с виду туземец, после недолгих размышлений дал пятьдесят пять лет. «О нет, друг мой, — сказал другой, — даже больше; я бы сказал, шестьдесят два или, по крайней мере, шестьдесят три».

У них совсем нет бород, или они очень маленькие, и, поскольку они были у всех нас, они сразу решили, что мы очень старые люди. Они редко называли кого-либо из наших мужчин иначе, как стариками.

Эти полуцивилизованные туземцы не отличаются крепким здоровьем и часто болеют болезнями, занесёнными, вероятно, с берегов Охотского моря. Они были так безоговорочно уверены в учёности членов нашего отряда, что вообразили, будто все мы, наряду с другими нашими познаниями, столь же компетентны в области медицины, и укреплялись в своих представлениях тем фактом, что у нас была небольшая аптечка. Они почти ежедневно обращались к нам за лекарствами, и весьма скоро всё безвредное содержимое чемоданчика было съедено; мы не решились использовать остальное, но они продолжали просить нас дать им ещё. Они были не в состоянии понять, что некоторые лекарства принимают только от определённых болезней, и были готовы пить всё подряд одно за другим без исключения. Всё, что мы им давали, они проглатывали без малейших колебаний.

До этого времени я держал про запас одиннадцать сотен сушёных рыб, привезённых мне Кеннаном для людей, отправляющихся в устье Анадыря. Туземцы, у которых не было собачьего корма, были рады совершить путешествие хотя бы ради того, чтобы накормить своих собак, и 13 января я отправил тринадцать упряжек на нижнюю станцию за Джередом Нортоном, пятью рабочими и необходимым инвентарём для

работы на Майне. Я намеревался отправить на эту реку отряд, чтобы он нарубил столбы и начал распределять их по маршруту. Из Гижиги пока не прибыло никакого груза, хотя мы ожидали его со дня на день.

2 февраля из Пенжино вернулся Кошевин с восемью нартами, нагруженными припасами, которые туда доставил для нас гижигский исправник. Эти упряжки, если понадобится, могли продолжить путь до самого устья реки, поскольку были снабжены собственным кормом для собак, и я немедленно отправил их туда, чтобы привезти Макрея, телеграфиста Бакстера и первого помощника капитана Фроста с шестью матросами. Фрост и четверо членов экипажа «Золотых Ворот» присоединились к береговому отряду после моего отъезда со станции. Это наверняка были последние упряжки, которые отправились на станцию в устье этой зимой, поэтому я попросил Макрея привезти с собой также запас соли, чтобы поддержать отряд на Майне во время весенних паводков, зная, что в это время будет трудно с продуктами питания.

5 февраля тринадцать саней с Джередом Нортонем во главе прибыли в Марково со станции, на дорогу туда и обратно ушло всего двадцать три дня, а 9 февраля первая группа из шести человек под руководством Д.С. Нортоня и с хорошим запасом провизии отправилась на Майн, чтобы приступить к работе.

Во избежании самых сильных морозов, я специально дожидался февраля, прежде чем посылать на работу людей, но, как оказалось, ошибся в своих расчётах. Сразу после прибытия Джереда Нортоня в Марково, а также во время поездки Д.С. Нортоня на Майн и в течение следующих двух недель у нас была самая холодная погода за всю зиму. С 7 по 18 февраля включительно средняя суточная температура была  $-41^{\circ}$ , максимальная  $-29^{\circ}$  и минимальная  $-56^{\circ}\text{C}$ .

Минимальная температура 18-го числа составляла  $-47^{\circ}$ , а уже на следующий день показания термометра поднялись до  $-6^{\circ}$ , что составляло изменение в  $41^{\circ}$  всего за двадцать семь часов!

19, 20 и 21 февраля температура колебалась от  $-6^{\circ}$  до  $-28^{\circ}$ , а затем в течение четырёх последующих дней наш термометр показывал  $-45^{\circ}$  22 февраля,  $-49^{\circ}$  23 февраля,  $-52^{\circ}$  24 февраля и  $-41^{\circ}$  25 февраля. В самые тёплые дни шёл небольшой снег, а в остальное время было ясно и безветренно.

В самую холодную погоду Д.С. Нортон и его спутники жили под открытым небом, так как дом, который мы начинали строить прошлой весной, был непригоден для жилья и требовал ещё много работы, прежде чем обеспечить хоть какую-то защиту от холода. В самые холодные ночи люди не ложились спать. Нортон утверждал, что, когда они

стояли так близко к костру, что чуть не обжигали вытянутые перед собой руки, у них в то же время мёрзли носы. В это же время Макрей со своим отрядом тоже поднимался по Анадырю, но по самому руслу реки, и погода у них была гораздо мягче, хотя тоже холодной.

У нас в помещении было очень холодно, и, хотя в чувале постоянно пылал огонь, в некоторых местах температура у пола опускалась до  $-37^{\circ}$ . Светила полная луна, она заливала пейзаж бледным, нечётким светом. Казалось, сама атмосфера замёрзла, окутав всё вокруг густым туманом. Чтобы проверить действие этой самой низкой температуры, я вышел на улицу с непокрытой головой и голыми руками и постоял несколько минут.

В первый момент я не заметил, что было как-то особенно холодно, чем обычно. Было мертвенно тихо и неподвижно. Единственное, что я заметил необычного, — это шипящий звук, возникавший при соприкосновении моего тёплого дыхания с холодным воздухом. Но через несколько мгновений я почувствовал лёгкое покалывание в носу, ушах и пальцах... потом странное ощущение, как будто кожа в этих местах сморщилась, как увядающий лист, и... в следующее мгновение я прекратил эксперимент и укрылся в доме.

До приезда сюда я всегда ассоциировал сильный озноб с сильным холодом, но за эти два года я не помню, чтобы кто-то дрожал от холода, за исключением одного случая, когда человек провалился сквозь лёд на Майне и промок при температуре сильно ниже нуля.

Однако воздействие холода в такой сухой атмосфере, за исключением случаев, когда тело влажное от пота или чего-то ещё, и на десятую долю не так велико, как я ожидал. Слишком тепло одетый в меха человек, вынужденный много двигаться, даже при очень низкой температуре будет потеть, и, соответственно, страдать от холода, пока не сменит влажную одежду; но если одеваться правильно и не обременять себя лишними мехами, он может работать целыми днями, не испытывая особых неудобств, хотя не исключено, что при этом раз десять отморозит себе нос. Это последнее сопровождается совсем небольшой болью — настолько незначительной, что человек её почти не замечает, пока кто-нибудь рядом не сообщит ему об обморожении, и тогда действовать надо немедленно. Кстати, я ещё ни разу не видел туземца с обмороженным носом, но у них часто бывают повреждённые холодом щеки и подбородки.

Несмотря на нехватку еды и неясные перспективы её обретения, местные жители с привычным воодушевлением занялись праздничными развлечениями. Наше Рождество прошло весьма обыденно, но их

собственное, наступившее двенадцатью днями позже, праздновалось так же основательно, как и в лучшие времена. Вечеринки с танцами проходили почти каждый вечер.

В них всегда принимало участие много народу, и часто те люди, которые находились в самом бедственном положении, были самыми весёлыми. Среди других развлечений на Рождество есть такое: участники надевают деревянные маски и цветастые платки и ходят по всем домам в селении, играя на своих трёхструнных музыкальных инструментах и танцуя. Этот маскарад проводится каждую ночь целую неделю или дольше, после чего деревенский священник приходит в каждый дом и заново освящает его, поскольку предполагается, что во время такого шутовства в них поселяется дьявол, и эта церемония призвана изгнать его.

Во время приезда гижигского исправника в Пенжину ему удалось купить для нас сто семьдесят оленей у кочевых коряков. Однако они были так далеко, что пользу от них было мало. Дело в том, что собаки съедают так много оленьего мяса, что, если бы я отправил упряжки, чтобы привезти оттуда оленей в Марково, им бы пришлось скормить почти весь груз, особенно в их нынешнем слабом состоянии. Мы решили, что лучше будет перегнать животных сюда своим ходом и держать их на пастбище, убивая по мере необходимости. Для этого я снова отправил казаков.

17 февраля приехали коряки, у них мы купили тридцать шесть оленей. Они также сообщили, что ещё семьдесят, которых купил Кошевин, находятся в пути. Двадцать животных были сразу же отправлены Нор-тону, остальные пошли на корм собакам.

После нескольких дней ожидания этих семидесяти пришёл туземец и сказал, что из-за глубокого снега они смогли пригнать оленей только до Орловки и там убили семьдесят животных и оставили их, не разделав, что привело к тому, что они годились теперь только на корм для собак. Это было очень плохой вестью.

Ежегодно много чукчей приезжает в Анадырск для продажи пуш-нины торговцам с Охотского моря. Как раз приближалось такое время, и, потерпев неудачу во всех наших попытках доставки продуктов, мы обратились к этим купцам, как к последнему средству. Торговцы уже начали прибывать, привозя с собой табак, украшения и всякие товары, но пока ещё не было ни одного чукчи, кроме нескольких, у которых не было ни оленей, ни мехов для обмена. Бобровые шкуры составляют основной предмет торговли в этих местах, хотя все они доставляются сюда через Берингов пролив. Каждое лето их во множестве добывают

американские туземцы, которые обменивают их на олени шкуры для изготовления одежды.

Прошёл февраль, а, по сути, и вся зима, но чукчи так и не появились. Торговцы были вынуждены уехать с пустыми руками. Но самое сильное разочарование постигло местных жителей, которые в основном рассчитывали получить от чукчей продовольствие. Впрочем, некоторые из них отчасти ожидали этого, зная, что в прежние времена, почти всегда, когда оседлые туземцы оказывались в бедственном положении, те, у кого были олени, намеренно держались подальше, опасаясь, что им придётся пожертвовать слишком многими своими животными и ничего не получить взамен. Теперь нам всем приходилось рассчитывать только на Гижигу, и те из туземцев, у кого были собаки, держали их в резерве для этой поездки. Это ещё больше усложняло нам проблему с транспортом.

Упряжки из Пенжино, которые я отправил 4 февраля на станцию в устье для Макрея и его отряда, вернулись в Марково только 4 марта. У них была очень тяжёлая поездка вверх по Анадырю, и, в довершение всего, они потеряли одного человека — Джона Робинсона, который умер в пути от воспаления кишечника. Перед поездкой бедняга выглядел совершенно здоровым, но четыре дня спустя, 21 февраля, скончался у Телеграфного Утёса. Бушевала страшная пурга, ураганный ветер завывал над одинокой юртой, взметая густые облака снега. Внутри было холодно и темно. В камине горел огонь, но его было недостаточно, чтобы согреть хижину, так как мох между брёвнами во многих местах выдуло ветром. Сквозь эти щели залетали снежинки. Здесь, вдали от дома и родных, распростёртый на своей постели из шкур, выпускал дух бедный Робинзон, и никто, кроме его отважных товарищей, не мог ему помочь. Всё это было очень печально, но насколько неизмеримо хуже было бы без убежища, без этой маленькой убогой хижины. Мысль о том, что она хоть немного защитит, укроет от стужи умирающего, стократно вознаграждала за те трудности и лишения, которым мы подверглись, чтобы сплавить сюда эти брёвна и построить здесь жилище.

До момента отъезда Макрея со станции не произошло ничего примечательного. Ему удалось приобрести пятьдесят оленей на корм для собак, отправляющихся на станцию. Компания была в добром здравии и расположении духа, посвящая погожие дни разборке погибшего судна и перевозке рангоута, канатов, парусов и всего прочего ценного на берег. В этом им помогали две собаки, Киот и Ник, но вскоре беднягу Ника постигла печальная участь. Мясо оленей, сваленное в кучу возле станции, привлекало множество волков. Однажды ночью большая стая их напала на станцию, а на следующее утро тело Ника было найдено буквально

разорванным на куски в нескольких шагах от дома моряков. Вся компания очень сожалела о его потере, так как он был всеобщим любимцем. Это был, безусловно, самый лучший пёс, которого я встретил в Сибири, крупный и красивый. Один из членов команды барка, Янг — мужчина ростом шесть футов три дюйма (без обуви), — тоже чуть не погиб от встречи со стаей волков.



Разбираем погибшее судно

В тундре в трёх милях от станции, находилось несколько небольших озёр, на которые мужчины часто ходили ловить подо льдом форель. Они в этом весьма преуспели, и почти каждый погожий день кто-нибудь из них ходил туда со своими удочками и захватив топор, чтобы сделать прорубь. В этот раз Янг был один, и топор был у него единственным в качестве защиты. В тундре часто можно было услышать вой волков, но люди привыкли не обращать на него внимания. Во время рыбалки на середине озера Янг вдруг услышал совсем недалеко волчье рычание. Взглянув в ту сторону, он увидел, как крупный самец северного оленя бросился с берега на озеро и промчался вдоль берега в сотне ярдов от него. Вслед за ним на озеро выскочили семь громадных волков. Янг схватил топор и застыл, надеясь, что его не заметят. Волки бросились по следам оленя и уже пронесли было мимо, когда один из них заметил человека, и вся стая бросилась к нему. Предчувствуя жестокую схватку, Янг вскочил на ноги, и, размахивая руками и топором, закричал

что есть мочи. Волки, очевидно, такого не ожидали и были так ошарашены, что мгновенно остановились и непроизвольно присели в сотне футов от него. Но через несколько мгновений они пришли в чувство, набрались храбрости и снова бросились на него. На этот раз Янг с ещё большей яростью закричал и, размахивая топором, бросился на них. Они на мгновение остановились, а затем бросились бежать, снова взяв след оленя. После этого Янг не стал испытывать судьбу и сразу же двинулся обратно на станцию; по его собственному признанию, он был самым напуганным человеком в Северо-Восточной Сибири и твёрдо решил никогда больше не выходить в тундру в одиночку.

## ГЛАВА XXXI

Сразу же по прибытии в Марково по Анадырю, Макрей с людьми, которых он забрал с нижней станции, отправился на Майн, чтобы принять там командование отрядами. Он забрал с собой все припасы из Анадырска и окрестностей, а также табак и разные товары для обмена на оленьё мясо у коряков и чукчей. Самое большее, что он мог сделать, — это нарубить брёвен и подготовить их к сплаву весной до Анадыря; да ещё, пожалуй, наделать столбов и распределить их вручную вверх по Майну вплоть до Орловки. Никакой надежды раздобыть сани и собак для этого у нас уже не осталось.

Я очень хотел, чтобы отряд под руководством Нортонна как можно дальше продвинулся вверх по Майну, сократив тем самым расстояние до Пенжино, до куда Кеннану будет легче доставлять грузы по прямой дороге из Гижиги.

В Пенжино всё ещё оставался очень хороший запас провизии, который исправник привёз для нас в январе месяце. Чтобы забрать часть её для отправки Макрею, я нанял шесть команд из местных жителей, заплатив им оленями из Орловки, и 19 марта они отправились в Пенжину под руководством Джереда Нортонна, который должен остаться там, чтобы получать припасы из Гижиги, и пересылать их далее, как только можно будет обеспечить перевозку.

На следующий день после отъезда Нортонна из Пенжино прибыл Кошевин с двумя санями, нагруженными провизией, и неожиданным известием о том, что никто другой не добирался до того места из Гижиги с начала января. По этой долгой задержке я сразу понял, что Кеннан был разочарован тем, что ему не удалось обеспечить перевозки, на которые он рассчитывал. Теперь у нас было достаточно еды, чтобы дать отряду продержаться до 1 мая; но после этого наступало самое трудное время

года, в которое очень трудно раздобыть продовольствие, и, если не удастся доставить его с Охотского моря, отряду, несомненно, придётся трудно.

Макрей во время своего путешествия вверх по Анадырю был вынужден оставить в лагере запас соли, предназначенный для сезона паводка, и теперь мы не могли на неё рассчитывать. Учитывая это, у нас была только одна альтернатива — попытаться раздобыть упряжки здесь и в Пенжино, чтобы съездить за припасами в Гижигу и немедленно вернуться. Если отправиться прямо сейчас и двигаться без задержек, то можно вовремя получить продовольствие и предотвратить голод. Пришло время и для тех туземцев, которые держали своих собак про запас, также поехать в Гижигу; но их упряжки потребуются на то, чтобы привезти припасы для своих семей, чтобы те не умерли с голоду, поэтому нам никакой помощи от них ожидать не следовало. Тем не менее, к 26 марта я раздобыл четыре собачьи упряжки и немедленно отправился в Пенжино, предварительно уведомив Макрея о своём отъезде и оставив человека в Марково, чтобы тот попытался купить оленей и переправил припасы на Майн.

По пути в Пенжино я встретил шесть нарт, посланных с Нортонем, которые возвращались нагруженными провизией. Они должны были прокормить отряд, пока мои упряжки не вернутся с Охотского моря.

Прибыв в Пенжино, я обнаружил, что оно почти опустело, так как все жители ушли на поиски коряков и оленьего мяса, но мне сказали, что по возвращении можно будет найти несколько упряжек для перевозки наших припасов. Я не мог ждать, поэтому двинулся в сторону Гижиги, следуя тем же маршрутом, которым мы с Макреем шли прошлой весной в нашем пути на север. Перед отъездом я поручил Нортону доставить припасы в Алган и встретиться со своим отрядом, а также нанять все упряжки, какие сможет, чтобы отправиться в Гижигу вслед за мной. Я также договорился с несколькими казаками о том, чтобы они пригнали двадцать четыре оленя на Майн для отряда Макрея.

Наша поездка в Гижигу прошла без происшествий. Снежный покров по маршруту был твёрдым, а нарты — лёгкими, так что мы преодолели расстояние от Марково за тринадцать дней. Температура колебалась от  $-12^{\circ}$  до  $-40^{\circ}\text{C}$ . В поселениях коряков Шестаково и Куюл мы закупили корм для собак и утром 9 апреля прибыли в город, к большому удивлению Кеннана, Додда и других джентльменов, которые прибыли прошлой осенью на кораблях «Онвард» и «Клара Белл», принадлежащих компании. Из-за позднего времени года «Онвард» добрался только до



Петропавловского, и его пассажиры, чтобы добраться до Гижиги, совершили зимнее путешествие через всю Камчатку на собаках и оленях.

Наши предположения о трудностях с транспортом в Гижиге оказались верными. Отряд Арнольда в Ямске также оказалась в затруднительном положении, собаки там почти все погибли, и мистер Кеннан счёл невозможным обеспечить одновременно и их, и отряд на Майне всем необходимым, так как в его распоряжении было всего несколько собачьих упряжек.

Мы прибыли в Гижигу 9 апреля, а 12-го поднялась сильная пурга, из-за которой четверо моих упряжек не смогли отправиться в обратный путь с припасами, но 13-го погода снова улучшилась, и нарты вышли на маршрут, получив указание как можно быстрее следовать в Анадырск. У них было семь с половиной дней, чтобы добраться туда до того, как закончатся запасы Макрея. Я остался, чтобы вернуться с упряжками из Пенжино, которые должен был доставить Джеред Нортон. 14-го числа пурга снова усилилась и продолжалась две недели почти без перерыва. Я очень беспокоился за те четыре упряжки, которые только что отправились, так как им предстояло пересечь обширную тундру, и опасался, что у них могут быть задержки из-за длительных остановок, а может даже придётся возвращаться обратно. Поэтому я не сильно удивился, хотя и был сильно разочарован, когда 19-го числа они кое-как прибрели обратно в Гижигу с пустыми нартами и совершенно измученные. Их застигла пурга, они заблудились и три дня ходили по тундре. Когда они отправлялись, у них был запас еды для собак только на один день, поскольку они рассчитывали пополнить запасы в Куюле, и теперь животные почти умирали от голода. Чтобы облегчить нарты, они были вынуждены выбросить груз. Теперь, чтобы добраться до Марково, у них оставалось всего одиннадцать дней. Это было бы почти невозможно с нагруженными нартами и уставшими собаками, но теперь уже и время было упущено. Дав им один день на отдых, мы снова нагрузили их нарты и 21 апреля, хотя пурга всё ещё бушевала, отправили их с двумя дополнительными нартами.

Упряжки из Пенжино и Анадырска прибыли в Гижигу только 30 апреля, задержавшись в пути из-за плохой погоды. Последним потребовалось двадцать восемь дней, чтобы проделать тот же путь, на который я потратил тринадцать дней, но их собаки были в ужасном состоянии с самого начала. Туземцы использовали для этого путешествия всё, что имело четыре лапы, — лишь бы раздобыть еду для своих семей.

До сих пор мы смогли оплатить прошлые услуги лишь несколькими местным жителям из-за недостатка собственных средств, а из-за недостатков руководства компании в Нью-Йорке других средств у нас не было, поэтому мы оказались в долгу почти у каждого. В оплату провизии в Гижиге мы выдали долговые расписки, и по прибытии упряжек на место я пообещал заплатить по ним.

Эти записки оказались большой удачей для бедных людей, потому что мы заплатили по ним не деньгами, а съестными припасами. А вот если бы они получили за это деньги, то большая их часть, если не вся, была бы тут же проиграна в карты местному священнику, опытному картёжнику, который почти полностью обеспечивает себя и свою семью за счёт туземцев, готовых в азарте проиграть последнюю рубаху. Он и священник из Гижиги почти каждую зиму отправляются вдвоём к корякам в картёжное турне, из которого возвращаются, нагруженные ценными мехами. Во время своего пребывания в Гижиге этот «духовный наставник» несчастных был постоянно пьян.

Мне было очень трудно обеспечить перевозку необходимых припасов для отряда на Майне, я добился этого только путём распределения их небольшими партиями по многим упряжкам. С последней из них я покинул Гижигу 3 мая, на пятнадцать дней позже, чем мы с Макреем отправились в путь годом ранее. Рурк и Пирсон из отряда Кеннана, сопровождали меня в Пенжино, куда Сэнфорд с небольшой группой прибыл раньше, чтобы рубить и сплавливать столбы по реке Пенжина.

Тундра по берегам Пенжинского залива почти освободилась от снега, что сильно затрудняло передвижение. Мы также обнаружили, что подняться по реке Шестакова практически невозможно из-за отсутствия льда, но к северу от хребта было холоднее, и передвигаться было легче. У реки Оклан Сэнфорд был вынужден частично разгрузиться и спрятать припасы, так как его груз был слишком тяжёл. По прибытии мы обнаружили, что в спрятанное обнаружили медведи и уничтожили всё, кроме топоров, которые, вероятно, показались им жестковатыми.

Напротив села Пенжино река Пенжина была почти свободна ото льда, так что по прибытии сюда 14 мая нам пришлось переправляться через реку на карбасах. Здесь я был весьма обескуражен тем, что обнаружил первые упряжки, которые я отправил из Гижиги с припасами для отряда Макрея. Они только что прибыли после двадцатидвухдневного пути, в котором потеряли несколько собак. Эти упряжки при обычной скорости передвижения должны были достичь Майна ещё 3 мая.

Такая длительная задержка вызвала большое беспокойство за этот отряд, припасы которого должны были полностью закончиться уже несколько дней назад. Нортон не получал от них никакой вестей более трёх недель и поэтому ничего не знал об их положении. По нашему прибытию нарты с продуктами были немедленно отправлены на Майн.

Нортон сообщил мне, что сразу после моего отъезда к Охотскому морю туда же были отправлены все собаки из Анадырска и Пенжино, способные передвигаться, тем самым лишив его возможности доставлять припасы. Всё оленьё мясо на Орловке было съедено проезжавшими мимо упряжками, и раздобыть корм было невозможно, в ином случае он мог бы собрать хотя бы одну упряжку из оставшихся разрозненных собак. Но им пришлось бы тащить на нартах оленьё мясо для собственного прокорма в дороге, а его, в их нынешнем состоянии, хватило бы не более чем на три дня, даже без другого груза. При таких обстоятельствах было бесполезно предпринимать маршрут продолжительностью в десять-двенадцать дней, чтобы добраться до Майна и обратно. Казакам, с которыми я договорился, также не удалось уговорить коряков перегнать свои стада вниз по Майну из-за глубокого снега, хотя им и предложили хорошую цену.

Многие припасы, только что прибывшие из Гижиги, были доставлены на пенжинских нартах, и мы столкнулись с новыми трудностями, поскольку они не могли отправиться дальше из-за наступления весны. К счастью, у Сэнфорда была своя упряжка собак, которую я забрал, и, предложив хорошую плату анадырским каюрам, погрузил остатки моих припасов на их нарты, отправляющиеся в Анадырск. Когда, наконец, всё было отправлено, мы с Нортоном выехали из Пенжино и через четыре дня, 21 мая, прибыли в Марково.

Здесь мы нашли Макрея и четверых его людей, которые жили с туземцами и питались тем, что могли достать. Остальные члены отряда всё ещё находились на Майне в очень непростом положении, питаются кониной; многие болели. В такой ситуации они были в течение целого месяца. Отчёт Макрея, который я здесь привожу, даст хорошее представление о том, что пережил его отряд на Майне.

## ОТЧЕТ МАКРЕЯ

*Марково, С.-В. Сибирь, 4 июня 1867 года.*

*Сэр, в моем последнем докладе для вас был представлен отчёт о ходе работ на станции Майн по состоянию на 10 марта. 13-го числа того же*

месяца, когда погода, которая всю неделю была ненастной, прояснилась, мистер Фрост со своими четырьмя строителями отправился на Алган, и в тот же день мистер Нортон со своим отрядом из шести человек начал работу, изготавливая столбы и распределяя их на майнском участке. Я разделил с мистером Нортоном свою провизию, в результате чего каждому отряду достался десятидневный запас сухарей, чая, двадцать пять фунтов бекона и два оленя, которых вы прислали из Крепости. Прежде чем приступить к рубке деревьев, мистер Фрост соорудил небольшую хижину размером пятнадцать на пятнадцать футов, поскольку погода была слишком суровой для ночёвки под открытым небом — насколько я мог судить без термометра, температура по ночам в среднем была ниже  $-35^{\circ}$ . Чтобы как можно быстрее ускорить работу, я отправил Фрэнка готовить пищу для отряда мистера Фроста, а мы с мистером Бакстером носили дрова и воду и готовили для себя сами.

Глубина снега в лесу была от четырёх до пяти футов, и, поскольку мужчины были без снегоступов, две трети их времени уходило на переход от одного дерева к другому, и в среднем за день на одного человека приходилось всего по тридцать столбов.

Однако не проходило дня, чтобы кто-нибудь из отряда, а иногда и весь отряд, не был непригоден к работе из-за сильной диареи, она одолевала каждого. У меня не было никаких лекарств, кроме настойки и таблеток опиума, которые я иногда принимал при сильной простуде. 21 марта, когда наши припасы сократились до двухдневного запаса сухарей и оленины, я приказал остановить работу и перевести людей на половинный рацион. До этого времени мы с мистером Бакстером питались рыбой, которую ловил Илья<sup>1</sup>, и я, пользуясь случаем, скажу, что всякий раз, когда он добывал рыбу или дичь, он делился с нами и несколько раз приносил их отряду мистера Нортон. Он всегда был готов помочь нам со своей упряжкой, и без его помощи я не смог бы отправить мистеру Нортону те припасы, которые я получил от вас. Когда люди из Марково и Крепости или их собаки оставались без еды, он всегда кормил их, пока они оставались на станции.

25-го из Крепости прибыли две упряжки с мукой и сухарями, и в тот же день мистер Нортон и его спутники вернулись домой, измученные и не спавшие трое суток из-за сильного холода. Среди рабочих ходили слухи, что вы не можете достать упряжки для отправки нам провизии, и это вызывало у них дурные предчувствия, беспокойство и недовольство.

---

<sup>1</sup> Илья Дьячков, местный житель, поселившийся прошлым летом на Майне, недалеко от Алгана, упоминался ранее.

*Я приписывал понос полному отсутствию в нашей пище жира и, желая поговорить с вами об этом, а также, если возможно, раздобыть упряжки, чтобы отправиться к корякам за оленями, я покинул станцию и направился в Крепость, прибыв туда вечером 26-го.*

*Я был очень удивлён, получив от вас записку, в которой говорилось, что вы отправитесь утром указанного числа в Гижигу, и узнав, что вы уже уехали.*

*Все туземцы, на всех доступных упряжках, тоже готовились к отъезду в Гижигу. Почти все семьи в Крепости питались только дичью и зайцами, и, по их мнению, все жители выше Марково голодали. Я предложил отправиться с ними к корякам и, если мне удастся купить пятьдесят оленей, отдать им тридцать. Я счёл это достаточным стимулом для поездки, даже если бы они были не в таком плачевном состоянии, как представлялись. Они пообещали, что постараются достать упряжки и поехать со мной. Затем я нанял за весьма высокую цену упряжку у старосты и вернулся на станцию.*

*3 апреля, когда мистер Нортон набрал свой отряд и погода несколько улучшилась, он снова отправился в путь, взяв с собой десятидневный запас сухарей, бобов, оленьего мяса, чая и сахара, последний в качестве лакомства.*

*В своей записке ко мне вы написали: «Передайте мистеру Нортону, чтобы он ехал в Орловку, мы сможем обеспечить его продовольствием из Пенжино, когда он доберётся до места». Он также получил от вас записку в том же духе. Я написал лейтенанту Нортону, помощнику квартирмейстера в Пенжино, что отряд мистера Нортон будет в устье реки Орловка 12 апреля, и описал ему серьёзность положения, в котором они окажутся, если там не будет провизии.*

*Погода по-прежнему стояла прекрасная, но не по сезону холодная. По моим оценкам, температура по ночам была не выше  $-35^{\circ}$  до самого 12 апреля.*

*После 25 марта верши для ловли рыбы, устроенные Ильёй, перестали работать, и с тех пор мы с мистером Бакстером питались мясом куропаток и зайцев, на которых ставили ловушки, и иногда отправляли припасы отряду мистера Фроста. Оленье мясо, когда мы могли достать любое другое, есть не хотелось.*

*11 апреля, когда запасы провизии мистера Фроста сократились до двухдневного рациона из бобов и оленины, он снова прекратил работу, и я приказал отряду расставить капканы.*

13-го числа на четырёх упряжках прибыл мистер Хардер и привёз пять оленей, четыре мешка муки, два мешка бобов, десять фунтов бекона и изрядный запас чая. Он привёз мне записку от лейтенанта Джереда Нортонa, в которой говорилось, что он не может нанять упряжки для поездки по Орловке и что запасы провизии в Пенжино сократились до двух мешков муки, ящика сухарей, десяти фунтов бекона, тридцати фунтов чая и ста фунтов сахара, и, поскольку он не упомянул оленей, я счёл само собой разумеющимся, что они тоже съедены. Эти люди пришли с мистером Хардером, чтобы отправиться к корякам на тех условиях, которые я сообщил им в Крепости. У них был запас еды для собак только на один день, поэтому я не мог просить их отправиться на Орловку с припасами для отряда мистера Нортонa; кроме того, было неясно, найдут ли они там мистера Нортонa или нет, поскольку он намеревался отправиться в Пенжино в случае, если в Орловке не окажется провизии.

Один из туземцев рассказал, что он знает точное место, где находится корякское стойбище, что у них много оленей на продажу, и что это всего в одном дне пути по хорошей дороге. Это был мой последний и единственный шанс раздобыть мясо, чтобы обеспечить отряд на весенний сезон, когда будет невозможно никуда ездить. Поэтому я начал готовиться к поездке, но меня задержала на два дня пурга.

Не доверяя даже на один день пути истощённым собакам, прибывшим из Крепости, я уговорил Илью поехать со мной. Я выдал отряду мистера Фроста по одному фунту муки на человека до моего возвращения и оставил лейтенанту Бакстеру распоряжение сделать то же самое с отрядом мистера Нортонa, если они вернутся.

Мы выехали рано утром 16-го, было ясно и тихо. Я взял с собой трёх из пяти оленей, которых Хардер привёз на корм собакам, а Илья дал нам в дорогу рыбы; я также взял трёхдневный запас сухарей и побольше чая.

Отряд мистера Фроста из шести человек съел одного из самых больших оленей за четыре приёма, так что вы можете сами судить об их размере и качестве.

Последняя пурга принесла много снега, и мы продвигались медленно, большую часть дня приходилось идти в снегоступах. Через тридцать миль разбили лагерь на северо-восточном ответвлении Алгана, примерно в десяти милях от того места, где мы ожидали найти коряков. Ночью с востока, как раз с того направления, в котором мы собирались идти, налетела сильная снежная буря. Тем не менее на следующий день мы продолжили путь и пришли к покинутому стойбищу коряков. Очевидно, они только что уехали, так как пурга не успела замести следы.

Затем наш проводник сказал, что мы найдём их на юго-восточной протоке, примерно в пятидесяти милях отсюда. Мы пошли по их следам и за ночь прошли всего около двадцати пяти миль, причём все были в снегоступах, прокладывая путь или помогая собакам. На следующий день пурга ещё больше усилилась, и по горным ущельям и перевалам понеслись такие плотные тучи снега, что упряжки встали и не могли сдвинуться ни на ярд. Я предложил по тридцать рублей каждому, кто отправятся на поиски коряков на снегоступах, а я останусь с упряжками, так как ослаб от диареи и не мог долго идти пешком. Они ответили, что если бы был хоть малейший шанс найти коряков во время пурги, они пошли бы и без оплаты.

На следующее утро наши запасы составляли уже одну рыбу и нескольких фунтов сухарей, корма для собак не осталось совсем, а пурга всё ещё бушевала, и мы не могли ни идти вперёд, ни оставаться на месте. Я неохотно повернул назад, в полной мере осознавая последствия того, что мы не добудем мясо.

В тот день мы прошли всего двенадцать миль, волоча за собой нарты, и, если бы не упряжка Ильи, нам пришлось бы бросить всё, что я взял для торговли с коряками.

В тот вечер мы доели остатки рыбы, а на следующее утро, несмотря на сильный снегопад, отправились в путь пораньше. Сначала наши снегоступы проваливались в мокрый снег на шесть дюймов, но к вечеру прояснилось, и снег затвердел, так что мы смогли добраться до станции в 10 часов вечера, пройдя за день пешком сорок миль.

Мистер Нортон и четверо его людей прибыли двумя днями ранее, двое других членов его отряда остались на Орловке, не желая никуда идти.

Через два дня после моего возвращения в Марково отправилась упряжка, и я послал с ней мистера Скаммона на снегоступах, чтобы он отправил нам трёх оленей, которые незадолго до этого привезли из Пенжино, а также поторопил с упряжками, как только они прибудут из Гижиги.

После этого работа остановилась. Отряд мистера Фроста заготовил двести пятьдесят столбов на Майне и тысячу девятьсот в лагере на Алгане; это вместе с тем, что мы сделали в прошлом году, и с тем, что мистер Нортон заготовил до моего приезда, составляет почти пять тысяч столбов. Мистер Фрост также сделал шесть отличных шестов для плота, каждое длиной в тридцать футов, и хорошую лодку для его сопровождения. Лёгкая лодка прекрасно подойдёт для постановки сетей и т.п.; такая лодка должна быть на каждом плоту.

Мистер Нортон, Бакстер и я привели в порядок наши ловушки, и то, что мы ловили в них, а также то, что давали нам Илья и Константин, плюс фунт муки в день, было достаточно в плане еды. В это время неподалёку от лагеря мистера Фроста проходило большое стадо оленей, и он убил трёх. Однако они были такими же, как и те, что мы получили из Пенжино, — маленькими, худыми и без жира, и пригодными в пищу только из-за отсутствия другого мяса. Я рассчитал, что моих запасов хватит до 1 мая, а к этому времени надеялся получить припасы из Гижиги по двум причинам: во-первых, потому что я знал, что вы поторопитесь с возвращением саней; и, во-вторых, мужчины из Марково и Крепости рассчитывали провести пасхальное воскресенье 28 апреля дома.

К 1 мая значительно потеплело, и снег стал быстро таять. Птицы улетели с реки в тундру, зайцы перестали попадаться в наши ловушки, а из Гижиги по-прежнему ничего не было. К этому времени у нас осталось семь зайцев и двадцать фунтов фасоли. Нужно было что-то немедленно предпринимать. Поскольку полагаться на куропаток и зайцев уже не приходилось, я решил отправиться в Марково.

Илья и Константин отправились в путь на следующий день, полагая, что сани из Гижиги уже в Марково, и что местные жители, по своему обыкновению, пьют чай и танцуют на пасхальной неделе. Я не верил, что сани из Гижиги уже прибыли, но я мог бы отослать оленей, за которыми посылал мистера Скаммона, или, при крайней необходимости, купить несколько лошадей из тех, что марковский священник держал на мясо.

Вечером 2-го мая я покинул станцию, взяв с собой одного зайца, два фунта хлеба (часть того, что я приберегал на крайний случай) и достаточный запас чая. Чая у нас всегда было в избытке, и, если бы не он, мы страдали бы гораздо больше, чем сейчас. К счастью, поездка была удачной, и половину пути я проехал в нартах. Без этого мне бы пришлось очень трудно, так как я был очень слаб и болен.

На следующий день, в 10 часов утра, всё население Марково вышло встречать нас, думая, что это упряжки из Гижиги — ни одна из них ещё не вернулась, хотя некоторые из них отсутствовали уже полтора месяца. Меня пригласили в дом Павла Мордовского (где, вероятно, было больше еды, чем у кого-нибудь ещё), и я съел на ужин грудку куропатки — это было всё, что я ел за сутки, за исключением чая и сухарей; моего зайца я отдал собакам.

После этого отправился к жене священника и предложил ей купить у неё лошадей. Они нужны были мне не только для еды, но и для того, чтобы доставлять столбы на берег реки для сплава, а позже чтобы распределять их по линии. Она не стала продавать их всех в отсутствие



мужа, так как, возможно, он уже продал их в Гижиге, но уступила бы мне одну на еду, если понадобится. Она смогла угостить меня только чашкой чая и маленьким кусочком чёрного хлеба и сказала, что, если упряжки не придут в ближайшее время, ей придётся зарезать лошадей для своей семьи. Жители в это время полностью зависели от своих рыболовных сетей, и если они не ловили рыбу один день, то на следующий оставались голодными. Поэтому я не мог раздобыть здесь никакой провизии, кроме конины.

На следующий день, 5-го мая, я отправил Илью и Константина с тремя оленями, отдав им половину того, что нашёл на складе, для их собак. Это поддержит голодный отряд в Майне всего на несколько дней, но Илья признался, что приберёт четырёх оленей для своей семьи на время паводка, и что в крайнем случае он отдаст их нам.

Вторник, 7 мая. Упряжки из Гижиги не прибыли, и я отправил двух человек с лошадью, которую купил, к тому же мне пришлось одолжить у Ивана Ермешкова из Крепости мяса на дорогу. Он был единственным, кто мог помочь мне с собачьим кормом на два дня для двух упряжек. Я послал записку мистеру Д.С. Нортону, чтобы он не убивал лошадь, если только его не вынудят к этому обстоятельства, так как мы могли бы использовать её для доставки брёвен на берег реки, когда начнём строить плоты. В пятницу вечером, в то время, когда я ожидал прибытия лошади на станцию, неожиданно вернулся один из мужчин, и сообщил, что они доехали только до Крепости и не могут двигаться дальше.

В то утро с устья Майна прибыли две упряжки, они искали нарты из Гижиги. Я знал, что на Майне у отряда должны были закончиться припасы, поэтому нанял эти упряжки, заплатив каждой по десять рублей, и, запрягши их в одни нарты, немедленно отправился в Крепость и приказал заколоть лошадь. Я собрал всех более-менее пригодных собак в Крепости в ещё одну упряжку и на следующий день отправил обе с мясом на Майн. В Крепости я нашёл двух человек из отряда мистера Фроста, которых он прислал сюда, думая, что, будет лучше разделить отряд. Они сказали мне, что со времени моего отъезда было поймано очень мало дичи.

Вечером я вернулся в Марково на снегоступах и застал там двух человек, только что прибывших из Пенжино, которые сообщили мне, что провизия доставлена туда за двадцать дней до этого; что у некоего американца в Пенжино есть хорошая упряжка собак, и, если хорошо заплатить, то можно раздобыть ещё две у местных жителей. Я сразу же принялся за работу, собирая собак для упряжки, подбирая их по всему селению, чтобы поехать в Пенжину, полагая, что, по всей вероятности,

нарты из Гижиги были летние, приспособленные для езды без снега, и потребуется ещё какое-то время, чтобы добраться до Пенжино, поскольку говорили, что снега в тех местах уже почти нет.

На следующее утро с Майна вернулись нарты с запиской от мистера Нортон, в которой говорилось, что когда привезли конину, у них оставался уже последний кусок мяса, и все они так ослабели от оленины, что едва могли двигаться.

Ловушки не работали, а гуси ещё не прилетели. Утром 18-го я собрал восемь суших скелетов, которые когда-то назывались собаками, а один человек, которому был очень нужен конский волос для рыболовной сети, дал мне за хвост 40 куропаток, которыми я собирался кормить собак.

Я уже был готов ехать, когда прибыли Илья с лейтенантом Бакстером и двумя другими, которые шли на снегоступах. Они сообщили мне, что конины хватит отряду всего на два дня.

Поскольку её было пятьсот фунтов, и она была очень жирной, я рассчитывал, что его хватит дней на двенадцать-пятнадцать. Вы можете представить себе, насколько она была вкусная, и как её ели, если она была единственным блюдом и её хватило десятерым мужчинам всего на шесть дней!

Я купил ещё одну лошадь и приказал немедленно её забить. Затем уговорил Илью поехать со мной в Пенжину и с радостью обменял своих тощих собак на его упряжку, а первых отправил на Майн с мясом.

Я написал мистеру Нортону, что должен заплатить за лошадь сто рублей, и он должен позаботиться о том, чтобы этого мяса хватило до моего возвращения. (К счастью, мне не пришлось платить эту цену, так как лошади были ранее куплены мистером Кеннаном в Гижиге по двадцать пять рублей.)

Мои припасы на дорогу до Пенжино состояли из четырёх небольших рыб, кусочка полуиспорченного оленьего мяса — таким меня могли накормить все местные жители — и куска конины, которую я приготовил сам.

Мы выехали из Марково той же ночью, 15 мая, а утром 17-го, в сорока милях от Пенжино, встретили несколько упряжек, возвращавшихся из Гижиги. Каюры рассказали, что вы выедете из Пенжино вечером и будете проезжать это место около полуночи.

Я задержался, ожидая вашего прибытия, до 8 утра следующего дня, когда подъехала ещё одна упряжка, и мне сказали, что вы задерживаетесь в Пенжино до полудня.

Поскольку они дали еды в дорогу для меня и собак, а также поскольку пять нарт с нашими припасами направлялись в Марково, я повернул

*назад и добрался сюда утром 19-го, настолько больной, что едва держался на ногах. На следующий вечер я отправил лейтенанта Бакстера с двумя лучшими упряжками, какими нашлись, с провизией для отряда на станцию Майн, а утром 21-го был сменён вашим прибытием.*

*Я слишком плохо себя чувствую, чтобы уделить этому отчёту должное внимание, и только по вашей настоятельной просьбе предоставил вам это простое изложение фактов.*

*С глубоким уважением, ваш покорный слуга*

*К.Л. Макрей*

Вышеприведённый отчёт, представленный в точности так, как его предоставил Макрей, не требует никаких объяснений, за исключением, возможно, информации, полученной им в Марково, относительно прибытия в Пенжину некоего американца с припасами и собственной собачьей упряжкой 20 апреля или около того.

Без дальнейших объяснений можно было бы объяснить это небрежностью со стороны Нортон, исполняющего обязанности квартирмейстера в Пенжино, в том, что он не обеспечил сохранность саней, о которых говорилось, и доставку этих припасов, но справедливость по отношению к Нортону, за чьи напряжённые усилия по закупке и отправке припасов я всегда буду ему глубоко благодарен, требует, чтобы я пояснил что американец, о котором шла речь, был мистер Сэнфорд и что запас провизии у него был настолько мал, что он не мог поделиться и фунтом, не подвергнув опасности себя и своих спутников.

Правда, у него была упряжка собак, и, возможно, удалось бы найти ещё одну или две, но, даже если бы в Пенжино были припасы на случай непредвиденных обстоятельств, корма для собак там не было, за исключением небольшого запаса оленьего мяса, который нужно было привезти с собой из Пенжино. Этого, само по себе, было достаточно, чтобы прокормить упряжки во время их поездки до Майна и обратно, и это было бы больше, чем животные могли тащить в своём слабом состоянии, даже без другого груза. Сэнфорд использовал все возможности для доставки припасов, и, если бы всё, что он посылал, достигло места назначения на реке Майн, у тамошнего отряда не было бы причин для беспокойства.

Позже, наведя справки, я выяснил, что на Майне было получено немногим более половины оленей, отправленных из Пенжино. Остальное было присвоено каюрами для своих семей.

## ГЛАВА XXXII

Нижеследующие выдержки из отчёта Нортон о том, как он сам и его отряд действовали после отъезда на Майн из Анадырска в начале февраля, дадут некоторое представление о трудностях, связанных со строительством телеграфной линии в Арктике, когда для этого не было ничего, кроме топоров и решительности сделать это. Эти люди проявили столько усердия и претерпели столько лишений, если не настоящих страданий, при выполнении порученной им работы, что едва ли было бы справедливо не проследить за ними хотя бы часть их трудового пути.

Нортон в компании с Мейсоном, Несбитом, Смитом, Колберном и Скаммоном выехали из Марково с провизией 9 февраля. В своём отчёте он сообщает:

*В первый день мы доехали до Крепости, а на следующее утро двинулись дальше, к станции Майн. В первый день пребывания в Марково термометр показывал  $-48^{\circ}$ , но, поскольку у нас была жирная и обильная еда, мы не испытывали особых неудобств от этого кажущимся экстремальным холода. Утро 10-го февраля было, казалось, несколько теплее, по крайней мере, мне, поскольку я всё утро шёл в довольно лёгкой одежде; но когда в полдень мы остановились попить чая, я обнаружил, на самом деле холодно, просто я не чувствовал этого из-за интенсивной ходьбы. Когда после чая мы снова двинулись в путь, я обнаружил, что едва могу согреться, сидя в нарте в толстой меховой одежде.*

*Мы ехали почти до захода солнца, преодолев лишь половину расстояния между Крепостью и станцией, и разбили лагерь на берегу протоки, где было много сухих дров. Это была, вероятно, самая холодная ночь, когда-либо проведённая на открытом воздухе кем-либо из сотрудников Компании, поскольку температура была всего на полградуса выше самой низкой температуры, которую наблюдал доктор Кейн в своей арктической экспедиции (по его наблюдениям было  $-56^{\circ}$ , а по нашим  $-55,5^{\circ}$ ).*

*Даже при таком сильном морозе туземцы-каюры безмятежно спали в своих меховых куклянках на открытом воздухе. Я не спал, подбрасывая в огонь сухие дрова, которые мы собрали вечером.*

*Я разбудил мужчин в половине второго ночи; они заварили чай, сварили оленину, из которой мы приготовили завтрак с сухарями, и отправились в путь около 3:30 утра.*

*Избежать обморожений было трудно, и у некоторых, несмотря на все меры предосторожности, пострадали пальцы рук, ног, уши и носы. Ветер был очень слабым и дул в том направлении, куда мы направлялись, — на юго-восток.*

*Мы прибыли на станцию около трёх часов дня 11-го числа и обнаружили, что дом непригоден для жилья, представляя собой не что иное, как просто загородку из брёвен. Тем не менее, мы немедленно принялись за работу, насыпали снега снаружи, чтобы защититься от ветра, а внутри развели огонь в кухонной плите. Но там поселились только двое, остальные устроились поудобнее в маленькой хижине туземца, живущего недалеко от станции.*

*13-е число было всецело занято заделыванием щелей в доме, в котором я провёл вторую ночь, не имея возможности заснуть из-за сильного холода, который всё ещё колебался от  $-46^{\circ}$  до  $-54^{\circ}$ .*

*14-е, 15-е и 16-е были потрачены на то, чтобы закрыть дом оленьими шкурами и построить чумал. Закончив всё это, мы начали чувствовать себя более или менее комфортно.*

С этого времени и до 7 марта, когда прибыл мистер Макрей, чтобы взять на себя руководство станцией, группа мистера Нортон строила небольшой склад и рубили деревья вокруг станции для изготовления столбов. Погода была всё ещё очень холодной, и многие из отряда получили обморожения, но не очень серьёзные.

В такой сильный мороз было очень тяжело рубить мёрзлую древесину, но, вопреки ожиданиям, лезвия топоров не получали зазубрин, хотя топорщица из дерева гикори разлетались на куски от сотрясений при рубке. Сильный холод, вместо того чтобы делать металл топоров хрупким, производил, по-видимому, противоположный эффект, хотя, возможно, это можно объяснить насыщенностью воздуха электричеством, которое проникало в металл.

13 марта Нортон и его спутники отправились со станции, чтобы нарубить столбы и распределить их вдоль реки Майн по направлению к Пенжино. Их снаряжение состояло из пары брезентовых палаток, десятидневного запаса еды и нарт (без собак), на которых можно было перевозить грузы из одного рабочего лагеря до другого и распределять столбы по маршруту линии. В первый день Илья со своими собаками помогал им перетаскивать припасы и обустривать их первый рабочий лагерь примерно в четырёх милях от станции. Этот великодушный чуванец существенно улучшил их питание, снабжая их прекрасной подлёдной рыбой.

К 23-му числу отряд нарубил и распределил столбы до Утёса Изыскателя, примерно на двадцать миль, используя три рабочих лагеря, названных №1, №2 и №3. Всё это время стояла ясная и очень холодная погода, и их запасы провизии были пополнены двумя оленями, присланными со станции. Записи Нортонa гласят далее следующее:

*Суббота, 23-е число. Сегодня утром ещё холоднее. Все сходятся во мнении, что это самая холодная погода за всю зиму. Мы собирались сегодня с утра переносить лагерь, но из-за сильного холода не сделали этого. Мы предполагаем, что сейчас  $-45^{\circ}$ , так как у нас в палатке замёрз бренди.*

*Понедельник, 25 сентября. — Холоднее, чем вчера. Прошлой ночью никто из нас не спал. Во время завтрака у большого костра нам пришлось согреть жестяные миски руками, чтобы в них не замерзала пища.*

*Поскольку наши запасы были почти на исходе, мы решили покинуть лагерь №3 и разместиться на станции. Мы сложили в палатки то, что не могли унести с собой, взяв с собой еды на два дня и оставив примерно столько же. Каждый взял часть провизии, мы надели снегоступы и отправились на станцию, расположенную в двадцати милях. Туда мы прибыли в три часа дня, весьма уставшие, так как почти не спали в течение пяти ночей. К нашему большому удовлетворению, из Марково только что прибыли упряжки с провизией.*

По возвращении Нортонa в Марково отправился Макрей, оставив его за главного на станции.

2 апреля отряд снова вышел на работу и, добравшись до своего последнего лагеря, обнаружил всё оставленное в порядке, за исключением нарт, на которых лисы изгрызли кожаные ремни.

На следующий день они разбили новый рабочий лагерь, №4, в пяти милях далее.

*По-прежнему очень холодно и ясно. 6 апреля Мэйсон так сильно отморозил ноги, что едва смог вернуться в лагерь.*

*Среда, 10-е. — Очень холодно. Признаки приближающейся пурги. Решено взять одного человека и отправиться к устью реки Орловки, чтобы посмотреть, не прибыли ли туда какие-нибудь нарты с провизией из Пенжино.*

*Четверг, 11 сентября. — Сегодня утром мы с мистером Смитом отправились на снегоступах на Орловку. Прибыли к реке около трёх часов*

дня; никаких признаков того, что там кто-то был не обнаружили. Установили указатели, чтобы направить проезжающих в наш лагерь, если они появятся.

Здесь мистер Нортон обнаружил множество следов куропаток, и, поскольку припасы у него заканчивались, решил перевезти сюда свой отряд и попытаться прокормить их дичью, пока из Пенжино не придут сани с припасами. 12 апреля они прошли пятнадцать миль, таща за собой снаряжение, а на следующее утро, после бессонной ночи из-за сильного холода, продвинулись ещё на четыре мили и неожиданно вышли к реке. Даже на этом коротком расстоянии они были вынуждены остановиться и развести костёр, чтобы согреться.

В отчёте Нортон пишет:

*Я велел мужчинам развести ещё один костёр, а сам отправился на поиски подходящего места для лагеря и нашёл его примерно в двух милях от того места, где мы вышли к реке, на острове, где было укрытие и много дров. Пока никаких признаков нарты. Я послал мистера Смита за нартами и людьми, а сам развёл костёр и начал разгребать снег для лагеря. Мы все страдали от снежной слепоты, так что я почти ничего не видел. Пока отряд разбивал лагерь, мы с мистером Смитом начали мастерить и устанавливать ловушки. До полудня мы поставили их шесть и установили ещё указатели, чтобы направить нарты к нашему лагерю.*

*Воскресенье, 14 сентября. — Сегодня утром в силки попали две куропатки. Изготовили и поставили ещё тринадцать ловушек. Признаки приближающейся пурги; мы нарубили кустарника и воткнули его с трёх сторон лагеря, чтобы защититься от ветра. Ночь была ненастная, но не так уж холодно, выпало два дюйма снега. На ужин съели последнюю порцию бобов; у нас есть немного оленины, сухари, около трёх фунтов сахара и чай.*

*С 12-го по 17-е число отряд стоял лагерем у устья Алгана, ожидая нарты из Пенжино. Они поставили ещё несколько ловушек, и наловили множество куропаток; в конце концов, не видя никаких упряжек, они решили добираться до станции сами. Двое из них, Колберн и Несбит, не захотели идти с таким небольшим запасом провизии, предпочитая остаться и попытаться наловить ещё куропаток. В это время все страдали от снежной слепоты.*

*17 апреля. Смит, Бертон, Мэйсон, Скаммон и я отправились этим утром из лагеря на станцию, после очень скромного завтрака из оленины и сухаря на каждого. Расстояние составляло около пятидесяти*

миль. Мы взяли в дорогу только по три сухаря, немного сахара и чая, и, попрощавшись с Колберном и Несбитом, отправились в путь, рассчитывая добраться до станции за один день. Вскоре поднялась пурга со снегом и ветром, все ориентиры были потеряны; но, к счастью, мы смогли добраться до места, где мы рубили деревья и распределяли столбы для линии. Теперь у нас были хоть что-то, что указывало нам путь сквозь шторм, который не только продолжался, но и становился всё яростнее. Мы добрались до лагеря №5 около полудня, заварили чай и съели по сухарю. К этому времени буря немного утихла, ненадолго выглянуло солнце, и мы понадеялись, что больше не будет проблем с тем, чтобы придерживаться верного направления. Но вскоре пурга разразилась с ещё большей силой и заставила нас опять сбиться с пути и сделать крюк мили в три.

Снова выйти на линию нам удалось сделать ближе к закату. Порядком уставшие, мы снова заварили чай и съели по сухарю, по-прежнему намереваясь добраться до станции, до которой оставалось ещё около восемнадцати миль. Мы снова двинулись вперёд и прошли довольно много. До этого я шёл впереди, прокладывая путь, но теперь почувствовал сильную усталость, поэтому отступил назад и позволил идти вперёд Мейсону, который прокладывал путь всего две-три мили, а затем уступил Бертону. Мы нашли, что чай и сухари не очень хороши для усталых мышц. Быстро сгущалась ночь, а мы всё ещё были примерно в двенадцати милях от станции. Теперь мы скорее брели, чем шли, и скорее чувствовали, чем видели дорогу. Иногда шли по тропе, иногда сбивались с пути и с трудом тащились по глубокому снегу.

Около 10-ти вечера мы прибыли в лагерь №2 и уже не в состоянии были идти дальше. Мы остановились на ночь и с большим трудом развели костёр. Мы также пытались соорудить укрытие из кустов, чтобы защититься от ветра, но нам удалось это лишь отчасти, так как ветер переменился, и толку от укрытия было мало. Вскоре вскипел чай — это истинно сибирское утешение — и немного согрел нас. Мы улеглись за укрытием из кустов, но не для того, чтобы спать, так как во сне можно замёрзнуть насмерть.

Полежав около часа, я разбудил мужчин, и мы отправились на поиски дров. Мы нашли много сухого валежника поблизости, и вскоре развели хороший костёр и сидели вокруг него, обсуждая шансы найти что-нибудь, что удовлетворило бы наши пустые желудки, и нетерпеливо поглядывая на восток на первые проблески приближающегося рассвета. Около трёх часов утра он окончательно наступил, и мы сразу же приступили



к приготовлению завтрака, который состоял в этот раз из чая «натурального, без добавок». Выпив его, мы приготовились к последней попытке добраться до станции.

Сегодня нам предстояло преодолеть самый трудный участок пути, на котором надо было преодолеть ряд глубоких оврагов. Мы пробирались по заснеженной тропе, спотыкались, падали и помогали друг другу подняться. Однако сознание того, что мы находимся всего в нескольких милях от станции, поддерживало наши силы. Мы достигли лагеря №1 когда было уже совсем светло и легли немного передохнуть перед последним рывком. Я убедил мужчин отдохнуть совсем немного, так как знал, что чем дольше мы будем лежать, тем меньше у нас будет желания вставать. Через несколько минут мы уже снова были на ногах. Теперь мы пустились вперёд Скаммона, так как он казался менее измученным, чем кто-либо из нас, поскольку имел преимущество идти сзади, где тропа была полностью утоптана. Так мы добрались до станции около 7 часов утра, через двадцать четыре часа после того, как покинули устье Орловки. Если бы расстояние было хотя бы на двадцать миль больше, я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас дошёл. В конце пути некоторые из нас не смогли подняться на берег реки без посторонней помощи.

На станции мы были рады узнать, что за пару дней до этого из Пенжино прибыл запас провизии. Я остался здесь до возвращения лейтенанта Макрея и послал Илью и Константина с упряжками за Колберном и Несбитом. Они не сильно страдали от голода, так как смогли поймать достаточно куропаток, чтобы прокормиться. Через несколько дней я снова послал каюров привезти снаряжение, оставленное в рабочем лагере, что они и сделали.

Я воспользуюсь случаем, чтобы обратить ваше внимание, а через вас и сотрудников Компании, на многочисленные и бескорыстные услуги, которые мы неоднократно получали от Ильи. Часто у нас не оставалось ни крошки еды, и он присылал нам в подарок рыбу или оленину. Лично я всегда буду благодарен ему за ту помощь, которую он неизменно оказывал нам в трудную минуту.

С глубоким уважением,

Д.С. Нортон.

Но самое тревожное время отряд на Майне испытал уже после этого. У них никогда не было так, что провизии не было вообще, хотя иногда еды оставалось всего на один день, но благодаря своевременному прибытию припасов из Марково, подарков от Ильи или удачному улову в силках их запасы снова увеличивались. Но эти случайные и ненадёжные

источники вкупе с тревожным и устрашающим предчувствием голода, которые они время от времени ощущали, вызывали у них сильное беспокойство, и вся компания впала в уныние. Оно значительно усиливалось слабостью и вялостью, вызванных болезнью, которой страдали почти все они.

Задержка саней с провиантом из Гижиги, вызванная сильными штормами, которые неделями безостановочно бушевали на побережье Охотского моря, была крайне досадной. Добравшись до Пенжино и обнаружив, что первые возвращающиеся упряжки всё ещё там, я весьма обеспокоился безопасностью майнского отряда, и только прибыв в Марково, встретив Макрея и узнав, что им удалось спастись, у меня, наконец, отлегло от сердца.

22 мая Бакстер, который отправился на Майн с припасами сразу же после прибытия саней, вернулся в Марково, так как не смог добраться до станции из-за таяния льда в протоках.

Поскольку все наши припасы были теперь в Марково, а по нынешним дорогам было легче привезти людей с Майна, чем перевозить туда провизию, я немедленно отправил достаточное количество упряжек под командованием Лавмана, семнадцатилетнего парня из марковского отряда. Лавману не терпелось поехать и проверить свои способности в управлении собаками, поэтому я поручил ему упряжку, которую приобрёл в Пенжино у Сэнфорда, и он отбыл вместе с остальными.

В час ночи 26 мая мы были разбужены появлением Лавмана, вернувшегося с Майна, вид у него был жалкий и измученный, а лицо печальное, но, несмотря на это, мы откровенно засмеялись. На нём было всего два предмета одежды — пара старых меховых носков, доходивших ему чуть выше щиколоток, и старая кухлянка, вывернутая наизнанку и лохмотьями свисавшая с плеч до голых колен. Голова была непокрыта, волосы растрёпаны, а на перепачканном усталом лице в ответ на наш смех засветилась его обычная добродушная улыбка.

— Ну что ж, Лавман, вот ты и вернулся; но выглядишь так, словно тебе несладко пришлось. — сказал Макрей.

— Это если бы вы видели меня вчера в тундре, то сказали бы, что мне нелегко... я уже, честно говоря, думал, что мне пришёл конец... я там видел то, что больше всего боялся... там медведь сидел и смотрел на меня так, словно гадал, съедобен я, или не очень. Я тогда подумал, что вот это правда всё — пропал. Я попытался заставить своих собак бежать, но они не слушались, и тогда я решил сам убежать, а их бросить. Но медведь не выглядел очень голодным, да и не двигался, так что я тоже остался на месте. Но через нескольких минут я увидел второго, и тогда подумал,

что у них тут, может быть, гнездо? Этот был крупнее первого, и, увидев меня с собаками, сел на задние лапы и рывкнул так, что мои собаки тут же рванули с места, а я только успел заскочить в нарты и был очень рад, когда зверюги скрылись из виду. Видели бы вы меня! Я дрожал как осиновый лист, и после этого всё, что я видел, казалось мне медведем.

— Но где же были другие упряжки? — спросил я.

— Ой! да они уехали на Майн. Я их не видел два дня — забыл об этом сказать. В первый день нашего пути я ехал позади других нарт, потому что мои собаки не спешили, и я подумал, что им нравится ехать позади остальных. Я с ними прекрасно ладил, пока нам не пришлось продираться через густые заросли — примерно полмили, — и тогда некоторые собаки побежали с одной, а некоторые с другой стороны деревьев и запутались в них. Я думал, что никогда не проберусь через этот лес! Но мало-помалу всё-таки проехал, и тогда никаких упряжек поблизости уже не было видно; и, что самое плохое, снежный наст был таким твёрдым, что на нём не оставалось никаких следов, да я ещё плохо видел. Но тундра там вся в оврагах, поэтому я подумал, что другие упряжки не могли уйти далеко. Но я бродил всю ночь и не смог их найти. Вскоре я так заблудился, что уже не знал, в какую сторону идти, настолько там всё одинаково во все стороны.

— И что ты потом делал?

— Потом я проголодался и остановился, чтобы заварить чай, но забыл взять с собой спички, так что у меня не было ничего съестного, кроме шести сухарей, которые я положил в карман, чтобы перекусить в дороге. Вся остальная еда была в других нартах. Я не знал, в какую сторону ехать, поэтому позволил собакам бежать куда им заблагорассудится, а сам прилёг в нартах вздремнуть, а когда проснулся, то не мог понять, день сейчас или ночь, так светло было всё время. Вот тут-то я и увидел медведей. После этого я ещё хуже проголодался и съел все свои сухари, а больше у меня ничего не было, поэтому я просто гнал собак, надеясь, что мы куда-нибудь приедем, но этого не случилось, а, что ещё хуже, мы провалились сквозь лёд на озере, и я промочил всю свою одежду; мне пришлось снять её и положить сушиться на нарты, а потом надеть снова и завернуться в одеяла, чтобы не замёрзнуть. Я тогда был сильно напуган. Я почти умирал с голоду и потерял всякую надежду найти Марково и вообще быть найденным, и мои собаки тоже были голодные и устали. Потом я думал о том, что могу умереть с голоду, и эта мысль мне не понравилась. Лучше бы я никогда не слышал об этой экспедиции. Потом я заснул, а следующее, что я помню, — это то, что вокруг меня упряжки, которые едут с Майна.

Такова история Лавмана, которую он рассказал. Без сомнения, шансы бедного мальчика на жизнь были очень малы, и то, что его вообще нашли, было чистой случайностью. Он был один почти три дня.

Другие сани, следовавшие на Майн, хватились Лавмана только к ночи, и тогда отправились на его поиски, стреляли из ружей, кричали и тому подобное. Но были вынуждены продолжить путь без него, думая, что он вернулся в Марково.

25-го числа, когда они возвращались, снег в тундре был мягким, собакам было труднее тянуть нарты, и они непрерывно лаяли. Эти звуки и спасли Лавмана, так как привлекли внимание его собак, которые помчались в том направлении, откуда доносился лай.

Каюры были очень удивлены, увидев вдали приближающуюся упряжку, особенно потому, что погонщика не было видно, а когда они узнали в собаках упряжку Лавмана, удивление сменилось тревогой. Нарты поравнялись с ними, но в них не было никакого движения, люди подбежали к ним и, сбросив оленьи шкуры, обнаружили Лавмана, который как раз проснулся. Это была радостная и неожиданная встреча для всех, особенно для Лавмана, который уже оставил всякую надежду на спасение. Он вообще подумал, что это был сон, и некоторое время не смел поверить своим глазам.

Узнав о том, что в Марково их ожидает немалый запас провизии, люди отряда на Майне воодушевились настолько, что все, чей срок службы истекал этой весной, заключили новые контракты остаться ещё на год. Теперь они смеялись над своими прошлыми страхами, и многие заявляли, что всегда предпочитали конину оленине. Вскоре после того, как у них снова не осталось припасов после тех последних упряжек, Фрост уже собирался убить собаку и намеревался выдать её своим людям за зайца, если немедленно не придут нарты с провизией.

Теперь в Марково у нас было достаточно чая, сахара, муки, риса и бобов, чтобы продержаться до 15 июля, когда суда наверняка придут в устье реки, и достаточно бекона, чтобы прокормить людей во время половодья, после чего можно будет добывать оленей и рыбу.

Останки бедного Робинсона до сих пор покоились в сугробе у Телеграфного Утёса. Я намеревался раздобыть сани и отвезти их на станцию в устье реки для погребения, но это оказалось абсолютно невозможным. Поэтому я предложил, как только пройдёт половодье, взять карбас и отправиться с этой целью вниз по реке.

Прибытие гижигских упряжек ознаменовало собой перемену в настроении жителей, и они принялись за танцы и застолья. Теперь они

были обеспечены почти всем необходимым, кроме корма для своих собак. Бедные животные всё ещё находились в самом плачевном состоянии, многие из них уже питались только своими мёртвыми товарищами. Нам приходилось прятать всё съедобное, включая меховую одежду, и даже поставить деревянные решётки на окнах так как некоторые собаки научились залазить через них внутрь и уносить всё, что могли съесть.

Эта весна была повторением предыдущей: долгие дни, красивые полуденные закаты, прилёт водоплавающих птиц и, наконец, грандиозный ледоход на реках, который прошёл на несколько дней раньше, чем в прошлом году. Тогда река вскрылась только 6 июня, а в этот день в этом году она была уже достаточно свободна ото льда, чтобы наш отряд мог отправиться из Марково со всеми припасами на станцию на Майне.

Мы пошли по Майнской протоке на трёх карбасах, остановившись на первую ночь в Крепости, а на вторую разбили лагерь недалеко от слияния протоки с рекой Майн. На нём мы столкнулись с мощным течением — настолько сильным, что не могли бороться с ним на вёслах и были вынуждены тащить лодки на буксире. Это был очень медленный и утомительный способ передвижения, да и не очень приятный, поскольку немалую часть пути мужчинам приходилось идти вброд.

По мере того как мы продвигались вверх по течению, нам стали попадаться жилища туземцев, которые пришли сюда раньше нас, чтобы охотиться на оленей на переправах. В одном из таких мест вдоль берега тянулись помосты из жердей, которые были буквально чёрные от сохнувшего на них мяса, а в воде, привязанные к берегу, плавали около полусотни только что убитых копьями оленей, ожидавших, когда их разделают. На этой переправе туземцы убили уже сто двадцать животных. Это было новое зрелище для многих из нашего отряда и уж точно очень радостное для самих туземцев.

В самом деле, везде, где мы их видели, они только и делали, что оленье ели мясо, и, когда мы приближались, радостно указывали на груды его, крича: «Смотрите, барин, мы теперь больше не будем голодать!»

Время от времени мы видели плавающие у берегов белые туши оленей, привязанные к берегу и прикрытые кустарником, чтобы защитить их от солнца. Так они будут храниться много дней, и лёгкий изысканный «душок» не испортит их вкуса. В этих местах было убито уже несколько сотен этих животных.

Майн здесь очень извилистый, с крутыми поворотами и множеством протоков. Гуси тысячами кишели на его низких илистых берегах. При

нашем приближении они поднимались в воздух, заслоняя солнце и заполняя всё вокруг вибрирующим шумом, издаваемым хлопанием их крыльев, и пронзительными криками. Других водоплавающих птиц тоже было великое множество. Прямо над нашими головами проносились стаи уток всех видов, издавая характерное жужжание, а в вышине слышались трубные крики лебедей, медленно проплывающих парами вниз по долине.

В трёх-четырёх милях от станции Майн мы обнаружили временное стойбище Ильи. В этом месте, чуть ниже большой излучины, мы столкнулись с более сильным течением, чем где-либо ещё. С величайшим трудом удалось протянуть по нему на буксире наши лодки, да ещё берега были высокими, крутыми и поросшие кустарником — по таким трудно идти буксирной команде. Двум другим карбасам, которые следовали за нашим, удалось без особого труда миновать это опасное место, но когда мы прошли на буксире примерно половину пути вверх, наш ремень из тюленьей кожи не выдержал, и, прежде чем двое из нас смогли выгребсти к берегу, карбас далеко унесло течением. Буксир снова привязали, и на этот раз мы прошли это место.

Это происшествие, хотя и будничное само по себе, было причиной того, что мы стали свидетелями очень необычного и выразительного зрелища, которое пропустили другие лодки. На противоположном берегу у Ильи и ещё одного туземца был шалаш из веток, из которого они постоянно следили за переходом оленей через реку. Увидев нашу лодку, Илья присоединился к нам на своей ветке в том месте, где в течении был водоворот, в полумиле выше шалаша.

Он сообщил нам, что они с Константином уже убили более двухсот оленей. Если кто-то из туземцев и заслуживал удачи, так это Илья, потому что это был самый бескорыстный и щедрый человек, которого мне когда-либо посчастливилось встретить. Мы поговорили минут пятнадцать, а затем двинулись дальше, он поплыл обратно через реку, но не успел отплыть и на нескольких ярдах, как остановил свою ветку и жестом велел нам тоже остановиться. Через мгновение на повороте, ярдах в ста впереди, показался крупный самец оленя и, окинув взглядом реку, немедленно повернул обратно в лес. Ширина реки в этом месте составляла около пятисот ярдов. Илья тут же поспешил на ту сторону и остановился у подножия крутого обрыва, недалеко от того места, где олени, переплывая реку, должны выходить на берег, так как почти на протяжении трёх миль берег был высоким и обрывистым, и это было единственное место, где они могли выбраться на сушу. Мы подождали несколько минут и, так ничего и не увидев, уже двинулись было дальше,

но Илья снова жестом попросил нас подождать. В следующую минуту, прямо перед нами, от сорока до пятидесяти прекрасных оленей грациозно вошли в реку и поплыли, направляясь прямо к ветке Ильи. Это было прекрасное зрелище — наблюдать, как они бесшумно скользят по реке плотным строем, а их широкие ветвистые рога плавно покачиваются в такт движению волн! Как бы то ни было, мы не могли не испытывать к ним некоторой симпатии. Ничего не подозревающие существа постепенно приближались к обрыву, под которым мы могли видеть Илью, сидящего в своей ветке, неподвижного, как скала, с длинным лёгким копьём на плече и крепко сжатым в руке веслом, готового быстро перенестись в самую гущу стада. Тем временем мы увидели, как Константин спустил свою ветку с берега под смотровым шалашом в полумиле ниже и, пригнувшись, быстро заскользил вверх по течению, прижимаясь к берегу, чтобы избежать обнаружения; но он опоздал, потому что теперь олени были уже в нескольких ярдах от Ильи. Внезапно всё ожило. Блестящие на солнце лопасти его весла осыпали ветку градом искрящихся капель; она рванулась вперёд, и уже через мгновение длинное копьё с удивительной быстротой наносило смертельные удары в самую гущу застигнутого врасплох стада. Прежде чем они успели опомниться, копьё пронзило двадцать три из них; остальные ринулись в разные стороны, некоторые продолжили свой путь, а около дюжины направились обратно через реку прямо к нашему карбасу. Мы быстро схватили из лодки три наших карабина и выпрыгнули на берег как раз в тот момент, когда первый олень ступил на сушу в ста футов от нас. Я вскинул оружие и, хорошенько прицелившись, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало, и олень спокойно пробежал мимо меня и исчез в лесу. Я прицелился в двух других таким же образом, с очень близкого расстояния, но курок моего ружья так и не сработал, так как заржавел по пути в лодке. Мои спутники добились не большего. У нас в руках было целых три заряженных карабина, и всё же пять оленей безо всякого ущерба для себя пробежали так близко от нас, что едва не обрызгали, когда выбирались на берег. Я не буду и пытаться описать наши переживания; достаточно сказать, что, на мой взгляд, это был один из тех случаев, когда мужчине можно простить, если на мгновение эмоции возьмут над ним верх.

Но другие олени всё ещё плыли в нашу сторону, и я предпринял отчаянные попытки разрядить ружьё выстрелом, чтобы быть готовым к встрече с ними. Наконец мне это удалось, пуля, не причинив никому вреда, перелетела через реку, и я перезарядил ружье. К этому времени три других оленя были уже на расстоянии броска камня, они неспешно

выбрались на берег и убежали в лес прямо перед дулами наших ружей, которые опять не выстрелили. Это было невыносимо! И я снова перезарядил ружьё, когда стрелять было не во что, и сделал это как раз вовремя, чтобы уложить последнего из пяти оленей, которые плыли в нашу сторону. Мы все были слишком разочарованы, чтобы радоваться столь незначительному «триумфу», и, имея в своём карбасе достаточный запас мяса, оставили убитого оленя лежать там, где он упал, чтобы Илья мог им воспользоваться.

В дополнение к двадцати трём заколотым копьями, три других были пойманы в силки, подвешенные над тропинкой, которая вела вверх по берегу. Эти силки представляли собой просто петли из кожаных ремней, в которых запутывались олени рога. Если бы Константин вовремя заметил стадо и помог в охоте, никто не смог бы убежать.

Во время ожидания оленей на переправе местные жители всегда соблюдают величайшую тишину. Они могут целыми днями не разводить костра, если ветер дует в сторону, откуда ожидаются олени. Запах дыма часто заставляет их возвращаться и искать другую переправу.

Мы прибыли на станцию Майн 10 июня в 10:30 вечера. 12-го числа, сделав необходимые приготовления к сплаву на плоту, мы с Джерedom Нортоном и Иваном Ермешковым, уроженцем племени ламутов, покинули станцию и направились в Телеграфному Утёсу на Анадыре, чтобы забрать останки Робинсона и предать их земле на станции в устье.

Иван, наш спутник-туземец, проявил себя как надёжный товарищ во время наших зимних невзгод. В прошлом году он уже был одним из членов нашей команды на плоту.

### ГЛАВА XXXIII

Для нашего путешествия на лодке по Анадырю мы взяли самый малый из трёх карбасов, на которых отряд добирался из Марково. Это было старое судно, не очень безопасное, но для спокойного речного плавания вполне, по нашему мнению, подходило. Поскольку нам предстояло плыть всё время по течению, мы могли делать это и днём, и ночью, если позволит погода, а если она слишком плохая, мы могли позволить себе время от времени останавливаться. Не желая сокращать запасы провизии на станции Майн, мы ограничились сухарями, чаем и сахаром, полагая, что, без сомнения, сможем добыть мясо и рыбу в стойбищах туземцев по реке.

В 11:30 утра 12 июня наша лодка отчалила от берега, и путешествие началось. Иван взялся за вёсла, а я был рулевым. Во время плавания мы



по очереди садились за вёсла, за рулевое весло или отдыхали. Мы ненадолго остановились у Ильи, чтобы перекусить оленьими языками, свежим и вяленным мясом, а затем продолжили наш путь до 10 часов вечера, когда разбили нашу брезентовую палатку на восточном берегу Майна, чуть ниже устья Майнской протоки.

На следующий день было довольно ветрено, но мыплыли до 9 часов вечера и разбили лагерь на острове. 14-го весь день шёл сильный дождь, поэтому мы отправились в путь только вечером. С этого дня мыплыли почти непрерывно, днём и ночью, до самого прибытия к устью реки Белой, лишь время от времени останавливаясь на островах, чтобы поискать гусиные и утиные яйца. Мы находили их в огромном количестве, но из нескольких сотен, по нашим понятиям, годилось в пищу едва ли одно, хотя у Ивана было своё мнение на этот счёт.

В устье Белой мигрирующих оленей добывали старый Аврам и несколько его спутников. Он был в таком хорошем настроении, что нам даже удалось рассмешить его, вспомнив, как он перевернул свою ветку в Вакарьевой протоке, испугавшись «злого духа».

Договорившись с этими туземцами о снабжении наших людей на плотах свежим мясом, когда они будут проходить мимо, мы продолжили наш путь, остановившись у старой деревянной сторожевой башни немного ниже устья Белой. Много лет назад на этом месте стояло русское селение. Тогда на башне постоянно стоял часовой, который следил за приближением отрядов враждебных чукчей. Это сооружение представляло собой не что иное, как небольшую помост, установленный на четырёх столбах примерно в двадцати пяти-тридцати футах над землёй. Башня была очень старой, вся покрылась мхом, и имела такой обветшалый вид, что мы не осмелились подняться на неё.

Наш воинственный чукча Янденкай к тому времени, как мы добрались до этого места, уехал из Утёсиков, так что мы его не видели.

В юрте «Одинокий курган», между Утёсиками и Чикаево, весьма бесцеремонно поселился медведь. Его подстилка из веток находилась у самого входа, но Его Светлости не оказалось дома, и, не имея времени дожидаться его возвращения, мы двинулись дальше. Наконец мы подошли к юрте Телеграфного Утёса, но не без чувства тревоги. К этому времени снег в тундре полностью растаял, и мы боялись, что обнаружим, что останки растащены зверями. Когда мы приблизились, единственным признаком жизни, который попался нам на глаза, была одинокая сорока, сидевшая на коньке хижины и разглядывающая то, что осталось от нашего друга. Как только лодка коснулась берега, мы бросились

вверх по берегу к хижине и, к нашему великому удивлению и облегчению, обнаружили тело в том же виде, в каком его оставили Макрей со спутниками, за исключением того, что исчез снежный покров. Ветки, воткнутые в снег вокруг него, защитили его от солнечных лучей. Мы привезли с собой со станции Майн кирку и лопату и, выкопав могилу, временно похоронили тело, намереваясь отправить его на станцию в устье при первой же возможности. Это было 21 июня — ровно через четыре месяца после его смерти.

До этого момента, за исключением двухдневного дождя в начале, нам сопутствовала прекрасная и в целом тихая погода; слабый ветер, правда, время от времени несколько затруднял наше продвижение, но в это время года любой ветер был желательным — он служил отличной защитой от туч прожорливых комаров, которые теперь начали заселять каждый кубический дюйм воздуха.

Ниже юрты Телеграфного Утёса нам пришлось бороться не только с ветрами, но и с приливами, которые сильно затрудняли наше продвижение. Из-за этого, к сожалению, на плавание ушло больше времени, чем мы рассчитывали, а наш скудный запас провизии сократился до двухдневного запаса чая и сахара и нескольких фунтов испорченного вяленого мяса. Тем не менее, мы довольно быстро продвигались, пока не обогнули излучину реки у горы Чымчекин. Следует помнить, что с этого места река резко поворачивает на восток и течёт в этом направлении примерно двенадцать миль до лагеря Макрея. Здесь нас встретил ураганный шквал ветра с моря и поднявший такие волны, что мы не осмелились рискнуть своим ветхим старым карбасом и укрылись за небольшим островком неподалёку, площадью не более четверти акра, там и поставили палатку. К нашему удивлению, земля здесь была буквально усеяна гнёздами чаек. Наши шапки и платки тут же наполнились яйцами, но они, как и гусиные, которые мы находили ранее, только что перешагнули тот предел, за которым они считаются непригодными для еды.

Здесь мы задержались до следующего дня, и, поскольку не было никаких признаков затишья, мы попытались проплыть хоть немного вдоль более защищённого от ветра берега. До конца следующего дня нам удалось спуститься к месту в трёх милях выше и на противоположном берегу реки от старого лагеря Макрея. Но тут возникло серьёзное препятствие. Река в этом месте была шириной более полутора миль, и штормовой ветер, дувший против сильного течения, поднимал короткие крутые волны, что делало плавание опасным даже для лодки го-

раздо лучшего качества, чем наш поросший мхом карбас с низкими бортами. Накануне вечером мы сварили суп из последней порции вяленого мяса, и никакой другой еды у нас не было, пока мы не доберёмся до старого лагеря, где Макрей был вынужден оставить говядину и свинину во время своего зимнего путешествия вверх по реке.

О том, чтобы перебраться через реку бортом к волне, не могло быть и речи. Не успели мы пройти и ста ярдов, как нас начало затапливать. У нас не было другого выбора, как направиться против ветра напрямик к лагерю, находившемуся в четырёх милях. Сделали мы это с неохотой, но в конце концов достигли другого берега; лодка наша наполовину наполнилась водой, а сами мы насквозь промокли от брызг.

Добравшись до лагеря, мы первым делом направились к хижине, чтобы отыскать говядину и свинину и утолить голод, который к этому времени стал нестерпимым. Нашему взору предстало картина какого-то безумного разрушения, очень похожего на то, что было годом ранее, но следы зубов и когтей повсюду свидетельствовали о том, что на этот раз в деле были замешаны не только люди. Добрая половина крыши хижины была разрушена, а моя ветка, которую я оставил здесь прошлой осенью — изодрана в клочья. Бочки с говядиной и свининой, оставленные Макреем, были разбиты медведем (или медведями) вдребезги, а свинина, к нашему сожалению, съедена до последней унции. Михаилу Иванычу говядина, по-видимому, пришлась не по вкусу, и он разбросал её по всей юрте и, наконец, сожрав всё, что пришлось ему по вкусу, остался так доволен своей работой, что соорудил себе постель и мирно улёгся спать. После чего, выспавшись и обнаружив, что свинина закончилась, он, очевидно, сменил место жительства, поскольку все следы были старые.

На следующий день, 26 июня, шторм стих, и мы продолжили плавание к Толстому мысу — западному берегу входа в бухту Золотые Ворота. До этого мы вообще не сталкивались со льдом, но вход в эту бухту был почти забит льдинами, которые всю весну перемещались взад и вперёд с приливами-отливами. Мы благополучно прошли через него, внимательно оглядывая бухту в поисках следов затонувшего судна, судьба которого была нам безразлична.

Наконец мы заметили барк, внешне он не изменился, за исключением положения. Судя по всему, он был теперь гораздо ближе к станции, чем осенью. Через некоторое время появилось здание станции, и вскоре мы увидели мужчин, собравшихся на берегу, которые, очевидно, наблюдали за нашей лодкой, словно не зная, что делать. Вот они спешат к синей лодке, спускают её на воду, и через несколько минут нас встречает

на станции команда самых здоровых и счастливых на вид людей, каких я когда-либо видел. Они были в отличном настроении, начиная с Дж. Х. Робинсона, старшего офицера, и заканчивая остальными, так как всего за час до этого запустили пароход «Уэйд», который был тщательно отремонтирован, свежевыкрашен и во многих отношениях значительно улучшен. Под умелым руководством инженера Форбса котёл и паровые трубы были обмотаны старыми верёвками и брезентом для сохранения тепла, а машины отремонтированы и покрашены. Также было внесено несколько изменений в конструкцию палубных надстроек в отношении кухонной печи и удобств для офицеров и матросов, размещённых в них.

Все мы радовались встрече, но, когда подошли к станции, нашим глазам предстало то, что со всей очевидностью свидетельствовало, что за прошедшую зиму несчастье не обошло их стороной. Невысокий холмик со скромной надгробной доской и надписью на ней указывал на место последнего упокоения одного из членов отряда — Чарльза Э. Геддеса, плотника с барка «Золотые Ворота», который скончался 28 апреля в 5 часов утра после продолжительной болезни — перемежающейся лихорадки, осложнённой острым ревматизмом.

Мистер Робинсон в своём отчёте о событиях прошедшей зимы пишет, что «мистер Диксон приложил все возможные усилия для спасения его жизни и не отходил от него ни днём, ни ночью с того момента, как он серьёзно заболел, и до самой его смерти. Его тело было погребено 30 апреля в 10:30 утра командой под руководством капитана Хардинга со всеми почестями к памяти погибшего». Погребальные молитвы были произнесены над могилой капитаном Хардингом в присутствии членов отряда в мундирах.

За исключением этого, состояние здоровья членов отряда было очень хорошим, хотя некоторые из них сильно пострадали от обморожений. Мистеру Келли, одному из пассажиров барка, особенно не повезло.

Нижеследующие выдержки из отчёта и дневника мистера Робинсона кратко описывают деятельность отряда и наиболее интересные события зимы с момента отъезда мистера Макрея со станции 18 февраля:

*Вечером после отплытия лейтенанта Макрея с юго-востока налетел сильный шторм, который продолжал усиливаться до утра 21-го, когда ветер внезапно сменился на северо-западный и разразился самым страшным ураганом, который мы когда-либо испытывали этой зимой. Снег валил такой сильный, что мы не могли отойти и на сто ярдов от*

дома, не заблудившись. М.Дж. Келли, секретарь полковника Уикера, заблудился утром, отойдя на расстояние около ста ярдов от станции. Сразу же после того, как было обнаружено, что он пропал, были сделано несколько выстрелов, чтобы привлечь его внимание, и несколько человек пустились на поиски, но не смогли найти его, так как опасались выйти за пределы видимости дома. Мистер Келли случайно нашёл дорогу домой, после того как проходил около получаса, и так сильно промёрз, что несколько дней не мог подняться с постели. Несколько других членов группы тоже однажды заблудились, но нашли дорогу обратно на станцию, особо не пострадав.

Мистер Робинсон рассказал мне, что они решили протянуть верёвку от станции до дома моряков на расстоянии пятидесяти ярдов, чтобы люди из дома моряков не заблудились, когда будут ходить обедать.

31 марта — погода ясная и очень холодная; в 6 утра столбик термометра показывал  $-46^{\circ}$ . Прошлым вечером мистер Келли попросил разрешения покинуть лагерь на два-три часа, сказав, что собирается прогуляться. В обычное время я ушёл спать, предположив, что он уже вернулся, поскольку люди не доложили о его отсутствии. В 7:30 утра кто-то оглоушил всех сообщением, что мистер Келли находится на льду и настолько окоченел, что не может идти. Несколько человек немедленно отправились за ним и в 8 часов утра вернулись с ним, окоченевшим и почти лишённым жизни — он потерял сознание и речь. После того, как его растёрли, что заняло добрых полчаса, сознание вернулось, и он смог произнести несколько нечленораздельных звуков. К полудню он настолько пришёл в себя, что смог немного поесть жидкой пищи. Вчера поздно вечером они с Янгом, одним из моряков, пошли в лагерь чукчей, примерно в трёх милях от станции, и, пытаясь вернуться после наступления темноты, заблудились и всю ночь бродили по тундре и льду, не зная, где находятся. На рассвете они набрели на корабль и обнаружили, что находятся в восьми милях к юго-востоку от станции. Янгу удалось добраться до лагеря в полузамёрзшем состоянии и рассказать, что силы оставили Келли на расстояние мили от станции, где и оставался без сознания до тех пор, пока его не подобрала спасательный отряд.

17 апреля мистер Диксон ампутировал ему указательный и средний пальцы правой руки, они были настолько сильно отморожены, что все усилия Диксона по их спасению оказались тщетными. Диксон заслуживает большой похвалы за умелое проведение ампутации, поскольку у него были для этого только самые примитивные инструменты. Они состояли из ручной пилы, складного ножа вместо скальпеля и пары ста-

рых ржавых пинцетов, чтобы зажимать артерии. Операция была проведена в течение двух часов, пациент находился под воздействием хлороформа. Мистер Келли сейчас быстро выздоравливает.

23 июня лёд в заливе Золотые Ворота и на реке Уэйд совершенно бесшумно вскрылся, и к 27 июня залив был чист. Примерно половина льда, который унесло течением во время отлива, вернулась обратно с приливом. Я думаю, это было вызвано также сильным восточным ветром, который дул с 23-го по 26-е число, а небольшого количества снега, выпавшего за зиму, было недостаточно, чтобы создать на реке Уэйд сильное течение, способное противостоять наводку. Чукчи рассказали мне, что лёд обычно уносит в море как во время половодья, так и во время отлива.

24 июня затонувшее судно давлением льда было притащено к станции на расстояние двух миль, в результате чего во время отлива оно находилось на глубине четырёх футов, а во время прилива — девяти футов. Весенний лёд сильно повредил судно и унёс часть его левой скулы и правого борта.

Говоря о воздействии сильного холода на металлы, мистер Робинсон пишет:

*Мои наблюдения за натяжением проволоки в самую холодную погоду, которая у нас была ( $-54^{\circ}$ ), убедили меня в том, что для того, чтобы выдержать этот суровый климат, потребуется триста шестьдесят фунтов проволоки на милю<sup>1</sup>. Исходя из наблюдений, проведённых при температурах  $-52^{\circ}$ ,  $-53^{\circ}$  и  $-54^{\circ}$ , я установил, что сокращение составляет три дюйма на двести десять футов, или шесть футов и три дюйма на милю. Из некоторых весьма приблизительных наблюдений, сделанных зимой с обычным кованым железом, я пришёл к выводу, что большое количество электричества, содержащегося в воздухе в зимние месяцы, проникает в железо до такой степени, что оно не становится хрупким, как это обычно бывает в холодном климате. Однако, если это действительно так, это не предотвратит сокращение проволоки, но уменьшит её вероятность обрыва в сильные холода.*

Количество электричества здесь в воздухе, даже в летние месяцы, поразительное. Ко времени моего приезда мистер Робинсон проложил около трёх миль телеграфной линии и установил на станции прибор и батарею. Практически всё время мы могли бы передавать сообщения по

---

<sup>1</sup> Обычная телеграфная проволока №9 весит триста двадцать три фунта на милю.

такой протяжённой линии без помощи аккумулятора, хотя тока естественного электричества только-только хватало для надёжной работы.

За прошедшую зиму и здесь, и в Анадырске было видно много полярных сияний, но ни одно из них не отличалось особой красотой, хотя и наблюдалось почти каждую ночь. Однако они были кратковременными и редко продолжались более получаса. Каким бы странным ни казался этот факт, я не был свидетелем ни одного из этих явлений во время моих первых зимних путешествий в окрестностях Охотского моря, хотя господ Кеннан и Додд, находясь на Анадыре, были свидетелями нескольких великолепнейших зрелищ.

Благодаря умелому руководству мистера Фарнама складом провизии продовольственные запасы на станции были в полном порядке, и их всё ещё оставалось очень много — по крайней мере, их должно было хватить до прибытия судна, хотя ассортимент продуктов значительно сократился.

С наступлением тёплой погоды оставшееся в запасе мясо оленя стало непригодным к употреблению, но благодаря стараниям мужчин к столу подавались гуси, утки и прекрасная форель, добытая в тундровых озёрах.

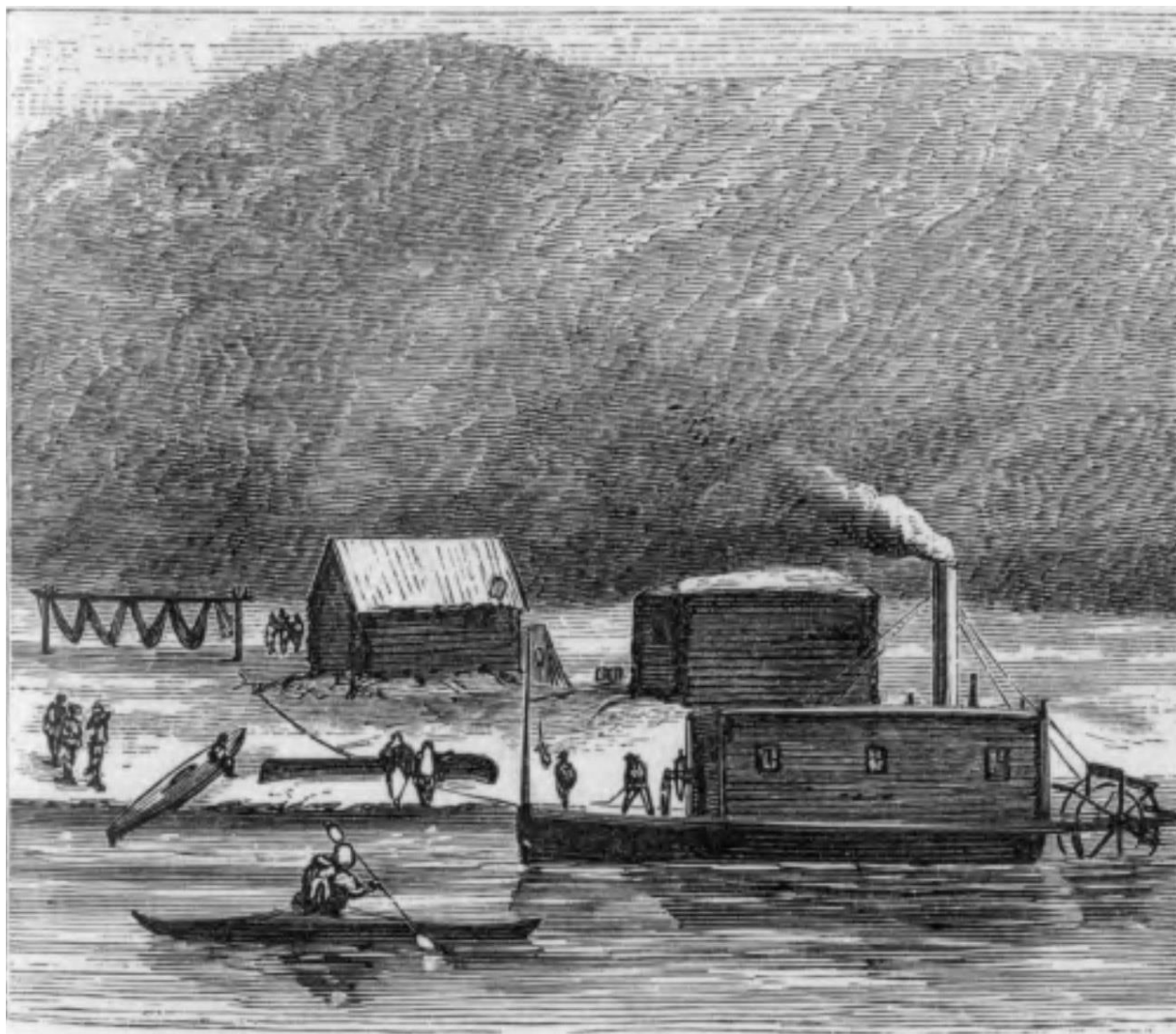
Всю зиму, когда позволяла погода, члены отряда посвящали много времени охоте и рыбной ловле, но, как правило, безуспешно. Однако они были настойчивы в своих усилиях, больше ради физических упражнений, чем ради чего-либо ещё, и часто выходили на гладкий лёд реки Уэйд, чтобы поиграть в бейсбол, побегать наперегонки и принять участие в других играх. Этим видам спорта они иногда предавались при температуре до  $-47^{\circ}$ . Эти интенсивные физические нагрузки на свежем воздухе были, несомненно, причиной замечательного самочувствия всего отряда.

Мы с Джередом Нортоном прибыли на станцию 26 июня, после четырнадцати дней плавания. 27 июня был посвящён погрузке угля на пароход «Уэйд» для отправки в Утёсики. Его небольшая вместимость не позволяла ему перевозить много груза в дополнение к топливу, необходимому для путешествия вверх по Анадырю и обратно, и если бы там были сделаны запасы топлива для пополнения, эта трудность была бы устранена. В тот же день был изготовлен гроб для захоронения останков Робинзона, и 28-го числа мы отправились в наше первое плавание вверх по Анадырю на пароходе.

Пароход работал гораздо лучше, чем прошлой осенью, и мы без происшествий добрались до устья Анадыря, расположенному в семи-

восьми милях ниже лагеря Макрея<sup>1</sup>. Здесь мы обнаружили, что глубина реки невелика (как, собственно, и на всём протяжении внутренней бухты, которую мы только что пересекли), а фарватер очень запутанный — настолько, что мы несколько раз садились на мель, хотя осадка «Уэйда» всего два с половиной фута. Мы поставили на якорь несколько бакенов в этом месте, но сильное течение сразу же утащило их под воду.

Выше лагеря Макрея у нас было гораздо меньше трудностей, так как фарватер был глубоким и широким, хотя мы несколько раз всё же садились на мель, что и следовало ожидать, так как мы ещё не знали всех отмелей. После трёхдневного плавания против течения, с остановкой на несколько часов, чтобы починить кое-какие механизмы, мы добрались до Утёсиков и выгрузили уголь вместе с некоторыми припасами для сплава на плотах.



Утёсики

---

<sup>1</sup> За устье реки автор, очевидно, считал мыс Запылай (Кедровая Кошка) в восточной части залива Онемен. — прим. перев.



Впервые с момента сотворения мира эти берега отзывались эхом на пронзительный пароходный гудок; испуганные странным звуком, поднялись со своих тихих озёр гуси и утки, выскочили из своих нор лисы и зайцы, и даже дикие северные олени, обитавшие на дальних холмах, в изумлении поднимали головы, а потом в ужасе разбежались, когда клапан открылся во второй раз, и вырывающийся из горячего чрева оглушительный пар возвестил о приближении авангарда цивилизации. Но их тревога была недолгой. Через несколько недель в этом уголке земного шара вновь воцарилась первозданная тишина, не нарушаемая ничем, кроме привычных криков птиц, таяканья лис, воя волков и других звуков, которые родились здесь на пятый день Великого Творения. Маленький «Уэйд» был первым паровым судном, которое когда-либо бороздило эти воды, и, вполне возможно, будет последним. Пройдут столетия, и нынешняя эпоха канет в туманное прошлое, прежде чем у него появится последователи; или же — если только в результате какого-нибудь великого земного потрясения или долгого и медленного природного процесса эта почва и климат не станут более пригодными для обитателей цивилизованного мира — может случиться так, что следующий трубный глас, что раздастся с небес над этими безлюдными пустошами, будет тот, что «ужаснёт и живых, и мёртвых всех стран и веков».

Любопытство, с которым наш друг чукча Янденкай и его соплеменники встретили наше судно, было очень забавным. Когда пароход появился на реке, они собрались на берегу и стояли в совершенном изумлении, наблюдая за большим красным колесом, вращающимся в сверкающих брызгах за кормой и отставляющим за собой белую пену. Они были совершенно ошеломлены! Разинув рты и вытаращив глаза, они следили за каждым движением судна; и когда, наконец, оно грациозно подплыло к берегу, у каждого вырвалось одно протяжное восклицание: «Окко-о-ой!» Судно было самым тщательным образом осмотрено от носа до кормы сперва снаружи, а когда причалило к берегу, вся компания бросилась на борт, чтобы попытаться обнаружить ту великую силу, которая производит такой удивительный эффект. Заглянули в топку, пощупали паровые машины и даже покрутили брашпиль. Так и не сумев выяснить причину, они протиснулись в угольную яму и попытались найти разгадку там. Мы не так хорошо знали чукчей и не могли объяснить им это, но даже если бы мы говорили по-чукотски, я сомневаюсь, что они смогли бы понять. Мы пригласили их немного прокатиться с нами по реке, им это очень понравилось, но, покидая судно, они казались ещё более озадаченными.

Обратный путь на станцию занял два дня.

На остановке у юрты Телеграфного Утёса останки Робинсона были подняты на борт, а затем похоронены на станции в устье рядом с Геддесом, а место это обозначено табличкой с соответствующей надписью.

«Уэйд» сделал ещё два рейса до Утёсиков, перевозя проволоку, кронштейны и изоляторы. Четвёртое июля мы отпраздновали так, как все американцы обычно отмечают этот величайший день в истории нашей страны. Из одной из 12-фунтовых пушек корабля, специально доставленных на берег, был произведён национальный салют, а станция и пароход украшены флагами и сигналами США и компании, что придавало им очень нарядный и праздничный вид. Предусмотрительный Фарнам также припас на этот случай несколько деликатесов, которыми нас снабдили ещё в заливе Пlover, и наш обеденный стол украсили блюда, которые сделали бы честь любому другому праздничному столу.

Во время третьего рейса парохода, чуть ниже лагеря Макрея мы встретили его самого с командой на первом плоту из двух, на которых они отчалили от станции Майн 26 июня. В каждом плоту было по тысяче столбов, но уровень воды в Майне упал настолько, что плоты не могли плыть. Тогда они оставили один из них, а другой разделили на два меньших с меньшей осадкой. После этого мистер Макрей отправил обратно отряд под руководством мистера Мейсона, чтобы они спустили на воду оставшийся плот. Его тоже разделили, и столбы были оставлены в разных местах вдоль реки, откуда их будет удобнее развозить на собачьих упряжках зимой.

Собак к этому времени осталось тоже немного, поэтому они продолжили путь на станцию, чтобы там дожидаться прибытия судна. Бедняги жестоко страдали от комаров и мошек. Морды у некоторых настолько опухли от укусов, что их едва можно было узнать.

Когда на обратном пути мы обогнули мыс Толстый и увидели станцию, мы были очень рады увидеть какой-то барк, стоящий на якоре в устье реки Уэйд, но когда подошли ближе, наша радость сменилась разочарованием. На нём развевался флаг компании, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — проект «Российско-Американский Телеграф» провалился! Медная обшивка судна была отчётливо видна над водой, что говорило о том, что груза на нём нет, а на берег ничего не выгружено, так как на нём ничего не видно. Наше предположение оказалось верным. Прокладка телеграфного кабеля через Атлантический океан увенчалась успехом, из-за чему отпала необходимость в телеграфной связи со Старым Светом через Берингов пролив. При наличии такого крупного конкурента в этой области продолжение нашей работы становилось бессмысленным.

Эта новость, вместо того, чтобы вызвать радость, которую можно было бы ожидать от людей, которые были лишены удобств цивилизации не на один год и которые перенесли столько трудностей и страданий за дело, которое лично их мало касалось, было воспринято без единого слова одобрения. Потеря заработка не могла быть причиной их разочарования, поскольку все они без исключения получали возмутительно малые суммы за свои услуги в сложившихся обстоятельствах. Нет, правда, на самом деле это предприятие рассматривалось как великое национальное начинание, которое сделало бы честь любой стране. Проложить телеграфную линию протяжённостью более семи тысяч миль по дикой и доселе неисследованной территории, населённой дикими племенами, да ещё на протяжении большей части пути через арктический регион, где приходилось терпеть жесточайшие холода, наряду с другими бесчисленными трудностями, было предприятием, участие в котором мы почитали за честь; и теперь, когда бóльшая часть пути пройдена — основные трудности преодолены, самые серьёзные препятствия устранены — видеть, что наш любимый проект закрыт как раз в тот момент, когда мы вступаем на сравнительно гладкий и лёгкий путь, было отнюдь не приятно.

Барк, который стоял на якоре у станции, был «Клара Белл», на борту его находился майор Райт, начальник отдела личного состава экспедиции. Нам было приказано как можно скорее погрузить всё на борт, чтобы отправиться в бухту Пlover, место общего сбора. Мейсон и его спутники всё ещё находились на Майне, где также оставалась немалая часть багажа экипажа и различное снаряжение. Чтобы обеспечить доставку всего этого, в 4 часа утра на следующий день «Уэйд» отправился в свой последний рейс по Анадырю на Майн под командованием Фроста, которому было приказано, по возможности, ускорить отправление, поскольку «Клара Белл» должна была ещё посетить американское побережье, чтобы собрать всё ещё остающиеся там отряды.

После того, как было объявлено о прекращении работ, компания направила своего агента в Сан-Франциско, чтобы уладить там дела. Экономность очень важна для благополучия как отдельного человека, так и компании, но когда она заходит так далеко, что посылается корабль за две-три тысячи миль, чтобы вывезти людей, лишённым припасов и вернуть их к цивилизации, но при этом на борту нет никакой провизии для их поддержания, это становится возмутительным. Донесения, отправляемые через Санкт-Петербург этой зимой, сообщали о критическом положении наших отрядов из-за крушения «Золотых Ворот» и настоятельной необходимости скорейшего оказания помощи весной,

так что руководство компании не могло сослаться на незнание. Так, когда я обратился за провизией для моего отряда — наши собственные были почти исчерпаны, — мне сказали, что запасов нет.

К счастью, с тех пор как вскрылась река, мы наловили много лосося и засолили три полные бочки на случай непредвиденных обстоятельств. На этом, с четвертью дневного пайка хлеба, плюс немного другой еды, нам удалось свести концы с концами до нашей встречи в бухте Пlover, когда майору Райту пришлось отправиться на поиски китобоев, чтобы попытаться либо выпросить, либо купить у них продовольствие, чтобы спасти отряды от голодной смерти. Благодаря щедрости капитана «Мануэллы» мистера Редфилда и нескольких других китобоев, он раздобыл достаточное количество провизии, чтобы люди ни в чём не нуждались.

25-го «Уэйд» вернулся на станцию. Он поднялся по Майну до Вакаръевой протоки, выше которого река местами стала слишком мелкой, чтобы двигаться дальше. Там они встретили Мэйсона и его отряд с другим плотом и, взяв их на борт, немедленно повернули назад, посчитав необходимым забрать вещи, оставленные на станции Майн. Впоследствии я поручил эти вещи заботам Ивана Ермешкова (туземца, который сопровождал Нортон и меня во время нашего плавания на карбасе вниз по реке), чтобы он, если кто-нибудь из Компании потребует, доставил их в Гижигу, а если не потребует, то использовал для своих нужд.

Во время отсутствия «Уэйда» всё, что было на станции, перенесли на «Клару Белл», включая рангоут, такелаж, якоря, цепи и тому подобное, спасённое с места крушения, и по возвращении парохода погрузка была завершена. Когда с погрузкой было покончено, рабочие прибили над входом на станцию доску, указав название станции, дату возведения и дату закрытия. Наши соседи, «морские волки», не желая отставать, тоже повесили над своим жилищем похожую доску, на которой было написано, что это «Дом, который построил Джек», с кратким описанием его истории.

Чтобы быть объективным и дать представление о цели, ради которой возводилось каждое здание, какому-нибудь бродяге, который в конце концов забредёт сюда, на край света, какой-то остряк повесил на столбе над складом табличку со словами:

Фарнамская бездна Сдаётся
------------------------------

После этого раздались троекратные «Ура!» в честь этого места, весьма сурового и неприветливого, но к которому все, тем не менее, привязались, и мы навсегда покинули это место. Однако, прежде чем

сесть в шлюпку, мы бросили прощальный взгляд на берег, чтобы убедиться, что мы ничего не оставили, — но, увы! что-то всё-таки осталось. Там возвышались два холмика с простыми надгробиями. Под ними лежали бедняги Робинсон и Геддес, которые когда-то присоединились к нам, полные радужных надежд и предвкушения счастливого будущего. Они и представить себе не могли, что их будущее уже так близко и оно в этой мрачной безрадостной тундре. Но сейчас им уже всё равно. Их белые надгробия то освещают холодные лучи полярного сияния, то яркое полуденное солнце полярного дня, то свирепая пурга с бешеным воем сметаем с них снег, то мягкий летний ветерок окутывает их ароматом полевых цветов. Свиные волки будут гоняться здесь за своей добычей, дикие олени придут собирать мёрзлый лишайник, куропатка совьёт между холмиками своё гнездо, а испуганный заяц спрячется за ними; но ничто это уже не сможет потревожить усопших в их долгом последнем сне.

Пароход отбуксировал барк из бухты Золотые Ворота, после чего они поменялись местами, и пароход был взят на буксир. Позже барк был разобран на части в бухте Пlover, а остов оставлен местным жителям.

У нас было очень приятное путешествие, благодаря покладистому и дружелюбному характеру капитана Джона Нортонa, который командовал «Кларой Белл». Ни он, ни его офицеры не жалели сил, чтобы сделать наше путешествие комфортным.

В бухте Пlover мы встретили капитана Либби и отряд из Порт-Кларенса, а затем капитанов Эннис, Кетчум и дюжину других старых друзей, которые последние два года работали в Русской Америке и вели жизнь, очень похожую на нашу, присоединились к нам со своими отрядами.

У всех этих джентльменов были свои приключения и испытания, они уж точно не сидели сложа руки. Среди них был мистер Уимпер, который, как вы помните, был одним из тех, кто посетил нас в лагере Макрея с парохода «Райт» после нашей первой зимы. Уимпер провёл прошлую зиму в путешествиях и делая зарисовки в Русской Америке<sup>1</sup>.

Во время нашего пребывания в бухте Пlover мы соорудили из парусов «Золотых Ворот» большие палатки в которых было достаточно места для всего нашего отряда. Если бы не нехватка припасов, наше полуторамесячное пребывание здесь было бы вполне приятным, но всё равно мы с большим удовольствием встречались со старыми друзьями и проводили время в рассказах о наших приключениях и впечатлениях.

---

<sup>1</sup> Книга о путешествиях мистера Уимпера была издана издательством «Харпер энд Бразерс» в Нью-Йорке в 1869 году. Она называется «Путешествия по Аляске и Юкону».

Здесь мы часто посещали судно капитана Редфилда, стоявшее в нижней части бухты. Капитан неизменно поддерживал репутацию щедрого и хлебосольного хозяина, и нас всегда встречали радушно и гостеприимно.

Во время одного из таких посещений осуществилось моё давнее желание — стать свидетелем охоты на кита и увидеть, каким образом китобой делают это.

«Вижу фонтан!» — донеслось с «вороньего гнезда», и в следующее мгновение мы увидели, как из воды, прямо перед песчаной косой, поднялось облако пара и воды. Тут же три шлюпки быстро направились к месту, где был замечен фонтан. Но прошло ещё немало времени в погоне, прежде чем настойчивость восторжествовала, и огромный зверь почти полностью высунулся из воды и неистовыми ударами своего мощного хвоста взбил море в пену. Тут же из гарпунной пушки был выпущен смертельный заряд и граната взорвалась внутри животного. Смерть наступила мгновенно. В тушу воткнули флажок, и последовала долгая, утомительная работа по буксировке её к судну. Тем временем корабельный плотник был занят заточкой специального инструмента с длинными ручками для разделки китовых туш — так называемых фленшерных ножей, другие рабочие подготавливали механизмы для подъёма частей туши на судно. После того как кита подтащили к борту и закрепили, чтобы он не затонул, то сначала отделили с помощью ножей и топоров огромную нижнюю челюсть и подняли на палубу. Люди у брашпиля были воодушевлены и при подъёме пели песни.

Как только челюсть оказалась на палубе, несколько мужчин принялись за дело, отрубая ножами бруски жира, которые они называют «конскими кусками». Затем их разделявают на «рубленый фарш» и вытапливают в огромных котлах на палубе. Затем с остальной части кита снимают толстый слой жира, зацепив его за полосу кожи у горла и тянут лебёдкой, одновременно делая глубокий надрез по спирали вокруг туши.

Таким образом туша медленно поворачивается в воде, и от неё отделяется длинная полоса жира. Когда начало полосы достигает верхней точки, свежую часть зацепляют другим крюком, а верхнюю часть отрезают от остальной части и опускают на палубу, где нарезают на «конские части» и складывают в трюм для жира под палубой до тех пор, пока не настанет черёд вытапливать. Одной из самых интересных частей процесса был подъем на борт языка — огромной дрожащей массы жира, такой большой, что могла бы заполнить комнату средних размеров, и такой тяжёлой, что бриг накренился, а грот-мачта заметно согнулась

под её весом. Но самым интересным зрелищем была огромная верхняя челюсть с прикреплёнными к ней семнадцатьюстами фунтами чёрного китового уса, свисающими с дёсен тяжёлыми пластинами. Эта челюсть с китовым усом, подвешенная к рангоуту, напоминала большую чёрную палатку, способную вместить человек пятнадцать.

— Вот, джентльмены, — сказал капитан, — посмотрите на это. Вы когда-нибудь видели на своей суше что-нибудь столь же красивое, как это? И вот это вот, — указал он на огромное гору жира на грязной палубе, — вот это вот может показаться вам, сухопутным обитателям, таким грязным и ничего не стоящим, но для нас это золото. В этом и заключается единственное побуждение для нас, китобоев, отказаться от всех домашних удобств и радостей и проводить жизнь, скитаясь по этим дальним морям, ютась в каютах шесть на десять футов и испытывая немалые трудности, не говоря уже о постоянном риске погибнуть. Но я говорю вам, джентльмены, когда мы ловим таких приятелей, как этот, получается сто двадцать, сто пятьдесят, а иногда и двести баррелей жира за раз, я говорю вам — это окупает все наши хлопоты. У вас, на суше, есть все эти ваши театры, балы и тому подобное, но мы не хотим ничего лучшего, чем это.

Для местных жителей, живущих на косе, это тоже была немалая удача, и они ей воспользовались. Вокруг туши собралась дюжина байдар, каждая полная мужчин, женщин и детей, вооружённых ножами, и готовых к разделке. Как только жир был снят, они принялись за мясо, отрезая его большими кусками и складывая в свои лодки.

Я думаю, что никогда прежде не видел такого количества столь прожорливых существ — даже столько же голодных собак не могли бы съесть больше. Каждый туземец, прежде чем приступить, отрезало себе длинную полосу сырого мяса, тошнотворно пахнущего тёплой кровью, и, сунув один конец в рот, принималось жевать его, одновременно отрезая от туши куски, чтобы складывать в лодку. Через несколько минут все они были с головы до ног забрызганы кровью.

Все эти дни мы ожидали прибытия полковника Балкли на «Найтингейле», который отправился из Сан-Франциско в Японию. Его длительная непредвиденная задержка вызывала у всех беспокойство, но 6 сентября судно, наконец, прибыло. Мы уже давно были готовы к плаванию, и вскоре уже неслись под всеми парусами по водам Берингова моря, возвращаясь в свой привычный мир и цивилизацию. И вот мы снова дома после радостного и благополучного двадцатидвухдневного плавания.



**SKETCH MAP**  
 SHOWING ROUTE OF  
**RICHARD J. BUSH**  
 DURING HIS  
 TRAVELS & EXPLORATIONS  
 IN  
**NORTH EASTERN ASIA.**

